Г.Б. СЛIОЗБЕРГЪ

ДѢЛА МИНУВШИХЪ ДНЕЙ

ЗАПИСКИ РУССКАГО ЕВРЕЯ

Томъ Первый

ПАРИЖЪ
1933

Г. Б. СЛІОЗБЕРГЪ

Многоуважаемому
Аркадію Веніаминовичу
Руманову в знак уваженія
Мартъ 1933.

ДѢЛА МИНУВШИХЪ ДНЕЙ

ЗАПИСКИ РУССКАГО ЕВРЕЯ

Томъ Первый

Изданіе комитета по чествованію
70-ти лѣтняго юбилея
Г. Б. СЛІОЗБЕРГА

ПАРИЖЪ
1933

Генрихъ Борисовичъ Сліозбергъ

Комитетъ по организацiи чествованiя семидесятилѣтiя Генриха Борисовича Слiозберга рѣшилъ, наряду съ учрежденiемъ фонда имени глубокоуважаемаго юбиляра въ цѣляхъ поощренiя еврейскихъ научныхъ работъ, издать также первые два тома его автобiографическихъ записокъ.

«Дѣла минувшихъ дней» — не только отраженiе личныхъ переживанiй автора, его «ума холодныхъ наблюденiй и сердца горестныхъ замѣтъ». Вся жизнь Генриха Борисовича была служенiемъ, неустаннымъ и самоотверженнымъ, интересамъ и нуждамъ русскаго еврейства. И повѣсть этой жизни, написанная имъ самимъ, представляетъ собой въ то же время значительную главу изъ прошлаго русскаго еврейства, имѣющую огромный историко-общественный интересъ.

Членъ нашего Комитета В. Е. Жаботинскiй любезно согласился снабдить книгу вступительной статьей.

При обычныхъ условiяхъ, чествованiе русскими евреями юбилея Генриха Борисовича приняло-бы, несомнѣнно, широкiй общественный характеръ. Къ несчастью, русское еврейство нынѣ вынуждено безмолвствовать и лишено возможности откликнуться на юбилей одного изъ своихъ самыхъ заслуженныхъ дѣятелей. Пусть-же эта книга явитъ собой скромную дань глубокаго уваженiя къ многолѣтнимъ трудамъ Генриха Борисовича и признанiя его огромныхъ заслугъ, которыми проникнуты круги русскаго еврейства, волею рока оторванные отъ Россiи.

Комитетъ по организацiи чествованiя 70-тилѣтняго юбилея ГЕНРИХА БОРИСОВИЧА СЛIОЗБЕРГА.

Парижъ

Январь 1933.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Глава XI.

Глава XII.

Глава XIII.

Глава XIV.

Г. Б. СЛІОЗБЕРГЪ

Во вступительной статьѣ къ автобіографическимъ запискамъ неумѣстно давать біографическій очеркъ. Эта замѣтка — опытъ характеристики человѣка, а не разсказъ о конкретныхъ событіяхъ его жизни. Но есть въ этихъ событіяхъ одна сторона, которая кажется мнѣ, именно для характеристики **человѣка,** еще важнѣе, чѣмъ его всѣмъ извѣстныя, едва ли поддающіяся перечню общественныя заслуги. Именно эту сторону всегда забываютъ люди, когда видятъ передъ собою собрата, добившагося въ жизни успѣха и признанія; особенно такого собрата, въ духовномъ складѣ котораго нѣтъ ни одной капли злопамятства или горечи, который никогда ни на что не жалуется, у котораго на каждый новый приказъ совѣсти, какъ бы ни былъ тяжелъ этотъ приказъ и какъ бы ни устала душа, есть одинъ только отвѣтъ, и опять съ улыбкой: готовъ, постараюсь. Видя передъ собою такого собрата, людямъ въ голову не приходитъ главное: что жизнь этого человѣка, въ сущности, состоитъ изъ длинной цѣпи лишеній.

Я говорю не только (пожалуй, меньше всего) объ этомъ дѣтствѣ въ Полтавѣ, полномъ суровой борьбы за матеріальное существованіе, когда вся сѣрая земная тяга, отвѣтственность за хлѣбъ и кровъ цѣлой семьи, годами цѣликомъ лежала на отроческихъ плечахъ; ни объ этой молодости на фонѣ петербургскаго университета, знающей только книгу, да ту же гирю заботы о хлѣбѣ для себя и для оставшейся въ провинціи семьи, но не знающей ни одного часа молодого разгула. Гораздо больше поразило меня то, что и послѣ университета заря самостоятельной жизни началась для Сліозберга съ разочарованія, съ полнаго крушенія надеждъ. Онъ былъ по природѣ домосѣдъ и ученый, мечталъ о библіотекахъ и кафедрѣ, а не о рѣчахъ передъ судомъ и не о торгѣ за крохи справедливости съ сильными міра сего. Въ адвокатуру его толкнуло собственное безправіе, невозможность университетской карьеры для еврея; послѣ того, общее наше безправіе заставило его стать общественнымъ борцомъ и заступникомъ. Человѣкъ долга, во всякомъ положеніи

честно и до конца проводящій то, что англичане называютъ playing the game, онъ въ это жизнью навязанное дѣло вложилъ всю душу; и не жалуется, и съ благодушной улыбкой говоритъ и о Полтавѣ, и объ университетѣ, и о каждой уступкѣ, которую удалось ему въ жизни вырвать для насъ у слѣпыхъ безумныхъ пастырей, ведшихъ къ пропасти и Россію, и самихъ себя. Но вѣрно кто то сказалъ: призваніемъ человѣка называется то, что не сбылось, и о чемъ онъ на склонѣ жизни тоскуетъ. Только надо прибавить: если такъ, то свято не призваніе — свято служеніе.

Г. Б. Сліозбергъ свято отслужилъ свое служеніе, со спокойной вдумчивой добросовѣстностью, для которой нѣтъ въ начатомъ дѣлѣ несущественныхъ мелочей — все существенно, за каждой мелочью слышится живой человѣческій стонъ. Мѣткое слово на эту тему услышалъ я однажды отъ него самого, слово трогательной, почти наивной скромности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, большой житейской глубины. Шелъ одинъ изъ съѣздовъ Союза еврейскаго полноправія, и онъ былъ не въ томъ лагерѣ, въ которомъ боролся я. Возражая намъ, онъ сказалъ: «Я вамъ завидую, для васъ еврейскій вопросъ есть мечта о будущемъ; но для меня и статья такая то Устава о винной торговлѣ — тоже большой кусокъ еврейскаго вопроса». Г. Б. Сліозбергъ, вѣроятно, не представлялъ себѣ, что въ ту ночь, послѣ засѣданія, мы, его противники, и именно молодежь нашего лагеря, долго бесѣдовали между собою объ этой фразѣ: прозаическая, канцелярская, произнесенная безъ задора, она насъ поразила; напомнила намъ о страшномъ трагизмѣ обыденщины, о томъ, что въ трехъ строкахъ казеннаго текста иногда кроется почти смертный приговоръ надъ сотнями тысячъ, объ огромной идеалистической цѣнности реализма.

Со вздохомъ покорился человѣкъ, рожденный для тихой книжной работы въ четырехъ стѣнахъ, указанію судьбы и сталъ заступникомъ безправнаго еврея и борцомъ противъ безправія. Въ этомъ отношеніи — хотя самъ онъ въ запискахъ ставитъ на первое мѣсто другого замѣчательнаго человѣка съ тѣмъ же складомъ души, барона Г. О. Гинцбурга — народное сознаніе «первымъ» считало Сліозберга. 1891-ый годъ: обслѣдованіе черты осѣдлости съ американской комиссіей Вебера и Кемпстера, результатомъ котораго былъ докладъ сенату въ Вашингтонѣ о причинахъ еврейской эмиграціи. 1900: дѣло Блондеса. 1903: подготовка дѣла о Кишиневскомъ погромѣ. 1904: подготовка дѣла о Гомельскомъ погромѣ. Первые годы Плеве: временщикъ добивается новаго дополнительнаго выселенія евреевъ изъ деревень, но «Гинцбургъ и Сліозбергъ отстояли». 1905: комитетъ помощи жертвамъ ста погромовъ. Въ канцеляріяхъ столицы намѣчается другой погромъ, политическій — исключеніе евреевъ

изъ числа избирателей въ Государственную думу, но опять удалось «отстоять», и народная молва опять поминаетъ тѣ же два имени. Потомъ: подготовка дѣла Бейлиса; ЕКОПО, одна изъ крупнѣйшихъ организацій самопомощи въ нашей исторіи; помощь выселенцамъ и бѣженцамъ въ годы великой войны, глава о борьбѣ съ катастрофой тоже, кажется, безпримѣрной со временъ Фердинанда и Изабеллы; и, наконецъ, въ 1915 — указъ о «временной» отмѣнѣ черты осѣдлости. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ работало много цѣнныхъ тружениковъ; но ни одинъ изъ нихъ, разсказывая о тогда пережитомъ и созданномъ, не забудетъ въ первыхъ же словахъ, однимъ изъ первыхъ или часто первымъ, назвать имя Сліозберга.

Это — нѣсколько точекъ изъ того, что знала молва, что вошло въ массовую легенду о Сліозбергѣ; но что можетъ знать молва, когда рѣчь идетъ о работѣ, по существу своему закулисной и анонимной? Озабоченная жизнь эта прошла въ десятилѣтіяхъ муравьинаго рытья подъ землею. Огромная сумма крупныхъ и малыхъ и мельчайшихъ достиженій — но я сомнѣваюсь, чтобы и Сліозбергъ самъ ихъ могъ перечислить. Здѣсь удалось въ новый законъ включить еще одно слово, прямо или косвенно облегчающее еврейское ярмо; еще чаще (и еще труднѣй это запомнить) удалось вычеркнуть изъ новаго распоряженія строчку, грозившую новымъ ударомъ: что то похожее, хоть и беру это сравненіе изъ далекой и совсѣмъ не сродной области, на роль сторожа при маякѣ надъ бурунами — сколько онъ лодокъ провелъ въ гавань, сколько спасъ отъ утесовъ, — а числа ихъ и названій вѣдь никто не записалъ.

Знаю, что изъ людей моего поколѣнія и образа мыслей иные, прочитавъ эти послѣднія строки, пожалуй, усомнятся и спросятъ: за все это можно и нужно воздать благодарность — но вправѣ ли вы называть это «борьбою» за право? Мы привыкли называть методъ правовой защиты того времени другимъ именемъ: «штадлонусъ». — Совершенно напрасно создалась такая «привычка». Если употреблять терминъ «штадлонусъ» не какъ бранное слово, а добросовѣстно, то онъ имѣетъ свое строго-опредѣленное значеніе и содержаніе. Оно совсѣмъ не въ томъ, что дѣйствовать приходилось за кулисами, безъ помощи парламента, митинговъ и народныхъ манифестацій. Разница между «штадлонствомъ» и «борьбою» другая. Задача «штадлона» — вызвать перемѣну настроенія въ самомъ власть имущемъ, склонить его лично въ пользу даннаго требованія; все равно, пущены ли въ ходъ ради этой цѣли доводы или просьбы, или «протекція» или подкупъ. Задача политической «борьбы» — собрать, сосредоточить и выявить предъ власть имущимъ такіе факторы **давленія,** которые **вынудили** бы его сдаться, совершенно независимо отъ того, измѣнилось ли къ лучшему его собственное

отношеніе или осталось по прежнему враждебнымъ. Политическая работа Сліозберга принадлежитъ ко второй категоріи. Ея главными орудіями, кромѣ доводовъ разума и справедливости, была ссылка на законъ, искусное противопоставленіе тенденціи одного правящаго вѣдомства тенденціямъ другого, экономическіе интересы страны; притомъ почти всегда, высказанное прямо или намекомъ, слышалось за этой аргументаціей напоминаніе объ общественномъ мнѣніи за границей и о вліяніи еврейства на этотъ міровой факторъ. Г. Б. Сліозбергъ не «вліялъ», а именно боролся. Если бы въ Россіи былъ тогда парламентъ и свобода печати, всѣ основные документы этой борьбы могли бы съ честью быть использованы, безъ существенныхъ измѣненій, какъ рѣчи съ думской трибуны.

Считаю долгомъ совѣсти оговорить: это я пишу не потому, что хочу «оправдать» автора мемуаровъ или кого бы то ни было отъ укора, якобы таящагося въ словѣ «штадлонусъ». Въ исторической перспективѣ никакого оно не содержитъ укора. Было время, когда «штадлонство» являлось единственнымъ возможнымъ для насъ институтомъ политической самообороны. Еще придетъ время, когда въ національныхъ музеяхъ у насъ будетъ зала портретовъ, съ надписью золотомъ надъ дверью: Штадлонимъ; и будутъ тамъ, между прочимъ, портреты и тѣхъ старателей, о которыхъ съ такимъ уваженіемъ вспоминаетъ Г. Б. Сліозбергъ въ XV-ой главѣ своихъ записокъ. Только автора этихъ мемуаровъ тамъ просто не будетъ — его портрету мѣсто въ другой залѣ, съ надписью: Борцы.

... А можетъ быть — весь этотъ длинный списокъ заслугъ совсѣмъ не такъ важенъ, какъ важна хорошая человѣческая душа. Хорошая, въ полномъ смыслѣ слова, и въ самомъ полновѣсномъ смыслѣ ч е л о в ѣ ч е с к а я. Нѣчто гораздо лучшее, чѣмъ «доброе сердце»: знаемъ мы людей съ добрымъ сердцемъ, которымъ такъ больно глядѣть на людское горе, что они зажмуриваютъ глаза. Тутъ иное: тутъ безконечное неутомимое вниманіе къ ближнему. Сліозберга не нужно «растрогать», да кажется и нельзя: онъ совершенно не сентименталенъ, всегда полонъ юмора и какой то особенной благодушной хитрецы, — всегда знаетъ, что почти въ каждой повѣсти о бѣдѣ есть сто преувеличеній. Сліозберга нельзя обмануть: онъ видалъ виды и, выслушивая плачущаго, нисколько не сомнѣвается, что тотъ, когда подымался къ нему на квартиру по лѣстницѣ, не плакалъ, — словомъ, что по большей части «все это не такъ страшно». Но что ему за дѣло? «Страшенъ» уже самъ по себѣ тотъ фактъ, что человѣку приходится просить другого человѣка о помощи или заступничествѣ; плачетъ ли онъ потому, что иначе не можетъ, или потому, что такъ выйдетъ, по его мнѣнію, убѣдительнѣе — это не важно. Разъ есть въ корнѣ дѣла бѣда, надо по-

мочь. — Почему «надо»? почему всегда я, а не другой? — Врядъ ли Г. Б. Сліозбергъ самъ когда либо ставилъ себѣ такой вопросъ, или пытался на него отвѣтить; что то непохоже на его простую, домашнюю манеру рѣчи, чтобы онъ даже предъ самимъ собою произносилъ тирады о «долгѣ». Просто надо, и кончено; такая натура, иначе не умѣющая.

Большой умъ, и въ культурномъ смыслѣ, и въ житейскомъ; и въ то же время черта, которую многіе назовутъ наивностью — коренная, первобытная (или первозданная?) вѣра въ тѣ скрижали, гдѣ начертаны истины основныя и вѣчныя. Съ первыхъ главъ его записокъ это поразитъ читателя: странный человѣкъ, до сихъ поръ говоритъ о кривдѣ съ негодованіемъ, и не стыдится почтительно произносить такія слова, какъ святость правосудія или польза просвѣщенія. Мы отъ этого отвыкли, стали обиходными авгурами; кто нынѣ посмѣетъ безъ ироніи воскликнуть: свобода, равенство, братство! Il faut baisser la voix, quand on parle d'Etoiles. Но для Г. Б. Сліозберга звѣзды все еще звѣзды, храмы — храмы, и, входя во храмъ, онъ свой обычный всепроникающій юморъ оставляетъ за дверью.

И еще одна черта: большой дворянинъ духа. Это еще встарину я слышалъ у людей, отъ него такъ или иначе зависѣвшихъ. «Если Сліозбергъ о чемъ нибудь съ вами сговорился, онъ будетъ толковать сговоръ такъ, какъ вы его толкуете, щедро, безъ мысли объ отговоркахъ». — «Съ нимъ легко», говорили мнѣ самые робкіе, — «онъ-то самъ не въ халатѣ васъ принимаетъ, но вамъ какъ будто сразу предлагаетъ: вообразите, что вы въ халатѣ, и давайте разговаривать, какъ два старыхъ однокашника». Гобино гдѣ то сказалъ, что во всѣхъ сословіяхъ попадаются люди, которымъ пристало называться «сынами шаха»: всѣ тѣ, о которыхъ можно разсказать такую сказку, чтобы стоило ее послушать и передать дѣтямъ; гдѣ они выросли, не важно, можетъ быть и на чердакѣ, но Богъ такъ устроилъ, что чердакъ былъ дворцомъ. Ихъ можно узнать по двумъ признакамъ: ихъ слово прочнѣе пергамента, — и босякъ, стоя предъ ними, чувствуетъ себя тоже бояриномъ.

«Еврейскія» ли все это черты? Право не знаю; никогда не задумывался о томъ, національна ли сущность этической нашей природы, и не собираюсь задуматься. Когда Натану мудрому кто то въ восторгѣ сказалъ: «вы — истинный христіанинъ», старикъ отвѣтилъ (Поссартъ произносилъ это съ легкой лукавой улыбкой): «Wohl uns! Denn was mich Euch zum Christen macht, das macht Euch mir zum Juden...» Но и того нельзя забывать, что, если сказываются на насъ, и тяжело, вѣка внѣшняго униженія, то не могутъ не сказаться и вѣка духовной муштры, которая, по всенародности своей, даже въ Китаѣ себѣ не видала подобной. Когда предки древнѣйшей изъ династій Евро-

пы еще не знали облика буквы, наши дѣды съ малолѣтства переживали споръ Гиллеля съ Шаммаемъ. Даромъ и это не проходитъ, семьдесятъ поколѣній тренировки духа надъ проблемами добра и зла, совѣсти и права. «Сыны шаха» есть у всѣхъ народовъ; у насъ рѣже, говорятъ, чѣмъ у другихъ — но, въ сущности, если бы не трагедія внѣшней нашей исторіи, у насъ-то имъ, собственно, и мѣсто.

Въ гражданской душѣ Г. Б. Сліозберга есть одна сторона, о которой я судить не компетентенъ: культъ отечества и самое понятіе отчизны мы переживаемъ по разному. Я, впрочемъ, знаю не мало твердыхъ сіонистовъ, которые могли бы взять у него съ пользой урокъ теплаго и родного отношенія къ коллективному подвигу, совершающемуся въ Палестинѣ; и съ еще большею пользой — урокъ пониманія сути и размаха сіонистской идеи. Но дѣло не въ томъ. Чувство родины есть не признаніе и не симпатія, а стихійная эмоція, съ которой спорить невозможно; и даже обсуждать ее не можетъ человѣкъ, магнитный полюсъ котораго лежитъ въ другой широтѣ. Россія для Г. Б. Сліозберга — основная субстанція всѣхъ его помысловъ и мечтаній въ сферѣ общественнаго и государственнаго бытія; притомъ она, въ его представленіи, не есть и никогда не была твореніемъ одного только русскаго народа, — весь секретъ и залогъ ея величія въ томъ, что она — Commonwealth of Nations, община народовъ, для которыхъ такъ же безсмысленно было бы «слиться», какъ было бы гибельно разойтись; и, въ частности, онъ не мыслитъ Россіи безъ еврейскаго вклада, и для себя не пріемлетъ еврейскаго будущаго внѣ ея сферы. Все это человѣку моего строя такъ же трудно оцѣнить, какъ съ той стороны трудно проникнуть въ обратную концепцію: что величайшія страны міра, грандіознѣйшія наши переживанія тамъ, неоцѣнимѣйшие взносы наши въ ихъ цивилизацію — что все это лишь эпизоды на пути нашемъ отъ древней своей государственности къ новой собственной государственности, — «только песчинки у берега Чермнаго моря, гдѣ раскинулъ Израиль свои золотые шатры». Исторія скажетъ, которое изъ двухъ этихъ пониманій «красной нити» еврейской судьбы глубже и дѣйствительнѣе. Но пусть при этомъ скажетъ исторія, что это различіе двухъ умонастроеній намъ не мѣшало чтить высокія качества сердца и духа и вѣрную службу народной нуждѣ.

В. Жаботинскій.

Посвящаю сіи записки памяти
незабвенной спутницы жизни
и свидѣтельницы моей работы
въ теченіе 47 лѣтъ

Иды Яковлевны
СЛІОЗБЕРГЪ

ВВЕДЕНІЕ.

Предлагаемыя вниманію читателей записки въ значительной части своей составлены уже давно, — а именно, въ 1919 году, еще въ Россіи. Большевицкій режимъ того времени упразднилъ прежнія профессіональныя занятія и упразднилъ надобность въ той работѣ, которой посвящены были десятки лѣтъ моей общественной дѣятельности. Осталась лишь забота о голодающихъ и о снисканіи средствъ для помощи жертвамъ недавно минувшихъ бѣдствій и погромовъ на Украинѣ, свѣдѣнія о которыхъ въ скудномъ видѣ достигали до Петрограда. Средства эти были, къ сожалѣнію, недостаточны. Ожидали со дня на день наложенія рукъ большевиковъ на Центральный Комитетъ помощи жертвамъ войны («ЕКОПО»), предсѣдателемъ котораго я сталъ въ 1918 г., послѣ отъѣзда изъ Петрограда предсѣдателя его, въ теченіе всѣхъ лѣтъ войны, барона Александра Гораціевича Гинцбурга. Я вмѣстѣ со всей моей семьей былъ изгнанъ изъ моего имѣнія возлѣ Петербурга и подвергся, въ качествѣ подозрѣваемаго въ симпатіяхъ къ кадетской партіи, аресту, препровожденъ былъ изъ Лужской тюрьмы въ Петербургскую «Чрезвычайку» и водворенъ въ «Кресты». Арестъ длился недолго; послѣ 3 недѣль я былъ освобожденъ. Но вернуться въ имѣніе я уже не могъ и все свое время проводилъ въ самомъ Петроградѣ. Оказалось свободное время для того, чтобы пропустить передъ своимъ умственнымъ взоромъ все прошлое, все пережитое. Спокойное созерцаніе прошлаго нарушалось, однако, тѣмъ, что переживалось въ настоящемъ. Постоянныя опасенія обысковъ со стороны Чрезвычайной Комиссіи, опасеніе ареста по разнымъ причинамъ, остававшимся обыкновенно неизвѣстными арестуемымъ и содержащимся въ тюрьмахъ, опасенія за тѣ

рублевыя деньги, которыя принадлежали «ЕКОПО» и которыя я, въ качествѣ предсѣдателя, долженъ былъ хранить. Надо было напречь въ значительной степени свою волю, чтобы въ оказавшейся обстановкѣ — въ нетопленной квартирѣ, при скудости пищевыхъ продуктовъ, — вспоминать о прошломъ. Но, быть можетъ, именно воспоминанія о прежнемъ дали возможность легче переживать настоящее, — результатъ революціи, которая вначалѣ казалась избавленіемъ отъ ига самодержавія и выходомъ Россіи на широкій путь демократіи, прогресса и свободы.

Но недолго сумѣлъ я выдержать это настоящее. Я видѣлъ гибель своихъ дѣтей, въ моральномъ и физическомъ смыслѣ, и я вынужденъ былъ искать спасенія въ отъѣздѣ изъ Петрограда; моя работа по фиксированію моихъ воспоминаній должна была пріостановиться. Весною 1920 г. я оставилъ Петроградъ, очутился на нѣкоторое время въ Стокгольмѣ, а затѣмъ переѣхалъ въ Парижъ. Была надежда, что это добровольное изгнаніе изъ Россіи продлится недолго, что ни цивилизованный міръ, ни попавшій въ рабство русскій народъ долго не будутъ терпѣть этотъ разъѣдающій культуру и разрушающій Россію большевицкій режимъ.

Дальнѣйшее составленіе записокъ прервалось: пошли новыя повседневныя заботы, — личныя и общественныя, поглощавшія вниманіе и отвлекавшія отъ прошлаго, которое въ новой обстановкѣ жизни стало казаться давно минувшимъ. Къ продолженію записокъ препятствіемъ служило еще и то, что, оставляя Россію, я не могъ захватить съ собою своего архива, который изъ году въ годъ отражалъ въ себѣ все то, что касалось насъ, русскихъ евреевъ, въ области правовой, политической, экономической и общественной. Была все таки надежда, что возвратъ въ Россію скоро окажется возможнымъ. Хотѣлось вѣрить, что доживу до начала возрожденія Россіи. Таилась надежда, что разысканъ будетъ мой архивъ и что я сумѣю продолжить свои записки въ хронологическомъ порядкѣ при помощи документовъ и моей обширной корреспонденціи. Такъ прошло болѣе 10 лѣтъ жизни въ изгнаніи, и у меня появилось опасеніе, что мои воспоминанія вовсе не будутъ зафиксированы. Я рѣшился поэтому дополнить прежнія свои записки изображеніемъ дальнѣйшихъ событій, въ которыхъ я принималъ участіе и которыя могли пред-

ставлять политическій или общественный или-же національный интересъ. Эти воспоминанія лишены той полноты, которую они, несомнѣнно, имѣли бы, если бы не пришлось зафиксировать ихъ безъ помощи документовъ, а по памяти. Этимъ объясняется нѣкоторая неполнота ихъ и хронологическая непослѣдовательность.

Эти записки не являются изображеніемъ только еврейской жизни въ Россіи. Исторія русскаго еврейства творилась не въ безвоздушномъ пространствѣ, а въ атмосферѣ и на почвѣ русской государственной жизни вообще. Еврейскій вопросъ въ Россіи не былъ изолированъ отъ всѣхъ остальныхъ вопросовъ, связанныхъ съ этой государственностью, и картина еврейской жизни не была случайнымъ пятномъ на общемъ фонѣ. Она, напротивъ, гармонировала съ общимъ фономъ. Безправіе касалось не только евреевъ; въ безправномъ положеніи находилось, въ сущности, 90% русскихъ гражданъ крестьянъ. Произволъ творился не только надъ евреями, но и надъ другими гражданами. Но русское еврейство принимало на себя главные удары россійской реакціи, и преслѣдованіе евреевъ стало мѣриломъ политическаго настроенія всякой данной эпохи. Поэтому въ моихъ запискахъ я не могъ избѣгнуть, — тамъ, гдѣ это представлялось цѣлесообразнымъ, — изображенія политическаго настроенія Россіи вообще. Я касался событій, не имѣющихъ тѣсной связи съ еврейскимъ вопросомъ, но характеризующихъ общія политическія переживанія въ Россіи.

Я съ дѣтства привыкъ сознавать себя прежде всего евреемъ. Но уже съ самаго начала моей сознательной жизни я чувствовалъ себя и сыномъ Россіи. Обозрѣвая на склонѣ дней всю свою жизнь и дѣятельность, я долженъ сказать, что любя свой народъ и цѣня его превыше всего, не только по родству моему съ нимъ, но и по его высокому духу, по тѣмъ идеаламъ, которые свѣтились предо мною и которые я считалъ идеалами юдаизма, я всегда любилъ и Россію. Въ одной рѣчи, произнесенной мною по поводу спеціальнаго событія, которое займетъ свое мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ, я, говоря о нашемъ національномъ самосознаніи, позволилъ себѣ уподобить отношеніе еврейства къ Россіи отношенію корабельнаго пассажира, имѣющаго въ своемъ распоряженіи особую каюту, ко всему кораблю. Такой пассажиръ заботится о томъ, чтобы его

каюта была въ исправности, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознаетъ, что отъ судьбы всего корабля зависитъ и судьба его каюты. Онъ вмѣстѣ съ другими пассажирами, располагающими такими же каютами, не можетъ не содѣйствовать благополучію всего корабля и не заботиться о надлежащемъ направленіи его къ желанной гавани. Быть хорошимъ евреемъ не значитъ не быть хорошимъ русскимъ гражданиномъ, и обратно — быть надлежащимъ русскимъ гражданиномъ нисколько не мѣшаетъ тому, чтобы оставаться хорошимъ евреемъ, вѣрующимъ въ еврейскую національную культуру, быть преданнымъ своему народу и служить ему по мѣрѣ силъ. Пріобщеніе къ русской культурѣ, которая за мою сознательную жизнь пошла впередъ, можно сказать, гигантскими шагами, вполнѣ согласовалось съ вѣрностью еврейской національной культурѣ. Эта еврейская культура представляетъ собою такой богатый резервуаръ, что изъ него всякая другая національная культура можетъ черпать большой притокъ энергіи и этимъ сблизить ее съ культурами другихъ народовъ и помочь дѣлу объединенія всего человѣчества — идеалъ юдаистическаго мессіанства. Мнѣ приходилось принимать участіе наравнѣ съ другими въ дѣятельности по созиданію культурныхъ условій жизни для Россіи, принимать близко къ сердцу вопросы, связанные съ текущими злобами дня. Въ моихъ воспоминаніяхъ это участіе не могло быть обойдено и мнѣ представлялось это необходимымъ для лучшаго пониманія положенія русскаго еврейства. Съ другой стороны, эти воспоминанія, быть можетъ, окажутся не безынтересными для тѣхъ, для которыхъ исторія евреевъ въ Россіи есть одна изъ небольшихъ главъ исторіи Россіи вообще.

На исходѣ моего жизненнаго пути я безъ ложной скромности долженъ констатировать (это признавалось и моими политическими противниками, если я долженъ вѣрить ихъ искренности), что я всегда откровенно обнаруживалъ тѣ принципы, изъ которыхъ я въ своей дѣятельности исходилъ, что эти руководившие мною принципы остались неизмѣнными, несмотря ни на какія перемѣны погоды. Мои убѣжденія въ области еврейскаго вопроса, въ особенности въ смыслѣ духовномъ, убѣжденія, вынесенныя мною не изъ книгъ и не по внушенію со стороны, а изъ самой еврейской жизни, изъ моего дѣтства и юно-

шества, убѣжденія, впитанныя какъ бы съ молокомъ матери, остались тѣми же и въ моей работѣ зрѣлаго человѣка и остаются неизмѣнными и даже подкрѣпленными опытомъ долгой жизни и въ настоящее время, когда я не могу не считать себя старикомъ. Равнымъ образомъ неизмѣнными остались мои убѣжденія политическія. Богатый политическій опытъ послѣдняго времени, все, что приходится наблюдать въ цивилизованномъ мірѣ, въ особенности горестное познаніе россійскаго несчастья, — не поколебали этихъ убѣжденій, и не по упрямству моему, мнѣ несвойственному, а потому, что они не разрушили моей вѣры въ торжество идеаловъ, которые я считаю національными идеалами моего народа. Это мое постоянство я не ставлю себѣ въ заслугу, какъ не ставлю себѣ въ заслугу и мою безграничную любовь къ еврейству. И если я ошибался, то пребываніе въ этой ошибкѣ и искреннее убѣжденіе въ теченіе долгой жизни не есть заслуга, это было бы трагедіей. Къ счастью, я глубоко вѣрю, что я слѣдовалъ по правильному пути. Это постоянство даетъ нѣкоторыя гарантіи искренности моей въ освѣщеніи фактовъ, — освѣщеніи, конечно, субъективномъ, но не поддѣльномъ, а потому пригодномъ служить и для объективнаго примѣненія.

Не съ прямой цѣлью автобіографіи, какою мои воспоминанія не могутъ не быть, а съ цѣлью дать изображеніе еврейскаго правового быта, и не только правового, и вмѣстѣ съ тѣмъ и изображеніе общаго фона русской жизни за болѣе чѣмъ полустолѣтній періодъ, я и приступилъ къ составленію настоящихъ записокъ. Я начинаю съ дѣтскихъ моихъ лѣтъ. Мои дѣтскіе годы прошли такъ, какъ проходили годы сотенъ тысячъ евреевъ раньше, но какъ уже теперь, быть можетъ, проходятъ уже немногіе. Теперь нѣтъ уже рѣзкаго противоположенія свѣта и тѣни въ жизни евреевъ. Стерты границы между отдѣльными районами еврейскаго поселенія въ Россіи, затерялась и этнографическая чистота линіи. Нѣтъ теперь границы между еврейской Литвою и еврейской Волынью, не найти водораздѣльной линіи между этими обѣими и Малороссіей и Новороссіей. Нѣтъ раздѣльной границы между «миснагдами» и «хасидами». Они ужъ не составляютъ, какъ раньше, отдѣльныхъ группъ еврейства. Никакой роли это раздѣленіе не играетъ теперь въ общемъ

обиходѣ еврейской жизни. Нынѣ евреи различаются не по религіознымъ своимъ воззрѣніямъ, а по партійнымъ склонностямъ и убѣжденіямъ. Они различаются по своимъ представленіямъ и понятіямъ національнымъ — по сіонизму или анти-сіонизму, по «идишизму» или «гебраизму», по взглядамъ на соціальные, экономическіе и политическіе вопросы, а не по своему духовному религіозному настроенію. Пройдетъ немного времени, и еле еще замѣтныя очертанія картины еврейскаго быта прежняго времени сотрутся окончательно.

Еврейство находится на историческомъ перепутьи и неизвѣстно, въ какую сторону судьба повернетъ еврейскую жизнь. Осуществятся ли мечты о правоохраненномъ убѣжищѣ въ Палестинѣ, какъ пойдетъ тамъ развитіе еврейской жизни — политической и экономической, — какова будетъ жизнь евреевъ, оставшихся въ діаспорѣ въ то время, когда создадутся категоріи евреевъ, живущихъ тѣломъ здѣсь, а душой въ Палестинѣ, и тѣхъ, которые душой и тѣломъ будутъ вѣрны фактической своей родинѣ. Старые устои и глубокіе корни, дававшіе соки тому, что масса еврейства въ теченіе тысячелѣтій почитала «древомъ жизни», почва, на которой оно росло, все больше и больше покроются перегноемъ отъ старыхъ листьевъ своего и чужихъ деревъ; на новой не глубокой почвѣ выростутъ новыя травы, хотя, быть можетъ, съ яркими цвѣтами, но, къ несчастью, сорныя по природѣ. Въ настоящій историческій моментъ, поэтому, особенно необходимо зафиксировать былое не только, какъ историческій бытовой матеріалъ, но и какъ необходимый элементъ самопознанія народа. Еврейская масса переживаетъ метаморфозу, и мы, отдѣльныя личности, — вмѣстѣ съ нею. Но стоитъ покопаться въ душѣ нѣкоторыхъ изъ насъ, и подъ послѣдовательными наслоеніями вы найдете сердцевину («еврейскую точечку»), — именно то, что заложено было съ ранняго дѣтства въ хедерѣ, въ той еврейской семьѣ и средѣ, которая создала и содержала этотъ хедеръ. Къ несчастью, насъ уже не много, но въ тѣхъ случаяхъ, когда эта связь сохранилась, она должна быть раскрыта, ее нужно зафиксировать въ назиданіе для будущаго, ибо близко время, когда эта связь можетъ затеряться. Вся еврейская общественная и политическая жизнь ведетъ къ этому, и грядетъ опасность, что между жизнью евреевъ въ теченіе ты-

сячелѣтій и новой жизнью еврейства, которое минетъ перепутье и пойдетъ по новой дорогѣ, окажется глухая стѣна. Исторія будетъ раздѣлена пустыми страницами на двѣ книги.

Различіе между еврействомъ 50 лѣтъ назадъ и нынѣшнимъ гораздо глубже и многостороннѣе, чѣмъ различіе между еврействомъ половины, напримѣръ, XIII столѣтія и еврействомъ хотя бы первой половины XVIII вѣка. Тамъ за все время одинъ и тотъ же монолитъ, единая культура, тождественные элементы внизу и наверху. За послѣдніе же полстолѣтія къ монолитной основѣ прибавлены наросты, покрывшіе самую основу настолько, что она еле видна и еще меньше ощущается. Пятьдесятъ-шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ не существовало еврейской національной проблемы. Развѣ понялъ бы прежній еврей споръ о «еврейскомъ національномъ самоопредѣленіи»? За что Моисей не сподобился дожить до прихода евреевъ, подъ его водительствомъ, въ обѣтованную землю и отошелъ къ праотцамъ на порогѣ еврейской осѣдлой жизни въ собственной странѣ? — Оттого, говоритъ преданіе, что и ему, Моисею, не прощенъ былъ его отвѣтъ въ Египтѣ на вопросъ, кто онъ, — «я — египтянинъ». А евреи, неизмѣнно ожидавшіе въ наступающемъ году быть въ Іерусалимѣ, расчитывали на осуществленіе надежды потому, что не только другіе имъ говорили, что они евреи, но они сами, каждымъ движеніемъ своимъ, всей своей жизнью и въ любой моментъ этой жизни сами себѣ говорили: «мы — евреи». Въ чемъ критерій еврейской національности? Именно въ еврействѣ и заключалась національная сущность въ теченіе тысячелѣтій. Она — въ непрерывной цѣпи особой еврейской культуры, въ единой духовной сущности всѣхъ евреевъ во всѣхъ странахъ, куда-бы судьба ихъ ни заносила, въ единой постоянной силѣ еврейскаго закона, не подверженнаго измѣненіямъ ни силою еврейской царской власти, когда она существовала, ни послѣдующими историческими модификаціями въ судьбѣ еврейскаго народа; закона — вѣчнаго по времени и всеобщаго по пространству, гдѣ-бы евреи ни жили; закона, даннаго имъ откровеніемъ, осмысленнаго разумомъ и мудростью многихъ вѣковъ, изложенными въ вѣчно изучаемыхъ книгахъ, въ тѣхъ книгахъ, которыя являются не только историческими памятниками былого, но актуальною силою въ каждый дан-

ный моментъ исторической жизни, направляющей струей постоянной духовной мощи народа... И неужели нужны еще особые ярлыки, специальные лозунги, внушаемые нынѣшнему еврейству, какъ критеріи національнаго самопознанія? А если нужны критеріи, — а вѣдь по ихъ поводу разгораются теперь распри, которыми полна цѣлая литература, — то не лучшее-ли это доказательство того, что опасность близка и что монолитность еврейства можетъ окончательно исчезнуть въ ближайшемъ будущемъ? Тѣмъ болѣе необходимо зафиксированіе прошлаго, хотя и недавняго, но столь отличнаго отъ настоящаго.

Вихремъ революціи 1917 г. сметены старые порядки, весь прежній укладъ россійской государственной жизни. Въ тотъ моментъ, когда пишутся эти строки, сама Россія въ прежнемъ смыслѣ слова болѣе не существуетъ. На ея мѣсто готовится выступить на міровую арену исторіи нѣчто новое. Каковымъ будетъ это новое ни знать, ни предусмотрѣть въ настоящее время нельзя. Но несомнѣнно одно: обновленіе будетъ полное. Тяжелый моментъ переживаетъ еврейство и въ Германіи, гдѣ озлобленныя и оскорбленныя народныя чувства выливаются, вслѣдствіе ложной культуры, въ форму грубо націоналистическую и поэтому ярко антисемитскую. Антисемитизмъ не только не уменьшается, но, повидимому, расширяется. Пошатнувшееся за время войны и не укрѣпившееся до войны чувство права, какъ необходимая принадлежность истинной культуры, выливается въ дикое проявленіе грубаго человѣконенавистничества, которое ищетъ выхода въ антисемитизмѣ. Русскому еврейству предстоитъ пережить бурное время, которое послѣдуетъ за разрухой всего прошлаго. Но стремленіе къ порядку, надо надѣяться, возьметъ верхъ и побѣдитъ политическій хаосъ, а вмѣстѣ съ нимъ и дикій національзмъ — эту основу антисемитизма. Русскій народъ воспрянетъ и не окажется измѣнникомъ свойственному ему духу терпимости. Надо надѣяться, что навсегда останется исчезнувшимъ изъ политическаго обихода Россіи неравенство гражданъ, различіе въ пользованіи правами и въ исполненіи обязанностей передъ государствомъ по признакамъ національной и религіозной принадлежности. Въ сознаніи современности нѣтъ болѣе мѣста такому различію. Понятіе «эмансипація евреевъ», манившее насъ, какъ болѣе или менѣе далекій идеалъ будущаго, освобож-

деніе евреевъ отъ правовыхъ ограниченій, какъ предметъ вожделѣнія, нынѣ становится анахронизмомъ. Въ томъ будущемъ, которое замѣнитъ прежнюю Россію, въ ряду воспоминаній о перенесенныхъ потрясеніяхъ и конвульсивно бившемся въ предсмертныхъ судорогахъ остаткѣ прежняго колоссальнаго государственнаго организма, въ заботахъ объ энергическомъ строительствѣ новой жизни, которое потребуетъ многихъ лѣтъ усилій и напряженнаго сосредоточенія умственныхъ, духовныхъ силъ всѣхъ частей прежней Россіи, воспоминаніе о быломъ неравенствѣ, о преслѣдованіяхъ займетъ очень отдаленное мѣсто. Еврейство, что бы ему ни пришлось еще пережить, приметъ равное съ другими народами участіе въ строительствѣ новой жизни. Воспоминаніе о недавнемъ безправіи поблѣднѣетъ, и пережитое полугражданское состояніе будетъ казаться отнесеннымъ въ далекое прошлое. Была тьма, настанетъ свѣтъ... Но какъ бились многія поколѣнія въ теченіе вѣковъ въ прежней тьмѣ, какъ они боролись, чтобы изъ тьмы выйти къ свѣту, какъ загорался свѣтъ и уменьшалась тьма, — все это будетъ закрыто завѣсой, отдѣляющей старое отъ новаго. Пережившимъ переходъ отъ тьмы къ свѣту, пережившимъ и борьбу противъ безправія евреевъ, а въ особенности тѣмъ, которые принимали въ ней нѣкоторое участіе, необходимо зафиксировать отдѣльные моменты этого перехода и этой борьбы. Правда, не борьба спеціально противъ безправія евреевъ привела къ исчезновенію тьмы. Во тьмѣ находились не только евреи. Не эта борьба создала для евреевъ сознаніе необходимости выйти къ свѣту. Въ прежнемъ подземельи, отведенномъ для евреевъ, они не имѣли никакихъ средствъ бороться за свое человѣческое существованіе. Ожидали чуда, Мессію. Правосознанія не было, было лишь чувство несправедливости. Только постепенно, и то лишь въ послѣдніе 50 лѣтъ, стала проявляться острая потребность и появились и средства къ тому, чтобы шагъ за шагомъ отстаивать свои гражданскія права. Приходилось бороться противъ дальнѣйшаго ухудшенія правового положенія тѣми средствами, какія были доступны. Происходила невидимая, но постоянная, непрерывная работа, направленная къ отстаиванію правъ отдѣльныхъ лицъ и группъ и къ постепенному внѣдренію у вершителей судебъ Россіи и, въ частности, распорядителей судьбами еврейскаго на-

селенія, сознанія несправедливости и вреда для самого государственнаго организма, отъ безправнаго положенія активной части его гражданъ.

Эта борьба принимала, въ особенности въ началѣ ея, лѣтъ 45 тому назадъ, характеръ защиты противъ нападенія, т. е. характеръ самообороны. Антисемитизмъ не есть пассивное чувство, а активное; оно постоянно дѣйствуетъ, всегда стимулируетъ къ преслѣдованію, тѣмъ болѣе, что объектъ преслѣдованія живучъ и, естественно, стремится выйти на свободу изъ закоулковъ, куда эти преслѣдованія его загоняли. Преслѣдующая сторона была и обвиняющей, въ цѣляхъ хотя бы самооправданія передъ культурой и цивилизаціей, какъ слабо онѣ ни были развиты.

Антисемитизмъ 19 вѣка почти потерялъ характеръ религіознаго враждебнаго отношенія къ евреямъ. Даже въ самой Россіи въ основныхъ законахъ начертано было: «всякъ по своему да славитъ имя Господа». Но мѣсто религіозной вражды заняла вражда экономическая и расовая. Преслѣдованія евреевъ обосновывались соціальными и этическими соображеніями. Государственная власть, говорили антисемиты, должна защищать общественные и государственные интересы отъ опасности, представляемой еврействомъ. Евреи, говорили они, — а за ними повторяли и правящіе круги, — своей обособленностью вредятъ государственному интересу, составляя какъ бы государство въ государствѣ. Въ своей дѣятельности еврейство будто руководствуется особенными цѣлями, не подчиняется общимъ требованіямъ государственной власти. Оно, будто, объединено и руководимо «всемірнымъ кагаломъ». Въ Россіи съ половины царствованія Александра II распространялась особенно усердно сказка о всемірномъ кагалѣ, и основаніемъ къ этому служила знаменитая книга еврея-ренегата Брафмана о кагалѣ. Распространялись свѣдѣнія о вредномъ моральномъ значеніи Талмуда со словъ католика-ренегата, невѣжественнаго Лютостанскаго, повторявшаго сказки изъ антисемитской литературы Германіи въ 17 и 18 вѣкахъ — сочиненій Эйзенменгера и другихъ. Дѣлались заключенія, что евреи — космополиты, неспособные къ проникновенію государственными задачами народовъ, среди которыхъ они живутъ. Евреи, утверждали антисемиты, стремятся къ собственному господству путемъ экономическаго засилія. Намѣчались уже тѣ навѣты, ко-

торые впослѣдствіи, въ началѣ 20-го столѣтія, въ Россіи получили выраженіе въ безпримѣрномъ подлогѣ, названномъ «Протоколы сіонскихъ мудрецовъ». Съ другой стороны, антисемиты увѣряли, что евреи неспособны къ производительному труду и являются лишь эксплоататорами, пьявками, высасывающими соки производительныхъ силъ страны, они уклоняются отъ физическаго труда, неспособны къ земледѣльческому труду, т. е., къ источнику экономическихъ благъ въ государствѣ. Евреи, будто бы, въ экономической борьбѣ противъ своихъ согражданъ примѣняютъ способы, допускаемые порочными этическими началами своей религіи, отличающей будто евреевъ отъ нееврея, не стѣсняются никакими средствами и въ своей торговой дѣятельности примѣняютъ обманъ, обмѣръ и обвѣсъ. Такія нападенія на евреевъ не могли быть устранены аргументами, основанными на принципахъ равенства, братства и свободы, которые, впрочемъ, въ Россіи не примѣнялись и къ остальнымъ частямъ населенія. Эти нападенія требовали защиты, т. е. доказательствъ неправильности обвиненій. Поэтому борьба, о которой я говорю, не могла не принять характера апологетическаго. Съ громадными усиліями и энергичной работой необходимо было шагъ за шагомъ доказывать ложность обвиненій и несостоятельность предпосылокъ, на которыхъ они основывались. Но нежелающихъ убѣждаться, конечно, невозможно было убѣдить, — наиболѣе глухъ тотъ, кто не желаетъ слышать.

Борьба должна была вестись и въ другомъ направленіи. Евреи были слишкомъ принижены въ своемъ общегражданскомъ сознаніи. Все, что дѣлалось за стѣнами гетто, ихъ не касалось; они не знали выработанныхъ общими условіями политической жизни способовъ борьбы противъ притѣсненія, и у нихъ не было силъ для такой борьбы. Между тѣмъ, повседневная жизнь требовала примѣненія способовъ и изысканія средствъ защиты отъ спеціальнаго произвола, который проистекалъ отъ усвоенныхъ общихъ принциповъ въ отношеніи евреевъ. Сила зла заключается не только въ томъ, что оно непосредственно причиняетъ страданія, а въ томъ еще, что оно вызываетъ, въ свою очередь, злыя явленія, каждое изъ которыхъ сопряжено со страданіями. Въ злѣ имѣется динамическая сила. Несправедливые ограничительные зако-

ны не дѣйствуютъ автоматически, ихъ примѣняютъ органы исполненія закона; каждый въ отдѣльности органъ толкается волею, создавшею ограничительный законъ, на исполненіе его въ духѣ, которымъ пропитанъ самый законъ. Жизнь и психологія сильнѣе общепризнаннаго юридическаго принципа, что «ограничительный законъ не долженъ толковаться въ распространительномъ смыслѣ». Зло ограничительнаго закона именно и проявляется въ еще большей ограничительной тенденціи при его примѣненіи. Законы о евреяхъ касались самыхъ существенныхъ сторонъ гражданской и экономической жизни. Каждая попытка вывести примѣненіе закона изъ точныхъ предѣловъ, захватываемыхъ имъ, отражалась на матеріальномъ благосостояніи еврейскаго населенія. Одинаково страшны были для него и изданіе новаго ограничительнаго закона, т. е. изданіе законодательнаго акта, въ порядкѣ обыкновенно сложномъ, при которомъ могутъ иногда взять верхъ начала справедливости и гуманности или государственной мудрости, — и посылка циркуляра изъ министерства губернаторамъ или изъ губернской канцеляріи исправникамъ. Интересы еврейскаго населенія не могли оставаться безъ охраны въ ожиданіи момента, когда самые принципы, изъ которыхъ исходитъ антисемитская политика, будутъ устранены, — благодаря-ли апологетическимъ соображеніямъ, или же убѣжденіямъ въ неизбѣжности общаго для всѣхъ примѣненія великихъ принциповъ равенства и свободы.

Эта повседневная будничная борьба не могла не имѣть высокаго принципіальнаго значенія. Она должна была внѣдрить въ еврейскихъ массахъ сознаніе необходимости отстаивать свои права, сознавать себя, хотя и преслѣдуемыми, но гражданами государства, пріучить ихъ къ самообoронѣ не только противъ физическаго насилія, но и противъ правового произвола. Сдѣланная за послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ работа въ этомъ направленіи заслуживаетъ того, чтобы она была отмѣчена въ исторіи евреевъ и вообще въ исторіи Россіи. Въ этихъ усиліяхъ мнѣ выпало на долю въ теченіе болѣе 30 лѣтъ принимать участіе и играть нѣкоторую, хотя и скромную, роль, и то, что дѣлалось, происходило передъ моими глазами.

Я очень скоро пришелъ къ убѣжденію, что еврейскій

вопросъ въ Россіи есть русскій вопросъ въ еврействѣ и что отдѣлить политику по отношенію къ евреямъ отъ общей государственной и внутренней политики невозможно, что мы, евреи, будемъ освобождены въ Россіи только тогда, когда и русскій народъ будетъ освобожденъ отъ цѣпей самодержавія, все болѣе и болѣе вырождавшагося въ режимъ произвола и подавленія личной свободы. И поэтому, какъ только въ Россіи общественное мнѣніе стало слагаться въ опредѣленныя группы и стали намѣчаться контуры политическихъ партій, я и мои товарищи по работѣ, не раздѣляя чаяній революціонныхъ партій, сочли нужнымъ принять участіе въ общей политической жизни и стали на сторону тѣхъ партій, которыя признавали въ основахъ своихъ программъ принципъ равенства всѣхъ передъ закономъ.

Воодушевленный желаніемъ дать матеріалъ для исторіи евреевъ въ связи съ историческими явленіями въ Россіи за послѣднее полустолѣтіе, я лелѣю надежду, что предлагаемыя записки освѣтятъ эти явленія.

Къ сожалѣнію, я не велъ дневника. Текущія событія и впечатлѣнія я не имѣлъ времени наносить на бумагу. Составляя теперь обзоръ этихъ событій въ видѣ личныхъ воспоминаній, я не могу пользоваться пожелтѣвшими листками дневника или записями отдѣльныхъ эпизодовъ. Многое успѣлъ я освѣжить въ своей памяти по матеріаламъ моего архива, о которомъ я говорилъ выше. И если судьбѣ угодно будетъ разсѣяннымъ теперь по всему міру русскимъ евреямъ вернуться въ обновленную родину, то, быть можетъ, отыщется и этотъ архивъ и въ немъ найдутъ изображеніе безконечнаго моря еврейскихъ страданій и тѣ труды, которые я несъ, стараясь ихъ облегчить. И можетъ быть будущій историкъ скажетъ про меня «fecit quod potuit».

Читатель, быть можетъ, найдетъ, что изложеніе, предлагаемое ему, содержитъ слишкомъ много подробностей въ отдѣльныхъ фактахъ. Но всѣ они даютъ и дополняютъ картину жизни русскаго еврейства, однимъ изъ представителей котораго я являюсь.

Не могу не сослаться на ежегодно читаемую благочестивыми евреями въ торжественные вечера Пасхи исторію освобожденія нашего народа изъ Египта. Въ этой исторіи — Агадѣ — содержится завѣтъ нашихъ мудрецовъ: «ка-

ждый долженъ чувствовать себя такъ, какъ будто онъ самъ былъ рабомъ въ Египтѣ и лично былъ освобожденъ Провидѣніемъ» и «доброе дѣло, — говорятъ дальше эти мудрецы — (т. е. дѣло вкушенія свободы и связаннаго съ нею возвышенія духа и человѣческаго достоинства) — дѣлаетъ тотъ, кто увеличиваетъ число разсказовъ о быломъ рабствѣ и освобожденіи изъ него».

Такъ пусть-же будущія поколѣнія евреевъ, которыя выростутъ внѣ Россіи, въ полномъ пользованіи благами свободы, или въ новой, имѣющей возродиться Россіи на развалинахъ прежняго, чувствуютъ свою связь съ нами, пережившими правовое рабство, и пусть они, живя при осуществленіи величайшихъ принциповъ еврейскаго духа, при господствѣ братства между людьми и народами, при господствѣ справедливости, общемъ мирѣ и благоволеніи, читая о прошломъ, чувствуютъ себя, какъ будто они сами были освобождены отъ рабства. Тогда они насладятся свободой, употребятъ ее на общее благо для своего народа и для всего человѣчества.

И если хоть у немногихъ такое чувство возбудится при чтеніи моихъ воспоминаній, — моя цѣль будетъ достигнута, и мои усилія въ теченіе долгой жизни буду считать не напрасными.

Сдѣлать попытку заронить это чувство я считаю долгомъ передъ моимъ народомъ.

ГЛАВА I.

Мѣстечко Налибоки. — Шлейма Розовскій. — Мѣст. Миръ. — Полтава. — Ильинская ярмарка. — Посѣщеніе цадика. — Магидъ Дайновъ изъ Бобруйска. — Канторъ Іерухимъ Гакатанъ. — Театръ во время ярмарки. — Губернаторъ. — Отношеніе къ евреямъ мѣстнаго населенія и властей. — Мировой судъ. — Петровскіе памятники. — Земское и городское самоуправленіе. — Мѣщанское управленіе. — Еврейское населеніе въ Малороссіи. — Духовный его уровень. — Религіозное благочестіе. — Малороссійскій хасидизмъ, его отличіе отъ волынскаго. — Общинная жизнь евреевъ въ Малороссіи. — Хедера. — Еврейское казенное училище. — Духовный и общественный раввинъ. — Раввинъ Гурляндъ. — Окулисты М. Е. Мандельштаммъ и проф. Гиршманъ. — Полтавская еврейская интеллигенція. — Учитель Михель Чериковеръ.

Мой отецъ принадлежалъ къ семьѣ, съ незапамятныхъ временъ жившей въ мѣстечкѣ Налибокахъ, Ошмянскаго уѣзда, Виленской губ. Еврейское населеніе мѣстечка составляло въ половинѣ прошлаго столѣтія развѣтвленіе всего двухъ семействъ — Розовскихъ и Сліозбергъ, сплетенныхъ между собой сложными узами родства. Отецъ былъ ешиботникомъ въ Мирскомъ ешиботѣ и женился въ мѣстечкѣ Миръ, Новогрудскаго уѣзда Минской губерніи, на мѣстной уроженкѣ — по фамиліи Ошмянской. Налибоки и Миръ, хотя разныхъ губерній, имѣли то общее, что оба являлись чиншевыми мѣстечками князя Витгенштейна. Родившись въ Мирѣ въ 1863 г., я въ томъ же году былъ перевезенъ въ г. Полтаву, куда незадолго передъ тѣмъ переѣхалъ мой отецъ — двадцатилѣтній молодой человѣкъ — приглашенный именитыми евреями Полтавы въ качествѣ меламеда. Тамъ на меламедскомъ поприщѣ до то-

го нѣкоторое время съ успѣхомъ уже подвизался мой дѣдъ, отецъ матери — Нухимъ Дувидъ Ошмянскій. Въ Налибоки, когда мнѣ было 5 лѣтъ, поѣхала вмѣстѣ со мной моя мать, и проѣздомъ нѣкоторое время мы задержались въ Мирѣ.

Помню мѣстечко Налибоки: одна улица и нѣсколько переулковъ. Взрослое мужское населеніе рѣдко находилось въ мѣстечкѣ: почти всѣ промышляли при желѣзодѣлательномъ заводѣ кн. Витгенштейна возлѣ Налибокъ — Клещи; или же закупали ленъ и отправляли въ Кенигсбергъ, съ которымъ у налибокскихъ евреевъ возникли связи благодаря тому, что тамъ жилъ женатый на Розовской изъ Налибокъ, самъ бывшій обитатель этого мѣстечка, кенигсбергскій негоціантъ, впослѣдствіи русскій консулъ Адельсонъ. Его сынъ, генералъ-адъютантъ Адельсонъ былъ при Александрѣ III и Николаѣ II С.-Петербургскимъ комендантомъ. Въ Петербургѣ я впослѣдствіи встрѣчалъ его у бар. Горація Осиповича Гинцбурга, съ которымъ онъ былъ друженъ и передъ которымъ не скрывалъ своего еврейскаго происхожденія. Сестра ген. Адельсона вышла замужъ за барона Икскуль фонъ-Гильдебрандтъ, — того, что былъ одно время товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и предсѣдательствовалъ въ 1899 году въ Особомъ Совѣщаніи по пересмотру такъ наз. Игнатьевскихъ Временныхъ Правилъ 3 мая 1882 года.

Только къ праздникамъ — къ Пасхѣ и къ «страстнымъ днямъ» («іомимъ-нейроимъ») — всѣ съѣзжались въ Налибоки, чтобы въ кругу семьи провести святые дни. Въ обычное же время тамъ можно было встрѣтить мало домохозяевъ, кромѣ стариковъ.

Въ срединѣ мѣстечка, въ наиболѣе «видномъ» домѣ жилъ старѣйшина и патріархъ мѣстечка, Шлойме Розовскій. По субботамъ къ послѣобѣденной трапезѣ («шайлесъ-судесъ») въ этотъ домъ собиралось все наличное мужское населеніе — всѣ слонимскіе хассиды; допускались и дѣти родственниковъ хозяевъ. Помню, съ какимъ восторгомъ я, пятилѣтній мальчикъ, разглядывалъ оживленныя лица пожилыхъ евреевъ, съ почтенными благообразными лицами, съ длинными бородами, въ шелковыхъ длинныхъ «жупицахъ» (кафтанахъ) съ широкими атласными поясами, и въ бархатныхъ ермолкахъ. Ве-

лась одушевленная бесѣда о святой Торѣ подъ предсѣдательствомъ Шлойме Розовскаго. У всѣхъ — напряженныя лица, сверкающіе внутреннимъ огнемъ глаза. Съ глубокимъ вниманіемъ слушали они рѣчи о томъ, какъ нужно истолковывать то или другое мѣсто въ Писаніи, или объясненія смысла отрывковъ изъ «Зогаръ» и другихъ каббалистическихъ книгъ. Никогда не забуду пѣнія затрапезныхъ славословій («змиросъ»), въ которомъ представители семьи Розовскаго являлись виртуозами. Музыкальность была традиціонной въ этой семьѣ. Эта традиція сохранилась до послѣдняго времени, въ лицѣ извѣстнаго рижскаго кантора Б. Розовскаго и его сына, молодого еврейскаго композитора въ Петербургѣ, теперь въ Палестинѣ. Жадно ловилъ я взглядъ хозяина дома и чувствовалъ себя на верху блаженства, когда удостаивался отъ него поощрительнаго щипка въ щеку.

Мой дѣдъ по отцу, р. Гиршъ-Абрагамъ, уже тогда не жилъ въ Налибокахъ: вслѣдъ за своимъ сыномъ, — моимъ отцомъ, — онъ также отправился въ Полтаву для занятія меламедствомъ. Въ Налибокахъ жила бабушка съ однимъ неженатымъ сыномъ и незамужней дочерью. Тяжела была жизнь моей матери въ Налибокахъ, и вскорѣ мы вернулись въ Полтаву.

Мѣстечко Миръ мнѣ вспоминается болѣе смутно. Въ моемъ умѣ уже запечатлѣлись тогда разсказы о знаменитомъ мѣстномъ Ешиботѣ. Мечтою моею — пятилѣтняго мальчика—уже тогда стала мысль, что, когда выросту, буду черпать мудрость въ этомъ разсадникѣ еврейскаго знанія. Помню разсказы о безграничной учености мирскаго «рошъ-ешивы», т. е. главы Ешибота, бывшаго въ родствѣ съ моимъ дѣдомъ по матери. Миръ, по сравненію съ Налибоками, казался чуть ли не губернскимъ городомъ. Здѣсь еврейское населеніе жило обычной еврейской мѣстечковой жизнью. Никакихъ постоянныхъ промысловъ, скученность, нужда, почти полное отсутствіе зажиточныхъ людей; тѣмъ не менѣе, не было дома, гдѣ бы ешиботники не «имѣли дней», т. е. не питались бы безплатно въ опредѣленные дни недѣли. Помню, что мои родственники говорили о семьѣ Бакстъ, одинъ изъ членовъ которой былъ тогда учителемъ въ Житомірскомъ раввинскомъ училищѣ и считался свободомыслящимъ (эпикойресъ); это

былъ отецъ извѣстнаго впослѣдствіи петербургскаго профессора физіологіи, Николая Игнатьевича Бакста.

Живы въ моей памяти впечатлѣнія отъ переѣзда изъ Полтавы въ Налибоки и обратно въ «будѣ» балагулы Акивы, привозившаго на Полтавскую Ильинскую ярмарку въ іюлѣ евреевъ изъ Литвы, и въ концѣ августа, передъ праздниками, отвозившаго ихъ обратно. «Буда» была переполнена; вмѣстѣ съ десяткомъ другихъ, въ ней помѣстилась моя мать со мною и еще двумя малютками — моей трехлѣтней сестрой и груднымъ ребенкомъ — братомъ. На субботу мы останавливались въ разныхъ мѣстечкахъ и городахъ; особенно запечатлѣлась остановка на праздникъ Рошъ-Гашана въ Гомелѣ. Дорога шла по шоссе. Неоднократно встрѣчались задержки со стороны какихъ-то дорожныхъ властей, и недалеко отъ Гомеля пришлось, по приказанію какого-то чина, эвакуировать «буду»; всѣ вещи были выброшены, поднялся плачъ женщинъ и дѣтей, и нашъ возница Акива съ трудомъ устранилъ затрудненіе, принеся для этого соотвѣтствующую денежную жертву. Безконечно долго тянулось путешествіе. И подумать, что сорокъ лѣтъ спустя приходилось мчаться изъ Петербурга въ Кіевъ въ курьерскомъ поѣздѣ, въ отдѣльномъ купэ, освѣщенномъ электричествомъ и снабженномъ всѣми удобствами, съ прекраснымъ ресторaномъ въ поѣздѣ, и тѣмъ не менѣе проявлять нетерпѣніе оттого, что путь могъ бы быть сокращенъ еще на пару часовъ!

Второй разъ въ жизни пришлось мнѣ быть въ Гомелѣ на извѣстномъ погромномъ процессѣ въ 1904 г., въ качествѣ представителя евреевъ, потерпѣвшихъ отъ погрома.

Полтава — здѣсь я выросъ и жилъ до окончанія гимназическаго курса. Въ 70-хъ годахъ населеніе этого центра Украины не превышало 25-30 тысячъ человѣкъ. Имѣлась классическая гимназія, Маріинская женская гимназія, Петровскій кадетскій корпусъ, открытый при Николаѣ I; въ рединѣ 70-хъ годовъ открыто было и реальное училище; затѣмъ дворянскій дѣвичій институтъ и четырехклассное еврейское казенное училище типа, введеннаго въ 40-хъ годахъ во время министерства гр. Уварова; училище учреждено было по инициативѣ знаменитаго Пирогова, попечителя Кіевскаго округа. Евреевъ насчитывалось въ Полтавѣ отъ 4 до 5 тысячъ. Городъ — не про-

мышленный. Тамъ не было ни одной фабрики и ни одного завода, кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ мельницъ первобытнаго устройства. Христіанское населеніе составляли мѣщане и малороссійскіе казаки, жившіе по окраинамъ города, чиновничество, да помѣщики, проводившіе зимнее время въ губернскомъ городѣ. Среди послѣднихъ были владѣльцы крупныхъ имѣній — Милорадовичи, Бѣлуха-Кохановскій, Башкирцевъ (одна изъ Башкирцевыхъ — Блавацкая, извѣстная теософка), Позенъ (потомки извѣстнаго члена Государственнаго Совѣта при Николаѣ I Позена, еврея, который одновременно съ бар. Штиглицемъ при Александрѣ I перешелъ въ христіанство) — и др. Ядро еврейскаго населенія составляли аборигены — ремесленники, мелкіе и средней руки лавочники, и люди, жившіе хлѣбной торговлей — посредники по продажѣ хлѣба съ помѣщичьихъ имѣній. Особо, какъ я помню, развитой видъ торговли была «ссыпка» хлѣба, т. е. покупка пшеницы съ возовъ отъ пріѣзжающихъ въ базарные дни въ городъ окрестныхъ крестьянъ; зерно ссыпалось въ амбары и затѣмъ большими количествами продавалось агентамъ крупныхъ хлѣбныхъ негоціантовъ. Этотъ промыселъ вызывалъ большія нареканія. Помню много разговоровъ среди евреевъ о томъ, что занятіе ссыпкой хлѣба не безгрѣшное, что нерѣдки случаи обвѣшиванія крестьянъ при принятіи отъ нихъ зерна, что допускались разныя махинаціи съ вѣсами; поэтому это занятіе среди самихъ евреевъ не пользовалось почетомъ. Въ рукахъ евреевъ сосредоточена была почти вся питейная торговля въ городѣ. Содержатели оптовыхъ складовъ спирта и водки были богатѣйшіе въ городѣ — «гвиримъ». Шинки, за рѣдкими исключеніями, содержались евреями. У меня осталось вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе, что шинкарствомъ занимались не столько аборигены, имѣвшіе связи съ помѣщиками и потому бывшіе въ состояніи заниматься болѣе прибыльными и болѣе удобными промыслами, — сколько пришлые, главнымъ образомъ изъ Литвы. Оборотнаго капитала для открытія питейной торговли не требовалось, такъ какъ оптовики давали кредитъ: они отпускали бочку водки въ долгъ, до полученія слѣдующей бочки, при которомъ производился расчетъ. Число шинковъ закономъ не было ограничено, количество ихъ и число семействъ, жившихъ отъ нихъ, было довольно значительно. Нерѣдки бы-

ли случаи, когда отецъ семейства былъ меламедомъ или имѣлъ иное дѣло, а жена содержала шинокъ.

Необходимо упомянуть о главномъ нервѣ полтавской жизни, притягивавшемъ все новые и новые еврейскіе элементы, главнымъ образомъ, изъ Литвы: это — знаменитая въ свое время Ильинская ярмарка. Подобно Макарьевской (нижегородской) ярмаркѣ въ сѣверной Россіи, полтавская Ильинская ярмарка была главнымъ центромъ торговли Юга Россіи и въ то время превосходила по своему значенію и оборотамъ и Крещенскую ярмарку въ Харьковѣ, и кіевскую Контрактовую ярмарку, развившуюся впослѣдствіи въ соотвѣтствіи съ ростомъ сахарной промышленности. Вся Полтава жила круглый годъ Ильинской ярмаркой. Большая часть центральныхъ улицъ занята была каменными лавками, принадлежавшими и частнымъ лицамъ, но главнымъ образомъ городу, и отдававшимися подъ склады и лавки на время Ильинской ярмарки. Открывалась она оффиціально 20 іюля, въ день пророка Ильи, и продолжалась мѣсяцъ. Уже съ приближеніемъ дня открытія ярмарки городъ весь преображался. Желѣзнодорожнаго сообщенія еще не было, и задолго до іюля по дорогамъ, ведущимъ къ Полтавѣ, тянулись вереницы чумаковъ, подвозившихъ товары на ярмарку на возахъ, запряженныхъ чаще всего волами. Городъ быстро оживлялся; почти всѣ частныя квартиры, въ особенности еврейскія, приспособлялись для пріема пріѣзжавшихъ купцовъ и прикащиковъ, и рѣдки были еврейскія семьи, которыя не имѣли бы ярмарочныхъ гостей — «орхимъ». У меня сложилось совершенно ясное впечатлѣніе о составѣ еврейскихъ ярмарочныхъ посѣтителей. У насъ въ домѣ также останавливалось много пріѣзжихъ, что служило для моей матери и бабушки источникомъ дохода, пополнявшимъ на нѣсколько мѣсяцевъ скудный бюджетъ отца и дѣда, зарабатывавшихъ учительствомъ въ хедерахъ нѣсколько десятковъ руб. въ мѣсяцъ. Громадное большинство пріѣзжихъ купцовъ и прикащиковъ были волынскіе евреи изъ Бердичева и Житоміра; у нихъ были постоянные крупные склады въ крупныхъ центрахъ, какъ напримѣръ, Харьковъ. Все это были мануфактуристы, торговавшіе московскими и польскими товарами. Было много польскихъ евреевъ, особенно изъ Варшавы, привозившихъ галантерею. Я не могу припомнить ни одной фирмы съ именемъ литовскаго

еврея, и если на ярмаркѣ оказывалось много «литваковъ», то это были все люди безъ опредѣленнаго промысла, вѣчно искавшіе занятій — всякаго рода «посредники» или «ученые»: на ярмаркѣ они завязывали знакомства и иногда пристраивались на различныхъ должностяхъ по разнымъ городамъ — въ качествѣ рѣзниковъ, меламедовъ, канторовъ («баалъ-тефилосъ») и т. д. Всѣ эти категоріи евреевъ рѣзко отличались другъ отъ друга по своему внѣшнему облику, въ особенности же по языку. Я помню, что я, говорившій на литовскомъ діалектѣ разговорно-еврейскаго языка, съ трудомъ понималъ многихъ пріѣзжихъ волынцевъ, а особенно польскихъ, что причиняло мнѣ не мало непріятностей. — Каждый еврей изъ нашихъ «орхимъ», т. е. пріѣзжихъ гостей, считалъ своимъ долгомъ экзаменовать меня и провѣрять мои знанія «Хумешъ» (Пятикнижія), а потомъ и Талмуда.

Удостаивали своимъ посѣщеніемъ ярмарки, время отъ времени, волынскіе цадики со штатомъ своихъ прислужниковъ. У меня осталось въ памяти посѣщеніе одного изъ нихъ, если не ошибаюсь, Вахмистровскаго цадика, — высокаго, худого, въ возрастѣ между 50 и 60 годами, съ красивымъ блѣднымъ лицомъ, длинной, рыжей съ просѣдью бородой и въ необыкновенно изящную спираль завитыми пейсами, въ бѣломъ атласномъ зипунѣ съ широкимъ, атласнымъ же поясомъ. Вдохновенное лицо его изобличало глубокую думу, глаза его то оживлялись яркимъ блескомъ, проникающимъ въ душу собесѣдника, то томно и устало глядѣли вдаль. Цѣлыми вереницами тянулись къ нему за благословеніемъ мѣстные полтавскіе обыватели, въ особенности обывательницы, подобно тому, какъ тянулись онѣ къ случайно заѣзжавшему знаменитому профессору-врачу. Грустныя лица, отражавшія горе, съ которымъ они приходили къ цадику, оказывались оживленными надеждой при выходѣ изъ завѣтной двери, охраняемой цадиковымъ служкой (шамешемъ). Былъ осчастливленъ пріемомъ и я, семилѣтній мальчикъ, въ сопровожденіи отца. Этимъ счастьемъ я обязанъ былъ распространяемымъ пріѣзжими обо мнѣ слухамъ, что я, по своимъ способностямъ, подаю надежды стать «илуй» (талантливымъ знатокомъ Талмуда).

Постоянныя хассидскія бесѣды въ семьѣ о чудесахъ, творимыхъ цадиками, о близости ихъ къ Богу, о томъ, что

они являются вѣрными посредниками между благочестивыми евреями и Предвѣчнымъ, настроили мою фантазію соотвѣтствующимъ образомъ и глубоко запали въ дѣтскую впечатлительную душу. Съ безграничнымъ волненіемъ, охватившимъ и моего отца, приближался я съ нимъ къ завѣтнымъ дверямъ. Я съ трудомъ вымолвилъ молитву, установленную для встрѣчи великихъ людей. Цадикъ, установивъ меня между своими колѣнями, задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ и, получивъ отвѣты, видимо его удовлетворившіе, возложилъ руки мнѣ на голову и благословилъ меня по формулѣ «еворехехо». Я почувствовалъ себя окрыленнымъ и въ душѣ далъ обѣтъ служить Богу, какъ сказано въ молитвѣ, «всѣмъ сердцемъ» и посвятить всѣ свои дни и ночи изученію Торы.

Пріѣзжали на Ильинскую ярмарку и проповѣдники-магиды. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я слышалъ въ большой полтавской синагогѣ. Особенное впечатлѣніе произвели на меня проповѣди (мнѣ было тогда лѣтъ 8-9) проповѣдника Цеви-Гирша Дайнова изъ Бобруйска. Это былъ просвѣщенный магидъ;внѣшній его видъ напоминалъ больше протестантскаго пастора. Хассиды считали его грѣховно свободомыслящимъ; благочестивые миснагды тоже недовѣрчиво относились къ его правовѣрію. Онъ, какъ я понималъ тогда и какъ мнѣ стало извѣстно впослѣдствіи изъ бесѣдъ съ его племянникомъ Рувимомъ Дайновымъ, меламедомъ въ Полтавѣ (съ которымъ я подружился въ старшихъ классахъ гимназіи), принадлежалъ къ числу «маскилимъ» Мендельсоновскаго толка. Проповѣдникъ Дайновъ дѣйствительно, повидимому, былъ знакомъ съ произведеніями Мендельсона; его рѣчь изобиловала нѣмецкими выраженіями. Содержаніе проповѣдей составляло объясненія мѣстъ изъ Пророковъ по вопросамъ этики. Талмудическая эрудиція смѣшивалась съ философіей Маймонида, часто цитировался «Моисей изъ Дессау», т. е. Мозесъ Мендельсонъ. Не знаю, какъ оцѣнилъ бы я его ораторскій талантъ нынѣ, но впечатлѣніе, которое его рѣчи производили на меня тогда, было огромное: высоко-бьющій фонтанъ, въ струѣ котораго многоцвѣтными лучами отражалось солнце; неподдѣльный пафосъ захватывалъ слушателей; тысячная аудиторія замирала отъ восторга, а самъ ораторъ, казалось, поднимался все выше и выше и подпиралъ своей головой въ бархатной плоской шапочкѣ высокій ку-

полъ большой синагоги, то самое мѣсто, на которомъ яркими красками изображены были херувимы съ длинными трубами, возвѣщающими часъ избавленія Израиля.

По случаю ярмарки въ Полтаву пріѣзжали для совершенія молитвы въ синагогѣ знаменитые канторы. Одинъ изъ нихъ, пріѣхавъ на ярмарку со своимъ хоромъ, остался въ Полтавѣ постояннымъ канторомъ въ большой синагогѣ. Это былъ знаменитый бердичевскій канторъ Ерухимъ, вслѣдствіе необычайно малаго роста прозванный «Га-Катонъ» (маленькій), — не помню его фамиліи.

Полтава обладала монументальной хоральной синагогой. Довольно большое зданіе въ три свѣта съ высокимъ куполомъ; одно мужское отдѣленіе вмѣщало въ себѣ больше тысячи человѣкъ. Стѣны, потолокъ и куполъ внутри были разрисованы священными эмблемами и надписями. Большая люстра освѣщала это обширное помѣщеніе. Особенно богато былъ разукрашенъ святой Кіотъ («аронъ-кодешь»), занимавшій большое пространство въ восточной стѣнѣ (Мизрахъ). Широкая, съ рѣзными перилами и позолотою лѣстница вела къ площадкѣ передъ Кіотомъ. Занавѣсъ Кіота блисталъ золотомъ и серебромъ, а внутри покоились многочисленные свитки съ богатыми серебряными украшеніями. Мое воображеніе возбуждалось каждый разъ, когда при соотвѣтствующихъ молитвахъ Кіотъ раскрывался, и, казалось, изнутри его на тысячи склоненныхъ головъ невидимыми легкими облаками неслась Божья благодать.

Такую богатую синагогу полтавское населеніе, немногочисленное и бѣдное, не могло бы соорудить безъ Ильинской ярмарки. Въ этой синагогѣ пѣлъ, вѣрнѣе — изливалъ свою душу передъ Богомъ канторъ рабби Ерухимъ-Гакатонъ.

У него былъ большой хоръ. Трудно передать красоту Ерухимова тенора, когда онъ произносилъ молитву безъ участія хора. Молитва передъ Мусафъ Іомъ-Кипуръ, «гинени гаони ми-маасъ» — «вотъ я, бѣдный добрыми дѣлами, посланъ общиной предстательствовать передъ Тобою, Всевышній» — по содержанію своему, всегда поражала мое воображеніе и трогала душу, а изъ устъ Ерухима она производила потрясающее впечатлѣніе. Я обливался слезами умиленія, доходилъ до высшей степени экстаза, на какой только способенъ былъ 8-лѣтній маль-

чикъ. А какой ужасъ охватывалъ меня, когда Ерухимъ рыдающимъ голосомъ, словами молитвы «Унсане-Токефъ», живописалъ величіе дней Рошъ-Гашана и Іомъ-Кипуръ, — какъ въ Высшемъ мѣстѣ Предвѣчный, при трубныхъ звукахъ, садится судить міръ и всѣ живыя существа въ немъ, опредѣляя на предстоящій годъ каждому человѣку его судьбу: кто выживетъ, кто покончитъ свои дни, кто естественной смертью, кто насильственной, кто отъ голода, кто отъ меча; кто разбогатѣетъ, кто обѣднѣетъ, кто возвеличится, кто будетъ униженъ. И зарождалась надежда, когда весь собравшійся народъ восклицалъ: «Молитва, воздержаніе и добрыя дѣла способны смягчить суровость приговора»...

Завидной казалась мнѣ судьба мальчиковъ хористовъ. Мнѣ казалось, что выше чести, какъ быть «зингеромъ» (хористомъ) у Ерухима, быть не можетъ, и въ своемъ дѣтскомъ тщеславіи я усиленно старался, чтобы незнакомые думали, будто и я одинъ изъ такихъ счастливцевъ, и для этого, стоя у дверей нашего дома, я распѣвалъ тоненькимъ дѣтскимъ голосомъ отрывки молитвъ.

Но и не-еврейское населеніе Полтавы черезъ Ильинскую ярмарку пріобщалось къ культурѣ. Полтава обходилась, конечно, безъ постоянныхъ театральныхъ зрѣлищъ, но въ чудномъ городскомъ саду, съ вѣковыми деревьями, величаво высилось огромное деревянное зданіе лѣтняго театра. Зрительный залъ не уступалъ по величинѣ столичнымъ театрамъ. Въ этомъ залѣ въ теченіе ярмарочнаго мѣсяца давались спектакли пріѣзжими труппами. Само собою разумѣется, я въ театръ не попадалъ, и только, когда мнѣ было лѣтъ 15-16, уже гимназистомъ среднихъ классовъ, я въ первый разъ былъ въ театрѣ и потомъ уже усердно посѣщалъ спектакли, оставлявшіе неизгладимое впечатлѣніе. Въ особенности помню эффектъ, который на зрителей производилъ извѣстный въ свое время провинціальный актеръ Ивановъ-Козельскій съ его классическимъ репертуаромъ. Ставили даже Гамлета, Короля Лира. Но публикѣ особенно нравились «Коварство и Любовь» и «Разбойники» Шиллера. Пріѣзжалъ и циркъ, и мы, мальчики, по субботамъ простаивали часами у забора, чтобы сквозь щелочку узрѣть лошадей и репетировавшихъ наѣздниковъ «высшей школы». Навѣщали ярмарку и концертанты. Книгоноши распространяли лубочную литературу

и картинки. Весь городъ получалъ необычайный видъ. Всюду сутолока, смѣсь народовъ и племенъ. Мѣстные жители запасались товарами, въ особенности къ концу ярмарки, когда пріѣзжіе торговцы въ балаганахъ и съ ларьковъ распродавали остатки своего товара, прежде чѣмъ разсыпаться по городкамъ и мѣстечкамъ губерніи на мѣстныя маленькія осеннія ярмарки. Городъ постепенно пустѣлъ, принималъ свой обычный сонный видъ. Пыльныя листья деревьевъ, которыми обсажены были всѣ улицы города, начинали желтѣть. Для насъ, евреевъ, наступалъ мѣсяцъ «слихотъ» — заутреннихъ молитвъ о прощеніи грѣховъ, и надвигались грозные дни Новаго года, когда всякій благочестивый еврей подводитъ свой грѣховный балансъ за годъ, съ трепетомъ ожидая рѣшенія Высшимъ Сонмомъ его участи на ближайшій годъ.

Ничто не нарушало покоя мирнаго губернскаго города до приближенія слѣдующаго періода ярмарки.

Въ концѣ 60-хъ годовъ губернаторомъ въ Полтавѣ былъ Волковъ; въ городѣ разсказывали легенды о попечительности и добротѣ этого вельможи. Если не ошибаюсь, при немъ проведена была реформа 19 февраля 1861 г. — освобожденіе крестьянъ. Кстати, надо сказать, что въ Полтавской губерніи реформа прошла, повидимому, съ меньшими потрясеніями, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Крестьянское населеніе въ значительной части состояло изъ казаковъ, не бывшихъ въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ. Крѣпостными были, главнымъ образомъ, дворовые люди, т. е. такіе, которые служили въ качествѣ всякаго рода прислуги и исполняли должности при усадьбѣ помѣщика. Я еще помню цѣлый оркестръ изъ бывшихъ дворовыхъ музыкантовъ богатыхъ помѣщиковъ Бѣлухи-Кохановскаго и Милорадовича, который игралъ на свадьбахъ, на балахъ и т. д. Послѣ Волкова, губернаторомъ въ Полтавѣ съ начала 70-хъ годовъ былъ Мартыновъ, впослѣдствіи товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ и сенаторъ. Онъ заставилъ населеніе вспоминать съ сожалѣніемъ о его предшественникѣ. Губернаторы того времени въ губерніяхъ черты еврейской осѣдлости не характеризовались еще критеріемъ антисемитизма... Тогда уже замѣтно было начало поворота отъ прежней политики Александра II. Царствованіе началось одобреніемъ рѣшенія «еврейскаго комитета», подъ предсѣдательствомъ гр. Блудова въ 1856

году, о необходимости постепеннаго уравненія евреевъ въ правахъ и пріобщенія ихъ къ общей культурѣ, — но «поворотъ» выразился въ пріостановкѣ послѣ изданія закона 1867 г. о льготахъ для николаевскихъ солдатъ (на подобіе закона 1859 г. о льготахъ для евреевъ-купцовъ) изданія новыхъ льготныхъ законовъ. Началась работа по введенію всеобщей воинской повинности и выработкѣ устава о ней, получившаго силу 1-го января 1874 года. Губернаторамъ, однако, не приходилось еще прислушиваться къ циркулярнымъ юдофобскимъ мелодіямъ изъ Петербурга и пѣть въ унисонъ, или даже стараться быть запѣвалами антисемитскихъ пѣсенъ. Я не помню, чтобы въ раннемъ моемъ дѣтствѣ еврейское населеніе въ Полтавѣ волновалось по поводу какихъ либо губернаторскихъ мѣропріятій, направленныхъ противъ евреевъ, и съ увѣренностью могу положиться на эти воспоминанія дѣтства, что ничто не предвѣщало въ то время обостренія отношеній къ евреямъ, ни со стороны губернатора, полицеймейстера и другихъ властей, ни со стороны мѣстнаго населенія.

Полтава, сердце Украйны, не была пріобщена къ Гайдамачинѣ. Въ мѣстномъ еврейскомъ населеніи не было воспоминаній о какихъ-либо «гзейросъ», т. е. разорительныхъ для евреевъ мѣропріятій со стороны начальства. Слово «погромъ», введенное въ обиходъ впослѣдствіи, еще не существовало. Насъ, мальчиковъ, конечно, преслѣдовали христіанскія дѣти, дразнили насъ «жиденятами», «пархатыми», показывали намъ «свиное ухо», т. е. конецъ полы, зажатый въ кулакѣ, угрожали пинками, бросали вслѣдъ намъ камни, отъ которыхъ мы усердно улепетывали. Хохлы на базарахъ были увѣрены, что евреи ихъ обсчитываютъ, обмѣриваютъ и обвѣшиваютъ. Но это еще не нарушало мирнаго сожительства. Мѣстные аборигены евреи говорили отлично по малороссійски; христіанское населеніе сжилось съ евреями, привыкло къ нимъ настолько, что мирилось съ полнымъ прекращеніемъ торговли по субботамъ, такъ какъ, за рѣдкими исключеніями, всѣ торговыя заведенія были еврейскія; охотно поступали въ домашнее услуженіе къ евреямъ (домашней прислуги изъ евреевъ въ Полтавѣ вовсе не было). Тѣ семьи, которыя могли себѣ позволить имѣть прислугу, полагались на христіанскую прислугу даже въ отношеніи кухни, — кухарки знали, что надо солить мясо, не смѣшивать молочную и мясную посуду, и

старались не вводить своихъ хозяевъ въ грѣхъ. У кого не было прислуги, къ тѣмъ за рюмку водки или кусокъ булки охотно приходили вечеромъ по пятницамъ христіане гасить свѣчки, а зимою по субботамъ топить печи. И такое отношеніе къ евреямъ наблюдалось не только въ городахъ Малороссіи, но и въ деревняхъ.

Мартыновъ, суровый начальникъ губерніи, не имѣлъ случая проявить въ Полтавѣ антисемитизмъ. Лишь потомъ, когда, послѣ введенія всеобщей воинской повинности, послѣдовалъ рядъ ограничительныхъ для евреевъ законовъ въ дополненіе къ уставу 1874 г., а затѣмъ изданъ былъ законъ 1876 г. о питейной торговлѣ евреевъ внѣ городовъ и мѣстечекъ, воспрещавшій евреямъ производить эту торговлю не въ собственныхъ домахъ, — Мартыновъ съ большой зоркостью слѣдилъ за выполненіемъ этихъ законовъ, проявляя въ этомъ отношеніи и явно антисемитскую инициіативу. Сдѣлавшись товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи, разсматривавшей матеріалы о «вредѣ отъ евреевъ», доставленные послѣ погромовъ 1881 г. губернскими совѣщаніями, и проявилъ себя врагомъ евреевъ, соотвѣтственно ясно выраженному антисемитскому теченію правительственной политики.

Особой популярностью у общаго населенія и, въ частности, у евреевъ пользовались введенные въ дѣйствіе по уставамъ 20 ноября 1864 г. новые суды и, въ особенности, мировые суды. Популярность мирового суда нашла откликъ даже у дѣтей. Мы стали смѣлѣе встрѣчаться съ христіанскими мальчиками во дворахъ и на улицахъ, вѣря, что найдемъ защиту отъ обидчиковъ. Въ нашемъ околодкѣ былъ мировой судья, старикъ Поповъ; о мудромъ и справедливомъ судьѣ Половѣ было много разговоровъ въ нашей семьѣ, и у меня сложилось убѣжденіе, что никакая обида, нанесенная мнѣ какимъ нибудь Ванькой или Степкой, не останется безъ возмездія, если о ней будетъ освѣдомленъ Поповъ. Мнѣ было лѣтъ шесть, когда я однажды подвергся «нападенію» со стороны сосѣдняго мальчика-христіанина; онъ отнялъ у меня яблоко. Я со слезами пустился бѣжать къ камерѣ судьи Попова и, встрѣтивъ его, при помощи весьма малаго запаса извѣстныхъ мнѣ русскихъ словъ, объяснилъ ему нанесенную обиду. Поповъ

успокоилъ меня, и я ушелъ съ увѣренностью, что обидчикъ будетъ жестоко наказанъ.

Кто знаетъ, не имѣлъ ли этотъ случай въ моемъ дѣтствѣ вліянія на всю мою жизнь? Вѣра въ правосудіе... Не изучалъ ли я въ Пророкахъ значеніе «мишпатъ» для народнаго благополучія, немыслимаго безъ правосудія? И когда мнѣ пришлось впослѣдствіи избирать жизненный путь, быть можетъ невольно на моемъ выборѣ отразилось воспоминаніе о судьѣ Поповѣ и предопредѣлило рѣшеніе служить дѣлу правосудія въ качествѣ адвоката...

Городъ Полтава полонъ историческими памятниками о шведской побѣдѣ Петра Великаго. Возлѣ городского собора высится памятникъ Петру. Въ большомъ общественномъ саду передъ кадетскимъ корпусомъ красуется на большомъ каменномъ постаментѣ, окруженномъ тяжелою желѣзною цѣпью, Петровская колонна въ память о побѣдѣ. На этомъ постаментѣ молодежь любила проводить весенніе вечера, прислушиваясь къ пѣнію соловьевъ. Возлѣ этой колонны всегда толпились кучки дѣтей и гимназистовъ; тутъ же происходили встрѣчи старшихъ гимназистовъ съ гимназистками. Въ верстахъ 3-4 отъ города находится знаменитая шведская могила, — братская могила воиновъ, павшихъ въ бою со шведами. Но эти внѣшніе безмолвные памятники были единственными повѣствователями о былыхъ временахъ. Никакихъ разсказовъ или легендъ, связанныхъ съ именемъ Петра, не циркулировало въ населеніи. Не было даже легендъ о Мазепѣ и Кочубеѣ, хотя Диканька, воспѣтая Пушкинымъ, отстоитъ отъ Полтавы всего на 25 верстъ. Бродячіе бандуристы, слѣпые старцы-кобзари, которые на базарѣ и во всемъ городѣ, сидя на углахъ улицъ, распѣвали какія-то мнѣ, мальчику, непонятныя пѣсни, вторя сами себѣ на бандурѣ, не упоминали ни о Петрѣ, ни о Мазепѣ, ни о Кочубеѣ, а прославляли обыкновенно времена и дѣятелей Запорожской Сѣчи. Видно, въ народной памяти больше запечатлѣваются національные герои, чѣмъ чужіе завоеватели.

Полтава считалась настолько спокойной, далекой отъ всякихъ «движеній» провинціею, что служила даже мѣстомъ ссылки для политически - неблагонадежныхъ лицъ. Одно только полтавское земство того времени проявляло усиленную дѣятельность, спеціализируясь, главнымъ обра-

зомъ, въ дѣлѣ санитарной организаціи. Результатомъ ея явилось устройство образцовой для того времени и пользовавшейся превосходной репутаціей земской больницы со спеціальнымъ отдѣленіемъ для душевно больныхъ. Что касается городского самоуправленія, введеннаго въ 1870 г., то оно не проявляло особой дѣятельности ни въ отношеніи санитарномъ, ни просвѣтительномъ. Его иниціатива проявилась лишь въ устройствѣ реальнаго училища. Среди гласныхъ были въ небольшомъ числѣ и евреи, но среди послѣднихъ не было выдающихся дѣятелей. Въ мѣщанскомъ управленіи былъ, конечно, и еврей-староста или сборщикъ, игравшій видную роль въ «административной» жизни евреевъ, особенно со времени введенія всеобщей воинской повинности (1874 г.). Вопросы, связанные съ составленіемъ посемейныхъ списковъ и съ переходомъ въ мѣщанское общество изъ другихъ обществъ, съ разныхъ сторонъ затрагивали существенные интересы еврейскаго населенія. Кстати, отмѣчу, что мѣщанскія еврейскія общества въ Малороссіи крайне враждебно относились къ переходу въ эти общества вновь прибывавшихъ евреевъ изъ Литвы и другихъ мѣстъ: это объясняется традиціей, установленной во времена рекрутчины, когда численность ревизскихъ душъ вліяла на число требуемыхъ рекрутовъ изъ евреевъ.

Насколько я могу судить ретроспективно, перебирая свои воспоминанія дѣтства и юношества, я затруднился бы отмѣтить какія-либо особыя черты въ отношеніяхъ полиціи къ населенію вообще и къ еврейскому въ частности. Принципъ установленія «добрыхъ отношеній» съ представителями полиціи былъ въ Полтавѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, доминирующимъ. Съ полиціей старались «не имѣть дѣла», за исключеніемъ случаевъ, выходящихъ изъ ряда обычныхъ житейскихъ явленій. Но и полиція за населеніемъ мало наблюдала; городъ мирно загрязнялся, переполнялся пьяными, нищими; «троттуары», состоявшіе изъ положенныхъ въ длину досокъ, проваливались или превращались въ клавіатуру, и неосторожный путешественникъ, наступая на конецъ доски, часто получалъ ударъ по лбу другимъ концомъ ея. По вечерамъ тусклые фонарики лишь въ видѣ отдѣльныхъ звѣздъ изрѣдка мерцали на большомъ разстояніи одинъ отъ другого; а когда въ лѣтній знойный день поднимался вѣтеръ, воздухъ наполнялся непроницаемымъ облакомъ пыли, затруднявшей дыханіе и

покрывавшей собою листву многочисленныхъ акацій, обрамлявшихъ стороны улицъ.

Такова была Полтава 70-хъ годовъ.

Перейду къ изображенію еврейскаго населенія въ Полтавѣ по сохранившимся у меня воспоминаніямъ. Какъ я уже сказалъ, коренное еврейское населеніе Полтавы состояло изъ нѣсколькихъ тысячъ душъ малороссійскихъ евреевъ, тамъ уже родившихся, — во всякомъ случаѣ, изъ давнихъ старожиловъ. Эта группа и по своему внѣшнему виду отличалась отъ польско-волынскихъ евреевъ и «литваковъ». Я думаю, что не ошибусь, утверждая, что таково было еврейское населеніе не только губернскаго города, но и городовъ и мѣстечекъ всей губерніи, за исключеніемъ, быть можетъ, одного Кременчуга, который, находясь на рѣчномъ по Днѣпру сообщеніи съ Бѣлоруссіей (главный промыселъ тамъ былъ лѣсной сплавъ и рѣчной транспортъ), больше напоминалъ бѣлорусско-литовскій городъ, чѣмъ малороссійскій. Отличіе малорусскаго еврейства выражалось и въ языкѣ. Добрая половина словъ разговорно-еврейскаго языка состояла изъ русскихъ и малороссійскихъ словъ: это былъ скорѣе нѣмецко-русскій, чѣмъ нѣмецко-еврейскій діалектъ. Произношеніе еврейскихъ словъ было тоже иное. Вмѣсто литовскаго «досъ», «восъ» и польско-волынскаго растянутаго «дуусъ», произносили «дусъ», «вусъ», безъ пѣвучести, говорили безъ характерной еврейской жестикуляціи. Даже чисто антропологически малороссійскіе евреи отличались отъ другихъ: рѣже попадались чисто рыжіе волынскіе типы и чисто черные литовскіе, меньше было изможденныхъ съ блѣдными лицами, со впалой грудью и искривленной спиной. Но зато не было въ Полтавѣ и чернорабочихъ евреевъ. Я не могу припомнить ни одного еврея водоноса, грузчика, ломового извозчика, на подобіе тысячъ тѣхъ, которыхъ я впослѣдствіи видѣлъ въ литовскихъ городахъ. Были только ремесленники и торговцы.

Отличалось отъ другихъ малороссійское еврейство и по своему внутреннему укладу. Я уже упоминалъ, что, за рѣдкими исключеніями, они превосходно говорили на мѣстномъ малороссійскомъ нарѣчіи; они носили платье общаго мѣщанскаго типа, не было длинныхъ капотовъ, не было особыхъ, на подобіе польско-еврейскихъ, шапочекъ, ермолокъ и т. п. Попадались нерѣдко евреи со стрижены-

ми пейсами и даже съ остриженными бородами. Но въ общемъ они строго держались закона и внѣшнимъ своимъ религіознымъ благочестіемъ не уступали, во всякомъ случаѣ, литовскимъ евреямъ. Это внѣшнее благочестіе не имѣло, однако, внутренняго содержанія. Ученыхъ («ламдимъ») было среди нихъ очень мало, и въ общемъ они представляли собою типичныхъ «амгаарацимъ», т. е. невѣжественныхъ въ еврейской письменности людей, хотя каждый старался проявить пониманіе Торы и употреблялъ еврейскія изреченія, произнося ихъ и съ ошибками и не всегда кстати. Религіозное поведеніе малороссійскихъ евреевъ, я бы сказалъ, не вытекало изъ сознанія постояннаго общенія съ Божествомъ, какимъ проникнуто ортодоксальное еврейство Литвы. Благочестіе было холодное, не одухотворенное; смыслъ обрядовъ и религіозныхъ предписаній, которыми регулируется каждый шагъ еврея, оставался темнымъ, и поэтому и самая форма выполненія ихъ была часто извращенная. Все выполнялось слѣпо, подражательно. Въ молитвѣ не проявлялось никакой индивидуальности молящихся, всѣ какъ бы по командѣ выкрикивали отдѣльныя слова по установленному образцу. У малороссійскихъ евреевъ я никогда не наблюдалъ экстаза въ молитвѣ, когда молящійся, проникая въ возвышающій его духъ смыслъ произносимыхъ словъ, становится какъ бы очевидцемъ величія Божества, сливаясь съ идеей о немъ и уничтожаясь, какъ личность, предъ этимъ величіемъ. Въ домашней жизни семьи малороссійскаго еврея не бывало разговоровъ на отвлеченныя религіозныя темы. Они причисляли себя къ хассидамъ, но не было среди нихъ приверженцевъ опредѣленнаго цадика, тогда какъ волынскій еврей за «своего» цадика, — готовъ итти въ огонь и воду. Не было у нихъ и хассидской жизнерадостности, мистическаго настроенія, поддерживающаго духъ. Словомъ, не было у нихъ той высокой поэзіи въ религіозности, которая вноситъ столько теплоты въ исполненіе многосложныхъ обрядовъ и предписаній, не было и р а д о с т и въ служеніи Богу.

Но малороссійскіе евреи и не бравировали своимъ невѣжествомъ. Большинство старалось въ теченіе всей своей жизни пріобщиться къ еврейской мудрости. Мнѣ памятны субботніе «бенъ-минхо-лемайровъ», т. е. промежутки между предвечерней субботней молитвой и вечерней. Въ

молитвенныхъ домахъ собирались кучками у столовъ, за которыми какой нибудь меламедъ или болѣе ученый мѣстный домохозяинъ читалъ и разъяснялъ «мидрашъ» или «Эйнъ-Яковъ». Особенно же охотно внимали каббалистическимъ разглагольствованіямъ какого нибудь знатока-хассида. Приверженностью къ еврейской мудрости объясняется то уваженіе, которое питали мѣстные евреи къ меламедамъ высшаго ранга, т. е. преподававшимъ въ хедерахъ Талмудъ. Контингентъ ихъ доставляла исключительно Литва. Имѣть на полномъ иждивеніи особаго меламеда для своихъ дѣтей считалось признакомъ хорошаго тона у болѣе состоятельныхъ евреевъ. Въ качествѣ такого меламеда приглашенъ былъ въ свое время мой дѣдъ по матери — первый изъ нашей семьи, поселившійся въ Полтавѣ. Въ качествѣ таковаго же былъ выписанъ изъ Мира совсѣмъ молодымъ человѣкомъ мой отецъ, имѣвшій репутацію блестящаго талмудиста и обнаружившій вскорѣ недюжинный педагогическій талантъ. Первый подвизался въ домѣ одного мѣстнаго богатаго портного, а мой отецъ обучалъ Талмуду дѣтей другого, тоже богатаго портного.

Малороссійскіе евреи, судя по полтавскому населенію, какъ уже сказано, въ отличіе отъ волынскаго еврейства, не были заполонены цадикизмомъ. Хассидизмъ, распространившійся, начиная со второй половины XVIII вѣка черезъ Галицію по Волыни вплоть до кіевскаго района, остановился у границъ Малороссіи.

Надо отмѣтить, что хассидизмъ особенно ярко проявлялся въ мѣстностяхъ, находившихся подъ политическимъ или культурнымъ вліяніемъ поляковъ. Это явленіе имѣетъ и внутреннія, и внѣшнія причины. Къ внутреннимъ я отнесъ бы то, что еврейское населеніе, особенно болѣе невѣжественная часть его, поддалось въ этомъ отношеніи примѣру окружающаго польскаго населенія съ его религіознымъ католическимъ фанатизмомъ и безусловнымъ господствомъ духовенства надъ душами: еврейская масса тоже подчинилась безусловному руководству единственныхъ тогда въ его средѣ духовныхъ силъ. Живя въ городахъ и мѣстечкахъ совершенно обособленной жизнью, не приходя, вслѣдствіе религіозной нетерпимости, ни въ какое соприкосновеніе съ господствующимъ католическимъ населеніемъ, ощущая непримиримую религіозную вражду къ себѣ, болѣе образованный слой этой массы только въ одной

области могъ находить утѣшеніе: въ изученіи Торы, позволявшемъ человѣку жить полной духовной жизнью въ общеніи съ мудрецами черезъ вѣковыя книги. Другая же часть, быть можетъ болѣе многочисленная, не пріобщенная къ еврейской письменности, нуждалась въ одухотвореніи своей слѣпой преданности обряду не черезъ умственную внутреннюю работу, а черезъ воздѣйствіе на воображеніе, возбужденіе чувствъ и ощущеній. Выходъ изъ печальной страдальческой дѣйствительности былъ только въ вѣрѣ туманной, мистической, въ непосредственномъ проявленіи Божества доступными для воспріятія массъ символами и представленіями. Ученая часть еврейства жила пониманіемъ и изученіемъ закона, какъ воли Бога, пріобщалась къ божественному началу черезъ разумъ; неученая же жила ощущеніемъ Божества, и для этого требовала проповѣди, личнаго руководства въ исканіи истины и мистическомъ настроеніи; эту проповѣдь и руководство и давали цадики и окружавшіе ихъ поклонники хассиды.

Но въ Малороссіи еврейское населеніе не жило никогда скученно, не составляло большинства не только въ городахъ, но и въ мѣстечкахъ, не было искусственно изолировано отъ окружающаго населенія; будучи лишено возможности жить внутреннею умственною жизнью, быть въ постоянномъ общеніи съ еврейскимъ духомъ черезъ непосредственное изученіе его, — оно, съ другой стороны, не такъ и нуждалось въ замѣнѣ этой возможности, и удовлетворялось формальнымъ исполненіемъ традиціонныхъ обрядовъ и религіозныхъ правилъ, слѣпо слѣдуя имъ и удовлетворяясь обрывками знанія письменности.

Другой причиной — внѣшней — указаннаго явленія было то, что малочисленное и разрѣженное еврейское населеніе Малороссіи во вторую половину XVIII вѣка привыкло не считать себя осѣдлымъ: время отъ времени оно подвергалось изгнаніямъ, подобнымъ тому, которымъ обезсмертила себя Императрица Елисавета Петровна, когда, не взирая на представленія властей о пользѣ, приносимой евреями для мѣстной торговли, «не желая», по ея словамъ, «отъ враговъ Христовыхъ интересной прибыли», повелѣла приступить къ поголовному ихъ изгнанію.

Еврейскія общины стали образовываться въ Малороссіи, а также въ Новороссіи, лишь при Александрѣ I, когда

«губерніи Новороссійская и Полтавская» были причислены по Положенію о евреяхъ 1804 г. къ такъ называемой общей чертѣ еврейской осѣдлости. Еврейство въ Литвѣ, Польшѣ и Волыни подъ польскимъ господствомъ пользовалось общинной и духовной автономіей по «Магдебургскому праву». Еврейскіе кагалы — общинныя управленія — имѣли принудительную власть, право суда и расправы надъ евреями. Малороссійскіе же евреи, при образованіи общинъ, были подчинены общимъ россійскимъ законамъ, общей юрисдикціи во всемъ, кромѣ дѣлъ религіозныхъ и семейственныхъ.

Въ Полтавѣ не было «бесдина», т. е. еврейскаго суда, не было «дайонимъ»; изъ духовныхъ властей функціонировалъ только духовный раввинъ для разрѣшенія ритуальныхъ сомнѣній — «шайлесъ», (общій для всѣхъ категорій евреевъ: лишь впослѣдствіи появились особые раввины хассидскіе и миснагедскіе) и такъ называемый казенный, т. е. общественный раввинъ для метрикаціи рожденій, браковъ и смертей и для сношеній съ властями. Въ то время, къ которому относится мое дѣтство, въ Полтавѣ не было строгаго раздѣленія, не говоря уже объ обособленіи, между хассидами и миснагдами. Всѣ причисляли себя принципіально къ хассидамъ, за небольшими исключеніями. Поэтому молитвенные дома одинаково вмѣщали и хассидовъ, и миснагдовъ. Только впослѣдствіи, къ концу 70-хъ гг., выстроенъ былъ спеціальный миснагедскій молитвенный домъ. Молитвенныхъ домовъ, кромѣ хоральной синагоги, о которой говорилось выше, было нѣсколько, съ значительнымъ числомъ прихожанъ въ каждой. Изъ нихъ выдѣлялся одинъ строго хассидскій («хабадъ»). Въ этомъ домѣ группировались наиболѣе интеллигентные въ еврейскомъ смыслѣ прихожане; зажиточные ортодоксальные «гвиримъ» занимали «мизрахъ», т. е. мѣсто у стѣны по сторонамъ Кіота. Здѣсь процвѣтало изученіе Талмуда, и сюда главнымъ образомъ стекались пріѣзжіе литваки, желавшіе выдвинуться въ качествѣ ученыхъ евреевъ. Въ этомъ молитвенномъ домѣ постоянно молились мой дѣдъ и отецъ, сюда приводили обыкновенно на молитву и меня.

На моихъ глазахъ еврейское населеніе Полтавы пополнялось литваками, пріѣзжавшими на Ильинскую ярмарку и осѣдавшими тамъ, а также ищущими занятій переселен-

цами изъ литовскихъ и бѣлорусскихъ городовъ. Многіе изъ нихъ сохранили прозвища по городамъ, откуда они пріѣзжали. Такъ, одинъ мой дѣдъ назывался «деръ Миреръ», второй дѣдъ по отцу «деръ Налибокеръ», мой отецъ съ самаго начала былъ популяренъ, какъ зять «Мирера» — «демъ Мирерсъ эйдемъ», я же такъ и оставилъ Полтаву по окончаніи гимназіи съ кличкой «внукъ Мирскаго» — «демъ Мирерсъ эйнекель».

Пріѣзжихъ волынцевъ среди осѣдавшаго новаго еврейскаго населенія было мало. Литваки быстро приспособлялись къ условіямъ мѣстной жизни и изъ меламедовъ часто превращались въ торговцевъ и даже промышленниковъ. Ремесленниковъ изъ Литвы почти вовсе не прибывало, и по понятнымъ причинамъ: если еврей-ремесленникъ рѣшался подняться съ мѣста, то онъ, пользуясь правомъ на повсемѣстное жительство, предоставленнымъ ремесленникамъ по закону 1865 г., переходилъ во внутреннія губерніи, гдѣ не встрѣчалъ конкурренціи ни со стороны евреевъ, вовсе тамъ отсутствовавшихъ, ни со стороны христіанскаго населенія.

Общинная еврейская жизнь въ Полтавѣ носила крайне блѣдный характеръ. Была «хевра-кадишо», вѣдавшая кладбищемъ и погребеніемъ умершихъ; были, конечно, молитвенные дома и синагога. Коробочный сборъ сдавался, конечно, на откупъ частнымъ предпринимателямъ («балтаксе»). Населеніе этимъ сборомъ мало интересовалось. Изъ общинныхъ учрежденій функціонировала еврейская больница, устроенная по иниціативѣ богатаго откупщика Португалова и его зятя А. М. Варшавскаго, переселившагося потомъ въ Петербургъ и ставшаго извѣстнымъ желѣзнодорожнымъ строителемъ. Она содержалась на средства, предоставленныя этими лицами, на отчисленія изъ суммъ коробочнаго сбора и на добровольныя пожертвованія. Какъ обычно, среди евреевъ процвѣтала частная благотворительность; но отсутствовало организованное общественное призрѣніе. Существовала и очень запущенная талмудъ-тора, которая лишь впослѣдствіи, при помощи средствъ, отпускавшихся изъ петербургскихъ организацій, была преобразована и обзавелась даже профессіональными классами. Не забывали Полтаву посланцы отъ разныхъ ешиботовъ («мешулохимъ»), главнымъ образомъ, литовскихъ, какъ Мирскаго и Воложинскаго. Пріѣзжали также

съ вѣрительными грамотами послы разныхъ цадиковъ. Каждый изъ такихъ посланцевъ имѣлъ свой сезонъ, и ежегодно въ опредѣленное время можно было на улицахъ города встрѣтить даннаго сборщика пожертвованій.

Въ воспитаніи дѣтей господствовала исключительно хедерная система. Съ 5-6-лѣтняго возраста считалось обязательнымъ помѣстить мальчика въ хедеръ. Дѣвочекъ въ хедеръ не отдавали. Полтавскіе хедеры не отличались отъ общаго типа, но въ нихъ отсутствовалъ институтъ такъ называемыхъ «бегельферовъ», столь распространенный въ юго-западныхъ и литовскихъ хедерахъ. Преобладающая категорія хедеровъ была «дардеки», т. е. такіе, въ которыхъ дѣти обучались чтенію по еврейски, изучали Пятикнижіе и весьма мало Пророковъ («танахъ»), а до Талмуда не доходили. Большинство дѣтей на этомъ и кончало свое образованіе и поступало затѣмъ въ торговыя заведенія, въ качествѣ будущихъ приказчиковъ, или же ихъ отдавали въ обученіе ремеслу. Болѣе зажиточные евреи считали своей обязанностью проводить дѣтей и черезъ высшій хедеръ (геморе-хедеръ) и пріобщить ихъ къ знанію, хотя бы и неполному, Талмуда.

Я уже упомянулъ, что въ Полтавѣ функціонировало 4-классное училище типа закона 1844 года. Но оно было такъ мало популярно въ населеніи, что въ немъ обучалось весьма мало дѣтей мѣстныхъ жителей. Я не могу припомнить ни одного мѣстнаго семейства, которое помѣстило бы своего мальчика въ это училище: контингентъ учащихся въ немъ состоялъ главнымъ образомъ изъ пріѣзжихъ дѣтей.

Какой то рокъ тяготѣлъ надъ еврейскими казенными училищами. Устроенныя при министрѣ народнаго просвѣщенія гр. Уваровѣ, преисполненномъ лучшими намѣреніями пріобщить евреевъ къ общему просвѣщенію и увлекавшемся идеей, внушенной Лиліенталемъ, вести евреевъ по пути, проложенному нѣмецкимъ еврействомъ, начиная съ Мендельсона, — эти училища были осуждены на безсиліе, вслѣдствіе нежеланія евреевъ вступать на путь реформъ, навязывавшихся свыше и не соотвѣтствовавшихъ тогда внутренней потребности еврейства. Не имѣя ни своего Мендельсона, ни своего Вессели (друга и соратника Мендельсона), ни Гумпертца, Гомберга и др., еврейство не могло поддаться внушеніямъ сіятельныхъ и превосходительныхъ

Мендельсоновъ изъ среды христіанскихъ вельможъ, хотя бы и одушевленныхъ благожелательными устремленіями, подъ вліяніемъ доморощенныхъ подражателей Мендельсона, вродѣ Лиліенталя, Мандельштама и др.

Характеренъ и вызываетъ на размышленія тотъ фактъ, что среди евреевъ мандельштамовскій переводъ Пятикнижія (первый переводъ на русскій языкъ) остался совершенно неизвѣстенъ. Правда, этотъ переводъ далеко не безупреченъ и ни въ какой мѣрѣ не можетъ идти въ сравненіе съ мендельсоновскимъ нѣмецкимъ переводомъ, обогащеннымъ комментаріями самого Мендельсона, и его друзей Вессели, Дубно, Гомберга. Правда и то, что этотъ переводъ не вызванъ былъ какой либо потребностью самого еврейства сѣверо и юго-западнаго края — оно не понимало русскаго языка. Но въ Малороссіи и въ Новороссіи этотъ переводъ могъ бы облегчить многимъ евреямъ, не прошедшимъ черезъ хедеръ, знакомство съ Пятикнижіемъ. И тѣмъ не менѣе, я не припомню, чтобы въ дѣтствѣ гдѣ либо видѣлъ экземпляръ Мандельштамовскаго перевода. Объясненіе этому явленію можетъ быть дано тѣмъ, что обученіе Пятикнижію являлось тогда дѣломъ чисто механическимъ: дѣтямъ полагалось «знать» кое-что изъ Пятикнижія на еврейскомъ языкѣ, но понимать содержаніе не требовалось; и поэтому Библія Мандельштама, ненужная для хедернаго обученія (да и меламеды рѣдко читали по русски) — осталась чуждой и въ домашнемъ обиходѣ, даже у тѣхъ классовъ евреевъ, которые по древне-еврейски плохо понимали. Мандельштамовскій казенный переводъ, изданный на правительственныя средства, остался такъ же неизвѣстенъ этому классу евреевъ, какъ и переводъ на нѣмецкій языкъ Мендельсона, напечатанный еврейскимъ шрифтомъ.

Духовнымъ раввиномъ въ Полтавѣ былъ почтенный старецъ (помню его имя — рабби Аврумъ Носонъ Ноте), ничѣмъ не отличавшійся и не имѣвшій никакого вліянія на мѣстное населеніе. Гораздо болѣе видную роль въ жизни мѣстнаго еврейскаго населенія играли «шохтимъ» — рѣзники, бывшіе на жалованіи у содержателя коробочнаго сбора. Они почитались, какъ религіозные авторитеты; въ особенности одинъ изъ нихъ, высокій, статный, рыжебородый, помню — съ благороднымъ и очень интеллигентнымъ лицомъ. — Никакой роли въ мѣстной обществен-

ной жизни не игралъ и общественный раввинъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ этимъ раввиномъ былъ Зайдинеръ, питомецъ житомірскаго раввинскаго училища. Это былъ незначительный человѣкъ, безъ всякой еврейской эрудиціи, робкій и несамостоятельный предъ начальствомъ, не проявлявшій инициативы и смѣлости передъ евреями. Онъ не имѣлъ авторитета даже у насъ, дѣтей, воспитанниковъ гимназіи, гдѣ онъ числился законоучителемъ. Онъ намъ задавалъ уроки по исторіи евреевъ, составленной О. Н. Бакстомъ, какъ у насъ говорилось, «отселева до селева»; никакихъ свѣдѣній по еврейскому вѣроученію не давалъ, и расположить насъ къ изученію родной исторіи не умѣлъ. Я никогда не слышалъ ни одной его проповѣди по той простой причинѣ, что онъ никогда не проповѣдывалъ. Вообще онъ не отличался благочестіемъ. Характерно, что сынъ его, обучавшійся въ мѣстной гимназіи, не зналъ по еврейски.

До него въ Полтавѣ былъ извѣстный въ то время Гурляндъ. (Если не ошибаюсь, это былъ отецъ ярославскаго профессора Гурлянда, — того самаго, котораго Штюрмеръ, впослѣдствіи предсѣдатель совѣта министровъ, пригласилъ въ 90-хъ годахъ въ Петербургъ въ качествѣ чиновника при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; этотъ профессоръ составилъ извѣстную Записку съ проектомъ уничтоженія земствъ, а кромѣ того былъ негласнымъ руководителемъ цензурнаго вѣдомства. Само собою разумѣется, крещеный). Раввинъ Гурляндъ, по разсказамъ, слышаннымъ мною въ дѣтствѣ, пользовался своею властью, какъ истый чиновникъ, олицетворяя собою «правительственное око». Помню, съ какимъ возмущеніемъ разсказывали, что онъ запрещалъ танцовать въ синагогѣ въ праздникъ Симхасъ-Тора; что, по его распоряженію, былъ однажды въ этотъ праздникъ удаленъ изъ синагоги благочестивый еврей, носившій, вслѣдствіе своего живого темперамента, кличку «деръ Лейбедикеръ», т. е. живчикъ, неукоснительно — разъ въ году — въ этотъ день «выпивавшій» и пускавшійся въ плясъ на радостяхъ, по случаю окончанія чтенія торы. Такое точное исполненіе раввиномъ обязанности, возложенной на него закономъ, — слѣдить за порядкомъ богослуженія при содѣйствіи ученаго еврея (таковымъ въ большой синагогѣ былъ при мнѣ помощникъ провизора и негласный, хотя и талантливый ходатай по

дѣламъ, — но не умѣвшій читать по еврейски) — создало Гурлянду много враговъ и, конечно, при новыхъ выборахъ онъ былъ забаллотированъ. При Зайдинерѣ зато никто не мѣшалъ «живчику» ознаменовывать праздникъ Торы надлежащей выпивкой и сердечнымъ плясомъ въ синагогѣ, а за нимъ ужъ и менѣе темпераментные почтенные обыватели степенно вступали въ «дрейдель» (танецъ, при которомъ участники кладутъ другъ другу руки на плечо и, при мѣрномъ пѣніи молитвенныхъ славословій самими танцующими и окружающими, въ припрыжку кружатся на одномъ мѣстѣ).

Представителей культурнаго еврейства въ Полтавѣ было очень немного. Въ 70-хъ годахъ тамъ было всего два еврея врача, державшихся вдали отъ еврейской жизни. Изъ нихъ одинъ былъ докторъ Леонъ Мандельштамъ, братъ профессора-окулиста Макса Мандельштама: того незабвеннаго Мандельштама, который занялъ столь почетное мѣсто въ исторіи русскаго еврейства въ качествѣ общественнаго дѣятеля въ Кіевѣ, главы русскихъ сіонистовъ перваго набора, а впослѣдствіи, послѣ шестого Базельскаго конгресса, ставшаго во главѣ территоріалистовъ.

Съ Максимомъ Емельяновичемъ Мандельштамомъ я имѣлъ случай встрѣтиться еще будучи семилѣтнимъ мальчикомъ, и вотъ по какому поводу. По шалости я ушибъ себѣ лѣвый глазъ; образовалось воспаленіе слезнаго мѣшка, а потомъ обнаружилась и фистула. Леченіе у мѣстныхъ врачей не давало результатовъ. И вдругъ стало извѣстно, что въ Полтаву на нѣкоторое время прибылъ молодой, но уже знаменитый окулистъ докторъ Мандельштамъ, братъ мѣстнаго доктора, сынъ старика Мандельштама, жившаго въ Полтавѣ. (Послѣдній былъ братъ упомянутаго переводчика Библіи). Мои родители не упустили случая показать мой глазъ знаменитости, и я въ теченіе нѣкотораго времени ходилъ къ нему на пріемъ въ полтавскую земскую больницу. Запуская мнѣ зондъ въ рану возлѣ глаза, онъ на еврейскомъ языкѣ велъ со мною бесѣды на библейскія темы. Надо ли сказать, что докторъ Мандельштамъ представлялся мнѣ въ ореолѣ высшей мудрости и доброты. Помню выраженіе его лица, его свѣтлые чистые глаза; у меня до сихъ поръ осталось ощущеніе запаха его рукъ, причинявшихъ мнѣ боль и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безконечное удовольствіе при прикосновеніи къ моему лицу; помню

и горделивое свое чувство при мысли, что этотъ великій врачъ — еврей.

Тотъ же больной глазъ далъ мнѣ случай въ раннемъ дѣтствѣ встрѣтиться и съ другимъ знаменитымъ окулистомъ изъ евреевъ, профессоромъ Гиршманомъ въ Харьковѣ. Глазъ не поддавался леченію, Мандельштамъ уѣхалъ изъ Полтавы, и моимъ родителямъ пришлось прибѣгнуть къ героическимъ мѣрамъ. Было это во время окончанія постройки Харьково-Николаевской желѣзной дороги, и Полтава со дня на день готовилась связаться желѣзнодорожнымъ путемъ съ Харьковомъ. Это событіе ожидалось въ Полтавѣ съ понятнымъ нетерпѣніемъ. Какъ только открылось товарное движеніе на открытыхъ платформахъ, бабушка отправилась со мной въ Харьковъ къ гремѣвшему славой чародѣю Гиршману. Мнѣ было 9 лѣтъ. Въ моей памяти сохранились впечатлѣнія отъ этой поѣздки съ длинными остановками на станціяхъ, въ теченіе около двухъ сутокъ. Я былъ оглушенъ городскимъ шумомъ въ университетскомъ городѣ Харьковѣ. На улицахъ встрѣчались студенты въ пледахъ; каждый изъ нихъ внушалъ мнѣ благоговѣніе и уваженіе. Мы помѣстились съ бабушкой на квартирѣ у мѣстнаго рѣзника. Квартирныя неудобства искупались жирными супами и обиліемъ мяса, на которое не скупилась наша хозяйка. Ходили слухи, что Гиршманъ еврей. Его пріемная уже тогда представляла собой нѣчто необычайное. Со всѣхъ странъ свѣта стекались слѣпнущіе, слѣпые и страждущіе глазами люди всякаго званія и всякихъ національностей. Больныхъ проф. Гиршманъ принималъ при содѣйствіи нѣсколькихъ ассистентовъ. Жутко было мнѣ подходить къ креслу, на которомъ возсѣдалъ самъ Гиршманъ. Одно званіе «профессоръ» внушало мнѣ благоговѣйный трепетъ. Но когда я разглядѣлъ его блѣдное, окаймленное черной бородой лицо, его длинныя черныя кудри, и на меня обратились отдающіе особымъ блескомъ свѣтлые его глаза, и я услышалъ его ласковый голосъ, разспрашивавшій о моей болѣзни и каждый разъ, при изслѣдованіи раны, участливо приговаривавшій: «что, больно?» — я почувствовалъ, что готовъ отдать свою жизнь по первому его желанію. Уходя отъ него, я считалъ часы до того момента, когда на слѣдующій день мнѣ придется еще разъ предстать предъ его свѣтлые взоры. Онъ подвергъ меня серьезной операціи подъ хлороформомъ

(повторенной черезъ годъ), удалилъ фистулу, хотя и не совсѣмъ залечилъ больное мѣсто: я такъ на всю жизнь и остался со слѣдами дѣтской шалости у лѣваго глаза. Скажу тутъ же, что съ проф. Гиршманомъ мнѣ пришлось встрѣтиться впослѣдствіи, лѣтъ сорокъ спустя, на водахъ въ Гомбургѣ, близъ Франкфурта на Майнѣ. Я уже былъ имѣвшимъ имя адвокатомъ и общественнымъ дѣятелемъ. Гиршманъ обо мнѣ слышалъ, и когда я встрѣтился съ нимъ, уже старцемъ, сохранившимъ, однако, полную свѣжесть ума и всѣ неоцѣнимыя качества сердца, мы много и часто задушевно бесѣдовали на общія политическія темы, въ частности, по еврейскому вопросу. Много было у него воспоминаній о Харьковѣ — онъ прожилъ тамъ съ самаго дѣтства. Было забавно, какъ Гиршманъ напрягалъ свою память, желая вспомнить меня, 9-лѣтняго паціента, и добродушно удивляясь, почему онъ, помнящій десятки тысячъ паціентовъ за много десятилѣтій, никакъ не можетъ припомнить меня. — Съ тѣхъ поръ каждый разъ, когда я пріѣзжалъ въ Харьковъ, я пользовался гостепріимствомъ у него, въ особенности со стороны его жены урожденной княгини Кудашевой: говорю о гостепріимствѣ его жены, потому что Гиршманъ самъ былъ гостемъ у себя дома, — пріемная его не измѣнила своего вида, который имѣла въ 70-хъ годахъ.

Возвращаюсь къ полтавской интеллигенціи. Самымъ виднымъ интеллигентомъ*) былъ Емельянъ Мандельштамъ и члены его семьи. Родомъ изъ Жагоръ, близъ Курляндіи, Мандельштамъ былъ совершенно онѣмеченный еврей; въ семьѣ разговорнымъ языкомъ былъ нѣмецкій. Поселился онъ въ Полтавѣ давно и занимался оптовой продажей пушного товара. Я помню его уже довольно преклоннымъ старикомъ. Старшій сынъ его Леонъ, упомянутый выше, врачъ, считался однимъ изъ модныхъ докторовъ въ Полтавѣ, лечилъ «даже» губернатора, и состоялъ помощникомъ губернскаго врачебнаго инспектора. Другіе сыновья, за ис-

---

*) Пользуюсь словомъ «интеллигентъ», какъ общепринятымъ терминомъ для обозначенія человѣка просвѣщеннаго въ смыслѣ общаго, не спеціально-еврейскаго образованія. Терминъ этотъ я предпочелъ бы выбросить изъ нашего обиходнаго языка. По истинной «интеллигентности» простой ортодоксальный еврей часто превосходитъ дипломированныхъ евреевъ.

ключеніемъ Макса, при мнѣ въ Полтавѣ не бывали, — кромѣ послѣдняго, окончившаго гимназію года на два раньше меня и умершаго, будучи студентомъ. Старшая дочь Мандельштама жила въ Полтавѣ, замужемъ за нотаріусомъ Гурвичемъ, однимъ изъ первыхъ евреевъ, допущенныхъ на должность нотаріуса; это былъ виленскій выходецъ, въ молодости обладавшій большой еврейской эрудиціей, но потомъ совершенно отстранившійся отъ всего еврейскаго. Мандельштамъ жилъ въ собственномъ домѣ, его нигдѣ нельзя было встрѣтить, и въ городѣ ходили легенды о его необъятномъ образованіи и учености. Впослѣдствіи я бывалъ у старика. У него была значительная еврейская библіотека, и любимымъ его занятіемъ было чтеніе философскихъ книгъ. Изъ бесѣдъ съ нимъ я, припоминаю, вывелъ заключеніе, что онъ самъ готовитъ какое-то сочиненіе, нѣчто вродѣ комментарія къ пророкамъ; но манускрипта я не видѣлъ, и послѣ его смерти (въ самомъ концѣ 90-хъ годовъ) не слышалъ ни отъ членовъ его семьи, ни даже отъ М. Е. Мандельштама въ Кіевѣ, съ которымъ сравнительно часто встрѣчался при наѣздахъ въ Кіевъ, о какихъ либо матеріалахъ, оставшихся послѣ его отца. — Въ домѣ Мандельштама бывали христіане, въ особенности молодые люди, товарищи его младшаго сына. Это былъ, можетъ быть, единственный музыкальный домъ въ Полтавѣ. Младшая дочь была видной піанисткой. Изъ евреевъ у Мандельштама никто не бывалъ, дѣти его также въ еврейскихъ семьяхъ нигдѣ не бывали, и такимъ образомъ, этотъ единственный еврейскій культурный домъ, въ которомъ все дышало дѣйствительной европейской цивилизаціей, не имѣлъ никакого вліянія на культурный уровень евреевъ въ Полтавѣ. А между тѣмъ я не сомнѣваюсь, что при желаніи, Мандельштамъ съ большой легкостью могъ бы сыграть въ Полтавѣ роль хотя бы мѣстнаго Мендельсона: въ Малороссіи еврейская масса легко поддавалась культурному воздѣйствію, такъ какъ тамъ ей не приходилось преодолѣвать вѣковой традиціи обособленности и замкнутости въ сферѣ еврейскаго образованія и письменности. Я Мандельштама никогда не встрѣчалъ въ синагогѣ. Въ тѣхъ небольшихъ общественныхъ начинаніяхъ, которыя изрѣдка занимали еврейское общественное мнѣніе, онъ никакого участія не принималъ. Я отъ старика Мандельштама впослѣдствіи, когда я у него бывалъ, никогда не слышалъ о его

братѣ, переводчикѣ Библіи. Долженъ тутъ же сказать, что, встрѣтившись одинъ разъ въ Петербургѣ съ этимъ послѣднимъ, я и въ немъ замѣтилъ отсутствіе интереса къ семьѣ Емельяна Мандельштама. Окулистъ Максъ Мандельштамъ навѣщалъ ежегодно отца въ Полтавѣ, но оставался каждый разъ очень короткое время. Въ молодые годы онъ отдавалъ себя исключительно медицинѣ; еврейскими общественными вопросами онъ сталъ интересоваться, какъ онъ самъ мнѣ неоднократно говорилъ при встрѣчахъ въ Кіевѣ, лишь послѣ погромовъ 1881 г. и послѣ того, какъ, несмотря на его заслуги въ области офтальмологіи, онъ не былъ допущенъ къ занятію профессорской кафедры въ Кіевскомъ университетѣ только потому, что онъ былъ еврей. Зато послѣ этого М. Е. Мандельштамъ сталъ въ Кіевѣ, какъ извѣстно, центромъ, вокругъ котораго группировались интеллигентныя силы, активно работавшія на еврейскомъ общественномъ поприщѣ.

Еврейскій учительскій персоналъ казеннаго училища не представлялъ никакого интереса, за исключеніемъ одного, котораго я помню уже глубокимъ старикомъ, Михеля Чериковера. Это былъ одинъ изъ піонеровъ еврейскаго просвѣщенія. Я, къ сожалѣнію, не помню никакихъ біографическихъ данныхъ о немъ. Онъ преподавалъ въ еврейскомъ училищѣ Библію и еврейскій языкъ. Совершенно свободный въ отношеніи религіозномъ, онъ вѣровалъ, что еврейство пріобщится къ общей культурѣ и только тогда освободится отъ внѣшняго гнета. Онъ былъ искреннимъ послѣдователемъ Мендельсона; но жилъ очень замкнуто, былъ чрезвычайно скроменъ и никакого отношенія къ еврейскимъ общественнымъ дѣламъ въ Полтавѣ не имѣлъ. У него были дѣти въ гимназіи, и поэтому еврейская гимназическая молодежь у него бывала. Бывалъ и я, будучи гимназистомъ, въ его домѣ. Мы проводили тамъ время въ оживленной бесѣдѣ на злобу дня, но старикъ Чериковеръ больше слушалъ насъ, молодыхъ, и только изрѣдка вмѣшивался въ разговоръ. У меня такъ и не осталось воспоминаній о его взглядахъ по политическимъ вопросамъ и спеціально по еврейскому вопросу. Одинъ изъ сыновей Чериковера, Хаимъ, былъ очень ортодоксаленъ и принималъ участіе во всѣхъ общественныхъ начинаніяхъ. Его сынъ Илья — извѣстный историкъ, одинъ изъ основателей Виленскаго Научнаго Еврейскаго Института и авторъ исто-

рическихъ изслѣдованій, въ частности, книги объ украинскихъ погромахъ 1918-1919 г.г.

Кромѣ названныхъ, никакихъ культурныхъ интеллигентскихъ элементовъ въ Полтавѣ не было. Два-три семейства наиболѣе богатыхъ имѣли внѣшній культурный обиходъ, но только внѣшній. Эти богачи представляли собою общій типъ богатыхъ евреевъ въ Малороссіи, безъ всякихъ традицій; для нихъ умноженіе капитала было цѣлью жизни, и, какъ истинные выскочки, они кичились своимъ богатствомъ. Культурныя стремленія ихъ выражались лишь въ томъ, что въ ихъ домахъ имѣлись французскія гувернантки. Не было въ Полтавѣ и кружка ортодоксальныхъ евреевъ съ какими либо традиціями въ области еврейской жизни, столь богатой разнообразными трогательными чертами. Такія семьи, составляющія истинную еврейскую аристократію, имѣлись во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ центрахъ въ Литвѣ и на Волыни.

Такова была еврейская Полтава 70-хъ годовъ.

ГЛАВА II.

Семейная обстановка. — Мирскій и налибокскій дѣды. — Хедерное ученіе. — Плохое изученіе пророковъ. — «Пирке-Аботъ». — Субботній день. — Мои меламеды. — Война 1870 г. и настроеніе евреевъ. — Начало изученія талмуда. — Янкель-Нохимъ Черный. — Химикъ Гордонъ. — «Дроше» на свадьбѣ дяди. — Самостоятельное изученіе талмуда въ возрастѣ послѣ 10 лѣтъ.

Семья, въ которой я выросъ, представляла на общемъ фонѣ полтавской еврейской жизни исключительное явленіе. Мой отецъ, тонкій талмудистъ, со склонностью къ философствованію, большой мечтатель и жизнерадостный оптимистъ. Для него не было настоящаго момента, онъ всегда жилъ будущимъ. И это будущее рисовалось ему въ розовыхъ краскахъ. Онъ легко воспламенялся, приходилъ въ энтузіазмъ, загорался, какъ отъ искры, отъ удачной мысли. Мечталъ онъ не только про себя, но и вслухъ. И не разъ приходилось мнѣ подслушивать его мечтанія, сосредоточенныя на мнѣ, — на ребенкѣ, по его мнѣнію, исключительныхъ способностей. Честолюбіе его въ отношеніи меня не шло, однако, дальше того, что я стану красой Израиля въ смыслѣ еврейской учености. Его дѣйствительно безконечная любовь ко мнѣ и проявляемая имъ нѣжность, необычная въ еврейской ортодоксальной семьѣ, не мѣшала ему быть въ отношеніи меня крайне взыскательнымъ, требовать отъ меня, начиная съ пятилѣтняго возраста, самаго строгаго исполненія всѣхъ сложныхъ обязанностей благочестиваго еврейскаго мальчика: утренняя, предвечерняя и вечерняя молитвы, обязательное благословеніе имени Божія передъ ѣдой, передъ питьемъ, молитва передъ сномъ и еще одна утренняя молитва при умываніи. Не было у меня момента въ теченіе дня, который

не былъ бы пріуроченъ къ какой либо религіозной обязанности. Я чувствовалъ себя опутаннымъ въ сѣти велѣній и запретовъ. И все это на сѣромъ фонѣ крайне бѣдной обстановки (мы жили въ 1-2 комнатахъ, въ составѣ не менѣе 5-6 человѣкъ семьи). Нужда была постоянная; съ тревогой моя мать встрѣчала еженедѣльно день четверга, когда, въ виду приближающейся субботы, необходимо было сразу затратить на базарѣ не менѣе 3-4 рублей. На меня угнетающе дѣйствовали неимовѣрные труды больной матери, нѣжно мною любимой, типичной еврейской женщины-страдалицы. Не было у меня дѣтскихъ радостей; не помню, чтобы я былъ когда либо обладателемъ игрушки. Я исполнялъ только обязанности, и никакихъ дѣтскихъ правъ мнѣ не предоставляли. Меня со всѣхъ сторонъ невидимыя нити притягивали къ Божеству, отъ котораго зависитъ каждый мой шагъ. Я постепенно становился маленькимъ мистикомъ. Я вѣрилъ, что во мнѣ два духа — духъ добра и духъ зла; въ борьбѣ между ними долженъ побѣдить духъ добра, и рѣшить побѣду долженъ я, какъ бы посторонній этимъ двумъ борющимся силамъ. Я отчетливо припоминаю, что на каждомъ шагу я предавался оцѣнкѣ, является ли данное мое желаніе результатомъ внушенія духа добра или духа зла. Разсказы о геенѣ, ожидающей грѣшника, картины рая, открывающаго свои двери праведнику, меня сильно волновали. Вѣрилъ я и разсказамъ о злыхъ демонахъ, о нечистой силѣ, подстерегающей человѣка и улавливающей его въ свои гибельныя сѣти, и вообще всему тому, что обычно разсказывается въ хассидской средѣ и составляетъ отраженіе мистическаго настроенія и каббалистической учености. Я съ ранняго дѣтства привыкъ чутко провѣрять собственныя побужденія, былъ пріученъ къ постоянной самокритикѣ и самонаблюденію. Къ счастію, я былъ окруженъ цѣлымъ моремъ заботъ обо мнѣ, какъ со стороны отца и матери, такъ и со стороны дѣда по матери и обѣихъ бабушекъ.

Особенное вліяніе на мое воспитаніе имѣлъ отецъ матери, котораго мы, въ отличіе отъ дѣда по отцу, звали «деръ миреръ зейде», т. е. мирскій дѣдушка. Онъ первый, какъ я сказалъ, поселился въ Полтавѣ и постепенно перетянулъ за собою свою семью, а потомъ за нею потянулась и семья дѣда по отцу, всѣ члены которой поселились въ Полтавѣ и въ сосѣднихъ деревняхъ. Мир-

скій дѣдушка — Ошмянскій — былъ всеобщимъ любимцемъ въ городѣ. Крайне общительный, необычайно остроумный, онъ всегда сыпалъ въ разговорѣ притчами, поговорками; для всякаго случая у него находился соотвѣтствующій анекдотъ. Онъ привлекалъ къ себѣ людей, и никого такъ охотно не слушали въ молитвенномъ домѣ, какъ «демъ миреръ меламедъ». Онъ не былъ глубокимъ талмудистомъ, но зато былъ рѣдкимъ знатокомъ мидраша, и поэтому особенно импонировалъ невѣжественной еврейской массѣ, для которой только мидрашъ и былъ доступенъ. Въ частной жизни онъ былъ послушнымъ рабомъ своей жены, моей бабки, и мнѣ, какъ ребенку, казалось, что задача жизни дѣдушки заключалась въ постоянномъ успокоеніи бабушки, бурной по темпераменту, хотя и безконечно доброй женщины. Дѣдъ всегда былъ «виноватъ», съ рѣдкимъ добродушіемъ и тонкой ироніей онъ всегда подставлялъ повинную голову подъ потокъ упрековъ и обвиненій со стороны бабушки. Я особенно любилъ проводить время съ этимъ дѣдомъ. Въ той же мѣрѣ, въ какой я былъ привязанъ къ нему, я избѣгалъ встрѣчъ съ другимъ дѣдомъ, котораго мы звали Налибокскимъ и который представлялъ по своему характеру полную противоположность «мирскому» дѣдушкѣ. Налибокскій дѣдъ, — закаленный твердый характеръ, суровый и по виду, и въ жизни, жесткій въ обращеніи, взыскательный. Малѣйшая провинность неминуемо влекла за собою наказаніе въ видѣ сѣченія, причемъ часто орудіемъ сѣченія служила твердая, какъ изъ кожи ермолка, вытряхиваемая въ этихъ случаяхъ изъ-подъ шапки. Въ отношеніи религіозномъ онъ былъ большимъ энтузіастомъ. Во время молитвы, онъ впадалъ въ экстазъ. Образъ жизни онъ велъ спартанскій. Ни для себя, ни для членовъ семьи онъ не допускалъ ни малѣйшаго излишества. Этимъ объясняется то, что онъ сравнительно скоро сколотилъ «капиталъ» въ нѣсколько сотъ рублей и могъ на окраинѣ города завести маленькую торговлю. Мы, дѣти, норовили попасть къ бабушкѣ въ его отсутствіе; тогда, оглядываясь по сторонамъ, она вытаскивала припрятанные для насъ кусочки пряниковъ и другихъ лакомствъ и баловала ими внуковъ.

Отецъ и оба дѣда шагъ за шагомъ слѣдили за моимъ умственнымъ развитіемъ, выражавшимся въ хедерныхъ успѣхахъ. Не успѣлъ я научиться читать по еврейски, какъ

меня перевели въ разрядъ «хумешъ», т. е. къ изученію Пятикнижія; не успѣлъ я освоиться съ библейскимъ языкомъ Пятикнижія, какъ меня еще не достигшаго семилѣтняго возраста, посадили за Талмудъ. Не было рѣчи объ изученіи древне-еврейскаго языка по какой либо системѣ.

Еврейская грамматика («дикдукъ») считалась не только ненужнымъ отвлеченіемъ отъ главнаго предмета, но и морально вреднымъ. Изученіе же Пророковъ считалось дѣломъ побочнымъ, которому посвящалась лишь иногда часть учебнаго дня послѣ обѣда, въ качествѣ развлеченія: считали, что послѣ обѣда ребенокъ не могъ бы сосредоточиться на изученіи Талмуда, которому посвящалось все утро, съ 9 часовъ до половины второго.

Такое отношеніе къ изученію Пророковъ не было случайнымъ. Какъ я убѣдился впослѣдствіи, оно было обычно во всей чертѣ осѣдлости. Этому пробѣлу я всегда придавалъ особенное значеніе; онъ служилъ впослѣдствіи неоднократно темой моихъ бесѣдъ съ раввинами, съ которыми я часто въ своей дѣятельности встрѣчался. Правда, пробѣлъ въ изученіи Пророковъ отчасти восполнялся тѣмъ, что по субботамъ и праздникамъ за чтеніемъ Торы въ синагогѣ слѣдуетъ чтеніе отрывка изъ Пророковъ («мафтиръ»). Но, само собою разумѣется, знаніе отрывковъ не замѣняетъ знакомства съ полнымъ текстомъ. Въ обученіи, въ умственномъ и душевномъ воспитаніи юношества упускается этотъ безконечный рессурсъ духовнаго и этическаго развитія, ужъ не говоря о красотѣ языка. При отсутствіи въ хедерномъ обученіи какихъ либо элементовъ поэзіи, изученіе Пророковъ могло бы восполнить этотъ недостатокъ и благотворно вліять на души дѣтей, проводящихъ сѣрые дни въ мрачной хедерной обстановкѣ. И какъ мало ни приспособлены меламеды къ задачѣ выявленія высокой мысли и красоты вѣчныхъ страницъ Пророковъ, въ дѣтскія души все же непремѣнно западали бы впечатлѣнія отъ изученія этой части Священнаго Писанія; эти впечатлѣнія хоть отчасти озаряли бы на всю жизнь матеріальное гетто, осмысливали бы то вѣчное служеніе обряду, на которое обреченъ былъ выходецъ изъ хедера. Только въ теченіе одного семестра («зманъ»), когда меня обучалъ самъ отецъ, изъ учебныхъ часовъ регулярно отдавалась нѣкоторая часть изученію пророка

Исаiи съ комментарiями Малбима (Миръ - Лебушъ Кемперъ).

Этотъ комментаторъ, къ сожалѣнiю, основательно забытъ въ настоящее время; мнѣ самому больше не попадались въ руки изданiя Пророковъ съ его блестящими поясненiями. Сквозь завѣсу талмудической эрудицiи и чисто догматическихъ изысканiй, у этого комментатора яркими лучами проскальзывало глубокое пониманiе возвышающей душу поэзiи и сущности пророческой мысли, направленной къ проповѣди «мишпатъ» — правосудiя и справедливости и «цдоко» — благотворенiя, какъ высшихъ идеаловъ iудаизма. И эти лучи глубоко западали въ мою дѣтскую душу, и смутно таилось въ глубинѣ сердца чувство, что не одни внѣшнiе обряды и не одно слѣпое повиновенiе предписанiямъ ритуала исчерпываютъ назначенiе быть евреемъ. Можетъ быть, опасенiе, что такiя чувства могутъ укрѣпиться у дѣтей и ослабить у нихъ рвенiе къ обрядности, и объясняетъ причину равнодушiя къ изученiю Пророковъ въ хедерахъ.

Уже съ дѣтства меня удивляло еще и то, что въ хедерахъ не изучался и не разъяснялся текстъ молитвословiя. Насъ заставляли, едва научившись читать, ежедневно прочитывать длинные тексты молитвъ, не понимая, за рѣдкими исключенiями, значенiя произносимыхъ словъ; даже тѣ Псалмы Давидовы, что составляютъ главное ядро молитвословiя, оставались непонятными для дѣтей, покуда постепенно обученiе Пятикнижiю и Талмуду не давало имъ нѣкотораго запаса знакомыхъ словъ, хотя бы для смутнаго ихъ пониманiя. А сколько имѣлось раньше и имѣется теперь такихъ евреевъ, — и можно утверждать, что ихъ значительное большинство, — которые, молясь усердно въ теченiе всей своей жизни, трижды въ день, такъ и остаются въ невѣдѣнiи смысла произносимыхъ молитвословiй, хотя они считали бы величайшимъ грѣхомъ дѣлать какiе либо пропуски изъ текста, и знаютъ эти молитвы наизусть, отъ перваго до послѣдняго слова.

По субботамъ, послѣ обѣда, мы, ученики хедера, обязаны были на часъ собраться къ меламеду (обычно проживавшему тамъ же, гдѣ находился и хедеръ), и подъ руководствомъ педагога, еле очнувшагося отъ послѣобѣденнаго сна и еще отяжелѣвшаго отъ непривычно-сытнаго

субботняго обѣда (единственный разъ въ недѣлю, когда меламедъ сытно и вкусно ѣлъ), мы читали «Пирке-Аботъ» — отдѣлъ Мишны, посвященный этическимъ изреченіямъ мудрецовъ и ихъ сказаніямъ. Само собой понятно, что чтеніе это не имѣло никакого воспитательнаго значенія; сокровища содержанія «Пирке-Аботъ» такъ и пропадали для насъ, торопившихся исполнить этотъ обрядъ, — одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ — и вырваться на свободу въ этотъ единственный въ недѣлѣ день, когда можно было побѣгать и предаться дѣтскимъ играмъ и развлеченіямъ. Несмотря на всю безропотность, съ которой я подчинялся самымъ строгимъ требованіямъ, я внутренне преисполненъ былъ протеста противъ посѣщенія хедера въ субботу, — оно мнѣ казалось жестокостью. Одинъ разъ, помню, я увлекся игрой со сверстниками и пропустилъ посѣщеніе хедера въ субботу, — за это я подвергся со стороны отца обычному тѣлесному наказанію, которое надолго оставило у меня чувство обиды... Но и по существу дѣла — это пренебрежительное отношеніе традиціонной еврейской педагогіи къ постановкѣ изученія «Пирке-Аботъ» и впослѣдствіи меня всегда возмущало. Я этого не скрывалъ въ бесѣдахъ съ раввинами — но они часто вовсе не понимали причинъ моего возмущенія.

Субботній день... Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ его наступленія хедерный мальчикъ! Уже въ пятницу утромъ мы собирались въ хедеръ радостные и возбужденные. Фоліанты Талмуда не раскрывались, время посвящалось чтенію, на-распѣвъ по установленной пунктуаціи, очередной главы Пятикнижія (той, которой посвящалась данная недѣля, и которую читали въ субботу изъ свитковъ во время молитвы въ синагогѣ); послѣ этого, также на-распѣвъ, но съ другой мелодіей читалась соотвѣтственная глава изъ Пророковъ; въ 12 часовъ насъ отпускали на свободу. Приготовленія къ встрѣчѣ субботы, баня, переодѣваніе, торжественное шествіе потомъ въ ярко-освѣщенную синагогу для торжественной молитвенной встрѣчи «невѣсты-субботы»: «Пойдемъ, другъ мой, навстрѣчу невѣстѣ»... А потомъ возвращеніе домой, гдѣ все убрано, горитъ рядъ свѣчей, зажженныхъ при молитвѣ матери, накрытый столъ съ двумя свѣже-испеченными булками-«халами» подъ салфеткой; чтеніе и пѣніе молитвъ въ честь субботы въ промежуткахъ между рыбой и супомъ, между супомъ и мя-

сомъ, и передъ «цимесомъ»: «Какъ красива и сладка любовь сердечная»...

Но и въ субботніе дни было достаточно поводовъ для тревожнаго біенія дѣтскихъ сердецъ. Кромѣ посѣщенія хедера передъ вечерней молитвой, мнѣ всегда предстояло дать отчетъ отцу, а что еще страшнѣе — и дѣду, во всемъ пройденномъ за недѣлю въ хедерѣ: этотъ экзаменъ назывался «фергеренисъ». Правда, изъ этого испытанія я выходилъ съ блестящей побѣдой, и мои волненія вознаграждались поощрительнымъ щипкомъ въ щеку со стороны суроваго судьи — дѣдушки; еще большей наградой мнѣ служило выраженіе гордости и умиленія, которое я улавливалъ на лицѣ счастливаго отца. Часто бывали случаи, когда на испытаніе приглашались друзья и знакомые; мои успѣхи вызывали громкое одобреніе, и я не стану отрицать, что оно льстило моему дѣтскому тщеславію. Особенно — позднѣе, когда мнѣ было уже лѣтъ девять-десять, эти испытанія доставляли мнѣ большое удовольствіе, и я, бывало, ждалъ ихъ съ нетерпѣніемъ.

Обстановка хедера, въ которомъ я учился, была обычная для того времени — быть можетъ, и для настоящаго времени во многихъ мѣстахъ. Дѣйствовалъ законъ, по которому каждый меламедъ долженъ былъ обзавестись надлежащимъ свидѣтельствомъ отъ учебнаго начальства. Этотъ документъ назывался у меламедовъ «шейнъ» и обходился рубля въ два или три, а получить его могъ всякій — призванный и непризванный. Дѣйствовало постановленіе о томъ, чтобы хедеры находились въ соотвѣтствующемъ элементарнымъ требованіямъ гигіены помѣщеніи; оно, конечно, никѣмъ никогда не исполнялось. Если меламедъ былъ мѣстный житель, хедеръ ютился въ его квартирѣ, — если можно назвать «квартирой» комнату, большею частью въ подвальномъ этажѣ, въ которой помѣщался весь живой и мертвый инвентарь меламеда. Если же меламедъ былъ пріѣзжій, то подъ хедеръ нанималась комнатка, какую только можно было получить за минимальную плату, доступную для меламеда, зарабатывавшаго рублей двадцать въ мѣсяцъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, для дѣтей болѣе состоятельныхъ родителей, учениковъ меламеда, пользовавшагося особымъ почетомъ, староста молитвеннаго дома (габе) разрѣшалъ помѣщеніе хедера въ женской половинѣ молитвеннаго дома.

Уже въ 8 часовъ утра, — лѣтомъ и зимою, — я отправлялся въ хедеръ, снабженный завтракомъ, состоявшимъ изъ куска бѣлаго хлѣба съ половиной яйца (больше удѣлять мнѣ моя мать не могла), или хлѣба, намазаннаго «повидломъ» (протертый компотъ изъ сливъ). Поочередно каждый изъ мальчиковъ долженъ былъ приносить съ собою свѣчу (тогда, кромѣ сальныхъ, другихъ было мало, и онѣ дорого стоили) для освѣщенія хедера въ вечерніе часы занятій. Почти безъ перерывовъ, до часу дня и позже, продолжалось сидѣніе у стола на твердой скамьѣ безъ спинки, за совмѣстнымъ ученіемъ, прерываемымъ окриками меламеда, а часто и тѣлеснымъ воздѣйствіемъ на непонятливаго или отвлекавшагося отъ дѣла ученика. И это изо дня въ день, безъ улыбки, безъ развлеченія, при большомъ напряженіи дѣтскаго ума...

Я помню всѣхъ своихъ меламедовъ, кромѣ одного. Началъ я ученіе въ Налибокахъ, когда мнѣ еще не было пяти лѣтъ, и перваго своего учителя я не помню. По возвращеніи въ Полтаву я учился у своего дѣдушки, который занимался обученіемъ небольшого числа питомцевъ въ домѣ зажиточнаго еврея. Такъ прошелъ первый годъ моего хедернаго воспитанія. Обученіе Талмуду началось, когда мнѣ было около семи лѣтъ. Я отчетливо помню хедерную обстановку, моего учителя, котораго звали рабби Юдель, и даже помню козу, которая чаще находилась въ подвальной комнатѣ, гдѣ мы обучались, чѣмъ на дворѣ, гдѣ по отсутствію растительности ей кормиться было нечѣмъ. Это былъ годъ франко-германской войны 1870 г. Мнѣ живо припоминаются безконечныя бесѣды и споры, которые велись въ синагогахъ и при посѣщеніи другъ друга евреями по поводу этой войны. Можно было подумать, что съ этой войной рѣшается и участь Израиля...

У меня осталось вполнѣ точное воспоминаніе, что большинство евреевъ было на сторонѣ Наполеона. По тому ли, что во Франціи уже давно укоренилось абсолютное равноправіе евреевъ съ другими гражданами? Въ еврейскомъ населеніи ходили разные слухи о министрахъ евреяхъ, въ особенности много говорили о Кремье, бывшемъ членѣ временнаго правительства въ 1848 году, министрѣ юстиціи, одномъ изъ главныхъ учредителей Alliance Israélite Universelle. Между тѣмъ, въ

Пруссіи, при формальномъ равноправіи, введенномъ послѣ революціи 1848 года, евреевъ фактически держали въ черномъ тѣлѣ. Быть можетъ, приверженность къ Франціи объяснялась инстинктивнымъ предчувствіемъ въ еврействѣ, что, вмѣстѣ съ побѣдой Германіи и торжествомъ политики Бисмарка, получитъ господство та націоналистическая политика, которая привела къ объединенію Германіи, и должна была непремѣнно привести къ антисемитизму, какъ политическому догмату консервативныхъ партій, выдвинувшихъ Штекера въ Германіи, въ Вѣнѣ Люгера, и что антисемитизмъ Германіи заразитъ весь міръ? Вѣдь и дѣйствительно, послѣ объединенія Германіи появились даже ритуальные процессы: Ксантенскій на Рейнѣ, Кемпенскій въ Познани и, въ особенности, Тисса-Эсслярскій въ Венгріи.

А можетъ быть, имѣлъ значеніе для настроенія евреевъ престижъ Наполеоновской династіи, какъ отголосокъ далекихъ воспоминаній о политикѣ въ еврейскомъ вопросѣ Наполеона I, — о созывѣ Синедріона, который еврейство въ массѣ понимало, какъ попытку создать то, что мы теперь называемъ еврейской автономіей, и не постигало истиннаго, чисто ассимиляціоннаго значенія этого акта? Съ глубокой печалью еврейское населеніе въ Полтавѣ восприняло доходившія до него вѣсти о пораженіяхъ французской арміи и, наконецъ, о Седанскомъ разгромѣ.

Въ одинъ жаркій августовскій день этого лѣта, передъ закатомъ, наблюдалось необычайное явленіе: небо было до того красное, что, казалось, весь небосклонъ объятъ пламенемъ. Становилось жутко. Евреи объясняли это небесное явленіе предзнаменованіемъ ужаснаго несчастія для человѣчества отъ кровопролитнаго уничтоженія французской арміи. Съ этого дня у меня осталась инстинктивная боязнь краснаго неба, подобная той, которую многіе ощущаютъ во время грозы.

Началъ я свое талмудическое образованіе съ трактата «Кидушинъ», посвященнаго брачному праву, — объ условіяхъ заключенія брака, о дѣйствительности его и недѣйствительности и т. д. Можетъ звучать анекдотомъ, что семилѣтняго мальчика упражняли въ талмудической діалектикѣ на подобныя темы. Не хочу распространяться о системѣ хедернаго преподаванія вообще и объ умѣстности

обученія Талмуду въ столь раннемъ возрастѣ. Достаточно сказать, что изъ моихъ товарищей по хедеру (насъ было 6-7 дѣтей) я былъ самый младшій; нѣкоторые были значительно старше меня, но и они не достигали того возраста, чтобы имъ могъ быть понятенъ сжатый еврейско-арамейскій языкъ талмуда; и ужъ совсѣмъ не могло имъ быть доступно содержаніе гемары — тонкія, діалектическія контроверзы по поводу разрѣшенія сложныхъ случаевъ, иногда, впрочемъ чисто фантастическихъ, а также весь ходъ аргументаціи, по которой къ отдѣльнымъ случаямъ примѣнялись принципы, установленные Мишною, обосновываемые при помощи формальной логической послѣдовательной дедукціи и спеціальныхъ методовъ («мидосъ») толкованія текстовъ Моисеева закона. Изученіе сводилось къ механическому заучиванію значенія словъ, связи между ними, и отдѣльныхъ положеній.

Я и впослѣдствіи не могъ себѣ объяснить какими соображеніями руководились мой отецъ и мой меламедъ, избравъ для начала моего талмудическаго образованія трактатъ о брачномъ правѣ. Этихъ соображеній не могъ мнѣ привести и отецъ, съ которымъ, впослѣдствіи, уже взрослый, я неоднократно бесѣдовалъ по поводу системы обученія въ хедерахъ. Правда, въ этомъ трактатѣ встрѣчается больше агадическихъ мѣстъ, и вопросы, въ немъ разрабатываемые, не вызвали такихъ безконечныхъ контроверзъ и толкованій со стороны комментаторовъ, какихъ удостоился, напримѣръ, трактатъ «Хулинъ». По системѣ изложенія трактатъ о брачномъ правѣ менѣе діалектиченъ и, я сказалъ бы, болѣе повѣствователенъ, чѣмъ, напримѣръ, трактаты, посвященные тонкостямъ гражданскаго права объ убыткахъ («Баба-Кама»), о способахъ пріобрѣтенія имущества («Баба-Меціа»), о недвижимой собственности и сервитутахъ («Баба-Батра»). Но зато сюжетъ трактата «Кидушинъ», чисто эпическая откровенность въ отношеніи обстоятельствъ, возбуждающихъ подлежащіе рѣшенію вопросы, очень ужъ не соотвѣтствовали семилѣтнему возрасту изучавшаго; и если они не имѣли на меня того вреднаго вліянія, которое несомнѣнно сказалось бы у дѣтей старшаго возраста, то только потому, что мнѣ было всего 7 лѣтъ отъ роду. За трактатомъ «Кидушинъ» слѣдовалъ трактатъ «Гитинъ» — о расторженіи брака; затѣмъ черезъ полгода приступлено было къ изу-

ченію сложнаго и труднаго трактата о брачныхъ договорахъ — «Кетуботъ».

Когда мнѣ пошелъ десятый годъ, вершители судебъ моего обученія — отецъ и дѣдъ — признали, что для меня въ Полтавѣ уже нѣтъ подходящаго меламда. Изъ мѣстечка Мира, гдѣ я родился, изъ нѣдръ ешибота извлеченъ былъ родственникъ моего мирскаго дѣдушки, извѣстный «харифъ», т. е. глубокій знатокъ Талмуда, ближайшій сотрудникъ мирскаго рошъ-ешиво (начальникъ ешибота), — Янкель Нохимъ Чарный. Подъ его руководствомъ я и еще три-четыре мальчика, сыновья именитѣйшихъ въ Полтавѣ благочестивыхъ домохозяевъ, посвящали долгіе лѣтніе дни, а затѣмъ и длинные вечера зимою, при тускломъ освѣщеніи сальныхъ свѣчей, изученію трактатовъ «Берахотъ», «Шаббатъ» и даже «Хулинъ», т. е., какъ я уже упомянулъ, одного изъ труднѣйшихъ трактатовъ въ Талмудѣ. Изученіе не ограничивалось объясненіемъ текста гемары. Незамѣтно для себя, я, пройдя черезъ «Тосфотъ», т. е. сводный комментарій, касающійся лишь контроверзныхъ мѣстъ и имѣющій задачей согласовать противорѣчивыя на первый взглядъ указанія гемары, — дошелъ до самаго витіеватаго комментатора — «Магаршоа», этого вѣнца талмудической мудрости, одного изъ самыхъ глубокихъ представителей «пилпула», т. е. софистико - діалектическаго углубленія въ смыслъ положеній, высказанныхъ въ гемарѣ тѣмъ или инымъ талмудическимъ мудрецомъ. «Магаршоа» искусно сближаетъ одно положеніе съ другими, приведенными по другому поводу и въ другомъ мѣстѣ тѣмъ же учителемъ, стремится во что бы то ни стало привести какъ бы къ одному знаменателю противорѣчивыя заключенія учителей одной и той же школы и создать изъ нихъ общее заключеніе, стройно-логически выведенное, но по существу не согласующееся ни съ однимъ изъ примиряемыхъ положеній въ ихъ естественномъ и прямомъ смыслѣ. Мнѣ пришлось вспомнить о «Магаршоа» много лѣтъ спустя, когда я кончалъ университетскій курсъ. Былъ на юридическомъ факультетѣ объявленъ конкурсъ на соисканіе золотой медали. Я занялся сочиненіемъ и представилъ его факультету. Рецензентъ, извѣстный и талантливый криминалистъ проф. Сергѣевскій, въ довольно подробной рецензіи на представленное мною сочиненіе, отмѣтилъ у автора способность, которую онъ особен-

но оцѣнилъ, — сопоставлять разныя мнѣнія ученыхъ, сводить ихъ къ одному главнѣйшему пункту, изъ котораго эти мнѣнія исходятъ, и въ этихъ основныхъ пунктахъ выдѣлять общее для всѣхъ разсматриваемыхъ ученыхъ; противорѣчивыя же положенія трактовать просто какъ различія въ способѣ аргументаціи и сближать ихъ логически такъ, чтобы въ результатѣ получилось впечатлѣніе единомыслія въ главномъ, т. е. возможность отнести ученыхъ, признававшихся до того противниками между собою, къ числу послѣдователей одной и той же теоріи. Въ этихъ словахъ рецензента, присудившаго мнѣ золотую медаль, я нашелъ откликъ моего увлеченія комментаторомъ «Магаршоа», которое пережилъ, будучи десяти лѣтъ отъ роду.

Не могу не остановиться на весьма характерной личности моего учителя Чернаго. Этотъ типъ не очень распространенъ, но онъ представляетъ собою высочайшую цѣнность въ еврействѣ. Рабби Янкель Нохимъ, хотя и хассидъ, не выдѣлялся наружнымъ благочестіемъ: въ молитвѣ не проявлялъ энтузіазма, не занимался фарисейскимъ брюзжаніемъ, не выносилъ на показъ исполненія религіозныхъ предписаній, и не это, при общеніи съ нимъ, приковывало къ нему вниманіе. Тѣмъ не менѣе его «фрумкайтъ» (благочестіе) было абсолютнымъ и цѣльнымъ; оно проявлялось у него какъ бы само собою, такъ, какъ проявляется дыханіе у живого человѣка. Оно было какъ бы чисто физическою потребностью, удовлетвореніе ея не требовало никакихъ усилій его воли; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни одинъ актъ, проявляющій это благочестіе, не былъ слѣпымъ или безсознательнымъ. Все его существо было проникнуто служеніемъ Богу. Онъ былъ созданъ не для себя, не для матеріальнаго міра, а только для духа. Служеніе Богу было аттрибутомъ его сущности. Ложился онъ спать только затѣмъ, чтобы передъ сномъ излить свою душу въ молитвѣ; вставалъ для того, чтобы мгновенно приступить къ общенію съ Божествомъ, черезъ рядъ утреннихъ молитвъ. Для этой же цѣли онъ ѣлъ и пилъ. Не отвлеченный никакими матеріальными заботами и мыслями, — о матеріальной жизни заботилась его жена, — не отвлекаемый никакими личными потребностями или эгоистическими побужденіями, онъ всѣ минуты своей жизни отдавалъ созерцанію духа. Его одухотворенное, блѣд-

ное, съ искрящимися глубокими глазами лицо какъ бы свидѣтельствовало, что въ каждую минуту онъ постигаетъ новую мысль, или творитъ новую мысль. Лицо его изобличало духъ въ движенiи, не статику, а динамику мысли. Мысли родились безъ усилiя въ его мозгу, и на его лицѣ поэтому никогда не отражалось самодовольнаго энтузiазма пониманiя. Эта безконечная способность творить мысли производила впечатлѣнiе тихой струи, спокойно катящейся, не производя шума, не вздымая пѣны. Это былъ не только глубокiй знатокъ Талмуда и связанной съ нимъ письменности, — онъ былъ какъ бы самъ живой Талмудъ; и, подобно тому, какъ въ экземплярѣ Талмуда легко, перелиставъ страницы, найти для даннаго случая соотвѣтственное мѣсто, такъ и въ умѣ Чарнаго въ любой моментъ можно было найти требуемое положенiе, вмѣстѣ со всѣми относящимися къ нему комментарiями, контроверзами и окончательными рѣшенiями. Онъ былъ хассидомъ, но въ немъ не было ничего мистическаго. Онъ жилъ у насъ въ домѣ, и я могъ наблюдать его ночныя бдѣнiя надъ книгами и фолiантами; но никогда я не замѣчалъ каббалистическаго произведенiя среди этихъ книгъ. Рабби Янкель-Нохима трудно было вывести изъ духовнаго равновѣсiя, онъ всегда соблюдалъ величавое спокойствiе. Надо ли добавить, что Чарный былъ абсолютно негодный педагогъ и отнюдь не подходилъ для роли меламда. Онъ былъ совершенно неспособенъ дойти до пониманiя непониманiя со стороны ученика и побороть это непониманiе разъясненiями промежуточныхъ положенiй, приводящихъ къ уразумѣнiю данной мысли. Мысля самъ теоремами, онъ, конечно, не могъ постигнуть, что его теоремы нуждаются въ доказательствахъ для неподготовленнаго ума. Ученики его весьма мало успѣвали. Но на мое умственное развитiе онъ имѣлъ большое и неотразимое влiянiе. Онъ держалъ мой бойкiй по природѣ умъ въ постоянномъ напряженiи, побуждалъ его къ самодѣятельности, такъ какъ мнѣ приходилось самому восполнять промежуточныя стадiи между отдѣльными положенiями, логически связанными между собою и оставшимися, по элементарности ихъ для учителя, съ его стороны неразъясненными. Я часто въ теченiе моей жизни по разнымъ поводамъ вспоминалъ о рабби Янкелѣ-Нохимѣ.

Какое величiе духа олицетворяютъ собою такiе ев-

реи! И всегда думалось о томъ, какая великая сила пропадаетъ въ ихъ лицѣ изъ-за того, что они зарыты въ массахъ оторваннаго отъ жизни талмудическаго еврейства, что черезъ фоліанты къ нимъ не проникаютъ лучи внѣшняго свѣта, а внутренній ихъ духовный свѣтъ, поразительно красивый и яркій, черезъ эти же фоліанты не можетъ пробиться во внѣшній міръ.

Недолго подвизался рабби Янкель Нохимъ на меламедскомъ поприщѣ въ Полтавѣ. Черезъ годъ послѣ его пріѣзда онъ предпочелъ вернуться въ мирскій ешиботъ, гдѣ до конца дней своихъ читалъ «шіуръ», т. е. излагалъ сложныя мѣста талмуда передъ восхищенными ешиботниками.

Приблизительно къ тому же времени относится появленіе въ Полтавѣ, и тоже на короткое время, другого, поразительнаго по блеску и рѣдкой талантливости, представителя еврейскаго духа.

Въ качествѣ меламда въ домъ богатаго владѣльца мельницы поступилъ нѣкій Гордонъ. Это былъ, какъ оказалось, извѣстный химикъ. Насколько я помню, онъ родомъ былъ изъ Виленской губ. Невысокаго роста, коренастый, съ плохой растительностью на подбородкѣ; крупныя, какъ бы аляповатыя черты лица, необычайно развитой черепъ съ высокимъ лбомъ, частью только покрытымъ ермолкой, широкіе, хотя и не длинные пейсы (въ дѣтствѣ такого рода пейсы я считалъ принадлежностью миснагдимъ). Я не помню его біографіи, но осталось въ памяти то, что Гордонъ, будучи уже глубокимъ знатокомъ Талмуда и состоя гдѣ-то меламдомъ, по переводу Библіи Мендельсона научился нѣмецкому языку, и по какой-то случайности заинтересовался химическими явленіями. Собравъ воедино разбросанныя по Талмуду указанія на эти явленія (въ Талмудѣ и эта часть человѣческаго знанія находитъ, хотя и слабое, отраженіе), — Гордонъ, Богъ вѣсть какими путями, раздобывалъ книги по химіи на нѣмецкомъ языкѣ, ихъ какъ бы проглатывалъ, содержаніе ихъ отпечатывалось въ его мозгу, и вскорѣ онъ уже не только былъ изучателемъ, но и созидателемъ, творцомъ новыхъ теорій и открытій. По отъѣздѣ его изъ Полтавы, когда я былъ уже въ гимназіи, я видѣлъ какую-то нѣмецкую книгу, содержавшую біографіи извѣстныхъ химиковъ

и ихъ портреты и, среди нихъ, и портретъ Гордона. Его статьи печатались на нѣмецкомъ языкѣ въ трудахъ Берлинской Академіи до того еще, какъ онъ безрезультатно обучалъ сыновей богатаго мельника въ Полтавѣ талмудической премудрости. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ послѣ Полтавы сталъ лаборантомъ въ химической лабораторіи Берлинскаго университета*).

Послѣ занятій съ рабби Янкель-Нохимомъ для меня уже невозможно было найти подходящаго учителя. И, притомъ, отецъ мой считалъ, что учитель мнѣ уже не нуженъ, а необходимо лишь руководство при самостоятельномъ изученіи Талмуда, такъ какъ система изученія была, по его мнѣнію, въ достаточной мѣрѣ мною усвоена. И если бы не ранній возрастъ, я былъ бы уже тогда отправленъ въ ешиботъ для усовершенствованія, чтобы въ 14-15 лѣтъ получить «смихо» (удостовѣренія раввина о подготовленности ученика стать самому раввиномъ). Дальше этого честолюбивые замыслы отца въ тотъ моментъ не шли. Слава обо мнѣ, какъ о мальчикѣ талмудистѣ, въ Полтавѣ была установлена. Подготовленность свою мнѣ довелось доказать на дѣлѣ по слѣдующему случаю. Одинъ изъ братьевъ моей матери, воспитанникъ Мирскаго ешибота, — кстати сказать, рѣдкій стилистъ-гебраистъ, авторъ превосходныхъ небольшихъ стихотвореній на древне-еврейскомъ языкѣ, — долженъ былъ жениться. Свадьба происходила въ мѣстечкѣ Рѣшетиловкѣ, въ 35 верстахъ отъ Полтавы. На эту свадьбу отправилась вся семья, взяли и меня съ собой. Мнѣ было около десяти лѣтъ. Обычная еврейская свадьба, въ балаганѣ, спеціально для сего выстроенномъ; на нее собрались всѣ мѣстные евреи. Послѣ произнесенія женихомъ - талмудистомъ, согласно ортодоксальному обычаю, «дрошо», т. е. рѣчи на талмудическую тему, выступилъ съ «дрошо» и я, десятилѣтній мальчикъ, на тему, — я это отчетливо помню, — касавшуюся постановленій о соленіи мяса, употребляемаго въ пищу; тема была разработана мною подъ руководствомъ отца — или рабби Янкель-Нохима, — но почти самостоятельно. Мое изложеніе затрагивало разныя мѣста Талмуда и различныя мнѣнія комментаторовъ, — словомъ,

*) Въ Еврейской Энциклопедіи почему то нѣтъ о немъ статьи.

представляло типичную дрошо со всѣми ея особенностями. Рѣшетиловскіе евреи были повергнуты въ изумленіе.

Хочу сказать нѣсколько словъ объ этомъ дядѣ, Веніаминѣ Ошмянскомъ, явившемъ собою примѣръ того, какъ безплодно погибали способности и даже таланты въ сѣрой обстановкѣ еврейской жизни.

Я уже упомянулъ о томъ, что онъ былъ прекраснымъ гебраистомъ. Еще мальчикомъ онъ проявлялъ большія лингвистическія способности. Обладая незаурядной памятью, онъ усвоилъ себѣ языкъ и стиль пророковъ, которыхъ онъ зналъ наизусть. Въ возрастѣ 13-14 лѣтъ онъ былъ отправленъ въ мирскій ешиботъ, для чего воспользовались оказіей послѣ Ильинской ярмарки, съ упомянутымъ уже разъ балагулой Кивой. Въ Мирѣ онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ и неожиданно оттуда скрылся. Семья много мѣсяцевъ была въ неизвѣстности, гдѣ онъ находится. Самъ онъ и потомъ скрывалъ авантюру, въ которую пустился. Повидимому, онъ успѣлъ ознакомиться съ нѣкоторыми произведеніями еврейской литературы, заразился просвѣтительными стремленіями и задумалъ учиться. Ему это не удалось, и онъ вернулся въ Полтаву 18-лѣтнимъ юношей. Угрожала «опасность», что онъ въ Полтавѣ проявитъ свою склонность къ общему образованію и къ литературнымъ занятіямъ, для которыхъ онъ отъ природы былъ предназначенъ. Эту опасность устранили: его поспѣшили женить. Молодой человѣкъ очутился въ Рѣшетиловкѣ, какъ «зять на кормленіи» («эйдемъ афъ кестъ»). Рѣшетиловская тина его засосала; въ качествѣ самаго ученаго среди евреевъ, онъ занялъ центральное мѣсто среди мѣстныхъ невѣжественныхъ хассидовъ, сталъ увлекаться каббалой. Блестящій его еврейскій стиль проявлялся лишь въ корреспонденціи съ родными и въ сочиненіи стиховъ по разнымъ случаямъ. Имъ никогда не суждено было увидѣть свѣтъ. Черезъ короткое время, когда обѣднѣлъ его тесть, онъ вернулся въ Полтаву, обремененный дѣтьми малъ-мала-меньше. Его оцѣнили, какъ знатока еврейскаго языка, и нашлись любители, которые брали у него уроки, чѣмъ онъ и добывалъ скудныя средства. Съ литературными занятіями пришлось покончить. Впослѣдствіи онъ заболѣлъ горловой чахоткой и послѣ долгихъ лѣтъ страданій умеръ. Такъ погибло несомнѣнно крупное дарова-

ніе, котораго нельзя было въ немъ не признать всякому, кто знакомъ былъ съ его писаніями.

Мой отецъ не могъ не дѣлать уступокъ требованіямъ времени и мѣста. Я еле говорилъ по-русски и до 9 лѣтъ не умѣлъ ни читать, ни писать на этомъ языкѣ. И вотъ отецъ счелъ необходимымъ обучить меня и русской грамотѣ. Способъ обученія въ хедерахъ былъ самый незатѣйливый. На два или, самое большее, на три часа въ недѣлю приходилъ приглашенный на роль учителя обыкновенный штабной писарь, обладавшій красивымъ почеркомъ, и давалъ намъ списывать прописи. Въ рѣдкихъ случаяхъ приглашался гимназистъ старшихъ классовъ; но я до 12 лѣтъ дальше штабного писаря не пошелъ. Не помню, гдѣ и какъ я научился читать по-русски; если не ошибаюсь, — самоучкой.

Освобожденный отъ хедера въ возрастѣ послѣ 10 лѣтъ, я нѣкоторое время, какъ уже упоминалъ, обучался у отца, главнымъ образомъ Пророкамъ, а остальное время проводилъ ежедневно въ молитвенномъ домѣ надъ изученіемъ Талмуда. Одинъ въ пустомъ помѣщеніи, окруженный фоліантами, я углублялся въ занятія, и гулко раздавался въ пустомъ помѣщеніи мой дѣтскій напѣвъ, обычный при чтеніи Талмуда. Временами я испытывалъ минуты высокаго подъема духа, доходящаго до экстаза. И на всю мою жизнь незабвенными остались эти моменты высокаго умственнаго напряженія и наслажденія, когда мысль ширится и ширится, мозгъ какъ бы разверзается и готовъ объять необъятное. По временамъ попадались мнѣ въ руки книги и не талмудическаго содержанія. Помню тѣ усилія, которыя я прилагалъ, чтобы понять попавшее мнѣ въ руки философское сочиненіе Маймонида «Море-Небухимъ». Въ этомъ сочиненіи «Рамбамъ» (Маймонидъ) развиваетъ аристотелеву философію, приспособляя ее къ еврейскому міросозерцанію. Я ловилъ отдѣльныя мысли, но пониманіе общаго оставалось для меня, само собою разумѣется, недоступнымъ, и мои усилія были напрасными. Пытался я неоднократно проникнуть и въ лабиринтъ каббалы и усиленно стремился понять «Зогаръ», но дальше значенія десяти «сефиротъ» въ пониманіи Зогара я собственными силами въ это время пойти не могъ. Никакихъ желаній выйти изъ заколдованнаго круга старой еврейской письменности у меня не проявлялось. Ничто не

выводило меня за этотъ кругъ, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ момента, когда буду отправленъ въ ешиботъ. Такъ прошло время, пока я достигъ 12-лѣтняго возраста.

Неожиданно для меня и для всѣхъ окружающихъ, все измѣнилось. Подготовлялась эта перемѣна незамѣтно для меня отцомъ, повидимому, въ теченіе довольно продолжительнаго времени.

ГЛАВА III.

Подготовка къ поступленію въ гимназію. — Борьба противъ этого въ семьѣ. — Вступительный экзаменъ. — Полтавская гимназія въ 1875 г. — Классицизмъ, какъ предметъ политическаго спора. — Директоръ Шафрановъ; его славянофильство. — Первые годы въ гимназіи. — Исканіе заработка въ качествѣ репетитора и учителя. — Лѣто на урокѣ въ деревнѣ. — 15-ый годъ жизни. — Общеніе съ товарищами по гимназіи. — Пріѣзжіе экстерны.

Меламедскій заработокъ отца былъ далеко недостаточенъ для содержанія многочисленной семьи, борьбы съ болѣзнью матери и леченія хворающихъ маленькихъ дѣтей. Нуженъ былъ посторонній заработокъ. Отцу повезло. Къ нему почувствовалъ расположеніе владѣлецъ дома, въ которомъ мы жили, и, уѣзжая изъ Полтавы, этотъ владѣлецъ сдалъ отцу въ аренду весь дворъ со всѣми строеніями. Квартиры сдавалъ уже отецъ въ субъ-аренду. Отъ этой операціи отецъ получилъ выгоду въ видѣ даровой квартиры и 200-300 рублей въ годъ. Одинъ изъ флигелей въ усадьбѣ занималъ старикъ Сливицкій, присяжный повѣренный, очень почтенный человѣкъ, безсемейный. При немъ жила, въ качествѣ завѣдывающей хозяйствомъ, пожилая полька, его родственница, съ дочерью, ученицей гимназіи. Это были первые христіане, съ которыми я встрѣтился. Мать и дочь меня полюбили и всячески выказывали свое расположеніе ко мнѣ. Отецъ мой подолгу бесѣдовалъ, какъ со старикомъ присяжнымъ повѣреннымъ, такъ и съ его родственницей. Повидимому, этими бесѣдами и внушена была отцу мысль и придана была смѣлость совершить казавшійся немыслимымъ переворотъ: былъ приглашенъ ученикъ 8-го класса, одинъ изъ немногихъ тогда евреевъ гимназистовъ (Островскій, впослѣдствіи из-

вѣстный врачъ въ Ялтѣ), который сталъ меня обучать, по всѣмъ правиламъ искусства, грамматикѣ и арифметикѣ. Это было въ началѣ весны, послѣ Пасхи. Вскорѣ Островскій былъ замѣненъ другимъ гимназистомъ 8-го же класса, Шеболдаевымъ. Бѣлокурый юноша, чрезвычайно симпатичный, внушилъ мнѣ большую къ себѣ любовь, и этому обстоятельству, а не его педагогическимъ талантамъ я обязанъ тѣмъ, что за 4 мѣсяца я оказался вполнѣ подготовленнымъ по всѣмъ предметамъ, не исключая латинскаго языка, за два класса гимназіи, превосходно зналъ русскую грамматику, безъ ошибокъ писалъ подъ диктовку; курсъ арифметики и умѣніе рѣшать самыя сложныя задачи не представляли для ученаго талмудиста, конечно, никакихъ затрудненій. Но трудно было мнѣ, не говорившему до того по-русски, за нѣсколько мѣсяцевъ овладѣть русскою рѣчью. Я бѣгло читалъ, но не умѣлъ дѣлать надлежащихъ удареній. Занимаясь съ названными учителями, я, однако, не прерывалъ обычныхъ своихъ талмудическихъ занятій, и мой образъ жизни съ внѣшней стороны не подвергся никакому измѣненію. Намѣреніе «отдать меня въ гимназію» было тайной отца. И только за короткое время до вступительныхъ экзаменовъ, происходившихъ въ августѣ, отецъ сталъ заниматься раздобываніемъ для меня изъ Мира метрики; а такъ какъ ея не существовало, то пришлось замѣнить ее обычнымъ въ то время удостовѣреніемъ нѣсколькихъ старожиловъ мѣстечка о томъ, что они-де твердо помнятъ, что «31 января (4-ый день Шеватъ 5623 г.) 1863 года у Шаи-Боруха Сліозберга, отъ законной жены его Эсфири Нохимъ-Давидовны, урожденной Ошмянской, родился сынъ», и что они «были приглашены на обрядъ обрѣзанія, при которомъ наречено было ему имя Генохъ». Трудности представляло полученіе увольнительнаго отъ Налибокскаго мѣщанскаго общества свидѣтельства, т. е. свидѣтельства о томъ, что по приговору общества я увольняюсь изъ мѣщанъ, и не встрѣчается препятствій къ поступленію въ учебное заведеніе. Такимъ образомъ замыселъ отца былъ обнаруженъ. Началась титаническая борьба Налибокскаго дѣдушки и другихъ родственниковъ противъ отца. Происходили бурныя объяснененія. Оплакивали мое будущее вѣроотступничество, грозили Божьими карами, взывали къ совѣсти отца и умоляли не губить еврейскую душу, не лишать Израиля буду-

щаго свѣточа Торы. И, наконецъ, указывалось на матеріальное разореніе, такъ какъ нельзя себѣ было представить совмѣщеніе званія «отца гимназиста» со званіемъ меламда. Но ничто не могло повлiять на рѣшеніе отца, несмотря на обычную его податливость вліянію дѣда. Помню, что онъ приводилъ въ примѣръ бывшаго тогда во всей славѣ среди евреевъ покойнаго И. Г. Оршанскаго: онъ, хотя родился въ Екатеринославѣ, но происходилъ изъ семьи, принадлежавшей къ полтавскимъ старожиламъ, и, конечно, только поэтому полтавскіе евреи имѣли представленіе объ Оршанскомъ. Говорили, что это знаменитѣйшій писатель, и съ благодарностью констатировали, что свой талантъ и ученость онъ посвящаетъ евреямъ, защищая свой народъ противъ притѣсненій и безправія. Отецъ давалъ торжественныя обѣщанія, что мое поступленіе въ гимназію не отразится на моей набожности; что, благодаря незадолго передъ тѣмъ изданному распоряженію, евреи-ученики гимназіи могутъ, по желанію, быть освобождаемы отъ письменныхъ работъ по субботамъ; что мои занятія Талмудомъ, если и будутъ сокращены, то не прекратятся совсѣмъ, что не пропущена будетъ ни одна суббота безъ того, чтобы я не ходилъ въ синагогу къ первой очереди молитвы, оканчивающейся до начала занятій въ гимназіи, т. е. къ 9 часамъ утра; что я не буду нарушать субботняго отдыха ношеніемъ книгъ въ гимназію, и т. д. Еще до конца Ильинской ярмарки, отецъ, увѣренный, что я выдержу экзаменъ, со значительными для себя лишеніями, израсходовался на закупку синяго сукна для моего гимназическаго мундира и сѣраго для шинели, — на ярмаркѣ мануфактура стоила дешевле.

Наступилъ, наконецъ, день 7 августа, когда происходили въ полтавской гимназіи вступительные экзамены. Ему предшествовала безсонная ночь, проведенная въ мечтаніяхъ о предстоящей новой жизни. Помню трепетъ, охватившій меня, когда я предсталъ передъ директоромъ гимназіи Шульженко, изящнымъ, сравнительно молодымъ человѣкомъ. Меня ввели въ актовый залъ. Я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ такое большое помѣщеніе, на меня произвели большое впечатлѣніе портреты царей, во весь ростъ, до того мною никогда не виданные. Сновали, внушая страхъ, учителя въ вицмундирахъ. Когда я сталъ отвѣчать на задаваемые экзаменаторами вопросы, мнѣ каза-

лось, что сами цари съ портретовъ устремляютъ на меня свои пытливые взоры. Нѣсколько успокаивало меня присутствіе въ залѣ учителя нѣмецкаго языка Л. К. Кана, который жилъ въ домѣ, арендуемомъ моимъ отцомъ, и былъ поэтому мнѣ знакомъ. Канъ былъ крещеный еврей изъ Курляндіи, человѣкъ большого образованія, знатокъ нѣмецкой литературы, и притомъ совершенно негодный учитель; онъ настолько плохо говорилъ по-русски, что каждая произнесенная имъ фраза вызывала у учениковъ смѣхъ.

Всѣ экзамены, устные и письменные, прошли у меня съ большой удачей, русская диктовка — безъ единой ошибки. На слѣдующій день предстояло выдержать устный экзаменъ по русскому языку. Меня заставили читать разсказъ изъ «Родного Слова» и пересказать его своими словами, а затѣмъ и сдѣлать грамматическій разборъ нѣкоторыхъ фразъ. Послѣдній былъ сдѣланъ настолько успѣшно, что вызвалъ удивленіе экзаменаторовъ, но мое произношеніе при чтеніи и коверканная рѣчь при пересказѣ прочитаннаго повергли этихъ экзаменаторовъ въ совершенный ужасъ. Я помню, какъ къ экзаменаціонному столу былъ приглашенъ директоръ гимназіи, и полушепотомъ ему было сообщено объ этомъ феноменальномъ случаѣ: мальчикъ обнаруживаетъ отличныя знанія по всѣмъ предметамъ, не исключая и русской грамматики, но невѣроятно плохо говоритъ по-русски. Рѣшено было признать меня выдержавшимъ экзаменъ въ третій классъ, но убѣдить отца оставить меня во второмъ классѣ, дабы я могъ восполнить пробѣлы въ умѣньи владѣть русской рѣчью. Отцу пришлось согласиться, и такимъ образомъ, я, готовый талмудистъ, научившійся побѣждать всѣ трудности даже комментатора «Магаршоа», сталъ гимназистомъ 2-го класса, проходившимъ именованныя числа и другія подобныя премудрости.

Полтавская гимназія имѣла въ это время опредѣленную репутацію, и передъ высшимъ начальствомъ аттестовалась не съ лучшей стороны. Какъ разъ въ годъ моего поступленія въ гимназію изъ нея былъ удаленъ по политической неблагонадежности учитель исторіи Чарторыйскій. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ принадлежалъ къ одному изъ кружковъ, повидимому, чайковцевъ и народовольцевъ. Онъ группировалъ вокругъ себя лучшіе элементы изъ старшихъ классовъ гимназіи. Вліяніе его на

молодежь было неотразимо. Его очень любили, его уроки приводили гимназистовъ въ восторгъ. Мнѣ довелось черезъ 35 лѣтъ послѣ этого встрѣтиться съ нимъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ состоялъ на маленькой должности, и я узналъ, что послѣ полтавской гимназіи онъ велъ скитальческую жизнь, былъ въ ссылкѣ въ Сибири, служилъ по земской статистикѣ, а потомъ даже попалъ въ мировые судьи на Кавказъ. Оттуда его занесло въ Петербургъ, гдѣ онъ сильно нуждался.

Подъ вліяніемъ этого учителя въ гимназіи образовался кружокъ «передовыхъ» молодыхъ людей, дававшихъ окраску всей гимназіи. Директоръ гимназіи Шульженко былъ человѣкъ мягкій, снисходительный, и пользовался всеобщей любовью. Онъ, по мнѣнію начальства, «распустилъ» гимназію. Это была эпоха министерства Д. А. Толстого. Незадолго передъ тѣмъ введена была реформа классическаго образованія. Когда я поступилъ въ гимназію, въ послѣднихъ классахъ еще не изучался греческій языкъ. Споръ между приверженцами классицизма и противниками его еще былъ въ полномъ разгарѣ. Какъ видно изъ прессы и журналовъ, относящихся къ этой эпохѣ, — я поступилъ въ гимназію въ 1875 г., — публицисты еще усердно занимались полемикой по поводу реформы графа Толстого.

Вопросъ о классицизмѣ раздѣлялъ судьбу многихъ вопросовъ у насъ, начиная съ 70-хъ годовъ до конца столѣтія. Обсужденіе политическихъ реформъ въ широкомъ и истинномъ смыслѣ слова было, по цензурнымъ условіямъ, очень обострившимся во вторую половину царствованія Александра II, невозможнымъ. Русская интеллигенція выбрасывала знамена либерализма и консерватизма надъ вопросами, которые, имѣя большое культурное и экономическое значеніе, вовсе, однако, не заключали въ себѣ моментовъ, имѣющихъ какое либо отношеніе къ либеральному или консервативному направленію въ политикѣ. Было время и въ Англіи, когда виги и тори боролись по вопросамъ, на первый взглядъ, чисто экономическимъ, — напримѣръ, о хлѣбныхъ пошлинахъ въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія; но то былъ все же вопросъ общей политики, въ полномъ смыслѣ слова: сохраненіе хлѣбныхъ пошлинъ было въ интересахъ крупнаго землевладѣнія, т. е. торіевъ, и влекло за собою порабощеніе народныхъ массъ,

— и напередъ, конечно, можно было сказать, какъ раздѣлится общественное мнѣніе по этому вопросу. То же относится и къ вопросу о торговлѣ невольниками, возбуждавшему въ Англіи парламентскіе споры въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Но у насъ общественное мнѣніе раскалывалось по группамъ либерализма и консерватизма на такихъ вопросахъ, по которымъ каждый могъ дать отвѣтъ положительный или отрицательный совершенно независимо отъ принадлежности къ сторонникамъ того или другого политическаго направленія. Можно быть крайнимъ либераломъ и быть поклонникомъ классицизма въ школѣ, подобно тому, какъ можно быть ярымъ консерваторомъ и отрицать пользу или даже признавать вредъ классической системы образованія. Между тѣмъ споръ между приверженцами и противниками классицизма превратился въ политическій споръ либераловъ и консерваторовъ. Подобные споры длились долго, до того, пока на смѣну одному не являлся другой поводъ, иногда столь же безразличный съ точки зрѣнія чисто политической, лишь бы онъ касался предмета, доступнаго публицистическому обсужденію хотя бы подъ бдительнымъ окомъ цензуры.

Понятно, что споръ о классицизмѣ былъ споромъ отвлеченнымъ, чисто принципіальнымъ, не имѣвшимъ практическаго значенія. Обсужденіе принципіальной стороны дѣла оставляло въ тѣни практическіе вопросы о томъ, какъ фактически проводится въ жизнь классицизмъ въ нашей школѣ. Подъ шумъ этого спора выполненіе введенной въ жизнь классической программы было ниже всякой критики. Формальный классицизмъ не имѣлъ духа, и, вмѣсто дѣйствительнаго классическаго образованія, школа давала мертвящія умъ молодыхъ людей грамматическія правила, приводила къ безсвязному зазубриванію текстовъ латинскихъ и греческихъ писателей, къ нелѣпымъ «экстемпораліямъ» — упражненіямъ въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій и греческій. Самые же классическіе авторы, не исключая и Гомера, оставались чуждыми по духу даже лучшимъ школьникамъ, знавшимъ всѣ тонкости синтаксическихъ правилъ. Въ результатѣ, Россія осталась и безъ реальнаго, и безъ классическаго образованія.

Полтавская гимназія не представляла въ этомъ отношеніи исключенія. Съ уходомъ Чарторыйскаго, въ преподавательскомъ составѣ ея не было ни одной замѣтной фи-

гуры. Болѣе или менѣе сносно обстояло преподаваніе математики; скромнымъ педагогическимъ требованіямъ соотвѣтствовалъ одинъ только учитель русскаго языка и словесности. Преподаваніе же древнихъ языковъ, при всей строгости требованія со стороны учителей, было крайне первобытно. Отношенія между учителями и учениками ограничивались только служебными классными сношеніями. Среди учителей не было никого, кто могъ бы вліять на молодежь въ смыслѣ возбужденія самодѣятельности и самообразованія.

Вскорѣ послѣ поступленія моего въ гимназію, директоръ Шульженко былъ смѣщенъ, и на его мѣсто назначенъ былъ старикъ С. И. Шафрановъ, на котораго, повидимому, высшее учебное начальство возлагало надежды, что онъ «подтянетъ» гимназію, имѣвшую, какъ я уже упомянулъ, репутацію распущенной, зараженной вольнымъ духомъ. Шафрановъ, до назначенія на должность директора полтавской гимназіи, былъ директоромъ Коллегіи Галагана въ Кіевѣ, т. е. служилъ подъ непосредственнымъ надзоромъ попечителя кіевскаго округа и могъ быть въ достаточной мѣрѣ посвященъ въ виды правительства. Онъ преподавалъ въ шестомъ классѣ, когда я тамъ учился, русскую словесность. Личность Шафранова представлялась, во всякомъ случаѣ, незаурядной. При отсутствіи какого бы то ни было общенія внѣ школы съ учениками, послѣднимъ трудно было оцѣнить индивидуальность этого интереснаго старика и понять его міросозерцаніе. Онъ не былъ строгъ по натурѣ, любилъ молодежь, маленькихъ даже ласкалъ, но намъ было извѣстно, что онъ былъ крайне взыскателенъ въ отношеніи преподавательскаго персонала. Мы питали къ нему большое уваженіе, съ нѣкоторой долей страха, происходившаго отъ непониманія. Какъ преподаватель, онъ намъ казался чудакомъ. Съ нимъ мы не «проходили» словесности по учебнику, онъ намъ не «задавалъ» вытвердить опредѣленное количество страницъ изъ древнихъ церковно-славянскихъ памятниковъ. Но въ теченіе цѣлаго года его преподаванія въ шестомъ классѣ онъ заставлялъ насъ заучивать наизусть мало извѣстныя русскія былины, сказки и, въ особенности, сотни затѣйливыхъ пословицъ, поговорокъ и присказокъ. Горе было ученику, который, на вопросъ директора, какія пословицы русскій народъ посвятилъ, напримѣръ, морю, не умѣлъ

отвѣтить соотвѣтствующимъ рядомъ поговорокъ, вродѣ «кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался». Шафрановъ, очевидно, считалъ, что знаніе былинъ, сказокъ и пословицъ можетъ удовлетворить всю потребность развитія молодыхъ людей и внушить имъ надлежащіе литературные вкусы. Темы, которыя задавались для сочиненій, также не выходили изъ круга народной поэзіи и мудрости. Мы удивлялись, что самъ директоръ не держится офиціальной программы курса, и въ 7-й классъ мы перешли безъ знанія исторіи русской литературы. Директоръ Шафрановъ, однако, былъ несомнѣнно разносторонне образованный человѣкъ. Онъ прекрасно, безъ акцента владѣлъ французской и особенно нѣмецкою рѣчью и былъ знатокомъ иностранной литературы. О литературныхъ трудахъ самого Шафранова намъ не было извѣстно. Отдавая себѣ впослѣдствіи отчетъ о личности Шафранова, я понялъ, что въ его лицѣ мы имѣли одного изъ представителей усилившагося незадолго до того времени, къ которому относится мое пребываніе въ гимназіи, теченія славянофильства. Онъ былъ типичный самобытникъ, одинъ изъ тѣхъ, которые, начиная съ Аксакова, а потомъ вмѣстѣ съ Катковымъ, «публицистомъ Тверского бульвара», редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей», — группировались вокругъ знамени «Назадъ, домой!» и объявили ожесточенную войну западникамъ.

Я не могу долго останавливаться на этомъ культурномъ и политическомъ спорѣ о славянофильствѣ и западничествѣ среди русской интеллигенціи. Этотъ споръ недостаточно, по моему мнѣнію, изученъ нынѣшнимъ поколѣніемъ, поглощеннымъ всецѣло политико-экономическими разномысліями. Споръ между славянофилами и западниками имѣлъ въ тѣ годы особое значеніе, обострившись вслѣдствіе начавшейся въ 1876 г. войны между Россіей и Турціей. Малороссійской интеллигенціи славянофильство было чуждо, — да и понятно, почему: идея славянофильства была прикрѣплена къ Москвѣ, въ ней тогда не было еще ясно выраженныхъ элементовъ «панславизма». Она была не политическимъ, а культурно-національнымъ міровоззрѣніемъ. При полномъ отсутствіи въ тогдашнемъ малороссійскомъ обществѣ какихъ либо сепаратистскихъ стремленій, еще не было и помину объ украинской самостійности, пророкомъ которой сталъ позднѣе Грушевскій.

При нѣкоторомъ даже равнодушіи къ малорусскому языку, малороссійская молодежь охотно пріобщалась къ обще-русской культурѣ, но инстинктивно противилась признанію господства Великороссіи въ области культуры. Глашатаи же славянофильства проповѣдывали исконныя великороссійскія начала: идеологія славянофильства сводилась къ великороссофильству.

Историкамъ придется еще разработать вопросъ о томъ, насколько усилившееся вліяніе славянофиловъ на оффиціальныя высшія сферы содѣйствовало возникновенію русско-турецкой войны, закончившейся Санъ-Стефанскимъ миромъ. Директоръ Шафрановъ въ годъ войны усердно проповѣдовалъ намъ патріотическія чувства.

Оглядываясь назадъ, я долженъ сказать, что этому учителю я обязанъ сохранившейся у меня на всю жизнь любовью къ русской народной поэзіи и автору ея — самому русскому народу.

Упомянувъ о русско-турецкой войнѣ, я скажу, что разные эпизоды ея не нарушали общаго теченія мирной жизни въ Полтавѣ. Одно время городъ наполнился плѣнными турками, среди которыхъ былъ герой Плевны — Османъ-паша, недолго задержавшійся у насъ. Служились обычные благодарственные молебны. Никакихъ бюллетеней въ видѣ телеграммъ о событіяхъ на войнѣ въ Полтавѣ не получалось и новости узнавались съ значительнымъ запозданіемъ. По окончаніи войны къ намъ пріѣхалъ генералъ Радецкій — герой Плевны; семья его проживала въ Полтавѣ. Ему была устроена торжественная встрѣча, въ которой мы, гимназисты, приняли, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, участіе. Разученъ былъ спеціально для этого случая сочиненный директоромъ гимназіи гимнъ, которой мы распѣвали передъ домомъ Радецкаго.

...Возвращаюсь къ прерванному изложенію.

Немедленно по объявленіи о пріемѣ меня въ гимназію я облекся въ установленный мундиръ — короткій однобортный сюртукъ изъ синяго сукна съ бѣлыми металлическими пуговицами, со стоячимъ воротникомъ и съ бѣлымъ галуномъ, въ кепи съ гимназическимъ гербомъ. Несмотря на огорченіе, причиненное мнѣ необходимостью вступить не въ третій, а во второй классъ, я считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Мой видъ гимназиста въ мундирѣ причинилъ истинное горе моимъ род-

нымъ. Мать и бабушка обливались слезами, видя меня въ такомъ богоотступническомъ нарядѣ.

Начались классныя занятія. Первый блинъ вышелъ комомъ: мнѣ нанесенъ былъ тяжкій ударъ. Учитель географіи, одинъ изъ самыхъ плохихъ педагоговъ, какихъ я встрѣчалъ, и имѣвшій притомъ неясное произношеніе, приказалъ мнѣ указкой обозначить на картѣ Бенгальскій заливъ. Не понявъ его вопроса и не зная, что дѣлать съ указкой, я не удовлетворилъ учителя, и онъ поставилъ мнѣ отмѣтку 2, — мнѣ, который прекрасно выдержалъ экзаменъ въ третій классъ и мечталъ, что съ перваго же дня начнется для меня тріумфальное шествіе по пути, усѣянному пятерками! Моему горю не было конца, я готовъ былъ считать себя погибшимъ. Глубокое огорченіе причинило это событіе и моему отцу.

Самымъ труднымъ дѣломъ, конечно, было справиться съ русскимъ языкомъ. Учитель русскаго языка, какъ нарочно, часто заставлялъ меня читать и разсказывать, видимо забавляясь моей ломаной рѣчью. Но я вскорѣ, однако, превозмогъ всѣ трудности, и моя гимназическая жизнь мирно потекла изъ класса въ классъ съ наградами, помѣщеніемъ въ первомъ разрядѣ по успѣхамъ и даже на первомъ мѣстѣ, за которое я конкуррировалъ съ другимъ товарищемъ, тоже евреемъ. Мы такъ и дошли до конца гимназіи, чередуясь на первомъ мѣстѣ и не допуская никого другого занять это мѣсто.

Первый годъ пребыванія въ гимназіи и значительная часть второго не отразились на моемъ религіозномъ поведеніи. Я вначалѣ даже удвоилъ усердіе въ исполненіи религіозныхъ обязанностей и обрядовъ, стараясь этимъ доказать огорченнымъ родственникамъ, что пребываніе въ гимназіи совмѣстимо съ точнымъ исполненіемъ всего предписываемаго набожному еврею, и оправдать ручательство отца. Не только по субботамъ, но и по понедѣльникамъ и четвергамъ, — дни, когда при молитвѣ читается Тора, — я вставалъ въ 6 часовъ утра и на разсвѣтѣ уже былъ въ синагогѣ при молитвѣ. По возвращеніи изъ класса, раньше, чѣмъ приступить къ приготовленію уроковъ, я продолжалъ прерванныя на нѣкоторое время занятія Талмудомъ. Когда наступилъ день моего «бармицво», зимою 1876 г., я, передъ собравшимися по этому поводу родственниками и знакомыми и талмудическими авторитетами го-

рода Полтавы, произнесъ обычную «дрошо», посвященную сложному толкованію нѣкоторыхъ трудныхъ мѣстъ Талмуда изъ трактата «Хулинъ», и доказалъ, что гимназическое образованіе не отразилось вредно на моемъ талмудическомъ знаніи. По субботамъ я, съ разрѣшенія директора гимназіи, не участвовалъ въ письменныхъ работахъ; книги по субботамъ носилъ въ классъ и обратно нашъ дворникъ, мой большой другъ Матвѣй, отставной солдатъ Николаевской службы, спавшій за неимѣніемъ другого мѣста, въ той же коморкѣ, гдѣ при тускломъ освѣщеніи сальной свѣчки происходили мои занятія. Этотъ Матвѣй былъ постоянный свидѣтель моихъ вечернихъ и утреннихъ бдѣній надъ еврейскими книгами, надъ зазубриваніемъ латинскихъ словъ и надъ самымъ труднымъ для меня дѣломъ — выучиваніемъ наизусть стихотвореній: трудно, помню, давался мнѣ «Полтавскій бой»; не умѣя дѣлать надлежащихъ удареній, я не справлялся съ пушкинскимъ ритмомъ...

Зато, какъ правильно предсказывалъ мой Налибокскій дѣдъ, вступленіе мое въ гимназію сразу неблагопріятно отразилось на матеріальномъ благосостояніи моего отца, какъ меламда. Меламедская карьера для него закрылась, и ему пришлось прибѣгнуть къ изысканію иныхъ средствъ существованія. Источники ихъ, однако, не открывались, и нужда, острая нужда, стала стучаться въ двери нашей семьи. Когда въ ноябрѣ наступилъ послѣдній срокъ уплаты около 15 рублей за право ученія въ гимназіи, отцу пришлось, несмотря на предстоящіе холода, отнести свою шубейку въ закладъ къ женѣ богатаго еврея, директора отдѣленія Кременчугскаго Коммерческаго Банка въ Полтавѣ (банкъ впослѣдствіи крахнулъ), и занятые 15 рублей внести въ гимназическую кассу. Директорша банка считала себя моей благодѣтельницей, принесшей жертву только потому, что ея сынъ учился со мною въ одномъ классѣ. Правда, проценты взысканы не были.

Крайняя нужда отца и сознаніе того, что я явился причиною ея, побуждали меня искать заработка. По окончаніи учебнаго года, перейдя въ третій классъ, я сталъ давать уроки, причемъ первый урокъ мой оплачивался однимъ рублемъ въ мѣсяцъ за ежедневныя занятія съ двумя мальчиками, которыхъ я обучалъ русской грамотѣ. За этимъ урокомъ вскорѣ появились другіе, и, будучи въ

третьемъ классѣ гимназіи, я зарабатывалъ рублей 15 въ мѣсяцъ, которыми оказывалъ значительную поддержку отцу. Моя репутація, какъ хорошаго учителя и репетитора, упрочивалась, и въ четвертомъ и пятомъ классахъ мои заработки достигали уже 30-40 рублей въ мѣсяцъ, на которые существовала вся семья. Конечно, для этого приходилось съ трехъ часовъ дня, т. е. непосредственно по окончаніи гимназическихъ занятій, отправляться на уроки и возвращаться домой не раньше 9-10 часовъ вечера. Дома предстояло еще заниматься съ братомъ, котораго я сначала подготовлялъ въ гимназію, а потомъ и «репетировалъ»; лишь около 12 час. ночи я могъ приступить къ приготовленію собственныхъ уроковъ на слѣдующій день.

Постепенно занятія Талмудомъ сокращались и въ концѣ концовъ должны были, за отсутствіемъ времени, совершенно прекратиться; ослаблялось и мое обрядовое религіозное благочестіе. Я постепенно переходилъ къ вольнодумству, къ атеизму, изъ атеизма впадалъ въ мистицизмъ, т. е. переживалъ тѣ переломы, которые обычны у сознательнаго, привыкшаго размышлять юноши въ 15 лѣтъ. Угнетало меня то, что, будучи обязанъ отдавать все свое время бѣготнѣ по урокамъ, я не могъ посвящать достаточно времени чтенію. Съ большимъ напряженіемъ силъ и за счетъ сна мнѣ удавалось читать книги. Въ пятомъ классѣ я основательно ознакомился съ Исторіей цивилизаціи Англіи Бокля; эта книга дала мнѣ много мыслей и расширила мой умственный кругозоръ. Восполнять чтеніе мнѣ удавалось лишь въ каникулярное время, хотя и въ лѣтніе мѣсяцы я былъ усиленно занятъ уроками, готовилъ учениковъ къ поступленію въ гимназію.

Хочу упомянуть объ одномъ лѣтѣ, проведенномъ мною въ имѣніи того самаго директора банка, у котораго нѣкоторое время въ качествѣ заклада хранилась шуба моего отца. Я перешелъ въ пятый классъ гимназіи и былъ приглашенъ преподавателемъ къ младшимъ дѣтямъ этого банкира. Имѣніе находилось въ 25 верстахъ отъ Полтавы, и пріобрѣлъ онъ его отъ раззорившейся дворянской семьи. Въ немъ велось крупное хозяйство. Въ первый разъ въ жизни мнѣ пришлось провести болѣе или менѣе продолжительное время внѣ города, на лонѣ природы, и притомъ въ обстановкѣ исключительно благопріятной. Семья банкира жила въ старинной помѣщичьей усадьбѣ. Боль-

шой каменный двухэтажный домъ съ просторными, обставленными старинной мебелью комнатами; за домомъ обширный старинный паркъ съ прудомъ; необозримыя поля, покрытыя колышущейся озимой пшеницей. Эти красоты были для меня новыми и производили на меня чарующее впечатлѣніе. Все свободное отъ занятій съ учениками, отнимавшихъ 5-6 часовъ въ день, время я проводилъ лежа на травѣ, въ уединенномъ уголкѣ парка, и часами не уставалъ наблюдать за порхающими птичками, за движеніемъ листвы старинныхъ дубовъ и липъ, а по вечерамъ жадно прислушивался къ пѣнію соловьевъ. Помню, что въ пятомъ классѣ, вскорѣ послѣ каникулъ, учитель словесности задалъ намъ сочиненіе — описать садъ. Я воспроизвелъ впечатлѣніе отъ сада, въ которомъ я провелъ столько времени предшествующимъ лѣтомъ. Это сочиненіе учитель призналъ образцовымъ и оцѣнилъ его отмѣткой «пять съ плюсомъ». Пребываніе въ этомъ имѣніи заронило на всю жизнь въ мою душу любовь къ природѣ и къ деревенской жизни. Но и въ другомъ отношеніи это лѣто было для меня интереснымъ. Мнѣ впервые пришлось жить въ обстановкѣ довольства и благосостоянія, ближе ознакомиться съ жизнью состоятельной еврейской семьи и видѣть, какъ живутъ богатые люди, у которыхъ нѣтъ заботы о томъ, гдѣ раздобыть нѣсколько рублей на базаръ передъ субботой, — но зато нѣтъ и идеаловъ, нѣтъ прошлаго, и нѣтъ цѣли въ будущемъ, кромѣ умноженія капитала. Я увидѣлъ, какъ развращена среда, въ которой нажива служитъ кумиромъ. Владѣлецъ богатства, среди котораго я жилъ, выходецъ изъ Каменецъ-Подольска, не имѣлъ ничего общаго съ еврействомъ и вообще былъ полный невѣжда. Въ молодости онъ служилъ по виннымъ откупамъ; въ Полтавѣ онъ содержалъ самый крупный оптовый складъ спирта. Жена его умѣла говорить по французски и считала себя образованнѣйшей женщиной. Злая по натурѣ, она грубо обращалась съ бѣдными. Въ домѣ жили гувернантка, бонна, учитель музыки. Пріѣзжали въ гости молодые люди, и вся эта компанія, вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ въ семьѣ, моимъ товарищемъ по гимназіи, являла примѣръ необузданной распущенности. Чудная окружавшая ихъ природа не внушала имъ никакихъ особенныхъ чувствъ. Насколько неизмѣримо выше этой мишурной жизни была въ моихъ глазахъ трудовая жизнь

бѣдняка еврея, голодающаго матеріально, но способнаго къ возвышенію духа, къ умственнымъ наслажденіямъ! Въ сравненіи съ такимъ бѣднякомъ, мой амфитріонъ былъ нищій духомъ. И сколько приходилось мнѣ потомъ въ жизни встрѣчать такихъ богачей-нищихъ! Они представляли собою лишь наростъ на еврейскомъ національномъ организмѣ, продуктъ ненормальной еврейской жизни; результатъ забвенія истиннаго еврейскаго духа; а вѣдь именно наблюденіемъ надъ этимъ наростомъ, къ несчастію, питалась всегда антисемитская агитація.

Пятнадцатый годъ моей жизни былъ для меня чрезвычайно болѣзненнымъ въ отношеніи душевномъ. Тяжелая матеріальная обстановка и непосильный для мальчика трудъ, надломили мое здоровье. Пріучившись съ ранняго дѣтства къ самонаблюденію и къ самокритикѣ, я задавался несвойственными моему возрасту мыслями о назначеніи человѣка, подвергалъ пересмотру и переоцѣнкѣ всѣ прежнія цѣнности, вынесенныя изъ моего трудового и безрадостнаго дѣтства. Мать моя, которую я безконечно любилъ, всегда хворавшая, теряла все больше силы подъ бременемъ нужды, труда и заботъ о дѣтяхъ. Незадолго до того умерла одна моя сестра 5 лѣтъ, къ которой вся семья была очень привязана, а затѣмъ и 3-лѣтній братъ. Мое нервное состояніе начинало принимать угрожающій характеръ. Я боялся темноты, а между тѣмъ приходилось въ темные вечера дѣлать большіе концы на уроки, возвращаться поздно домой и даже проходить мимо кладбища. Мнѣ стыдно было сознаться въ этой боязни, — не отказаться же отъ урока, оплачивавшагося 30 рублями въ мѣсяцъ; я невыносимо страдалъ. Нѣкоторое облегченіе далъ мнѣ старый врачъ — тоже еврей, но жившій настолько уединенно, что о принадлежности его къ еврейству стало извѣстно только при его смерти, когда его похоронили на еврейскомъ кладбищѣ. По слабости здоровья, онъ не занимался практикой, не имѣлъ никакого общенія съ людьми, жилъ во флигелѣ въ саду усадьбы, по сосѣдству съ моимъ «мирскимъ» дѣдушкой. Съ дѣдомъ онъ любилъ бесѣдовать, и это дало мнѣ возможность воспользоваться его медицинскимъ совѣтомъ. Однимъ изъ главныхъ его врачебныхъ предписаній было возможно частое посѣщеніе русской бани, которая, по его мнѣнію, благотворно дѣйствуетъ на укрѣпленіе нервовъ. Этотъ врачъ, по фами-

ліи Герберъ, былъ для всѣхъ загадкой. Никому не было ничего извѣстно изъ его прошлаго. Онъ жилъ въ Полтавѣ много лѣтъ, и тѣ немногіе, которые его знали, считали его превосходнымъ врачемъ и ученымъ человѣкомъ.

На мое душевное состояніе подѣйствовало то, что я въ сущности былъ совершенно одинокъ. Я былъ хорошій товарищъ, товарищи и ко мнѣ хорошо относились; добрыя отношенія съ соучениками основывались главнымъ образомъ на томъ, что я не отказывалъ имъ въ школьной помощи, давалъ имъ охотно списывать со своихъ работъ, и не жалѣлъ труда, приходя раньше въ классъ, разъяснять имъ урокъ, который они не успѣли или не хотѣли приготовить, или переводить съ латинскаго и греческаго языковъ заданныя мѣста. Эти мои услуги стали настолько обычными, что постепенно превратились въ какую-то обязанность: я «не имѣлъ права» приходить поздно, ибо надо было до начала уроковъ обслуживать многихъ товарищей. Но внѣ школы я не имѣлъ возможности встрѣчаться съ ними. Ни я у нихъ, ни они у меня не бывали, хотя среди товарищей было нѣсколько такихъ, съ которыми мнѣ хотѣлось бы сблизиться. Дружескія внѣшкольныя отношенія при условіяхъ, въ которыхъ я жилъ, создаваться не могли. Я не имѣлъ для этого въ своемъ распоряженіи хотя бы немного времени. Да и по своему развитію, по пройденной мною хедерной и житейской тяжелой школѣ я стоялъ выше своихъ товарищей и былъ для нихъ чужимъ.

Изъ моего тяжелаго душевнаго состоянія я сталъ постепенно выходить на 16-мъ году жизни, когда, будучи уже гимназистомъ 6-го класса, сталъ иногда встрѣчаться съ учениками 7-го и 8-го класса, тоже евреями, и сблизился съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Къ этому времени въ полтавской гимназіи было уже сравнительно большое число учащихся евреевъ, особенно въ старшихъ классахъ. Большинство изъ нихъ были иногородніе. Они переводились къ намъ изъ другихъ гимназій. Наша гимназія привлекала къ себѣ своей репутаціей непридирчивой и свободной отъ проявленія юдофобства. Директоръ гимназіи Шафрановъ, какъ самобытникъ и славянофилъ, былъ, конечно, въ душѣ антисемитъ; но онъ былъ настолько добросовѣстенъ въ исполненіи своихъ обязанностей, что я не могу припомнить ни одного

дѣйствія съ его стороны по отношенію къ евреямъ, которое объяснялось бы его враждебностью къ намъ. Приливу иногороднихъ учениковъ въ старшіе классы содѣйствовало еще одно обстоятельство, о которомъ, какъ весьма характерномъ, я упомяну впослѣдствіи.

Я, однако, и теперь не могъ удѣлять много времени умственному общенію съ новыми друзьями, среди которыхъ были очень симпатичные мнѣ молодые люди. Нѣкоторые изъ нихъ интересовались политическими вопросами и состояли, повидимому, въ сношеніяхъ съ руководителями разныхъ кружковъ, перебрасывавшихся изъ столичныхъ центровъ въ провинціальные университеты, а оттуда въ гимназіи. Жандармскія власти и въ Полтавѣ усердно работали. Время отъ времени доходили слухи о производимыхъ арестахъ. Среди гимназистовъ я такихъ случаевъ не припоминаю. Самъ я не участвовалъ въ подобныхъ кружкахъ и не бывалъ ни на какихъ собраніяхъ молодежи. Только въ праздничные дни, свободные отъ занятій, и въ каникулярное время я могъ отводить душу въ бесѣдѣ съ новыми друзьями.

Оживлялась гимназія, и воспитанники обогащались новыми впечатлѣніями въ экзаменаціонное время весною, вслѣдствіе. пріѣзда многихъ экстерновъ, т. е. лицъ, которыя подвергались экзамену на аттестатъ зрѣлости въ нашей гимназіи, не состоя ея воспитанниками. Большинство экстерновъ были евреи. Нѣкоторые изъ нихъ были въ большой нуждѣ и обращались ко мнѣ за помощью, которую удавалось оказывать благодаря моимъ связямъ среди мѣстнаго еврейства. Эти экстерны, въ отличіе отъ послѣдующихъ поколѣній экстерновъ, были люди, выброшенные изъ разныхъ учебныхъ заведеній или добровольно ихъ бросившіе для того, чтобы потомъ, подготовившись на свободѣ, именно въ Полтавской гимназіи держать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Среди нихъ не попадалось самоучекъ, прошедшихъ еврейскую школу — хедеръ и ешиботъ. Перебирая въ памяти многочисленный рядъ этихъ искателей аттестатовъ, я не могу остановиться ни на одномъ изъ нихъ, какъ на болѣе или менѣе замѣтной личности.

ГЛАВА IV.

Пріѣздъ Б. Ф. Бранда. — Его біографія. — Служба въ Министерствѣ Финансовъ и ученые труды Бранда. — Пресса въ 1880 г.; газеты «Голосъ», «Молва», «Страна». — Періодъ Лорисъ-Меликова. — Мое отношеніе къ нелегальнымъ кружкамъ. — Инцидентъ по поводу нелегальной переписки. — Еврейскій вопросъ до 1881 г. — Оторванность интеллигенціи отъ еврейской массы и ея анаціональность. — Стремленіе къ поступленію въ гимназіи и университеты. — Усиленіе юдофобіи — Уставъ о воинской повинности 1874 г. и послѣдовавшія дополненія къ нему. — Законъ о питейной торговлѣ. — Перемѣна къ лучшему въ 1879 и 1880 г.г. — Циркуляръ М-ра Вн. Дѣлъ Макова. — Національный индифферентизмъ молодежи.

Лѣтомъ 1879 г. въ Полтавѣ появился молодой человѣкъ, о которомъ его родственники, мои знакомые, всегда говорили, какъ о «писателѣ и корреспондентѣ газеты», — почетное званіе, которому въ Полтавѣ придавалось даже среди гимназистовъ очень большое значеніе. Я съ нимъ познакомился. Это былъ Борисъ Федоровичъ Брандъ (Барухъ Фалковичъ). Ему было тогда около 18 лѣтъ отъ роду: блѣдный, изможденный, горбатый, съ острымъ, какъ это бываетъ у горбатыхъ, лицомъ, живыми карими умными глазами. Русская рѣчь его рѣзала ухо, акцентъ былъ чисто бердичевскій. Онъ былъ родомъ изъ Махновки, маленькаго мѣстечка близъ Бердичева, и, пробывъ очень короткое время въ Кіевѣ, оттуда явился въ Полтаву къ своей сестрѣ. Мы съ нимъ очень скоро сошлись, подружились, и дружба наша продолжалась до конца дней его. Это была личность во многихъ отношеніяхъ замѣчательная, и въ своихъ воспоминаніяхъ я не могу не посвятить ему нѣсколькихъ страницъ, не только какъ

дань моей долголѣтней съ нимъ дружбѣ, но и какъ дань необычайно талантливому публицисту, а впослѣдствіи и ученому, душой преданному еврейству и не мало потрудившемуся на нашемъ общественномъ поприщѣ. Мы такъ бѣдны исключительными дарованіями, проявляющимися въ активной работѣ, и, тѣмъ не менѣе, такъ мало цѣнимъ память тѣхъ, которые обращали свои дарованія на родное народное дѣло. Нѣсколько газетныхъ некрологовъ, — вотъ все, что современники удѣляютъ памяти ушедшихъ. Новыя поколѣнія о нихъ ничего и не узнаютъ.

Брандъ явился въ Полтаву съ твердымъ убѣжденіемъ, что ему учиться уже больше нечему. Такое убѣжденіе я всегда отмѣчалъ у талантливыхъ автодидактовъ, которымъ, благодаря своимъ способностямъ, удалось использовать крохи знаній, пріобрѣтенныхъ въ качествѣ самоучекъ, безъ системы, собственными усиліями. Мальчикомъ 13 лѣтъ Брандъ сталъ писать на еврейскомъ языкѣ. Для меня непостижимо, какимъ образомъ, гдѣ то въ Махновкѣ этотъ мальчикъ могъ въ такомъ совершенствѣ овладѣть древне-еврейской рѣчью и пріобрѣсти такой выдающійся по красотѣ литературный стиль. Ближе познакомившись съ нимъ, я убѣдился въ его необычайныхъ лингвистическихъ способностяхъ. Колоссальная память давала ему возможность легко запоминать обороты рѣчи и готовыя формы даже чужого для него языка. Изъ каждой прочитанной книги въ его мозгу, какъ на негативѣ, отпечатывались цѣлыя фразы и образы, особенно чудные образы изъ книгъ Пророковъ и вообще изъ Библіи, и сами собою потомъ вплетались переработанные, въ его собственное изложеніе.

Какими-то судьбами ему удалось въ Махновкѣ прочитать извѣстные романы Мапу, «Агавасъ-Ціонъ» («Любовь Сіонская») и «Ашмасъ-Шомронъ» («Вина Самаріи»). Эти романы имѣли большое вліяніе на еврейскую молодежь. Чудный библейскій языкъ авторъ обратилъ въ средство говорить не уму, а чувствамъ юныхъ читателей. Колоритно и поэтично рисуя картины древней палестинской жизни, авторъ задѣвалъ самыя чувствительныя струны еврейскаго молодого сердца и вводилъ читателей въ міръ ощущеній, незнакомыхъ молодымъ людямъ, отягченнымъ талмудическимъ багажемъ. Помню тотъ восторгъ, въ который и меня приводили страницы «Агавасъ-Ціонъ»: эта

книга говорила о любви, и сама дышала любовью къ еврейству. Я понимаю, почему чтеніе этой книги считалось у ортодоксальныхъ аскетовъ «преступнымъ». Я самъ въ свое время читалъ романы Мапу украдкой.

Брандъ сталъ подражателемъ этого автора. Въ звучныхъ маленькихъ сонетахъ и романсахъ онъ изливалъ чувства, навѣянныя «Агавасъ-Ціонъ». Нѣкоторыя изъ его стихотвореній были одобрены редакціей журнала «Гашахаръ» (подъ редакціей Смоленскина) и были напечатаны. Въ Полтаву Брандъ явился съ готовымъ рукописнымъ запасомъ стихотворныхъ и прозаическихъ произведеній, повѣстей, разсказовъ, и даже съ началомъ задуманнаго романа. Научился Брандъ русскому языку еще въ Махновкѣ, прочиталъ Тургенева, особенно увлекался считавшимся тогда сенсаціоннымъ романомъ «Отцы и дѣти». Этого было для него достаточно, чтобы начать довольно недурно писать на русскомъ языкѣ и посылать корреспонденціи въ кіевскія газеты, въ особенности въ газету «Заря», издававшуюся подъ фактической редакціей М. И. Кулишера. Первая напечатанная корреспонденція придала ему бодрость, и дальнѣйшія его произведенія уже всѣ писались на русскомъ языкѣ. Мы проводили съ нимъ вечера въ бесѣдахъ, въ чтеніи и въ спорахъ по поводу прочитаннаго. Это былъ для меня первый товарищъ, съ которымъ я могъ дѣлиться своими интимными мыслями. Мы отлично понимали другъ друга, и, какъ это рѣдко бываетъ, наши бесѣды получали характеръ не спора, а взаимнаго возбужденія мысли и фантазіи. Мы ловили мысли другъ друга на лету, доходили до отвлеченныхъ высотъ въ области политическихъ, самодѣльно-философскихъ и даже экономическихъ вопросовъ. Свойство Бранда изъ прочитанной книги извлекать матеріалъ для самостоятельной работы мысли, прилагать усвоенныя идеи къ другимъ аналогичнымъ темамъ, — служило и мнѣ на пользу. Особенно любили мы читать и бесѣдовать по поводу «Парижскихъ писемъ» Берне; увлекались мы и поэзіей Гете, но особенно близокъ былъ намъ Шиллеръ и, конечно, Гейне (всѣхъ ихъ мы читали въ переводахъ). Въ неописуемый восторгъ привелъ насъ «Натанъ Мудрый» Лессинга.

Брандъ остался жить въ Полтавѣ и сталъ постояннымъ корреспондентомъ кіевской «Зари». Со временемъ къ намъ присоединилось еще нѣсколько молодыхъ людей изъ мѣ-

стной еврейской интеллигенціи, и такимъ образомъ мы образовали небольшой кружокъ, который незамѣтно сталъ какъ бы руководящимъ центромъ мѣстнаго еврейскаго общественнаго мнѣнія. Я, выйдя изъ состоянія одиночества, оживился, вернулъ себѣ ту душевную жизнерадостность, которою обладалъ въ дѣтствѣ.

Почти ежедневно, на короткое время, мы встрѣчались въ читальной мѣстной библіотеки, гдѣ можно было читать газеты. Любимымъ нашимъ органомъ была газета «Молва»; но я вернусь еще къ вопросу о тогдашней прессѣ, и хотѣлъ бы теперь докончить мой краткій разсказъ о Брандѣ. На лѣтніе мѣсяцы Брандъ уѣзжалъ изъ Полтавы «на кондиціи», какъ тогда говорили, т. е. въ деревню на урокъ. Предметомъ преподаванія Бранда былъ еврейскій языкъ. Изученіе его въ еврейской средѣ было совершенно новымъ и рѣдкимъ явленіемъ. За время отсутствія Бранда мы были съ нимъ въ усердной перепискѣ, замѣнявшей личное общеніе. Въ письмахъ затрагивались самыя интимныя стороны нашей жизни, мысли и вопросы, волновавшіе насъ. Брандъ упорно отказывался признать для себя необходимость систематическаго образованія; и лишь послѣ долгихъ съ моей стороны настояній онъ рѣшилъ готовиться къ экзамену зрѣлости, чтобы потомъ поступить въ университетъ. Я снабдилъ его надлежащими учебниками и ввелъ его въ изученіе древнихъ языковъ. Надо ли говорить, что Бранду прохожденіе курсовъ по установленной программѣ большого труда не стоило. Онъ приступилъ къ экзамену послѣ неполнаго года занятій, но болѣзнь помѣшала ему ихъ окончить, и аттестатъ зрѣлости ему удалось получить лишь въ 1884 году, двумя годами позже окончанія мною гимназическаго курса. Онъ поступилъ въ кіевскій университетъ и пользовался стипендіей, назначенной ему сахарозаводчикомъ Лазаремъ Израилевичемъ Бродскимъ, по рекомендаціи д-ра Мандельштама и особенно М. И. Кулишера; редакторъ «Зари» пользовался большимъ вліяніемъ и безусловнымъ уваженіемъ въ мѣстномъ еврейскомъ и не-еврейскомъ обществѣ. Брандъ усердно сотрудничалъ въ мѣстныхъ органахъ печати и писалъ даже передовыя статьи. Въ Кіевѣ въ то время надъ умами господствовалъ С. Ю. Витте, управлявшій Юго-Западными желѣзными дорогами. Профессора университета по политической экономіи и финансовому праву (Ан-

тоновичъ, Цитовичъ и даже «самъ» Пихно, редакторъ получившей впослѣдствіи столь большое значеніе газеты «Кіевлянинъ») находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ Витте. Одной изъ темъ на соисканіе медали для студентовъ была слѣдующая: о денежной повинности освобождаемыхъ отъ отбыванія воинской повинности. Брандъ написалъ превосходную работу, получилъ золотую медаль, сочиненіе было напечатано въ «Извѣстіяхъ Кіевскаго Университета» и было оцѣнено Витте. Это обстоятельство дало возможность Бранду, по окончаніи имъ университета, найти въ лицѣ Витте, перешедшаго къ тому времени въ С.-Петербургъ на должность директора департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ, а вскорѣ и министра финансовъ, — цѣнителя его способностей. Витте охотно сталъ пользоваться Брандомъ, поручилъ ему теоретическую разработку вопроса о введенной по его иниціативѣ винной монополіи, и затѣмъ, назначивъ его чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ финансовъ, поручилъ ему составить подробный обзоръ финансово-экономическаго положенія Россіи сравнительно съ другими государствами. Для выполненія этой работы (она вышла потомъ въ 2-хъ томахъ) Брандъ получилъ командировку за границу. Эту поѣздку онъ использовалъ не только въ интересахъ порученнаго имъ дѣла, но въ интересахъ еврейства. Встрѣчаясь, по поводу порученнаго ему министерствомъ финансовъ дѣла собиранія данныхъ о заграничной биржевой торговлѣ, съ сильными міра въ заграничныхъ «сферахъ», съ профессорами, банкирами и т. п., онъ ознакомилъ ихъ, между прочимъ, и съ положеніемъ евреевъ въ Россіи, становившимся, начиная съ царствованія Александра III, въ каждымъ годомъ все болѣе тяжелымъ.

Въ области еврейской общественной мысли Брандъ примыкалъ къ палестинофиламъ (онъ былъ близокъ съ д-мъ Пинскеромъ, авторомъ «Автоэмансипаціи», — книги, положившей начало палестинофильскому движенію и созданію Общества Палестинофиловъ въ Одессѣ); при зарожденіи сіонизма сталъ сіонистомъ, но активнаго участія въ дѣлахъ партіи не принималъ. Этому препятствовало и его служебное положеніе. Еще сравнительно молодымъ человѣкомъ, въ 1902 г., онъ былъ назначенъ Витте въ члены Ученаго Комитета министерства финансовъ. Это назначеніе было для того времени исключительнымъ. Прі-

емъ на государственную службу евреевъ былъ наглухо закрытъ. Движеніе по службѣ для немногихъ евреевъ, оставшихся на ней въ видѣ исключенія, было совершенно невозможно. Достаточно указать на то, что такой цѣнимый всѣмъ судебнымъ вѣдомствомъ работникъ, какъ Я. М. Гальперинъ, за десятки лѣтъ не могъ сдвинуться съ должности начальника отдѣленія въ министерствѣ юстиціи. Заслуженный судебный дѣятель, имѣвшій огромную популярность на Волгѣ, Я. Л. Тейтель, пребывалъ десятки лѣтъ въ должности судебнаго слѣдователя. Нѣкоторые, какъ напримѣръ, оберъ-секретарь М. П. Шафиръ, вынуждены были и вовсе покинуть службу..

Брандъ, по самымъ свойствамъ своихъ дарованій, оказался чрезвычайно подходящимъ выполнителемъ учено-литературныхъ заданій министерства. Не будучи ученымъ въ полномъ смыслѣ слова, онъ умѣлъ съ чрезвычайной быстротой усваивать сущность любого вопроса въ областяхъ экономической и финансовой, легко разбирался въ статистическихъ и литературныхъ матеріалахъ; и, будучи внутренно свободенъ въ рѣшеніи вопроса, который его до приступа къ выполненію задачи не занималъ, онъ могъ, не погрѣшая противъ своего убѣжденія, убѣдительно и блестяще оснащать предуказанное со стороны Витте рѣшеніе подходящими аргументами и соображеніями.

Витте былъ мастеръ выбирать сотрудниковъ и использовать ихъ способности...

Съ уходомъ Витте Брандъ оказался болѣе свободнымъ отъ служебныхъ учено - литературныхъ трудовъ и могъ болѣе интенсивно заняться вопросами еврейской общественности, сталъ участвовать въ образовавшихся разныхъ еврейскихъ кружкахъ и въ сопутствующихъ всякому оживленію въ общественной жизни столкновеніяхъ воззрѣній, личныхъ честолюбій и т. п.

Послѣдней работой Бранда въ качествѣ члена ученаго комитета министерства финансовъ оказалась, по волѣ судьбы, записка о тѣхъ ограниченіяхъ въ правахъ евреевъ по жительству и по торговлѣ, которыя подлежали бы немедленной отмѣнѣ въ интересахъ торговли и промышленности. Записка составлена была по порученію министра финансовъ В. Н. Коковцева въ 1904 г. Мнѣ пришлось

снабдить Бранда необходимымъ матеріаломъ, въ томъ числѣ и собственной моей статьею о практикѣ примѣненія законовъ о евреяхъ, впослѣдствіи вошедшей въ мою книгу «О Правовомъ Положеніи Евреевъ» (1909 г.). Къ этой запискѣ мнѣ придется вернуться впослѣдствіи, когда будетъ рѣчь о высочайшемъ указѣ 9-го августа 1904 г., — объ этомъ первомъ, послѣ 25-лѣтняго перерыва, облегчительномъ для евреевъ узаконеніи. Вскорѣ послѣ этого Брандъ серьезно занемогъ. Больнымъ онъ отправился заграницу для леченія, но по дорогѣ на курортъ, въ Берлинѣ, болѣзнь обострилась, и Брандъ тамъ же скончался на рукахъ жены, стойко и съ необычайнымъ мужествомъ переносившей неимовѣрную тягость ухода за медленно угасавшимъ больнымъ, страстно цѣплявшимся за жизнь.

Возвращаюсь къ 1880 г. Какъ я сказалъ, нашимъ любимымъ органомъ печати была газета «Молва», издававшаяся Полетикой. Конецъ 70-хъ годовъ изобиловалъ крупными политическими событіями — рядъ слѣдовавшихъ одно за другимъ покушеній на Александра II, политическіе процессы, въ особенности процессъ Вѣры Засуличъ, покушавшейся на жизнь петербургскаго градоначальника генерала Трепова. Все это, однако, мало отражалось на жизни полтавской молодежи вообще. Только небольшой кружокъ сознательныхъ или, какъ тогда говорили, «развитыхъ» молодыхъ людей, вкусившихъ изъ запретнаго чтенія Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева, переживалъ въ нашей глуши отголоски смутныхъ чаяній и «міровой скорби». Либеральная пресса того времени, въ лицѣ газеты «Голосъ», насъ далеко не удовлетворяла, не давала отвѣтовъ на волновавшіе насъ вопросы. Шаблонно-западническое міровоззрѣніе, осторожная оппозиція, которая по тогдашнему, хотя неизящному, но вѣрному и образному выраженію, обозначалась «держаніемъ кукиша въ карманѣ», раздражала молодежь; начавшееся послѣ войны съ Турціей націоналистическое теченіе вызывало въ «Голосѣ» лишь слабый протестъ. Правда, эта газета боролась противъ московскаго клича: «Назадъ, домой!», раздавшагося съ «Тверского бульвара», т. е. изъ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» Каткова и со столбцовъ газеты «Русь», издававшейся Аксаковымъ. Но все это не соотвѣтствовало нашему настроенію. Мы съ Брандомъ были далеки отъ нигилистическихъ круговъ, — тогда револю-

ціонное настроеніе называлось «нигилизмомъ», — только изрѣдка попадались намъ въ руки прокламаціи и другія подпольныя изданія народовольческихъ группъ. Мы не были соціалистами; но все же умѣренное либеральничаніе «Голоса» и ему подражающихъ провинціальныхъ органовъ, вродѣ новой тогда харьковской газеты «Южный Край» Юзефовича, намъ претило. Для молодыхъ, чуткихъ еврейскихъ душъ ощутителенъ былъ, хотя и стыдливо прикрываемый, но все же иногда сквозь либеральныя разсужденія пробивавшійся и проявлявшійся въ мелочахъ антисемитизмъ или, какъ тогда говорили, «юдофобія». Особенно помню какую-то статью проф. Градовскаго въ «Голосѣ», которая произвела на насъ впечатлѣніе явнаго юдофобскаго выпада. Газета «Молва» была свѣжѣе, шла навстрѣчу цензурнымъ карамъ въ видѣ предостереженій, лишенія права печатать объявленія. Она не опасалась затрагивать больные вопросы дня; словомъ, была направленія радикальнаго. Само собою разумѣется, что дни этой газеты были сочтены. Ей на смѣну появилась «Страна» подъ редакціей Леонида Полонскаго. Въ ней, намъ казалось, безстрашно затрагивались политическіе вопросы и, насколько возможно было при тогдашней цензурѣ, подсказывалась мысль, что Россіи нужны не частичныя реформы, а, какъ стали выражаться 25 лѣтъ послѣ того, «реформа», т. е. народное представительство.

Наступило время, охарактеризованное впослѣдствіи, какъ періодъ именинъ сердца, — диктатура гр. М. Т. Лорисъ-Меликова. Возникли тѣ чаянія, которыя 15 лѣтъ спустя внукъ Александра II, Николай II, на порогѣ его несчастнаго царствованія, назвалъ на пріемѣ земскихъ депутатовъ, «безсмысленными и безпочвенными мечтаніями». Уже какъ Харьковскій генералъ-губернаторъ съ обширными полномочіями, какими обыкновенно надѣлялись генералъ-губернаторы, призванные искоренять крамолу, Лорисъ-Меликовъ пріобрѣлъ себѣ репутацію гуманнаго и справедливаго областного диктатора. Онъ разъ пріѣзжалъ въ Полтаву и посѣтилъ нашу гимназію. Населеніе встрѣтило его торжественно и необычайно радушно. Въ нашемъ актовомъ гимназическомъ залѣ, куда собраны были всѣ ученики для встрѣчи столь важнаго сановника, вся молодежь съ большимъ воодушевленіемъ, а мы, старшіе, съ умиленіемъ выслушали слова Лорисъ-Меликова,

— не помню содержанія ихъ, но помню общій благожелательный тонъ краткой рѣчи его, дышавшей, какъ намъ казалось, любовью къ молодому поколѣнію и просвѣщенію, — тотъ же тонъ, который потомъ, въ бытность его уже всероссійскимъ диктаторомъ въ Петербургѣ, въ качествѣ предсѣдателя Верховной Комиссіи, прозвучалъ въ его словахъ, что нужно «раздвинуть двери школы». Диктатура Лорисъ-Меликова оживила интеллигентные круги общества и въ Полтавѣ, но не успокоила молодежь, рвавшуюся впередъ и не удовлетворенную возвѣщенными въ правительственныхъ сообщеніяхъ улучшеніями въ порядкѣ управленія. Уступки со стороны правительства еще болѣе толкали впередъ трепетную мысль; молодежь какъ будто еще смѣлѣе стала откликаться на подпольную агитацію, увеличилось число конспиративныхъ кружковъ.

Несмотря на неоднократныя попытки старшихъ товарищей, которые, окончивъ гимназію, считали для себя необходимымъ пріобщиться къ революціонному дѣлу, я не входилъ ни въ одинъ нелегальный кружокъ. Здѣсь не играла роль боязнь опасности, съ которой сопряжено было состояніе въ нелегальномъ кружкѣ. Для меня неясна была самая идея революціи, какъ результата классовой борьбы. Добросовѣстно анализируя мое настроеніе въ юношескіе годы, въ связи съ моими политическими и общественными наклонностями въ теченіе всей моей общественной и политической жизни, я долженъ сказать, что я лишенъ былъ отъ природы, по своимъ душевнымъ свойствамъ, того, что нужно для революціоннаго борца. Пройдя черезъ тяжкое дѣтство, я вынесъ изъ него нетронутымъ унаслѣдованный оптимизмъ моего отца, нѣкоторый романтизмъ и абсолютную ненависть къ насилію, какъ къ таковому, независимо отъ той цѣли, для которой оно употребляется. Видъ крови приводилъ меня въ нервное содроганіе. Я не могъ присутствовать при рѣзкѣ птицъ, а человѣческая кровь вызывала во мнѣ прямо ужасъ, непосредственную физическую боль. Съ представленіемъ о революціи въ моемъ умѣ связывались ужасныя картины террора въ великую французскую революцію. Сквозь насильственный переворотъ ужасающе сверкалъ блескъ топора гильотины. Изо всего этого я вынесъ вѣру въ эволюцію, и эта вѣра внушалась мнѣ вѣрой въ силу духа и конечное господство этическихъ началъ. Я жилъ идеей

истиннаго мессіанства, внушеннаго мнѣ моей страстной любовью къ пророкамъ. Только это направленіе дало мнѣ возможность выйти изъ печальныхъ условій моего дѣтства и ранняго юношества съ неповрежденной душой, и этимъ своимъ свойствамъ я оставался вѣренъ всю мою жизнь. Эти идеи даже въ смутномъ сознаніи 16-лѣтняго юноши были несовмѣстимы съ проповѣдью революціонныхъ кружковъ, отвергавшихъ индивидуализмъ и проповѣдывавшихъ соціальное нивелированіе. Къ этому надо добавить, что я, какъ никто изъ моихъ сверстниковъ-товарищей, былъ поглощенъ работой для пропитанія моей семьи. Неудачи отца продолжались, ему перепадали лишь рѣдкіе, незначительные и совершенно случайные заработки. Вся семья жила на моемъ иждивеніи. Я зарабатывалъ, трудясь ежедневно отъ 3 час. дня до 11 вечера, помимо школьныхъ занятій съ 9 до 3 часовъ дня, и поэтому былъ физически лишенъ возможности отдавать время общенію съ товарищами и друзьями, выражавшемуся тогда, какъ и потомъ, даже и нынѣ, въ безконечныхъ спорахъ. Меня нисколько не огорчило, когда одинъ разъ, въ товарищескомъ спорѣ о соціализмѣ, какъ необходимомъ спутникѣ политическаго прогресса, одинъ изъ мрачныхъ членовъ какого-то кружка, экстернъ, злобно обозвалъ меня человѣкомъ буржуазнаго настроенія и эволюціонистомъ.

Здѣсь я не могу не разсказать объ одномъ эпизодѣ, который едва не отразился печально на всей моей судьбѣ и только благодаря директору гимназіи Шафранову, проявившему большую сердечность, не повелъ къ дѣйствительно тяжелымъ для меня послѣдствіямъ. Я былъ въ перепискѣ съ однимъ изъ окончившихъ раньше меня гимназію и поступившихъ въ кіевскій университетъ, сыномъ зажиточныхъ родителей въ Кременчугѣ. Онъ былъ членомъ народовольческаго кружка и не терялъ надежды завербовать и меня въ революціонные борцы (самъ онъ тоже не оказался «борцомъ», какъ это выяснилось впослѣдствіи). Онъ иногда въ перепискѣ прибѣгалъ къ химическому способу письма или къ запискамъ, задѣланнымъ въ переплетъ пересылаемой по почтѣ книги. Въ одномъ изъ такихъ писемъ была рѣчь о сборѣ денегъ. Въ другомъ письмѣ, неконспиративномъ, онъ мнѣ сообщалъ о бѣдственномъ положеніи одного изъ неудачниковъ-экстерновъ, провалившихся на экзаменѣ зрѣлости: это былъ добрый ма-

лый, котораго мы всѣ любили, человѣкъ недалекій и въ крайней нуждѣ. Мой корреспондентъ просилъ собрать немного денегъ въ помощь этому неудачнику. Было это лѣтомъ 1880 г., когда я перешелъ въ седьмой классъ. Въ одинъ прекрасный день, когда я былъ по обыкновенію на урокѣ, явился ко мнѣ домой нашъ классный надзиратель съ порученіемъ немедленно доставить меня на квартиру директора гимназіи. Моя мать пришла въ неописуемое волненіе. Меня разыскали, и я отправился на квартиру директора гимназіи. Усадивъ меня, онъ съ неподдѣльной добротой и участіемъ сталъ говорить мнѣ о томъ, что онъ освѣдомленъ о моей жизни, знаетъ, что я своимъ трудомъ содержу всю семью, знаетъ и цѣнитъ мои нравственныя качества и былъ бы истинно огорченъ, если бы со мною случилось несчастіе — оказаться замѣшаннымъ въ какомъ-нибудь «нигилистическомъ дѣлѣ», — и спросилъ меня, съ кѣмъ я нахожусь въ перепискѣ и что составляетъ предметъ нашей корреспонденціи. Спрашиваетъ же онъ потому, что мѣстная жандармская власть получила свѣдѣнія, будто я состою въ конспиративной перепискѣ и будто мнѣ поручено собрать деньги для революціонныхъ кружковъ, и только благодаря его, директора, вмѣшательству, я пока не арестованъ. Я объяснилъ директору, что ни къ какой конспиративной группѣ не принадлежу, что дѣйствительно веду корреспонденцію съ нѣкоторыми старшими соучениками, и что въ одномъ изъ писемъ была рѣчь о деньгахъ для оказанія помощи бѣдствующему товарищу. Шафрановъ послалъ меня отыскать это письмо. Къ несчастью, я письма не нашелъ, но директоръ заявилъ, что онъ мнѣ вѣритъ и постарается убѣдить жандармскаго полковника оставить меня въ покоѣ. Я былъ спасенъ отъ ареста.

Въ области еврейскаго вопроса для еврейской молодежи, въ частности, для того небольшого кружка, центромъ котораго состояли Брандъ и я, никакой спеціальной задачи не ставилось. Еврейская среда была намъ ближе, и потому мы обнаруживали естественный интересъ къ маленькимъ проявленіямъ мѣстной еврейской общественной жизни, хлопотали объ устройствѣ столовой для бѣдныхъ, критиковали состояніе больницы и агитировали за принятіе мѣръ къ улучшенію его. Тогда еще не было въ модѣ устраивать благотворительные спектакли и танцовать на балахъ въ пользу нуждающихся учащихся. Да та-

кихъ среди учащихся почти не было, во всякомъ случаѣ они не составляли отдѣльной категоріи, Понятіе «нуждающійся» еще не связывалось съ представленіемъ о студентѣ, какъ это случилось уже въ ближайшее, послѣдующее за описываемымъ, время, когда въ гимназіи стали устремляться обширные слои еврейскаго юношества. Но, какъ я отчетливо припоминаю, въ насъ уже и тогда происходило внутреннее броженіе, мы смутно предчувствовали наступленіе событій, которыя поставятъ еврейскій вопросъ на первую очередь, предчувствовали, что накопляющіяся еврейскія интеллигентскія силы скоро должны будутъ дать себѣ отчетъ относительно собственнаго самопознанія и уразумѣнія національнаго своего существа.

До 1881 года вопросовъ еврейской національной или просто особой общественной жизни для интеллигенціи, за рѣдкими исключеніями, не возникало. Рядовой еврейскій интеллигентъ сразу оказывался оторваннымъ отъ еврейской народной массы.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ грѣховъ еврейскихъ піонеровъ въ области народнаго просвѣщенія именно является то, что они не сумѣли создать связи между просвѣщеніемъ и еврействомъ. Ихъ усилія направлялись къ тому, чтобы изъ еврейской среды вырвать отдѣльныя единицы, вначалѣ немногочисленныя, и пріобщить ихъ къ общему образованію. Ихъ проповѣдь обращалась не къ массѣ, а къ отдѣльнымъ лицамъ изъ массъ. Они пропагандировали реформу жизни отдѣльныхъ лицъ и черезъ нихъ, надѣясь на постепенное распространеніе просвѣщенія, разсчитывали поднять уровень всей массы. Основой пропаганды были не начала іудаизма, но въ лучшемъ случаѣ освобожденіе его принциповъ отъ многовѣковыхъ наростаній. Но гораздо чаще она какъ бы сводилась къ вербовкѣ ренегатовъ. И, дѣйствительно, единицы, на которыхъ она воздѣйствовала, по мѣрѣ пріобщенія къ общему просвѣщенію, отрывались отъ еврейства, сами становились чуждыми массѣ, а массы, въ своей исконной преданности традиціямъ, дорожа вынесенными сквозь тысячелѣтія страданій цѣнностями, чуждались ихъ и относились къ нимъ съ нескрываемой и, надо сказать правду, часто заслуженной враждой. И чѣмъ больше еврейскій интеллигентъ, по своему происхожденію и воспитанію, былъ какъ бы этнографически близокъ къ еврейской массѣ, тѣмъ

болѣе отчужденнымъ становился онъ для нея, какъ только превращался въ то, что называлось интеллигентомъ, и масса справедливо видѣла въ немъ только богоотступника, «эпикойреса», а не просвѣщеннаго еврея. Виноватъ въ этомъ былъ интеллигентъ, который, отходя отъ народной массы, забывалъ добрый еврейскій обычай — отходить отъ святого мѣста, не оборачиваясь къ нему спиной, а съ обращеннымъ къ нему лицомъ. Вырвавшись изъ подземелья, черезъ узкіе переулки гетто, — онъ туда больше не заглядывалъ. Звучитъ ироніей, въ законѣ о коробочномъ сборѣ съ кошернаго мяса, постановленіе объ освобожденіи отъ этого налога интеллигентовъ. Законодатель не имѣлъ въ виду, что онъ освобождаетъ отъ налога лицъ, которыя сами себя освободили отъ общенія съ евреями и вовсе не будутъ употреблять кошернаго мяса. Той же злой ироніей отдаетъ требованіе отъ еврея, при поступленіи въ гимназію, представить увольнительный отъ мѣщанскаго еврейскаго общества приговоръ... Поступающій въ гимназію, къ несчастью, фактически увольнялъ и исключалъ себя изъ этого общества и въ смыслѣ духовномъ. Стоя внѣ синагоги, просвѣщенный еврей не чувствовалъ себя связаннымъ съ еврействомъ. Это явленіе нельзя смѣшивать съ ассимиляторствомъ въ Царствѣ Польскомъ. Послѣднее знаменовало собою, вмѣстѣ съ отходомъ отъ еврейства, сопричисленіе себя къ польскому національному коллективу безъ принятія католичества, — усвоеніе польскихъ національныхъ идеаловъ, внѣшней и внутренней культуры. Русскіе интеллигентные евреи только отрывались отъ еврейства и «русскими» они становились, въ лучшемъ случаѣ, только въ смыслѣ государственномъ, а не національномъ. Да и само русское національное самосознаніе, какъ народа господствующаго, тогда еще не опредѣлилось.

Русское общество, въ лицѣ просвѣщенной своей части, усвоило внѣшнюю культуру, но не выработало для себя культурно-національныхъ началъ; въ качествѣ господствующаго, русскій народъ не имѣлъ къ этому внѣшняго повода. Политическая жизнь совпала съ національною. Даже русскій языкъ не служилъ культурнымъ средствомъ развитія національной идеи. Его господство навязывалось силою государственной власти. Идеалы русскаго общества заимствовались извнѣ, оно поэтому не

могло ассимилировать себѣ другихъ. Малочисленная еврейская интеллигенція, такимъ образомъ, была анаціональна. Были и доктора евреи, были чиновники не-христіанскаго исповѣданія, получавшіе особые, установленные для не-христіанъ ордена, было нѣсколько адвокатовъ изъ евреевъ, но они, не будучи по духу евреями, не были и русскими Моисеева закона.

Увеличивающееся стремленіе къ общему образованію, превратившееся въ натискъ на гимназіи и реальныя училища, начиная съ 80-хъ годовъ, объясняется не вліяніемъ на массу со стороны евреевъ, прошедшихъ обще-образовательныя школы, и не развитіемъ у самой массы сознанія потребности въ просвѣщеніи, а правовыми условіями: ограниченіемъ возможности для еврея безъ капиталовъ, найти приложеніе силъ своихъ въ области хозяйственной, а также проведеніемъ всеобщей воинской повинности съ льготами по образованію. Оттого и замѣчается странное на первый взглядъ явленіе. До этого періода въ гимназіи и университеты поступали почти исключительно сыновья зажиточныхъ евреевъ; среди учащейся еврейской молодежи, за рѣдкими изъятіями, не было нуждающихся. Начиная же съ 80-хъ годовъ, какъ разъ дѣти состоятельныхъ родителей меньше устремлялись въ высшія учебныя заведенія сравнительно съ бѣдными. Отъ воинской повинности состоятельные освобождались путемъ пріобрѣтенія знаменитыхъ зачетныхъ квитанцій, доходившихъ до баснословной цѣны. (Я помню, что въ концѣ 70-хъ годовъ цѣна зачетной рекрутской квитанціи была 200-300 рублей; но впослѣдствіи мнѣ пришлось вести процессы въ порядкѣ судебно-административномъ о признаніи дѣйствительности пріобрѣтенной зачетной квитанціи, за которую мой довѣритель, не еврей, впрочемъ, а первостатейный православный купецъ, уплатилъ около ста тысячъ рублей). Быстро сталъ образовываться въ университетѣ обширный классъ студенческаго еврейскаго пролетаріата, гнавшагося за заработками и не бывшаго вовсе въ состояніи помышлять о научной работѣ. Въ общей массѣ бѣдствующей еврейской молодежи безслѣдно и безплодно тонули и такія отдѣльныя личности, которыя по своимъ способностямъ и дарованіямъ могли бы сыграть видную роль на научномъ поприщѣ. Количество росло за счетъ качества.

Отмѣченное мною явленіе нашло себѣ выраженіе и

въ Полтавѣ. Тѣ немногіе гимназисты-евреи старшихъ классовъ, которые на общемъ фонѣ полтавскаго общества, несомнѣнно могли представить собою интеллигентную силу, не имѣли никакого общенія съ массой, не входили въ ея нужды, не вліяли на нее въ просвѣтительномъ смыслѣ. Правда, число меламедовъ, какъ и число охотниковъ посвящать своихъ дѣтей въ талмудическую премудрость все болѣе уменьшалось. Я могу прямо сказать, что мое поступленіе въ гимназію какъ бы прорвало плотину, и хедера для Талмуда были затоплены забвеніемъ; зато все увеличивалось въ Полтавѣ число евреевъ, поступавшихъ въ гимназію и въ открывшееся въ концѣ 70-хъ годовъ реальное училище. Но это не было слѣдствіемъ стремленія къ чистому просвѣщенію.

Роль возбудителя самосознанія и національнаго самоуглубленія суждено было сыграть совершенно внѣшнему фактору, а именно росту юдофобскаго настроенія, скоро послѣ погромовъ 1881 и 1882 г. г., ставшаго догматомъ правительственной политики.

Конецъ 70-хъ годовъ былъ періодомъ колебаній въ области законодательства о евреяхъ. Еще при выработкѣ общаго устава о воинской повинности 1874 г., законодатель воздержался отъ внесенія существенныхъ ограниченій или спеціальныхъ правилъ для евреевъ, — и не потому, чтобы о евреяхъ не разсуждали въ комиссіи, изготовлявшей проектъ реформы. Напротивъ, какъ я имѣлъ впослѣдствіи случай убѣдиться изъ знакомства съ матеріалами по изданію этого устава, евреямъ удѣлено было достаточно вниманія. Предсѣдатель комиссіи, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, былъ первоначально сторонникомъ исключительныхъ постановленій въ отношеніи евреевъ. Документы изъ архива барона Г. О. Гинцбурга свидѣтельствуютъ о тѣхъ усиліяхъ, о томъ неустанномъ трудѣ и бдительномъ наблюденіи за ходомъ работъ въ комиссіи, какихъ все это потребовало со стороны барона Евзеля Гавриловича Гинцбурга и его сына, Горація; своевременнымъ представленіемъ надлежащихъ разъясненій, матеріаловъ, записокъ и личными связями они добились того, что въ уставъ 1874 года не включено было никакихъ постановленій, которыя поставили бы еврейское населеніе внѣ круга россійскихъ гражданъ, обязанныхъ, въ качествѣ гражданъ, личной воинской повин-

ностью. Но сейчасъ же по введенiи устава 1874 г. сталъ появляться рядъ новеллъ, посвященныхъ евреямъ и содержавшихъ разнообразныя ограниченiя. Главнымъ ограниченiемъ явилось постановленiе о томъ, что на евреевъ не распространяется полное освобожденiе отъ повинности молодыхъ людей, пользующихся по семейному положенiю льготой перваго разряда, т. е. единственныхъ сыновей, каковые у не-евреевъ освобождались даже отъ участiя въ жеребьевкѣ. При общей для всѣхъ жеребьевкѣ и общей разверсткѣ всего контингента по уѣздамъ, волостямъ и участкамъ, это правило привело къ тому, что еврейское населенiе оказалось обремененнымъ воинской повинностью въ большей мѣрѣ, чѣмъ другiя части населенiя. Жизнь, конечно, сама дала отпоръ такому переобремененiю, и оно отозвалось значительными цифрами недобора, а это, въ свою очередь, послужило постояннымъ поводомъ для утвержденiй о специфическомъ для евреевъ «уклоненiи» отъ воинской повинности. Я впослѣдствiи остановлюсь подробнѣе на этомъ пунктѣ, такъ какъ мнѣ пришлось не мало поработать надъ этимъ вопросомъ и съ цифрами въ рукахъ доказать, какую роль въ отбыванiи воинской повинности евреями сыграло ограниченiе о льготныхъ перваго разряда.

За этимъ ограниченiемъ послѣдовалъ рядъ новыхъ постановленiй о воинской повинности, практически ставившихъ еврейское населенiе въ еще болѣе тяжелое положенiе, какъ, напримѣръ, о «доказательствахъ» возраста, семейнаго положенiя, смерти, о порядкѣ составленiя призывныхъ списковъ (которые пестрили сплошь и рядомъ именами давно умершихъ, а иногда даже и женскими), и, наконецъ, о пресловутомъ трехсотрублевомъ штрафѣ, налагаемомъ на семью не явившагося къ призыву еврея, — штрафъ не только морально обидный, но и приводившiй къ разоренiю множества бѣдныхъ трудовыхъ семействъ.

Тяжело отозвался на матерiальномъ положенiи евреевъ и законъ 1876 г. о воспрещенiи, внѣ городовъ, питейной торговли не изъ собственныхъ домовъ. Въ Полтавской губ. значительное число евреевъ проживало въ селахъ и деревняхъ, преимущественно вблизи городовъ и мѣстечекъ. Они занимались торговлей, арендой «баштановъ», т. е. огородныхъ участковъ земли и обработкой ихъ для дынь, арбузовъ, огурцовъ и другихъ овощей; со-

держали, конечно, и питейные дома. Въ губерніяхъ западныхъ и юго-западныхъ евреи селились на помѣщичьихъ земляхъ и «шинки» находились тамъ въ предѣлахъ владѣній помѣщиковъ, такъ какъ, въ силу принадлежащаго помѣщикамъ пропинаціоннаго права, т. е. исключительнаго права на продажу питей, содержаніе шинковъ другими лицами не допускалось; помѣщики же сдавали пользованіе этимъ правомъ евреямъ. Но въ малороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ пропинаціонное право не существовало, евреи арендовали крестьянскія усадьбы или усадьбы, принадлежащія казакамъ, т. е. вольнымъ крестьянамъ, не бывшимъ въ крѣпостной зависимости, или дома, принадлежащіе крестьянскимъ обществамъ. Пріобрѣтать въ собственность такіе участки представлялось, даже и до закона о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ, крайне затруднительнымъ, а въ большинствѣ случаевъ прямо невозможнымъ. Съ изданіемъ закона 1876 г. прекратилась поэтому для евреевъ возможность дальнѣйшаго, съ патентомъ на собственное имя, содержанія питейныхъ домовъ въ селахъ и деревняхъ, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда, пользуясь отсутствіемъ запрета для евреевъ пріобрѣтать въ губерніяхъ черты осѣдлости недвижимое имущество, содержатель «шинка» могъ пріобрѣсти въ собственность участокъ отъ помѣщика. Я помню волненіе, которое вызвано было этимъ закономъ среди многихъ сельскихъ евреевъ, въ частности, у нѣкоторыхъ моихъ родственниковъ, жившихъ вблизи города. Изобрѣтали способы обхода этого закона, прибѣгали къ совершенію сдѣлокъ по покупкѣ домовъ «на сносъ» (пользуясь тѣмъ, что запретительный законъ говорилъ о собственныхъ домахъ, а не о правѣ собственности на участокъ земли съ домомъ, въ которомъ помѣщалось питейное заведеніе). Большинство же прибѣгало къ «подыменной» питейной торговлѣ, т. е. къ выборкѣ патента на имя христіанина, при чемъ дѣйствительный владѣлецъ заведенія формально поступалъ въ сидѣльцы, т. е. въ наемные приказчики фиктивнаго собственника. Терминъ «подыменная торговля» въ правительственной перепискѣ того времени встрѣчается очень часто. Въ рядѣ многихъ обвиненій, которыя въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ предъявлялись евреямъ въ обоснованіе ограничительныхъ противъ нихъ мѣропріятій, подыменная торговля занимаетъ видное

мѣсто. Одинъ изъ моихъ родственниковъ, у котораго я иногда, по близости къ городу, проводилъ день-два, былъ такимъ номинальнымъ сидѣльцемъ, обязаннымъ всячески ладить съ фиктивнымъ владѣльцемъ шинка. Для меня, мальчика, зависимость моего родственника-«сидѣльца» отъ христіанина — фиктивнаго «собственника», олицетворяла собою идею голуса, порабощенія еврея не-евреемъ. Фиктивный хозяинъ жилъ за счетъ сидѣльца, пользовался большимъ кредитомъ, выпивая въ «собственномъ» заведеніи по своему усмотрѣнію и въ свое удовольствіе. Такого «хозяина» я никогда не видѣлъ трезвымъ. Но долженъ сказать, что не слышалъ я и ни объ одномъ случаѣ, когда бы христіанинъ — фиктивный собственникъ «шинка» злоупотребилъ своимъ юридическимъ положеніемъ въ томъ смыслѣ, чтобы лишить сидѣльца права продолжать свое «сидѣніе» и отнять у него заведеніе по всѣмъ правиламъ закона. Отношенія сидѣльца къ хозяину были совершенно гласны для окружающаго населенія, для кліентовъ даннаго шинка все было ясно и натурально, — фактическимъ хозяиномъ они признавали еврея-сидѣльца. Отнятіе у него шинка было бы въ глазахъ населенія явнымъ грабежомъ, недопустимымъ «мірской совѣстью». Крестьяне относились къ евреямъ шинкарямъ, попутно и лавочникамъ и содержателямъ баштановъ, съ полнымъ дружелюбіемъ. Несмотря на довольно большое число деревенскихъ евревъ («ишувниковъ»), пріѣзжавшихъ часто въ городъ, не сохранилось въ памяти у меня ни одного случая, когда бы такой ишувникъ жаловался на отношеніе къ нему со стороны крестьянъ и терпѣлъ бы отъ нихъ какія-либо утѣсненія.

Въ Полтавѣ, какъ городѣ черты осѣдлости, ограниченія для жительства во внутреннихъ губерніяхъ не ощущались еврейскимъ населеніемъ. Полтава была сама мѣстомъ иммиграціи для евреевъ изъ Литвы и Волыни и не выдѣляла охотниковъ на переселеніе во внутреннія губерніи. Съ точки зрѣнія общаго положенія евреевъ, мѣропріятія, касающіяся внутреннихъ губерній, никого здѣсь не интересовали, по отсутствію интереса къ правовому положенію евреевъ вообще. Этимъ объясняется, что наступившія въ 1879 г. облегченія, выразившіяся въ утвержденномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи повсемѣстнаго жительства евреямъ фарма-

цевтамъ и изучающимъ фармацію, фельдшерицамъ, акушеркамъ и т. д., — въ Полтавѣ никѣмъ, даже небольшою кучкою интеллигенціи, представляемою гимназистами старшихъ классовъ, вовсе не были замѣчены. Незамѣченнымъ прошло и то, что въ 1879 году, вслѣдствіе циркуляра министерства отъ 11 іюня о сообщеніи министерству свѣдѣній о евреяхъ-мастерахъ, ремесленникахъ и обучающихся ремесламъ, губернаторы внутреннихъ губерній приступили къ высылкѣ «въ мѣста постоянной осѣдлости» тѣхъ евреевъ, которые не отвѣчали требованіямъ закона, разрѣшающаго отдѣльнымъ категоріямъ жительство въ этихъ губерніяхъ; прошелъ незамѣченнымъ и циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретаря Макова, отъ 3 апрѣля 1880 г., за № 30, коимъ приказано было всѣмъ губернаторамъ во всей Россіи, не исключая Сибири, не прибѣгать, впредь до особыхъ по сему предмету распоряженій, къ высылкѣ живущихъ въ губерніяхъ евреевъ, которые оказались бы не имѣющими право на жительство, — тотъ знаменитый циркуляръ, который имѣлъ громадное значеніе для евреевъ, не только проживавшихъ уже въ 1879 г. во внутреннихъ губерніяхъ, но и для тѣхъ, которые тамъ поселялись послѣ этого года. Этому циркуляру мнѣ придется еще удѣлить не мало вниманія впослѣдствіи.

Въ эпоху Лорисъ-Меликова, наравнѣ съ чаяніями грядущихъ реформъ и смутными ожиданіями конституціи, ощущалась перемѣна атмосферы и въ области еврейскаго вопроса. Мнѣ потомъ сдѣлалось извѣстнымъ со словъ барона Г. О. Гинцбурга и изъ другихъ источниковъ, что въ бытность министромъ внутреннихъ дѣлъ Макова и при вліяніи на него директора канцеляріи Перфильева (сдѣлавшагося потомъ управляющимъ канцеляріи Лорисъ-Меликовской «диктатуры», т. е. Верховной Комиссіи), серьезно возникалъ вопросъ о дарованіи евреямъ равноправія и, во всякомъ случаѣ объ отмѣнѣ запретовъ для жительства во внутреннихъ губерніяхъ. Циркуляръ 3 апрѣля, такъ называемый «Маковскій», былъ какъ бы авансомъ; но верховодящіе еврейскіе общественные дѣятели въ столицѣ этою возможностью не воспользовались, не сдѣлали нужныхъ шаговъ и не вошли въ надлежащія соглашенія, которыя должны были привести къ этому результату.

Еврейская молодежь не знала о существованіи еврейскаго вопроса, не чувствовала себя выдѣленной изъ русской молодежи вообще. Даже въ Полтавѣ, центрѣ Малороссіи, не было рѣчи и у малороссовъ о другой, какъ это нынѣ называется, оріентаціи, кромѣ русской. Даже Шевченко и Котляревскій не прельщали малороссовъ, и если «Кобзарь» Шевченки былъ любимъ, а «Энеида» Котляревскаго встрѣчалась въ рукахъ у гимназистовъ, то только какъ «запретныя» книги, иначе говоря, никакого тяготѣнія къ украинофильству не существовало и, во всякомъ случаѣ, не замѣчалось. Національный вопросъ есть продуктъ позднѣйшаго времени, тогда его не было въ Малороссіи, не возникалъ онъ и для евреевъ. Еврейской литературы почти не было. На древне-еврейскомъ языкѣ издавались журналы, была газета «Гамелицъ», но чтеніе ихъ было монополіей ортодоксальной части еврейства, интеллигенція же и молодежь никакого представленія о древне-еврейской литературѣ не имѣла, не интересовалась ни ею, ни еврейской исторіей. И если, какъ я упоминалъ, кружокъ, въ центрѣ котораго я стоялъ, носилъ характеръ чисто еврейскій, то этотъ характеръ правильнѣе опредѣлить, какъ еврейско-благотворительный или общественный. Отъ идей чисто національнаго свойства онъ былъ далекъ. «Голусъ» мы слабо ощущали. Такъ было до 1 марта 1881 года, дня убійства Александра II.

ГЛАВА V.

Катастрофа 1-го марта 1881 г. — Предчувствіе наступающей реакціи. — Погромы 1881 г. — Инцидентъ съ учителемъ Мурковскимъ. — Вліяніе погромовъ на полтавское еврейское населеніе. — Измѣненія въ настроеніи его сравнительно съ прежнимъ временемъ. — Отсутствіе общественныхъ работниковъ. — «Разсвѣтъ» и «Русскій Еврей». — Повтореніе погромовъ въ 1882 г. и новая правительственная политика. — Окончаніе мною гимназіи. — Экзамены на аттестатъ зрѣлости. — Вскрытіе пакетовъ изъ учебнаго округа съ экзаменаціонными темами. — Женское образованіе у евреевъ. — Выборъ факультета и университета.

Этотъ день мнѣ особенно памятенъ, такъ какъ онъ совпалъ со днемъ, когда умерла моя мать, проболѣвшая послѣ родовъ больше мѣсяца. Во время ея болѣзни, я, не прерывая своихъ обычныхъ занятій, жилъ внѣ міра, ночи напролетъ проводилъ у постели матери. Смерть ея была страшнымъ ударомъ для меня, и я не знаю, какъ бы я вышелъ изъ душевнаго кризиса, черезъ которой проходилъ, если бы 2 марта, въ день Пурима, въ Полтавѣ не стало извѣстно о кончинѣ Александра II. Жизнь всколыхнулась. Стояли передъ неизвѣстнымъ будущимъ.... Я отчетливо помню, что извѣстіе объ убійствѣ Императора никого не поразило, — такъ привыкли къ покушеніямъ за конецъ 70-хъ годовъ, что къ новому покушенію 1 Марта, на этотъ разъ, къ несчастью, удавшемуся, отнеслись, какъ къ ожидавшемуся рано или поздно явленію. И если, тѣмъ не менѣе, всѣ заволновались, то не изъ сожалѣнія объ ушедшемъ прошломъ, а изъ-за неизвѣстности будущаго. Уже тогда личность наслѣдника, впослѣдствіи Александра III, не возбуждала къ себѣ особыхъ симпатій въ интеллигентныхъ кругахъ. Среди молодежи не циркулировало ника-

кихъ разсказовъ о личности Александра III, которые располагали бы къ ней сердца. Я припоминаю пріѣздъ въ Полтаву императора Александра II, въ 1878 г., послѣ турецкой войны. Онъ пріѣхалъ въ сопровожденіи наслѣдника, провелъ въ городѣ нѣсколько часовъ для посѣщенія Петровскаго кадетскаго корпуса. Само собою разумѣется, весь городъ былъ на ногахъ, мы, гимназисты, были выстроены шпалерами, пѣли соотвѣтственные гимны и обязаны были соблюдать строгій шпалерный порядокъ. Но, когда мы увидѣли экипажъ Александра II, въ которомъ былъ и наслѣдникъ, то о всякомъ порядкѣ было забыто: чудное лицо Александра II, какъ магнитомъ, насъ притянуло, мы его окружили тѣснымъ кольцомъ, и я еще, какъ сегодня, слышу явственно его мягкій, ласкающій голосъ: «Тише, дѣти, тише!» Лицо его сіяло благоволеніемъ. Наслѣдникъ же сидѣлъ неподвижно съ нахмуренными бровями.

Волненіе общества послѣ 1 марта, такимъ образомъ, объяснялось предчувствіемъ реакціи и ожиданіемъ худшихъ временъ, а не, повторяю, сожалѣніемъ объ ушедшемъ вмѣстѣ съ Александромъ II хорошемъ времени. Всѣ событія, имѣвшія мѣсто въ послѣдніе дни царствованія Александра II, — совѣщанія о выработкѣ чего-то вродѣ конституціи, планы Лорисъ-Меликова объ измѣненіи порядка изданія законовъ, работа Валуева въ этомъ направленіи, — словомъ все то, что волновало столичные круги, не доходило до Полтавы даже въ видѣ слуховъ. Для насъ конецъ царствованія Александра II былъ эпохой реакціи сравнительно съ 60-ми годами.

Но вотъ надвинулась гроза еврейскихъ погромовъ.

Во второй день Пасхи 1881 г. грянулъ погромъ въ Елисаветградѣ, а за нимъ посыпался градъ ударовъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ. Сгущалась атмосфера и въ Полтавѣ. Со дня на день ожидали своего череда и полтавскіе евреи. Тревога поднималась по поводу каждаго пустяка. Городъ былъ наполненъ слухами. Ожидали съ часу на часъ движенія желѣзнодорожныхъ рабочихъ, приготовившихся, будто, громить евреевъ. Никто не успокаивалъ населенія; правда, никто изъ властей и не возбуждалъ тревоги. Даже не было обычной депутаціи евреевъ у губернатора съ просьбой о предупрежденіи погрома и о защитѣ. Губернаторомъ въ Полтавѣ былъ Бильбасовъ, братъ из-

вѣстнаго писателя. Послѣ Мартынова Бильбасовъ былъ для Полтавы олицетвореніемъ доброты и снисходительности. Губернатора не боялись и даже любили. Ни одного враждебнаго къ евреямъ акта съ его стороны не обнаруживалось, и Полтава была обойдена въ отношеніи погромовъ...

Былъ праздникъ Шевуосъ, конецъ мая.

Евреи-гимназисты пользовались правомъ не посѣщать гимназіи въ еврейскіе праздники. Этимъ правомъ мы всѣ, ученики 7-го класса, воспользовались и на этотъ разъ. Въ моемъ классѣ было 12 евреевъ, изъ нихъ нѣкоторые — въ числѣ лучшихъ учениковъ. Учителемъ географіи былъ у насъ Мурковскій, раньше подвизавшійся на поприщѣ классическихъ языковъ, и, надо сказать правду, не совсѣмъ удачно. Географію онъ преподавалъ первый годъ. Случилось, что къ выпускнымъ экзаменамъ въ маѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ для ревизіи гимназіи попечитель кіевскаго учебнаго округа Голубцовъ. Пріѣздъ его вызванъ былъ тѣмъ, что полтавская гимназія привлекала къ себѣ, какъ я уже имѣлъ случай указать, много экстерновъ, и за гимназіей установилась репутація слишкомъ «снисходительной». Этимъ и объяснялся пріѣздъ самого попечителя, высшаго начальника учебныхъ заведеній въ цѣлой области. Каждый изъ учителей могъ ожидать, что на его урокъ пожалуетъ самъ попечитель. Особенно тревожился Мурковскій, который, естественно, хотѣлъ показать географическій свой товаръ лицомъ и твердо разсчитывалъ, что евреи — первые ученики — выручатъ и лицомъ въ грязь не ударятъ. Велико было его огорченіе, когда, войдя въ классъ, онъ засталъ его мало населеннымъ, и козырныхъ учениковъ на лицо не оказалось. По тогдашнему обычаю, къ первому уроку дѣлалась перекличка по журналу, и когда оказалось, что евреевъ нѣтъ, Мурковскій сталъ выражать свое неудовольствіе и не безъ озлобленія сталъ говорить о томъ, что евреи пользуются и своими, и чужими праздниками. Въ этотъ моментъ мнѣ случилось какъ разъ войти въ классъ по дорогѣ въ синагогу: я зашелъ въ гимназію по какой-то надобности и рѣшилъ присутствовать на урокѣ географіи. Входя, я слышалъ, какъ Мурковскій что-то говорилъ о битьѣ евреевъ. Я понялъ, что рѣчь идетъ на модную тему и что Мурковскій намекаетъ на погромы. Я не вытерпѣлъ и запротестовалъ противъ такой бесѣды, и заявилъ учителю, что, повидимому, ошибся, — думалъ прид-

ти на урокъ географіи, а очутился на погромной бесѣдѣ противъ евреевъ, почему я считаю долгомъ уйти изъ класса. Мурковскій, всегда довольно добродушный человѣкъ и очень хорошо относившійся лично ко мнѣ, былъ озадаченъ моимъ заявленіемъ и приказалъ мнѣ остаться въ классѣ. Я возразилъ, что въ этотъ моментъ я его не считаю учителемъ и не подчиняюсь его приказанію, и вышелъ изъ классной комнаты. Напротивъ нашего класса помѣщался восьмой классъ, гдѣ въ этотъ моментъ происходилъ экзаменъ въ присутствіи попечителя, директора и инспектора. Черезъ стеклянную дверь нашъ бдительный инспекторъ увидѣлъ, что я, блѣдный отъ волненія, выхожу изъ класса. Онъ вышелъ ко мнѣ и освѣдомился, что произошло. Я подробно ему разсказалъ о только что происшедшемъ и объяснилъ, что войти въ классъ на урокъ Мурковскаго не могу. Инспекторъ заволновался, но долженъ былъ признать, что заставить меня вернуться въ классъ было бы безполезно и несправедливо. Инцидентъ сталъ извѣстнымъ въ городѣ съ быстротою молніи. Евреи заволновались. Случай этотъ сталъ предметомъ разговора въ городской думѣ, и о немъ было сообщено сейчасъ же губернатору Бильбасову. Въ этотъ день попечитель долженъ былъ обѣдать у губернатора. За обѣдомъ губернаторъ объяснилъ попечителю, что случай съ Мурковскимъ вызвалъ тревогу въ еврейскомъ населеніи и что, по его мнѣнію, Мурковскій долженъ немедленно подать въ отставку. Въ 8 час. утра слѣдующаго дня Мурковскій уже не былъ учителемъ гимназіи.

Я разсказалъ объ этомъ случаѣ для характеристики напряженнаго состоянія, въ которомъ находилось еврейское населеніе, и, съ другой стороны, власти. Этотъ случай также характеризуетъ отношеніе нашего губернатора къ вопросу о погромахъ. Едва-ли другіе губернаторы оказались бы столь чуткими, и если бы этотъ инцидентъ произошелъ въ бытность губернаторомъ Мартынова, то, вѣроятно, не Мурковскій пересталъ бы быть учителемъ, а я пересталъ бы быть ученикомъ гимназіи. Среди евреевъ тревога продолжалась. Мой поступокъ принципіально одобрялся; получено моральное удовлетвореніе. Но, какъ это бываетъ всегда, многіе, въ особенности изъ «гвиримъ», находили, что я поставилъ въ опасность еврейское населеніе, что рѣзкая мѣра, принятая въ отношеніи Мур-

ковскаго, можетъ вызвать неудовольствіе въ христіанскомъ населеніи и даже привести къ погрому, котораго Полтава до сихъ поръ избѣгла. Къ счастью, эти опасенія не оправдались. Мѣстное населеніе и полиція поняли, что погромъ губернатору не желателенъ, что погромная агитація имъ не одобряется, и ни погрома, ни агитаціи противъ евреевъ дѣйствительно не было.

Опытъ позднѣйшаго времени подтвердилъ, что, если погрома не желаетъ губернаторъ, то его не допускаетъ полиція, а если его не допускаетъ полиція, то его и не начинаетъ толпа.

Погромная полоса 1881 г. вызвала душевный переломъ у еврейской интеллигенціи. Но на Полтавѣ онъ мало отразился. Я уже касался характеристики еврейскаго населенія въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Къ 1881 г. — за 10 лѣтъ — многое измѣнилось. Внѣшнее чисто формальное благочестіе еврейскаго населенія стало замѣтно ослабѣвать. Полтава соединилась желѣзной дорогой съ крупными центрами. Ильинская ярмарка стала все болѣе и болѣе терять свое значеніе. Пріѣзжихъ евреевъ изъ Литвы и Волыни стало меньше. Потребность въ литовскихъ меламдахъ уменьшилась, и у дверей гимназіи стало толпиться много еврейскихъ мальчиковъ. Хедера, въ особенности тѣ, гдѣ изучался Талмудъ, стали замѣтно пустѣть. Въ гимназію стали помѣщать дѣтей и такіе элементы, которые раньше не думали о просвѣщеніи; они и не преслѣдовали просвѣтительныхъ цѣлей. Ожидали льготъ по воинской повинности и стремились обезпечить лучшее будущее для дѣтей, вмѣсто перспективы стать приказчиками или ремесленниками. Гимназія и реальное училище стали заполняться мѣстными евреями. Но эти внѣшніе признаки просвѣтительныхъ стремленій ни въ какой мѣрѣ не отразились на внутренней жизни евреевъ въ Полтавѣ. Пала религіозная дисциплина, особенно у молодежи, не стало благочестія, но на ихъ мѣсто ничто иное не явилось. Осталась пустота. Для меня уже тогда было ясно, что свобода отъ религіозныхъ предписаній не является результатомъ культурности или прогресса, и что такая свобода безъ дѣйствительной культуры губительно дѣйствуетъ въ этическомъ отношеніи.

Въ Полтавѣ стало больше богатыхъ людей, больше семействъ, у которыхъ внѣшняя обстановка напоминала какую-то «Европу». И если въ концѣ 60-хъ годовъ самы-

ми богатыми евреями были портные, то къ концу 70-хъ годовъ ихъ превзошли часовыхъ дѣлъ мастера, они же ювелиры, но съ той разницей, что тѣ портные, исконные евреи, благочестивые и глубоко преданные традиціямъ, стремились понять слово Божіе, обучить ему и своихъ дѣтей, выписывали для этого меламедовъ изъ Литвы; новые же богачи не считали нужнымъ обучать своихъ дѣтей еврейскому языку, библіи и вообще чему-либо еврейскому. Они признали себя свободными отъ всякихъ традицій и полагали, что приглашеніе гувернантки для обученія французскому языку есть высшее проявленіе культурности. Я давалъ уроки въ домахъ такихъ евреевъ, и меня приводила въ ужасъ пустота жизни этихъ людей, у которыхъ стремленіе къ обогащенію было главнымъ стимуломъ жизни и не оставляло мѣста для стремленія къ обогащенію ума и проявленію души.

Еврейской интеллигенціи въ дѣйствительномъ смыслѣ слова въ Полтавѣ за эти 10 лѣтъ не прибавилось. Пріѣхалъ одинъ - другой новый докторъ еврей, прибыло нѣсколько землемѣровъ - евреевъ, но ничего общаго съ еврейскими интересами они не имѣли. Никакой еврейской общественной жизни не было и въ концѣ 70-хъ годовъ. Полтава не имѣла тогда еврейскаго общественнаго дѣятеля, не было лица, которое, если не по праву, то хоть по собственному желанію считало бы себя представителемъ еврейскихъ интересовъ. Этимъ Полтава, какъ и другіе, насколько знаю, малороссійскіе города, отличалась отъ городовъ Литвы и даже Волыни. Когда я впослѣдствіи, уже въ Петербургѣ, сталъ заниматься общественными еврейскими дѣлами, я увидѣлъ, что во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ городахъ Сѣверо- и Юго-Западнаго края и Бѣлоруссіи имѣлись отдѣльныя личности, которыя считали себя обязанными пещись объ интересахъ своихъ общинъ. Когда было нужно обратиться къ содѣйствію мѣстныхъ людей для той или другой обще-еврейской надобности, то было извѣстно, къ кому надлежитъ обратиться за нужной справкой, кому поручить то или другое дѣло. Но мы были въ Петербургѣ всегда безпомощны въ отношеніи малороссійскихъ городовъ. Въ малороссійскихъ городахъ понятіе о культурности связывалось съ богатствомъ, богатство связывалось съ отреченіемъ отъ еврейскихъ традицій и обычаевъ.

Въ Литвѣ и въ Юго-Западномъ краѣ, напротивъ того, еврейская ортодоксія давала культурные элементы, которые поддерживали связь съ народной массой; была чисто еврейская интеллигентность, были традиціи, существовала истинная духовная аристократія. Въ малороссійскихъ городахъ не было никогда именитыхъ раввиновъ; мало того, о нихъ въ Полтавѣ еврейское населеніе ничего и не знало. Только хасидская часть знала своихъ цадиковъ; но цадики эти не только не отличались еврейской ученостью, но даже во многихъ случаяхъ обнаруживали невѣжество въ еврейской письменности, кромѣ каббалистической. Достаточно сказать, что въ Полтавѣ не было извѣстно о такихъ людяхъ, какъ Салантеръ въ Вильнѣ; тамъ не знали имѣвшаго такое большое вліяніе на народныя массы въ Литвѣ ковенскаго раввина рабби Ицхока-Эльхонона; даже я, прожившій всю свою юность въ средѣ чисто еврейской, гдѣ было столько разговоровъ о знаменитыхъ раввинахъ прежняго времени, впервые о ребъ Ицхокъ-Эльхононѣ услыхалъ въ Петербургѣ, уже будучи студентомъ.

Погромы 1881 г. не разбудили евреевъ въ Полтавѣ, и вскорѣ о нихъ позабыли. Не отразилось ничѣмъ среди еврейскаго населенія у насъ и появленіе еврейскихъ газетъ на русскомъ языкѣ — «Русскаго Еврея» и «Разсвѣта». Между тѣмъ, эти газеты стали будить еврейскую мысль и положили начало перерожденію еврейской интеллигенціи или, вѣрнѣе, нѣкоторой части ея, напомнивъ ей обязанности ея по отношенію къ народу.

Лично на меня появленіе этихъ газетъ имѣло большое вліяніе: я сталъ усерднымъ читателемъ ихъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ присылки каждаго номера. Каждая статья служила предметомъ безконечныхъ бесѣдъ моихъ съ Брандомъ; къ намъ присоединилось еще нѣсколько молодыхъ людей, не гимназистовъ. Вскорѣ затѣмъ появилась брошюра Пинскера объ авто-эмансипаціи; мы почувствовали, что произошло большое событіе въ еврейской жизни, что начинается новая полоса для еврейской интеллигенціи. Борьба между палестинофильствомъ, представителемъ котораго былъ «Русскій Еврей», и тѣмъ обще-гражданскимъ еврейскимъ направленіемъ, которое представлялось «Разсвѣтомъ», осталась незамѣченной въ Полтавѣ, и только мы съ Брандомъ считали нужнымъ подвергнуть

споръ детальному разсмотрѣнію, и голоса наши раздѣлились: я больше склонялся къ «Разсвѣту», а Брандъ — къ «Русскому Еврею». Въ какомъ-то недостигаемомъ ореолѣ представлялись мнѣ Буки-бенъ-Іогли (д-ръ Каценельсонъ) изъ «Русскаго Еврея», Минскій и Варшавскій изъ «Разсвѣта».

Весною 1882 г. погромы повторились. Еврейскій вопросъ сталъ одной изъ главнѣйшихъ темъ русской публицистики. Новое царствованіе свое отношеніе къ евреямъ опредѣлило вполнѣ явственно. Нельзя было не понять, что поддержаніе трехъ устоевъ, формулированныхъ съ высоты престола въ знаменитомъ манифестѣ «На насъ», а именно — народность, самодержавіе и православіе, — несовмѣстимо съ инымъ отношеніемъ къ евреямъ, какъ съ враждебнымъ, и что антисемитизмъ становится однимъ изъ важнѣйшихъ программныхъ пунктовъ новаго политическаго курса, принятаго Александромъ III. Погромы не только не вызвали у центральныхъ властей попытокъ оправдаться отъ обвиненія въ допущеніи погромовъ и отсутствіи репрессій (извѣстно, что погромщики обыкновенно судились по ст. 38 Уст. о Нак., предусматривающей нарушеніе общественной тишины и порядка, и присуждались къ мѣсячному аресту), — напротивъ, власти выдвинули противъ евреевъ обвиненіе въ эксплоатаціи мѣстнаго населенія, которая, будто бы, вызывала враждебное къ нимъ отношеніе, —народъ-де не стерпѣлъ и учинилъ самосудъ. Губернаторамъ предписано было объяснить, при содѣйствіи совѣщаній изъ мѣстныхъ людей (т. е. предводителей дворянства, исправниковъ, полицеймейстеровъ, иногда и земскихъ дѣятелей), при нѣкоторомъ участіи и самихъ евреевъ, — въ чемъ заключается вредъ, наносимый евреями мѣстному населенію. Такъ и редактированъ былъ знаменитый игнатьевскій циркуляръ 1881 г., объ образованіи во всѣхъ губерніяхъ черты осѣдлости и въ Харьковской губ. «совѣщаній по еврейскому вопросу», которыя должны были создать матеріалъ для коммиссій по еврейскому же вопросу подъ предсѣдательствомъ товарища министра Мартынова, бывшаго нашего полтавскаго губернатора. Реакціонная пресса, въ лицѣ «Московскихъ Вѣдомостей» и ставшаго явно національстическимъ реакціоннымъ органомъ «Новаго Времени», не уставала говорить о еврейскомъ экономическомъ за-

силіи, эксплоатаціи крестьянскаго населенія, обманѣ, ростовщичествѣ и т. п. Да и либеральная пресса, даже если учитывать цензурныя условія того времени, слабо боролась противъ оффиціальнаго и оффиціознаго антисемитизма. Даже такіе органы, какъ «Голосъ» и «Отечественныя Записки», не отрицали вредной экономической дѣятельности евреевъ и лишь слегка протестовали противъ борьбы съ ними при помощи ограничительныхъ законовъ и погромовъ. Не безъ нѣкотораго усилія удалось незабвенному философу Владиміру Соловьеву создать знаменитый протестъ русскихъ писателей и ученыхъ противъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ евреямъ, подписанный лучшими людьми того времени. Соловьева вскорѣ устранили отъ кафедры.

Съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, графа Игнатьева, вызваны были въ Петербургъ, по иниціативѣ бар. Горація Осиповича Гинцбурга, депутаты для обсужденія создавшагося для евреевъ положенія. Изъ Полтавы поѣхалъ старикъ Мандельштамъ. Посылка депутата совпала съ экзаменаціоннымъ временемъ, когда я кончалъ гимназію, и поэтому у меня не сохранилось никакихъ воспоминаній о собраніяхъ въ Полтавѣ для выбора депутата и для обсужденій того, съ чѣмъ долженъ ѣхать депутатъ; кажется, что такихъ собраній и не было, и что изъ Петербурга просили старика Мандельштама поѣхать въ Петербургъ, да и другого полтавскимъ евреямъ послать некого было бы. Это единственный случай, когда Мандельштамъ явился представителемъ еврейской части населенія Полтавы. О совѣщаніяхъ этихъ депутатовъ, происходившихъ съ вѣдома министра внутреннихъ дѣлъ, мнѣ придется говорить впослѣдствіи.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я окончанія гимназіи. Душно стало жить въ Полтавѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ печалила меня мысль о необходимости оставить семью, и безъ того осиротѣвшую со смертью матери. Горестно было сознаніе, что съ моимъ предстоящимъ отъѣздомъ въ университетъ мой отецъ лишится матеріальной поддержки, а что еще важнѣе, — моральной. Онъ всецѣло жилъ моими духовными интересами. Насъ связывало не только отношеніе отца къ сыну, но и духовная общность. Мы были друзьями. Ночи проводили мы съ нимъ въ дружеской бесѣдѣ о всѣхъ волновавшихъ меня и его вопросахъ духовной

жизни. Съ моимъ предстоящимъ отъѣздомъ онъ оставался духовно одинокимъ въ Полтавѣ.

Испытанія на аттестатъ зрѣлости въ то время поглощали все время даже у такого воспитанника, который хорошо учился и для котораго предстоящій экзаменъ не представлялъ опасности. Важно было не только получить аттестатъ зрѣлости, но и получить золотую медаль. Правда, она тогда еще не нужна была для поступленія въ университетъ, какъ впослѣдствіи, когда введена была норма для поступленія въ высшія учебныя заведенія. Но я не допускалъ мысли, что не получу золотой медали. Экзаменовались и мои ученики, и ихъ нужно было усиленно подготовлять къ испытаніямъ. Приходилось работать чуть-ли не 20 часовъ въ сутки, а между тѣмъ цвѣли акаціи, полтавскій воздухъ благоухалъ, и въ городскомъ саду появились фіалки. Вернулась изъ Петербурга и та дѣвушка, которая впослѣдствіи сдѣлалась моей женой. Все это создало настроеніе, не допускавшее сосредоточенія мысли 19-лѣтняго юноши на общихъ вопросахъ, и, несмотря на интересъ, который уже во мнѣ развился къ общему положенію евреевъ, подготовка къ изданію правилъ 3 мая 1882 г., знаменитыхъ Игнатьевскихъ правилъ, и самое изданіе ихъ — прошли для меня какъ бы незамѣченными. Въ Полтавѣ ничего объ этомъ не знали.

Въ Полтавской гимназіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ заведено было, что ученики 8-го класса дѣлали ежемѣсячные взносы на образованіе фонда для подкупа почтовыхъ чиновниковъ, за то, что они давали возможность тайно вскрыть пакеты съ экзаменаціонными темами для письменныхъ испытаній. Эти темы для гимназіи посылались изъ канцеляріи попечителя учебнаго округа, въ пакетахъ по каждому предмету особо. Полученіе заразъ нѣсколькихъ пакетовъ отъ попечителя давало возможность почтовымъ чиновникамъ узнавать о времени прибытія темъ, и имъ ничего не стоило на нѣсколько часовъ задержать доставку пакетовъ въ канцелярію гимназіи и за это время ознакомить съ содержаніемъ ихъ представителя гимназистовъ 8-го класса. За недѣлю, такимъ образомъ, мы знали, какія задачи по алгебрѣ, арифметикѣ, геометріи, тригонометріи намъ зададутъ, какое сочиненіе намъ нужно будетъ написать, какой переводъ съ русскаго на латинскій и греческій языки намъ надо будетъ сдѣлать. Въ

большомъ актовомъ залѣ, гдѣ происходили экзамены, въ присутствіи всего педагогическаго совѣта, директоръ бережно откроетъ пакетъ и прочтетъ, на какую тему желаетъ испытывать насъ попечитель округа, а мы, ученики, еще за недѣлю до того проникли въ тайну закрытаго пакета. За эту недѣлю работа у меня кипѣла. Приходилось писать сочиненія для товарищей, примѣнительно къ умственному уровню каждаго. Нельзя же было какому-либо Петрову, еле получавшему тройки за сочиненія, написать сочиненіе на пятерку. Надо было варьировать ошибки въ переводахъ на греческій языкъ, строго учитывать, сколько ошибокъ допустимо для того или другого ученика, — словомъ, хлопотъ и заботъ было много. Экзаменаціонный періодъ продолжался до середины іюня. Наконецъ, прошелъ послѣдній экзаменъ, и педагогическій совѣтъ долженъ былъ признать насъ зрѣлыми. Радость окончанія гимназіи была для меня, однако, омрачена. Несмотря на круглую пятерку въ аттестатѣ, мнѣ и другому моему товарищу еврею даны были только серебряныя медали, а нашъ товарищъ христіанинъ, которому я писалъ переводы для экзамена и рѣшалъ задачи по математикѣ, который никогда не стоялъ выше насъ по разрядному классному рангу, — получилъ золотую медаль. На такомъ рѣшеніи совѣта настоялъ директоръ гимназіи Шафрановъ. Это была несомнѣнная дань антисемитизму сверху, впервые въ Полтавѣ проявившемуся лично на мнѣ, и притомъ еще со стороны самого директора гимназіи, который, какъ я уже указывалъ раньше, будучи несомнѣнно антисемитомъ, до сихъ поръ воздерживался отъ антисемитскихъ проявленій.

Система перелавливанія темъ изъ округа была извѣстна въ кругахъ молодежи, и это обстоятельство привлекало много экстерновъ въ Полтаву. У насъ было основаніе предполагать, что и педагогическій составъ имѣлъ объ этомъ надлежащія свѣдѣнія. Сами учителя лучше постороннихъ знали, что ихъ преподаваніе далеко не такъ блестяще, чтобы всѣ абитуріенты могли успѣшно сдавать экзамены. Я не помню случая за послѣдніе годы пребыванія въ гимназіи, чтобы кто-нибудь не получилъ аттестата зрѣлости. Особенно успѣшно проходили письменныя испытанія, т. е. та часть экзаменовъ, которая представлялась всегда наиболѣе трудной: тутъ учителя никакой помощи эк-

заменуемымъ оказать не могли, какъ это возможно было бы при устныхъ экзаменахъ. При моемъ выпускѣ случился притомъ такой курьезъ, который не могъ не навести учебное начальство на подозрѣніе. Завѣдывавшій вскрытіемъ пакетовъ на почтѣ второпяхъ перепуталъ основную и запасную тему по одному отдѣлу математики. Можно себѣ представить ужасъ, объявшій абитуріентовъ, размѣщенныхъ въ актовомъ залѣ за отдѣльными столиками, когда оглашена была не та задача, которую каждый имѣлъ въ рѣшенномъ видѣ у себя на записочкѣ. Пришлось прибѣгнуть къ обычному, хотя и весьма затрудненному въ данной обстановкѣ, способу пересылки сосѣдямъ, и отъ нихъ дальше, рѣшенія неожиданной задачи. Мы замѣтили, что надзоръ учительскій былъ на этотъ разъ слабѣе.

Мнѣ необходимо еще охарактеризовать женскую часть молодежи въ Полтавѣ. Я не помню ни одного женскаго хедера. О совмѣстномъ обученіи у меламедовъ не могло быть и рѣчи. И рѣдко можно было бы найти семью, у которой дочь училась бы читать и писать по-еврейски. Но зато дѣвочекъ охотнѣе отдавали въ общія учебныя заведенія; евреекъ въ женской гимназіи поэтому было всегда больше, чѣмъ евреевъ воспитанниковъ въ мужской. Общій уровень развитія женской молодежи былъ не выше мужской: то же отсутствіе высшихъ интересовъ, и лишь рѣдкія исключенія встрѣчались въ старшихъ классахъ. Очень немногія были знакомы съ писателями, обязательными, такъ сказать, для «развитыхъ» молодыхъ людей — Писаревымъ, Добролюбовымъ, въ особенности Чернышевскимъ, запрещенными для чтенія. Еврейки не представляли исключенія. Еврейскія барышни изъ болѣе состоятельныхъ круговъ интересовались нарядами, танцами и ни въ какой мѣрѣ не проявляли «міровой скорби». Въ существовавшихъ немногихъ кружкахъ молодежи барышни вовсе не участвовали.

Наконецъ, наступилъ желанный часъ, когда нужно было выбрать университетъ и готовиться къ отъѣзду. Но, прежде всего, нужно было рѣшить трудный вопросъ — выборъ факультета. До моего выпуска въ Полтавѣ почти не было случая, чтобы еврей - гимназистъ поступилъ не на медицинскій факультетъ. Изъ реальнаго училища дорога вела въ техническія учебныя заведенія, изъ гимназіи

для евреевъ вела одна тропинка — въ медицинскій факультетъ.

Казалось несомнѣннымъ, что и мнѣ суждено пойти по медицинской дорогѣ. Этого желалъ и мой отецъ. Но эти ожиданія его не оправдались, и, послѣ долгихъ колебаній, мнѣ удалось его убѣдить согласиться на избраніе юридическаго факультета. Я бы едва - ли могъ привести какой-либо рѣшающій аргументъ въ пользу этого выбора; по крайней мѣрѣ, теперь я не помню, что именно окончательно рѣшило мой выборъ. Помню, что привлекателенъ былъ для меня примѣръ Оршанскаго. Въ доводахъ, которые я приводилъ въ бесѣдахъ съ отцомъ, я, хотя и не имѣлъ точнаго представленія о дѣятельности адвоката, указывалъ ему на то, что изученіе юриспруденціи дастъ мнѣ возможность использовать то, что я накопилъ во времена изученія Талмуда; наконецъ, и то, что для юриста открыта возможность болѣе широкой дѣятельности, чѣмъ узкая спеціальность медицины. Несомнѣнно, играло роль и то соображеніе, что врачей евреевъ было много: даже въ Полтавѣ уже ихъ накопилось сравнительно много, тогда какъ тамъ не было ни одного еврея присяжнаго повѣреннаго. До Полтавы еще не доходили слухи о такихъ юристахъ, какъ Думашевскій, Пассоверъ или Оксъ въ Одессѣ, Банкъ въ Петербургѣ, и о юристахъ, бывшихъ уже на государственной службѣ, какъ Гальперинъ, Острогорскій, Трахтенбергъ, Шафиръ и др. Но самое трудное было убѣдить отца отпустить меня въ Петербургскій университетъ, такъ далеко отъ Полтавы. Мнѣ и самому тяжела была мысль жить на столь далекомъ разстояніи отъ семьи. Но Петербургъ манилъ. Мнѣ казалось, что въ Петербургѣ сразу оцѣнятъ признаваемыя за мною способности, что и въ столицѣ я окажусь однимъ изъ лучшихъ репетиторовъ, котораго будутъ «искать», какъ въ Полтавѣ, и что поэтому заработокъ будетъ обезпеченъ. И сколько привлекательнаго для меня представляла столица, — центръ духовной жизни страны, гдѣ, какъ мнѣ думалось, можно встрѣчаться съ писателями, гдѣ жизнь бьетъ ключемъ и свѣтъ просвѣщенія изливается широкими струями, увлекая всѣхъ къ культурѣ и прогрессу....

Но было и другое обстоятельство, тянувшее меня въ Петербургъ. Еще будучи въ шестомъ классѣ, я познакомился съ тою, съ которой провелъ почти весь свой жизнен-

ный путь. Это была дочь мѣстнаго почтеннаго купца Зекеля. Она была гимназисткой и, по окончанiи курса въ женской гимназiи, поступила, еще до окончанiя мною гимназическаго курса, въ Петербургскую консерваторiю. Понятно, что другого университета, кромѣ Петербургскаго, для меня не существовало.

Лѣто передъ поступленiемъ въ университетъ я провелъ на урокѣ близъ Харькова, въ одной еврейской семьѣ. Еще до того я изъ своихъ заработковъ, достигавшихъ для гимназиста въ Полтавѣ небывалаго размѣра, — я зарабатывалъ уроками до 150 рублей въ мѣсяцъ, — копилъ резервный фондъ для Петербурга и ежемѣсячными выплатами оплачивалъ портному заранѣе приготовленный гардеробъ. Скопить удалось до 200 рублей, и съ этимъ капиталомъ я бодро двинулся въ концѣ августа 1882 года въ столицу.

Будущее меня не волновало. Я имѣлъ въ карманѣ письмо къ директору одного изъ видныхъ банковъ, богатому еврею, жившему раньше въ Харьковѣ, гдѣ онъ владѣлъ аптекой, — и я былъ увѣренъ, что онъ устроитъ мою матерiальную судьбу.

ГЛАВА VI.

Прiѣздъ въ Петербургъ. — Первая лекцiя проф. Сергѣевича. — Профессорскiй персоналъ. — Генералъ Левицкiй, участникъ Русско-Турецкой войны. — Происхожденiе правительственнаго антисемитизма. — Ежегодные всеподданнѣйшiе отчеты губернаторовъ и высочайшiя на нихъ отмѣтки. — Учитель Кукуричекъ. — Редакцiя «Разсвѣта» — Я. Г. Розенфельдъ. — А. С. Танненбаумъ. — Г. И. Богровъ, авторъ «Записокъ Еврея». — Н. М. Виленкинъ-Минскiй. — М. С. Варшавскiй. — Отношенiя между редакцiями «Разсвѣта» и «Русскаго Еврея». — Медички. — Н. И. Бакстъ, профессоръ Высшихъ Женскихъ Курсовъ. — В. Л. Берманъ. — Г. И. Трахтенбергъ, б. оберъ-секретарь Сената. — Евреи на службѣ въ вѣдомствѣ юстицiи. — А. Б. Думашевскiй. — Я. М. Гальперинъ. — Э. Б. Банкъ. — М. Я. Острогорскiй.

Долго длилось путешествiе изъ Полтавы въ Петербургъ. Поѣздъ приходилъ къ вечеру. Помню, что это было 29-го августа. На слѣдующiй день, выйдя рано со Знаменской площади на Невскiй проспектъ, я былъ пораженъ красотою проспекта, но еще больше былъ оглушенъ звономъ колоколовъ, видомъ десяти-тысячной толпы, двигавшейся крестнымъ ходомъ (въ день Александра Невскаго, 30 августа) изъ Исаакiевскаго собора въ Александро-Невскую Лавру. Черезъ нѣсколько дней я получилъ новыя впечатлѣнiя: трудно ихъ описать вслѣдствiе ихъ грандiозности: хоронили Тургенева. Не только для провинцiальнаго гимназиста, но и для столичнаго жителя похоронная процессiя съ сотнями вѣнковъ, несомыхъ депутацiями, не могла не представить поразительной картины. Похороны Тургенева превосходили по своей грандiозности похоронную процессiю Достоевскаго, умершаго позднѣе.

Я поселился въ меблированной комнатѣ на Пушкинской улицѣ. Эта улица почему-то была сплошь студенческая, и преимущественно заселялась провинціалами новичками. Это была еще новая улица, и, очевидно, постройка домовъ разсчитана была на устройство меблированныхъ комнатъ. Притомъ она была ближайшей къ Николаевскому вокзалу, черезъ который двигался главный потокъ молодежи, стекавшейся въ высшія учебныя заведенія столицы. Облачившись въ лучшее свое платье, я, наконецъ, отправился на Могилевскую улицу къ моему, какъ я ожидалъ, будущему покровителю — директору банка А. М. Соловейчику; я былъ увѣренъ, что моя судьба будетъ рѣшена имъ въ самомъ благопріятномъ для меня смыслѣ. Но меня ожидало большое разочарованіе. Меня приняли безъ всякой теплоты, нисколько не поощрили, и заявили, что у самого директора занятій нѣтъ, а искать ихъ онъ, по обремененности дѣлами, не можетъ. И я очутился безъ покровителя и долженъ былъ прибѣгнуть къ обычному для студентовъ способу прiисканія занятій, т. е. публиковать въ газетахъ. А между тѣмъ мои капиталы таяли, и приближалось полное ихъ истощеніе. Въ университетѣ мнѣ дали небольшую стипендію, какъ медалисту — 120 руб. въ годъ — и освободили отъ платы за право ученія.

Занятія въ университетѣ начинались не ранѣе 10-хъ чиселъ сентября. Первая лекція была профессора Сергѣевича по исторіи русскаго права. Эта лекція не произвела на меня большого впечатлѣнія. Мнѣ казалось, что для того, чтобы слушать лекціи знаменитаго профессора, необходима упорная работа мысли, что слушатель долженъ ощущать высокій подъемъ духа и испытывать наслажденіе, похожее на тѣ минуты умственнаго экстаза, которыя я испытывалъ въ дѣтствѣ при изученіи талмуда, когда, казалось, мозгъ въ головѣ расширяется отъ наплыва мыслей, отъ натиска умственной энергіи. Между тѣмъ, профессоръ, хотя и не совсѣмъ монотонно, но безъ всякаго подъема, объяснялъ, довольно популярно, какое значеніе имѣетъ изученіе исторіи права и, въ частности, отечественнаго права для изучающихъ юриспруденцію. Аудиторія была переполнена, какъ это всегда бываетъ на первыхъ лекціяхъ. Я видѣлъ, что даже популярное изложеніе профессора для большинства слушателей мало доступно, и что только не-

значительная часть въ состояніи слѣдить за рядомъ послѣдовательныхъ мыслей, излагаемыхъ съ кафедры. Мало подготовляетъ гимназія къ слушанію лекцій въ университетѣ.

Ко времени моего поступленія Петербургскій университетъ имѣлъ не много крупныхъ профессорскихъ именъ. Проф. Н. С. Таганцевъ незадолго передъ тѣмъ ушелъ; воодушевлявшій молодежь профессоръ философіи права Рѣдькинъ умеръ; оставался А. Г. Градовскій и популярный Андреевскій, читавшій полицейское право. На первомъ курсѣ, кромѣ Сергѣевича, видныхъ профессоровъ совсѣмъ не было. Начиналъ свою карьеру приватъ-доцентъ Коркуновъ, увлекательный молодой человѣкъ, подававшій надежды. Онъ читалъ энциклопедію права, но курсъ его въ первые годы его профессорской дѣятельности былъ мало разработанъ, въ его чтеніи чувствовалась импровизація и отсутствіе систематичности. Совсѣмъ молодой человѣкъ, Ефимовъ, не обладавшій никакими талантами, знакомилъ насъ съ исторіей римскаго права. Профессоръ политической экономіи Вреденъ совершенно меня разочаровалъ. Философію права читалъ Бершадскій, больше историкъ Литвы, чѣмъ историкъ философіи.

Товарищей по гимназіи со мной поступило на юридическій факультетъ въ Петербургѣ немного, и я съ ними встрѣчался мало. Одинъ изъ нихъ былъ племянникъ извѣстнаго генерала Левицкаго, бывшаго начальника штаба въ турецкую кампанію при главнокомандующемъ Николаѣ Николаевичѣ Старшемъ. Онъ жилъ съ матерью у своего дяди. Это былъ единственный домъ, гдѣ я встрѣчался съ товарищемъ по гимназіи. Меня очень тепло принимали, а генералъ Левицкій давалъ мнѣ кой-какую работу — переписку докладовъ и военныхъ проектовъ, оплачивая ее по 30 коп. за листъ.

К. В. Левицкій пользовался большимъ авторитетомъ въ военныхъ сферахъ и сохранилъ со времени турецкой войны свою близость къ Великому Князю. Не любя дѣлиться своими воспоминаніями, касающимися событій войны, онъ, однако, когда одинъ разъ зашелъ разговоръ о евреяхъ, разсказалъ, какъ развивался въ оффиціальныхъ кругахъ во время войны антисемитизмъ. Въ сферахъ, близкихъ къ Главнокомандующему, т. е. къ Николаю Николаевичу, въ теченіе турецкой войны неудачи русской арміи

объясняли крайней неисправностью интендантской части — военныхъ поставщиковъ и подрядчиковъ. Таковыми были почти исключительно евреи, начиная съ главныхъ подрядчиковъ — Компаніи Горовицъ, Грегеръ и Каганъ, впослѣдствіи попавшихъ даже подъ судъ. Убѣжденіе въ недобросовѣстности евреевъ-подрядчиковъ было настолько укоренившимся, что вѣрили всякимъ заявленіямъ о неисправности того или другого поставщика, безъ какой-либо провѣрки; всякія злоупотребленія со стороны интендантства и другихъ агентовъ по снабженію арміи прикрывались ссылкою на виновность евреевъ. Послѣдствіемъ этого было быстро растущее раздраженіе противъ евреевъ вообще, и это замѣчалось особенно въ штабѣ той арміи, которою командовалъ наслѣдникъ цесаревичъ, глубоко проникшійся антисемитскимъ духомъ. Враждебно настроенный противъ евреевъ Александръ III съ этимъ настроеніемъ вступилъ на престолъ.

Сообщеніе генерала Левицкаго я всегда припоминалъ, когда приходилось впослѣдствіи объяснять себѣ причины того безпощаднаго разгула антисемитизма, которымъ руководилась политика центральной власти за все время царствованія Александра III и который преемственно перешелъ и къ слѣдующему царствованію. Становилось понятнымъ, почему вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ Александра III выдвинулся на первую очередь еврейскій вопросъ. Нужно было отвлечь вниманіе общественнаго мнѣнія отъ всего того, на что надѣялись въ послѣдніе мѣсяцы прежняго царствованія, во время диктатуры Лорисъ-Меликова, т. е. отъ либеральныхъ реформъ. Съ другой стороны, губернскимъ властямъ нужно было во что бы то ни стало замять результаты сенаторской ревизіи Половцева въ Кіевской, Херсонской и Черниговской губерніяхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, назначенный Александромъ III въ первые же дни по вступленіи на престолъ, графъ Алексѣй Павловичъ Игнатьевъ, бывшій посолъ въ Константинополѣ, зналъ по близости своей къ балканскимъ дѣламъ (онъ былъ представителемъ Россіи въ Санъ-Стефанскихъ переговорахъ), какимъ способомъ передъ бывшимъ наслѣдникомъ объяснялись всякіе непорядки и злоупотребленія въ дѣйствующей арміи и къ чему пріучили царя: «евреи виноваты»; этимъ все какъ бы разъяснялось; этому такъ легко вѣрили.

Мнѣ случалось впослѣдствіи читать много всеподданнѣйшихъ отчетовъ губернаторовъ, которые представлялись ежегодно непосредственно царю. Въ нихъ поражало обиліе матеріала по еврейскому вопросу, конечно, съ яркой антисемитской окраской. И чѣмъ болѣе негоденъ былъ губернаторъ, чѣмъ хуже умѣлъ онъ справляться съ управленіемъ ввѣренной ему губерніи или устранять непорядокъ, тѣмъ больше вниманія удѣлялъ такой губернаторъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ евреямъ, и тѣмъ больше накладывалъ густыхъ красокъ при изображеніи еврейскаго засилья, вреда, приносимаго евреями и т. п. Такія мѣста во всеподданнѣйшихъ отчетахъ неизмѣнно удостоивались Высочайшихъ отмѣтокъ. По дѣйствовавшему правилу, всѣ отмѣтки царя вносились въ Комитетъ Министровъ на предметъ исполненія и освѣдомленія министровъ о директивахъ свыше. Всѣ отмѣтки царя, касавшіяся евреевъ, дѣлались такимъ образомъ извѣстными не только министрамъ, но и канцеляріямъ, а затѣмъ и губернаторамъ; этимъ путемъ освѣдомляли администраторовъ о вкусахъ царя. Всякая отмѣтка считалась большимъ отличіемъ для автора даннаго отчета, ибо свидѣтельствовала, что губернаторъ умѣетъ отмѣчать важныя явленія; важность ихъ вѣдь опредѣлялась для вѣрныхъ слугъ не существомъ даннаго дѣла, а вкусами хозяина. Понятно поэтому, что всякая отмѣтка по поводу евреевъ вызывала у другихъ губернаторовъ охоту привлечь и къ себѣ высочайшее вниманіе. Этимъ объясняется то странное явленіе, которое я могъ констатировать изъ знакомства съ ставшими мнѣ доступными впослѣдствіи секретными матеріалами: что всякая антисемитская мысль во всеподданнѣйшемъ отчетѣ одного губернатора находила на слѣдующій же годъ подражаніе въ отчетѣ другого губернатора, при чемъ авторъ новаго отчета прибавлялъ кое-что и отъ себя. Царя, такимъ образомъ, питали мыслями, соотвѣтствовавшими его собственному вкусу, постоянно подогрѣвали и варьировали одно и то же блюдо, смотря по сезону, — то объ экономическомъ вредѣ евреевъ, то объ обособленности ихъ, то, наконецъ, о политической ихъ неблагонадежности и, въ особенности, о революціонномъ настроеніи еврейской молодежи, заражающемъ прочіе элементы въ школѣ, и т. п. Я имѣлъ поэтому полное основаніе всегда утверждать, не только въ печати и въ публич-

ныхъ выступленіяхъ, но и въ неоднократно дѣлаемыхъ офиціальныхъ заявленіяхъ, что антисемитизмъ въ политикѣ послѣднихъ двухъ царствованій шелъ не снизу вверхъ, а, напротивъ того, сверху внизъ, и отнюдь не объясняется ни объективными данными жизни, ни якобы враждебнымъ къ евреямъ настроеніемъ народныхъ русскихъ массъ. Лживымъ было утвержденіе, будто погромы начала восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка явились формой протеста населенія противъ еврейской эксплоатаціи или экономическаго засилья. Развитіе погромовъ шло также сверху внизъ, и начало ему положено было тѣмъ же первымъ министромъ Александра III-го гр. Игнатьевымъ.

Хочу сказать здѣсь нѣсколько словъ о другой встрѣчѣ въ томъ же домѣ моего гимназическаго товарища. Еще въ Полтавѣ у его матери въ домѣ жилъ нашъ учитель греческаго языка Д. С. Кукуричекъ, педагогъ бездарный, но большой оригиналъ. Мы знали, что онъ очень образованный человѣкъ и считали его большимъ чудакомъ; онъ не былъ строгъ, никогда не налагалъ на провинившихся взысканій; онъ какъ бы «не сопротивлялся злу». Я съ нимъ въ Полтавѣ не былъ близко знакомъ, какъ съ человѣкомъ, но понималъ, что Кукуричекъ вовсе не такъ простъ, какъ кажется. Вскорѣ послѣ моего выхода изъ гимназіи онъ вышелъ въ отставку и поселился въ семьѣ указаннаго товарища, сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ имѣніи, возлѣ Боровичей Новгородской губ., гдѣ онъ лѣтъ черезъ 15 умеръ. Въ Петербургѣ я съ нимъ встрѣчался, успѣлъ познакомиться довольно близко, и узналъ, что онъ караимъ по происхожденію, принявшій по окончаніи курса лютеранство; онъ жилъ нѣкоторое время въ Италіи и въ совершенствѣ изучилъ итальянскій языкъ, составилъ даже нынѣ забытый учебникъ грамматики этого языка; онъ обладалъ большими знаніями по филологіи, былъ превосходнымъ классикомъ. Повидимому, онъ готовился къ профессурѣ, но потерпѣлъ какую-то осѣчку въ жизни и ушелъ въ самого себя; онъ избѣгалъ разговоровъ о своемъ прошломъ даже съ близкими; такъ онъ и унесъ въ могилу тайну своей сложной надломленной психологіи, оставляя на всѣхъ знавшихъ его впечатлѣніе ипохондрика, вѣчно жалующагося на дѣйствительно неудовлетворительное здоровье. Кукуричекъ былъ чрезвычайно остроуменъ, умѣлъ въ бесѣдѣ приковывать вниманіе собесѣдника, съ

большою точностью и въ рѣзкихъ краткихъ афоризмахъ излагать интересныя мысли, но отъ него вѣяло холоднымъ скептицизмомъ и подчасъ жуткимъ разочарованіемъ; чувствовалось, что это тяжело раненый въ душу человѣкъ. Только послѣ долгихъ наблюденій я убѣдился, что онъ былъ религіозно настроенный мистикъ, и его угнетала перемѣна религіи. Какъ это ни странно, это былъ единственный интеллигентный караимъ, съ которымъ мнѣ довелось встрѣтиться въ этотъ первый періодъ моей жизни.

Среди петербургскихъ евреевъ у меня не было ни одной знакомой семьи. Печально и одиноко проводилъ я первыя недѣли пребыванія въ столицѣ. Университетскія лекціи все больше меня разочаровывали, но я себѣ не позволялъ пропускать ихъ. Слушателей на курсѣ было свыше 700; евреи въ общей массѣ терялись. Евреевъ, пока былъ открытъ еще доступъ для нихъ въ Военно-Хирургическую Академію, въ Петербургскій Университетъ, не имѣвшій медицинскаго факультета, поступало немного; громадное большинство евреевъ, поступавшихъ въ высшія учебныя заведенія, избирали медицинскіе факультеты въ провинціи, и поэтому въ Петербургскомъ Университетѣ были лишь немногіе изъ Виленскаго учебнаго округа, и немногіе окончившіе гимназію въ самомъ Петербургѣ. Изъ послѣднихъ на моемъ курсѣ юридическаго факультета не было ни одного. Вообще ни одного изъ товарищей евреевъ по курсу я не зналъ въ первое время. Они не имѣли особаго мѣста для встрѣчъ, они смѣшивались съ общей массой студентовъ. Всѣ были чужіе другъ другу, только постепенно завязывались знакомства, и то не по аудиторіямъ и не въ библіотекахъ, гдѣ мало работали, а на вечеринкахъ, которыя зимою устраивались отдѣльными кружками. Землячествъ національныхъ или областныхъ при мнѣ еще не было.

Послѣ долгихъ ожиданій результата отъ публикацій о готовности моей быть репетиторомъ или учителемъ я, наконецъ, получилъ урокъ по 20 руб. въ мѣсяцъ. Это меня ободрило. Случай помогъ мнѣ поселиться, въ интересахъ экономіи, въ одной комнатѣ со студентомъ технологомъ, Венгеровымъ; онъ оказался братомъ жены Я. Г. Розенфельда, редактора «Разсвѣта». Я сталъ бывать у Розенфельда и познакомился съ редакціей «Разсвѣта», — той газе-

ты, которую я такъ жадно читалъ, будучи гимназистомъ 8-го класса.

Есть еврейская притча: одинъ мудрецъ на вопросъ, чѣмъ отличается гора отъ великаго человѣка, отвѣтилъ: «Чѣмъ больше приближаешься къ горѣ, тѣмъ она становится все выше, тогда какъ, приближаясь къ великому человѣку, замѣчаешь, что онъ становится все меньше».

Редакторъ газеты вообще, еврейской газеты «Разсвѣтъ» въ частности, казался мнѣ въ моемъ гимназическомъ воображенiи великаномъ мысли, энергiи, инициативы, — кипучимъ источникомъ, откуда исходятъ струи едва сдерживаемаго, разливающагося по всей землѣ негодованiя противъ еврейскаго безправiя. Редакторъ «Разсвѣта», присяжный повѣренный Я. Г. Розенфельдъ, переселившiйся въ Петербургъ изъ Минска, этими, казавшимися мнѣ необходимыми свойствами «редактора» — ни величiемъ ума, ни кипучестью энергiи — не обладалъ. Правда, это былъ глубоко симпатичный, прiятный и образованный человѣкъ, съ прекрасной душой, всецѣло преданный еврейскому народу. Я не помню его статей, и у меня не осталось въ памяти никакихъ впечатлѣнiй относительно его публицистическихъ дарованiй. Едва ли онъ былъ и умѣлымъ организаторомъ. Редакцiю составлялъ кружокъ молодыхъ тогда, талантливыхъ людей; фактическое управленiе дѣломъ находилось въ рукахъ знатока еврейства, человѣка исключительно даровитаго и всѣмъ своимъ сердцемъ еврея, студента Института Инженеровъ Путей Сообщенiя С. А. Танненбаума. Впослѣдствiи онъ сталъ редакторомъ техническаго официальнаго органа министерства путей сообщенiя, въ которое онъ былъ принятъ на службу въ ту эпоху, когда самый доступъ въ Институтъ Инженеровъ былъ сначала крайне затрудненъ, а вскорѣ и совершенно закрытъ; когда евреевъ уже совсѣмъ не принимали на службу по министерству путей сообщенiя, и по желѣзнымъ дорогамъ не только правительственнымъ, но и частнымъ: даже по такимъ, въ правленiяхъ коихъ предсѣдательствовали евреи. Этотъ остракизмъ, кстати, былъ своеобразнымъ отвѣтомъ правительства Александра III на то, что желѣзнодорожное строительство въ Россiи было столько обязано своимъ развитiемъ инициативѣ евреевъ — Полякова, Кроненберга и Варшавскаго.

«Разсвѣтъ» выпускался при неустанномъ участiи Тан-

ненбаума; большая часть передовыхъ статей безъ подписи принадлежала его перу. Онъ обладалъ недюжинными публицистическими дарованіями, и если бы онъ не смѣнилъ профессію журналиста на служебную карьеру, въ качествѣ инженера, несомнѣнно занялъ бы какъ публицистъ выдающееся положеніе въ печати. Во всѣ дѣла редакціи въ то время, когда я ближе познакомился съ ея составомъ и съ ея внутренней организаціей, усиленно вмѣшивалась жена редактора, Л. М. Розенфельдъ, — женщина съ большой энергіей, подавлявшею невеликую энергію ея мужа, самого редактора, — женщина очень неглупая, но нѣсколько своенравная. Это вмѣшательство, которое устранить Розенфельдъ не умѣлъ, дѣйствовало неблагопріятно на дѣла «Разсвѣта» и приводило къ столкновеніямъ, имѣвшимъ вредное вліяніе на судьбу газеты. Одно такое столкновеніе привело къ уходу изъ состава сотрудниковъ старика Г. И. Богрова, автора знаменитыхъ, имѣвшихъ заслуженный большой успѣхъ, «Записокъ Еврея» и другихъ произведеній, сдѣлавшихъ его чрезвычайно популярнымъ у еврейскихъ читателей. Въ это время въ «Разсвѣтѣ» печатался его романъ «Накипь Вѣка». Я, по молодости лѣтъ и по неумѣнію отказать въ просьбѣ г-жѣ Розенфельдъ, принялъ по ея порученію участіе въ попыткѣ уладить недоразумѣніе между нею и Богровымъ.

Съ этой цѣлью я и другой молодой человѣкъ посѣтили Богрова въ его квартирѣ (въ томъ же домѣ, гдѣ помѣщалась редакція «Разсвѣта»). Способъ «улаженія», предуказанный нашей довѣрительницей, былъ совершенно нелѣпъ и могъ привести только къ обостренію конфликта. Я ожидалъ увидѣть импозантнаго, даже обаятельнаго знаменитаго писателя, но былъ разочарованъ. Мы застали его въ кабинетѣ, мало похожемъ на лабораторію великаго писателя. Онъ былъ крайне раздраженъ противъ г-жи Розенфельдъ и редакціи вообще, и выражено было это раздраженіе въ формѣ, обнаруживавшей человѣческую слабость, а отнюдь не величіе. Сообщеніе, которое мы сдѣлали, было по существу комичное, и положеніе мое и моего товарища, студентовъ - первокурсниковъ, было основательно смѣшнымъ; если бы онъ отнесся къ нему съ ироніей вмѣсто того, чтобы намекнуть на возможность вмѣшательства всесильнаго тогда главы полиціи, Грессера, то это было бы правильнѣе. И по внѣш-

нему виду, и по рѣчи своей старикъ Богровъ больше напоминалъ бухгалтера банка, въ которомъ онъ служилъ, чѣмъ писателя.

Впечатлѣніе мое было, однако, мимолетнымъ, и больше я его не видѣлъ. Но отношеніе къ нему въ редакціи «Разсвѣта» было равнодушное; его цѣнили, какъ популярнаго автора, но чисто еврейскія общественныя стремленія членовъ редакціи, очевидно, были ему чужды. Тогда уже говорили, что онъ крещенъ; не знаю, насколько вѣрны были эти слухи въ отношеніи къ датѣ формальнаго оставленія имъ еврейства. Какъ извѣстно, хоронили его въ 1885 г. не какъ еврея.

Въ редакціи «Разсвѣта» встрѣчалъ я, хотя и рѣдко, Семена Афанасьевича Венгерова, извѣстнаго писателя, одного изъ самыхъ плодовитыхъ историковъ и критиковъ русской литературы, родственника г-жи Розенфельдъ. Онъ производилъ впечатлѣніе мало общительнаго молодого ученаго, и въ редакціонномъ кружкѣ участія не принималъ. Активнымъ работникомъ по газетѣ былъ, тогда еще совсѣмъ молодой, Н. М. Виленкинъ, поэтъ и писатель, ставшій извѣстнымъ подъ именемъ Минскаго. Фельетоны Нордъ-Веста (псевдонимъ, подъ которымъ онъ писалъ въ «Разсвѣтѣ»), пользовались большимъ успѣхомъ. Невзрачный, невысокаго роста брюнетъ, съ неправильными чертами нѣсколько суроваго, какъ бы разочарованнаго лица, но съ глубокими умными глазами, — отъ него вѣяло талантомъ; достаточно было прислушаться короткое время къ его бесѣдѣ, чтобы сразу разгадать, что имѣешь дѣло съ недюжиннымъ человѣкомъ, съ оригинальнымъ міровоззрѣніемъ. И въ немъ не замѣчалось спеціально еврейскаго настроенія, — онъ былъ писатель еврей, но не еврейскій писатель. Онъ будилъ въ своихъ произведеніяхъ, помѣщавшихся въ «Разсвѣтѣ», чувства, обычныя для всей интеллигенціи того времени, но никакихъ чисто еврейскихъ чувствъ не возбуждалъ: такимъ поэтомъ - писателемъ могъ бы быть и не-еврей, знакомый съ еврейской жизнью. Какъ и С. А. Венгеровъ, Минскій скоро и формально отошелъ отъ еврейства, принявъ христіанство.

Душою сравнительно небольшого кружка «Разсвѣта» былъ блестящій, необыкновенно изящный молодой адвокатъ Маркъ Самойловичъ Варшавскій, племянникъ извѣстнаго желѣзнодорожнаго короля А. М. Варшавскаго.

М. С. Варшавскій обладалъ прекраснымъ образованіемъ, былъ одаренъ значительнымъ писательскимъ талантомъ. Необычайно остроумный и живой по темпераменту, Варшавскій былъ кумиромъ еврейскаго общества тогдашняго Петербурга, и таковымъ сталъ, еще будучи гимназистомъ здѣсь же, въ столицѣ. Дѣйствительно, трудно себѣ представить человѣка болѣе привлекательнаго. Къ свойствамъ ума прибавлялись его несравненныя душевныя качества, его чуткость ко всему хорошему, отзывчивость на все доброе. Для всѣхъ и каждаго у него находилось ласковое слово; не было нужды, которую не старался бы облегчить Варшавскій, если онъ съ нею случайно сталкивался. Я съ нимъ потомъ сравнительно часто встрѣчался въ домѣ его тетки, Л. М. Фейнбергъ, сестры А. М. Варшавскаго, — женщины, олицетворявшей собою понятіе доброты и чисто еврейскую традиціонную благотворительность. М. С. Варшавскій впослѣдствіи женился на дочери этой удивительной женщины.

Маркъ Варшавскій былъ какъ бы покровителемъ еврейской учащейся молодежи. Благодаря его заботамъ, многіе получали возможность продолжать ученіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; двери его были всегда открыты для ищущихъ помощи студентовъ. Не было еврейскаго дома въ Петербургѣ, гдѣ бы Варшавскій не былъ желаннымъ и съ нетерпѣніемъ жданнымъ гостемъ. Онъ былъ для евреевъ столицы повелителемъ модъ, образцомъ изящныхъ манеръ. Его внѣшнее изящество не было однако фатовствомъ. Будучи по натурѣ эстетомъ, онъ эстетику соблюдалъ во всѣхъ мелочахъ своего обихода. Его сравнительно большая библіотека состояла изъ книгъ въ изящныхъ переплетахъ, его кабинетъ наполненъ былъ изящными вещами. Онъ напоминалъ мнѣ Онѣгина въ описаніи Пушкина. При всемъ этомъ онъ былъ настоящимъ евреемъ и отличался этимъ отъ всѣхъ другихъ въ томъ кругу, въ которомъ вращался. Не получивъ спеціальнаго еврейскаго образованія, онъ отъ своей матери, одной изъ рѣдкихъ образованныхъ евреекъ того времени, воспринялъ познаніе еврейскаго духа, любовь къ своему народу, уваженіе къ его традиціямъ; у него не было и тѣни той какъ бы ренегатской нетерпимости, иногда даже враждебности ко всему еврейскому, которую проявляли многіе, если не большинство, среди вышедшей изъ темныхъ за-

коулковъ гетто интеллигенціи, чѣмъ обличали отсутствіе въ самихъ себѣ истинной духовной культурности. Казалось, что они мстятъ средѣ, изъ которой они вышли, за то, что не видѣли тамъ радостныхъ дней. Варшавскій съ юныхъ лѣтъ былъ окруженъ не только матеріальнымъ, но умственнымъ и душевнымъ комфортомъ. Въ своей семьѣ и, въ частности, у своего дяди Абрама Моисеевича Варшавскаго, онъ съ дѣтства видѣлъ глубокую любовь къ еврейству и постоянную заботу о евреяхъ.

Пріѣзжавшіе въ столицу евреи-таланты находили въ Варшавскомъ поощреніе и поддержку. Въ 1882 г. случайно попала ему въ руки рукопись, присланная въ редакцію «Разсвѣта», — стихотвореніе писца въ одной изъ еврейскихъ земледѣльческихъ колоній Херсонской губ., С. Г. Фруга. Онъ сразу увидѣлъ, что авторъ обладаетъ выдающимся поэтическимъ талантомъ. Варшавскій написалъ ему письмо, освѣдомляясь о положеніи его; и узнавъ, что это лишенный средствъ молодой самоучка, онъ далъ ему возможность пріѣхать въ столицу, окружилъ его заботами, хлопоталъ объ устройствѣ его матеріальнаго положенія, далъ ему возможность пополнить, подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, недочеты образованія. Пока живъ былъ Варшавскій, Фругъ числился по паспорту, для права жительства въ Петербургѣ, его лакеемъ. Послѣ смерти М. С. Варшавскаго, С. Г. Фругъ посвятилъ его памяти, какъ другу, трогательное по глубокому чувству и высоко-художественное стихотвореніе.

Не могу не упомянуть еще одного характернаго для Варшавскаго факта. Когда гоненія противъ евреевъ усилились въ столицѣ, петербургскій градоначальникъ Грессеръ (бывшій ранѣе исправникомъ въ Волынской губ.), послушный исполнитель предуказаній свыше — не допускать «наводненія» столицы евреями, — среди другихъ враждебныхъ мѣръ, придумалъ снабжать еврейскіе паспорта и разрѣшительныя на проживаніе въ столицѣ надписи на паспортахъ особой отмѣткою о іудейскомъ вѣроисповѣданіи, начертанной обязательно красными чернилами, — какъ бы возобновивъ, такимъ образомъ, средневѣковый обычай отмѣчать евреевъ желтой нашивкой на платьѣ. Варшавскій былъ единственный еврей въ Петербургѣ, который обжаловалъ распоряженіе Грессера въ первомъ департаментѣ Сената. Дѣло объ отмѣткѣ крас-

ными чернилами исповѣданія Варшавскаго доходило до Общаго Собранія Сената: этотъ трудный вопросъ не могъ получить разрѣшенія въ первомъ департаментѣ, и для него потребовалось участіе чуть ли не сорока сенаторовъ въ Первомъ Общемъ Собраніи Правительствующаго Сената. Дѣло закончилось много лѣтъ спустя признаніемъ за градоначальникомъ права оперировать въ своей канцеляріи красными чернилами въ отношеніи группы обывателей, которыхъ, въ интересахъ порученной ему охраны общественнаго порядка, онъ считаетъ нужнымъ особо отмѣчать. Жалоба Варшавскаго, — несмотря на этотъ неуспѣхъ, остается образцовымъ выраженіемъ сознанія личнаго и національнаго достоинства, тонкой ироніи, уничтожающаго возмущенія противъ произвола и позорнаго шельмованія цѣлой народности.

Варшавскій обладалъ большимъ даромъ слова и, какъ ораторъ, имѣлъ выдающійся успѣхъ. Онъ имѣлъ и всѣ другія данныя для того, чтобы занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ рядахъ столичной адвокатуры, въ особенности въ качествѣ защитника по уголовнымъ дѣламъ. Русская адвокатура къ началу 80-хъ годовъ не обогащалась новыми крупными дарованіями; на поверхности все еще были ветераны-адвокаты перваго набора, рекрутированнаго въ 1866 г. изъ лучшихъ дарованій 60-хъ годовъ. Такая сила, какъ блестяще образованный, одаренный, краснорѣчивый Варшавскій, легко могъ бы занять положеніе, которое по праву ему принадлежало. Но этого, къ сожалѣнію, не случилось. Онъ рѣдко выступалъ въ судахъ, рѣдко фигурировалъ въ роли защитника въ уголовныхъ дѣлахъ; во время моего студенчества онъ адвокатурой почти не занимался. Причины этого мнѣ остались неизвѣстными.

Послѣ женитьбы М. С. Варшавскій провелъ заграницей нѣкоторое время, а вернувшись въ Петербургъ, вскорѣ тяжко занемогъ. Болѣзнь постепенно подтачивала его казавшійся могучимъ организмъ, и продолжалась нѣсколько лѣтъ. За годы его болѣзни его молодая жена проявляла примѣръ необычайнаго мужества; несмотря на тяжелыя матеріальныя условія, она создавала для него обстановку идеальнаго ухода, но усилія этой примѣрной жены и друга не могли спасти жизнь М. С. Варшавскаго, и онъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ, оставивъ неосуществившимися столько надеждъ, всѣми нами возглагавшихся на эту исключи-

тельную, одаренную рѣдкими душевными и умственными качествами личность.

Оставшаяся безъ средствъ его жена, Надежда Генриховна, мужественно боролась за свое и ребенка-сына существованіе, дала ему превосходное воспитаніе, отдавала свое время благотворительнымъ и просвѣтительнымъ дѣламъ и пользовалась среди еврейства въ столицѣ большимъ уваженіемъ. Ея сынъ, Константинъ, нынѣ состоитъ профессоромъ Университета.

Между редакціями «Разсвѣта» и «Русскаго Еврея» почти никакого общенія не было. Обѣ редакціи образовали, если не враждебные, то чуждые другъ другу лагери. Раздѣляли ихъ главнымъ образомъ не ихъ принципіальныя разногласія въ отношеніяхъ къ еврейскому вопросу и къ задачамъ еврейской національной жизни. Конечно, были и разногласія, но едва ли непримиримыя. Еврейская національная проблема выдвинулась лишь много позже; данный же періодъ еще не былъ періодомъ явно выраженныхъ разномыслій въ разрѣшеніи этой проблемы, — это былъ только періодъ пробужденія, когда самая проблема еще не разрѣшалась, а только намѣчалась. По личнымъ впечатлѣніямъ, насколько я могу ихъ теперь, по истеченіи болѣе пяти десятковъ лѣтъ, воспроизвести въ своей памяти, разногласіе между главными дѣятелями «Разсвѣта» и «Русскаго Еврея» было не въ принципахъ, а въ методахъ, и объяснялось различіемъ между составомъ обѣихъ группъ, взявшихся за самоотверженное дѣло обновленія еврейской жизни. «Разсвѣтъ» былъ больше представителемъ Sturm und Drang въ еврейской культурной жизни. Тамъ шли рѣзко, какъ бы напроломъ. «Русскій Еврей» больше стоялъ на традиціонной еврейской почвѣ; здѣсь было больше знанія психологіи еврейскихъ массъ. Если первый какъ бы обращался къ отдѣльнымъ евреямъ, то второй видѣлъ предъ собою скорѣе народную массу, считался съ тѣмъ, что было въ глазахъ этой массы незыблемо - священнымъ. Въ «Русскомъ Евреѣ» работали такіе знатоки еврейства, какъ Рабиновичъ, д-ръ Л. О. Канторъ (впослѣдствіи Виленскій, Либавскій, а потомъ Рижскій раввинъ) и незабвенной памяти д-ръ Л. С. Каценельсонъ, популярный и любимый читателями Букибенъ-Іогли. Ни съ кѣмъ изъ нихъ въ студенческое мое время я знакомъ не былъ. Потомъ, уже съ самаго начала

моей общественной работы, я не могъ не встрѣтиться на поприщѣ этой работы съ Канторомъ и Каценельсономъ и не оцѣнить ихъ по достоинству, преисполняясь глубокимъ и безпредѣльнымъ уваженіемъ къ обоимъ, и особенно сердечнымъ влеченіемъ къ дорогому для всѣхъ знавшихъ его д-ру Каценельсону. Въ моихъ воспоминаніяхъ оба занимаютъ большое мѣсто.

Любимымъ мѣстомъ встрѣчъ молодыхъ литераторовъ и писателей былъ въ то время не долго функціонировавшій Пушкинскій кружокъ, въ который входили почти всѣ главные работники «Разсвѣта». Кружокъ устраивалъ еженедѣльно музыкально-танцовальные вечера въ залѣ Знаменской, впослѣдствіи Сѣверной, гостинницы (у Николаевскаго вокзала). Я нѣсколько разъ былъ на этихъ вечерахъ, и тамъ видѣлъ многихъ сдѣлавшихся потомъ извѣстными писателей — Чехова, Баранцевича и др. Постояннымъ посѣтителемъ вечеровъ и главой собиравшагося общества былъ знаменитый въ тѣ годы поэтъ, прекрасный переводчикъ иностранныхъ классиковъ, П. И. Вейнбергъ, уже тогда старѣйшина и въ смыслѣ возраста среди сонма молодыхъ, съ его длинною сѣдою бородою, орлинымъ носомъ, лицомъ, обличавшимъ его еврейское происхожденіе, и веселымъ выраженіемъ живыхъ добрыхъ глазъ. На этихъ вечерахъ бывали студенты и слушательницы высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, особенно Женскихъ Медицинскихъ Курсовъ. Неудержимое веселье царило на этихъ вечерахъ во время оживленныхъ танцевъ. Множество милыхъ интеллигентныхъ лицъ, неумолкаемая бойкая бесѣда въ разныхъ группахъ вокругъ любимыхъ писателей, чисто столичная непринужденность, — все это производило благотворное впечатлѣніе на недавно вырвавшагося изъ провинціальной глуши первокурсника, переживавшаго тяжелые моменты одиночества на чужбинѣ и углубленнаго въ свои личныя чувства, — тѣмъ болѣе благотворное, что эти вечера проводились въ обществѣ той, которой эти чувства были посвящены.

Хочу сказать нѣсколько словъ о слушательницахъ Женскихъ Медицинскихъ Курсовъ. Не имѣю подъ рукою статистическихъ данныхъ, но мнѣ кажется, что среди этихъ курсистокъ процентное отношеніе евреекъ къ общему числу слушательницъ было больше, чѣмъ аналогичное соотношеніе въ Военно - Хирургической Академіи, и

особенно въ Университетѣ. Курсы были первымъ высшимъ женскимъ учебнымъ заведеніемъ въ Россіи (впрочемъ, и въ Европѣ); сюда стекались еврейки со всей Имперіи. Высшее образованіе для женщинъ вообще, и въ частности для евреекъ, было дѣломъ новымъ; трудности оставленія семьи и жизни внѣ семьи въ столицѣ не могли не представлять для дѣвушекъ того времени почти непреодолимыхъ препятствій. Относительно большое число слушательницъ евреекъ было поразительнымъ свидѣтельствомъ энергіи еврейской интеллигентной дѣвушки, готовой на колоссальныя жертвы для достиженія высшаго образованія. Я имѣлъ уже случай указать на то, что евреи въ Малороссіи легче рѣшались отдавать дочерей въ общія школы, чѣмъ сыновей, и поэтому контингентъ оканчивающихъ гимназіи дѣвушекъ былъ, вѣроятно, больше, чѣмъ контингентъ юношей, — рѣчь идетъ о концѣ 70-хъ годовъ. Но для мужской части еврейской учащейся молодежи путь изъ гимназіи въ высшее учебное заведеніе представлялся тогда нормальнымъ и, при условіяхъ жизни евреевъ, составляющихъ въ громадномъ большинствѣ городское населеніе, даже неизбѣжнымъ. Не то было для женской части. Мнѣ извѣстны многочисленные случаи, когда рѣшеніе поѣхать въ Петербургъ на курсы являлось плодомъ прямо героическихъ усилій со стороны дѣвушки, которую манила не перспектива «правъ», связанныхъ съ дипломомъ, а горячее желаніе быть полезной работницей. Мнѣ были знакомы нѣкоторыя изъ этихъ слушательницъ, мои землячки, и, благодаря этому, представилась возможность ближе познакомиться съ тѣмъ настроеніемъ, которое было общимъ и для русскихъ, и для еврейскихъ курсистокъ, — ихъ называли «медичками». Изъ беллетристики извѣстенъ наружный видъ, якобы типичный для курсистокъ того времени: стриженые волосы, очки, пледъ, внѣшняя неряшливость въ отношеніи туалета и т. д. Этотъ типъ студентки въ началѣ 80-хъ годовъ, по крайней мѣрѣ для меня, представлялся исключеніемъ изъ общаго правила; среди моихъ знакомыхъ такія встрѣчались рѣдко; на улицахъ столицы и даже на студенческихъ вечеринкахъ, гдѣ собирались тысячи молодыхъ людей, онѣ тоже были рѣдкостью. Въ общемъ же это были барышни, не терявшія природной граціи и женственности, съ одухотворенными лицами, говорившими о внутренней удовлетворенности, о здоровой умствен-

ной и духовной жизни. Онѣ производили впечатлѣніе отборной, лучшей части дѣвушекъ и безконечно выигрывали при сравненіи съ мужской половиной студенчества. На медицинскіе женскіе курсы попадали лучшія, тогда какъ въ университеты и другія высшія учебныя заведенія для мужчинъ поступали безъ разбора призванные и непризванные. А послѣднихъ всегда и во всемъ вѣдь больше.

И какой трудъ, какую работу и какія лишенія переносили эти піонерки высшаго женскаго профессіональнаго образованія! «Медички» не пользовались въ обществѣ популярностью, имъ труднѣе было доставать уроки — этотъ почти единственный рессурсъ заработка для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Между тѣмъ среди евреекъ почти не было дочерей состоятельныхъ родителей. Воспитаніе, которое получали дочери богатыхъ евреевъ, не давало стимуловъ для выработки того неудержимаго стремленія къ высшему образованію, какое нужно было дѣвушкѣ того времени, чтобы преодолѣть героическими, повторяю, усиліями всѣ трудности, лежавшія, особенно для еврейки, на пути достиженія этой цѣли.

Курсы не имѣли своихъ клиникъ, они пользовались городскими больницами, расположенными далеко одна отъ другой; при слабомъ еще развитіи сѣти тогдашней «конки» и медленности ея движенія, торопящіеся путники предпочитали пѣшее хожденіе и медички должны были цѣлый день проводить въ усиленномъ трудѣ чисто физическомъ; занимались онѣ очень усердно, дежуря при больныхъ, замѣняя собою и сестеръ милосердія. Только внутренній огонь любви къ умственной работѣ и къ избранному дѣлу могъ давать энергію переносить и лишенія, и такой трудъ... На алтарь этой любви русская дѣвушка и еврейская одинаково приносили жертвы. Эти жертвы больше всего другого свидѣтельствовали о живомъ духѣ молодого поколѣнія, надеждѣ будущаго прогресса и истинной цивилизаціи. Оправдали ли такую надежду поколѣнія, послѣдовавшія за этимъ поколѣніемъ первыхъ піонерокъ женскаго высшаго образованія?

Медички и внѣ своихъ занятій жили интересами своихъ курсовъ. Въ описываемое время ихъ, помню, волновали отношенія къ профессору курсовъ, Николаю Игнатьевичу Бaксту. Онъ, какъ профессоръ, предъявлялъ къ слушательницамъ строгія требованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ ув-

лекалъ ихъ своими лекціями и заражалъ своей влюбленностью въ науку, имъ преподаваемую. Образовались «партіи» на курсахъ — «бакстистокъ» и «анти-бакстистокъ», происходили нескончаемые споры между представительницами обѣихъ «партій». Ни одинъ профессоръ, — а были вѣдь имена первой величины среди нихъ — Боткинъ, Эйхвальдъ и др. — не вызывалъ подобнаго къ себѣ отношенія, свидѣтельствующаго и объ отношеніи профессора къ своему дѣлу и къ ученицамъ. Мнѣ приходилось потомъ встрѣчать уже сравнительно пожилыхъ труженицъ женщинъ-врачей, и всѣ онѣ съ безграничнымъ уваженіемъ вспоминали о проф. Бакстѣ. Но и Н. И. Бакстъ до конца дней своихъ съ умиленіемъ вспоминалъ свою профессорскую работу у медичекъ, ни одна отрасль его многосторонней дѣятельности — служебной, общественной и публицистической — не была такъ близка его сердцу.

Среди университетской еврейской молодежи моего времени не было много выдающихся личностей. Особо нужно упомянуть о Василіи Лазаровичѣ Берманѣ, сынѣ основателя перваго еврейскаго училища въ Петербургѣ. Василій Берманъ, — талантливый, бойкій молодой человѣкъ, изящной внѣшности, худой блондинъ, — былъ въ центрѣ университетскихъ еврейскихъ дѣлъ. Какъ петербургскій житель, онъ имѣлъ много знакомствъ въ еврейскихъ кругахъ, могъ поэтому оказывать содѣйствіе нуждающимся товарищамъ пріисканіемъ занятій, оказаніемъ матеріальной помощи; средства собирались имъ, въ качествѣ предсѣдателя «студенческой комиссіи» при Обществѣ Распространенія Просвѣщенія среди Евреевъ. Берманъ былъ человѣкъ съ значительными общественными инстинктами и подавалъ большія надежды на будущее. По окончаніи университета онъ сдѣлался помощникомъ знаменитаго присяжнаго повѣреннаго кн. Урусова, занялъ видное положеніе среди молодыхъ адвокатовъ-стажіеровъ, былъ даже избранъ на должность секретаря, т. е. старшины комиссіи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и вообще пользовался большой популярностью. Но, къ несчастью, онъ былъ слабаго здоровья. Когда образовался въ Петербургѣ Центральный Комитетъ Еврейскаго Колонизаціоннаго Общества, онъ, отчасти и по моему настоянію, принялъ на себя управленіе дѣлами канцеляріи этого комитета, но, къ сожалѣнію, вскорѣ тяжко захворалъ, отправился въ Пале-

стину и Египетъ, и оттуда дошла до насъ, очень опечалившая всѣхъ знавшихъ его, вѣсть о безвременной его кончинѣ.

Лично я мало поддерживалъ сношенія съ товарищами. Я былъ поглощенъ своей личной жизнью, сосредоточившейся въ то время на устройствѣ моихъ сердечныхъ дѣлъ. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ пріѣхала, для продолженія занятій въ консерваторіи, моя будущая жена. Я еще въ Полтавѣ, будучи въ 7 классѣ гимназіи, бывалъ въ домѣ мѣстнаго старожила, уважаемаго купца Зекеля. Одна изъ дочерей его, гимназистка Ида, обладала недюжинными музыкальными способностями. Она не похожа была на обычный типъ полтавскихъ барышень изъ состоятельнаго круга. Вся семья Зекеля — жила довольно замкнуто и представляла собою любопытную смѣсь изъ религіознаго свободомыслія всѣхъ членовъ семьи — и необыкновенной ортодоксальности и беззавѣтной набожности хозяйки дома. Всѣ свои свободные вечера я, рискуя вызывать неудовольствіе нарушеніемъ патріархальнаго образа жизни семьи Зекель, проводилъ въ этомъ домѣ, большею частью совмѣстно съ Брандомъ; мы наслаждались игрою Иды, проводили время въ чтеніи вслухъ — даже Писарева, что ввергало въ нѣкоторый ужасъ главу семьи. Я остался вѣренъ своей привязанности и послѣ отъѣзда Иды въ Петербургъ, въ консерваторію, когда я былъ въ 8 классѣ гимназіи. По пріѣздѣ моемъ въ столицу, я съ нетерпѣніемъ ждалъ ея прибытія для продолженія занятій въ консерваторіи. Она поселилась въ домѣ г-жи Фейнбергъ, о которой я упомянулъ выше (тетки М. С. Варшавскаго); я бывалъ очень часто въ этомъ домѣ, и наше сближеніе завершилось тамъ же нашимъ рѣшеніемъ навсегда соединить нашу жизнь.

Матеріальное положеніе мое продолжало быть плачевнымъ, и я съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія учебнаго года, чтобы вернуться въ Полтаву на каникулярные мѣсяцы. Тамъ меня ожидало семейное несчастіе — смерть моего Налибокскаго дѣда, который въ послѣдніе годы моего гимназическаго курса примирился съ моею нерелигіозностью и духовно сблизился со мной. Дѣла моего отца были попрежнему плохи, и лѣто мнѣ пришлось провести въ бѣготнѣ на уроки.

Второй курсъ въ университетѣ прошелъ у меня безъ

всякихъ особыхъ впечатлѣній. Моей невѣсты въ Петербургѣ не было, она съ больной матерью уѣхала на зиму въ Ниццу, внѣлекціонные часы я проводилъ въ чтеніи и въ усердномъ писаніи писемъ. Я испытывалъ большую матеріальную нужду и жилъ, главнымъ образомъ, на стипендію, которая мнѣ была назначена университетомъ. Никакихъ новыхъ знакомствъ я не заводилъ, жилъ въ одиночествѣ, поглощенный сердечными чувствами. Во время каникулъ того года я женился.

Обозрѣвая теперь свои переживанія за студенческіе годы, я констатирую полное отсутствіе у меня интересовъ внѣ личной жизни; и не потому, чтобы измѣнилась природная свойственная мнѣ общительность. Это было, съ одной стороны, дѣломъ случая и неумѣнія пробиваться въ чужой мнѣ столичной обстановкѣ; но главная причина — эти годы заполнены были охватившимъ меня чувствомъ, которое было тѣмъ сильнѣе, что оно впервые внесло въ мою личную жизнь элементъ подлиннаго счастья, элементъ невѣдомый ни моему дѣтству, ни первой юности.

Будучи на первомъ курсѣ, я получилъ занятіе учителя въ домѣ присяжнаго повѣреннаго Германа Исааковича Трахтенберга. Я не могу обойти въ своихъ воспоминаніяхъ молчаніемъ этого въ своемъ родѣ замѣчательнаго человѣка. Онъ былъ первый еврей, занявшій высокую должность на службѣ въ судебномъ вѣдомствѣ. Совсѣмъ молодымъ человѣкомъ онъ былъ назначенъ оберъ-секретаремъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Сената; кромѣ того, одно время, въ качествѣ почетнаго мирового судьи въ столицѣ онъ исполнялъ фактически должность мирового судьи. Родомъ изъ Житоміра, сынъ извѣстнаго тамъ въ свое время врача, онъ былъ женатъ на житомірской же уроженкѣ, изъ интеллигентной семьи Виленцъ. Трахтенбергъ, какъ это ни странно, былъ совершенно чуждъ еврейства. Онъ не умѣлъ ни говорить по-еврейски, ни писать, ни читать. Вообще въ немъ ничего еврейскаго не было. Въ юности, до университета, онъ впиталъ въ себя исключительно польскую культуру. Тѣмъ не менѣе онъ остался формально вѣренъ еврейству до конца своихъ дней. Его жена, напротивъ того, была горячая еврейка; въ домѣ у нея соблюдались многіе изъ еврейскихъ обычаевъ и строгія правила для Пасхи, даже въ трудныхъ

условіяхъ петербургской жизни; она была усердной посѣтительницей синагоги. — Трахтенбергъ былъ одинъ изъ талантливѣйшихъ юристовъ. Онъ поступилъ на службу по Сенату еще до введенія въ жизнь новыхъ судовъ (въ 1866 году) и, какъ только образовался Уголовный Кассаціонный Департаментъ Сената, перешелъ на службу въ этотъ департаментъ и сталъ душою новаго учрежденія. Онъ быстро освоился съ требованіями новыхъ порядковъ и въ полной степени имъ удовлетворялъ. Первые годы работы Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента составляютъ блестящую эпоху въ жизни этого высшаго судебнаго учрежденія, которое имѣло функціи, до того Россіи неизвѣстныя, и было создано въ 1864 г. по образцу французскаго кассаціоннаго суда, съ существенными даже улучшеніями. Судебная реформа 1864 г. была одной изъ величайшихъ реформъ первой половины царствованія Александра II и справедливо конкурируетъ съ актомъ 19 февраля 1861 г. объ освобожденіи крестьянъ; технически она была выполнена лучше, нежели актъ 19 февраля. Юристамъ извѣстно, какую колоссальную творческую работу проявилъ Угол. Касс. Департаментъ въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ. Въ пустынѣ Россійской юриспруденціи стало воздвигаться зданіе уголовнаго правосудія на началахъ, усвоенныхъ цивилизованными культурными государствами. Негодный уголовный законъ, отсутствіе людей, которые могли бы съ первыхъ же дней великой судебной реформы 1864 г. наладить дѣло реформированнаго правосудія, или, вѣрнѣе, начать создавать правосудіе на засоренномъ мѣстѣ прежнихъ судебныхъ порядковъ, — все это вызывало необходимость въ бдительномъ надзорѣ и постоянномъ мелочномъ руководительствѣ со стороны высшаго суда, осуществляющаго кассаціонный надзоръ за новыми судебными учрежденіями и призваннаго разъяснять и дополнять законъ о новомъ порядкѣ. Читая первыя рѣшенія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента въ настоящее время, удивляешься, что разъясненія приходилось издавать по вопросамъ, казалось бы, совершенно элементарнымъ. Сами дѣятели Сената были въ затрудненіи, какъ приступить къ дѣлу осуществленія возложенной на нихъ новой задачи. Оберъ-секретарь Трахтенбергъ при этихъ условіяхъ оказался для Департамента незамѣнимымъ работникомъ. Благодаря его неутомимой работоспособности,

стало возможнымъ разсмотрѣть тысячи дѣлъ въ кассаціонномъ порядкѣ за короткое время, разрѣшить ихъ, опубликовать рѣшенія въ Сборникѣ руководящихъ разъясненій Сената. Безъ новыхъ законовъ уголовныхъ, безъ законодательныхъ дополненій къ законамъ объ уголовномъ судопроизводствѣ, суды получали твердыя основанія для разрѣшенія дѣлъ въ соотвѣтствіи съ началами науки и установившейся въ лучшихъ образцахъ европейскаго судебнаго опыта практики. По закону, докладывать дѣла и составлять мотивированныя рѣшенія по нимъ должны сенаторы-докладчики. Но въ первые годы съ этой задачей громадное большинство сенаторовъ не могло справляться, и вся тяжесть работы падала все-таки на руководителей канцеляріи, и въ ихъ средѣ въ первую голову на Г. И. Трахтенберга. Тысячи рѣшеній составлены имъ и написаны его рукой. Онъ оставилъ по себѣ истинный памятникъ — но анонимный, такъ какъ офиціально оберъ-секретарь въ составленіи рѣшеній участія не принималъ.

Трахтенбергъ пользовался необычайной любовью и уваженіемъ въ средѣ сенаторовъ и неизбѣжно имѣлъ большое вліяніе на рѣшенія самыхъ дѣлъ. Не удивительно поэтому, что, параллельно съ этимъ вліяніемъ, которымъ Трахтенбергъ обязанъ былъ своимъ личнымъ качествамъ, росло и число завистниковъ и недоброжелателей. Въ уголовныхъ дѣлахъ часто фигурируютъ двѣ стороны, изъ которыхъ одна всегда обижена рѣшеніемъ дѣла въ судѣ, и раздраженіе свое, по старой россійской привычкѣ, переноситъ на лицъ, участвовашихъ въ рѣшеніи дѣла. Суды тогда еще недавняго прошлаго пріучили обывателя видѣть въ нихъ черную неправду; новые суды еще не успѣли отучить его отъ увѣренности, что безъ взятки суда не бываетъ. Жертвой этой привычки палъ Трахтенбергъ. Про него стали распространять слухи о корыстномъ вліяніи на разрѣшеніе одного дѣла, въ исходѣ котораго заинтересованъ былъ какой то богатый купецъ. Трахтенбергъ долженъ былъ выйти въ отставку и посвятить себя вольной адвокатурѣ. Но и тутъ встрѣчено было затрудненіе: петербургскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ не принялъ его въ сословіе именно въ виду этихъ слуховъ о причинахъ оставленія Трахтенбергомъ должности оберъ-секретаря; въ число присяжныхъ повѣренныхъ онъ былъ принятъ виленскимъ окружнымъ судомъ — тамъ самоуправленіе сословія при-

сяжныхъ повѣренныхъ еще не было введено, и принятіе въ число адвокатовъ зависѣло отъ окружнаго суда. Въ судебномъ вѣдомствѣ имя Трахтенберга было настолько популярно, что слухи о неблаговидномъ поводѣ его отставки не имѣли большого вліянія на отношеніе къ нему. Но, хотя онъ обладалъ всѣми данными, необходимыми для того, чтобы занять мѣсто въ первомъ ряду адвокатуры, Трахтенбергъ, проведшій столько лѣтъ въ атмосферѣ канцелярской судебной работы, не былъ приспособленъ для адвокатскаго успѣха. Необычайно скромный, избѣгавшій всякой рекламы, непрактичный и вообще нѣсколько легкомысленный въ практической жизни, онъ не сумѣлъ использовать ни своихъ знаній, ни своего дарованія, ни своего положенія, ни даже связей, которыя ему создала его бывшая служба, и расположенія къ нему всѣхъ его знавшихъ. Онъ не сдѣлалъ адвокатской карьеры, не въ примѣръ нѣкоторымъ изъ его сослуживцевъ-евреевъ, одновременно съ нимъ состоявшихъ на сенатской службѣ, какъ напримѣръ, Э. Б. Банку. Ему пришлось оставить Петербургъ, переселиться въ Самару; но и здѣсь также дѣла его были плохи; онъ вернулся опять въ столицу и, надломленный жизнью, разстроенный въ своемъ здоровьи, скончался еще въ полномъ расцвѣтѣ умственныхъ и духовныхъ силъ.

Если Трахтенбергъ, по своему воспитанію и усвоенной имъ культурѣ, чисто польской, а затѣмъ русской, былъ чуждъ — въ смыслѣ духовномъ — еврейству, это не помѣшало ему, во всѣ моменты его жизни, проявлять самую чуткую отзывчивость къ нуждамъ евреевъ. Онъ былъ далекъ отъ еврейскаго народа, но онъ былъ близокъ ко всякому нуждающемуся въ его содѣйствіи еврею. Мягкость его характера, обаятельная манера обращенія съ людьми, безконечная сердечная доброта, самая его внѣшность, наконецъ, напоминавшая истиннаго россійскаго барина-вельможу, при доходящей до наивности простотѣ его, завоевали ему симпатіи всѣхъ, съ кѣмъ онъ встрѣчался.

Я засталъ Трахтенберга уже присяжнымъ повѣреннымъ. Ближе сойдясь съ нимъ не только какъ съ работодателемъ, у котораго я имѣлъ нѣкоторое время уроки въ домѣ, но потомъ и какъ съ товарищемъ по профессіи, связанный съ нимъ взаимной преданностью, я не могъ не отдаваться печальнымъ размышленіямъ по поводу небла-

годарности людей и равнодушія къ павшей величинѣ. Домъ Трахтенберга во времена его жизненнаго успѣха былъ всегда полонъ; гостепріимству не было конца. Наряду съ самымъ виднымъ сенаторомъ, за его столомъ можно было встрѣтить въ былое время и простого еврея, и молодого начинающаго юриста; всѣхъ онъ одинаково ласково принималъ. Но какъ только онъ палъ жертвой клеветы, отъ него стали отворачиваться. Мнѣ было особенно пріятно, въ опубликованныхъ частяхъ дневника Л. Гордона (въ «Гэовэръ»), найти упоминаніе о Трахтенбергѣ по трогательному поводу: по случаю семейнаго торжества въ его домѣ, освящены были свитки Торы, изготовленные иждивеніемъ его жены и предназначенные для житомірской синагоги, гдѣ чета Трахтенбергъ въ свое время вѣнчалась.

Вспоминая о Трахтенбергѣ, я не могу не подчеркнуть интереснаго явленія, которое, насколько мнѣ извѣстно, не отмѣчено въ исторіи русскаго правосудія: это—участіе евреевъ въ устройствѣ и введеніи въ жизнь новыхъ судовъ по реформѣ 20 ноября 1864 г., главнымъ образомъ, въ работахъ министерства и высшихъ судебныхъ учрежденій. По случаю пятидесятилѣтія адвокатуры, въ 1916 г., возникала мысль (не осуществившаяся) объ изданіи сборника, въ которомъ сосредоточены были бы данныя о роли евреевъ въ русской адвокатурѣ. Не менѣе важно было бы изданіе сборника о роли евреевъ въ центральныхъ судебныхъ учрежденіяхъ и вѣдомствѣ юстиціи съ самаго начала введенія новаго суда. Это участіе было безспорно значительнымъ и заслуживало бы того, чтобы быть особо отмѣченнымъ.

Эпоха великихъ реформъ 60-хъ годовъ была эпохой, когда само правительство относилось къ евреямъ безъ предубѣжденій. Оно вообще не знало евреевъ. Съ еврейской народной массой русское общество, изъ котораго рекрутировались чиновники высшихъ ранговъ, не было знакомо и относилось къ ней оффиціально недовѣрчиво, т. е. такъ, какъ повелѣвали законы, изданные при Николаѣ I, много занимавшемся законодательствомъ о евреяхъ. Но всякій интеллигентный еврей, по своей внѣшности не отличающійся отъ интеллигентовъ вообще, представлялъ собою какъ бы неожиданное явленіе для русскихъ людей; не безъ удивленія констатировали они, что, «хотя, молъ, еврей, однако, хорошій человѣкъ»; такіе евреи не

вызывали тогда ни недовѣрія, ни предвзятаго отношенія къ себѣ, какъ къ евреямъ. Первые появившіеся евреи юристы, — было ихъ наперечетъ, — при отсутствіи тогда института адвокатуры, безъ всякихъ затрудненій устраивались на государственной службѣ. Интересно то, что среди тѣхъ адвокатовъ, которые назывались стряпчими, т. е. среди ходатаевъ по дѣламъ въ коммерческихъ судахъ, евреи юристы тогда не встрѣчались. Мнѣ извѣстенъ изъ той эпохи только одинъ еврей стряпчій, Я. М. Серебрянный, имѣвшій колоссальный успѣхъ, и при учрежденіи сословія присяжныхъ повѣренныхъ перешедшій въ присяжную адвокатуру. Про Серебряннаго ходили баснословные слухи, какъ о его способностяхъ, такъ и о тѣхъ суммахъ гонорара, которыя онъ инкассировалъ, и, въ особенности, относительно его образа жизни, полнаго безумной роскоши и невѣроятныхъ кутежей. Непоступленіе евреевъ въ число стряпчихъ, быть можетъ, объяснялось тѣмъ, что евреи юристы стали появляться въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ, когда прежніе суды, какъ и все, что съ ними соприкасалось, считались отжившими и пользовались заслуженной репутаціей самыхъ отпѣтыхъ и подкупныхъ учрежденій; и поэтому немногіе піонеры евреи въ области юриспруденціи не находили возможнымъ начинать свою карьеру при этихъ учрежденіяхъ въ то время, когда возвѣщена уже была предстоящая реформа.

Старѣйшіе по времени выхода изъ университетовъ евреи юристы почти всѣ были на государственной службѣ; кромѣ Трахтенберга, на службѣ состояли, насколько мнѣ извѣстно, слѣдующіе его сверстники. Прежде всего, А. Б. Думашевскій, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ гражданскаго права своего времени. Вернувшись изъ за границы, куда, по окончаніи Петербургскаго университета, какъ оставленный при университетѣ для подготовки къ профессурѣ, онъ былъ командированъ для усовершенствованія въ наукахъ, онъ, однако, не былъ допущенъ къ профессурѣ и поступилъ на службу по судебному вѣдомству. Онъ принималъ участіе въ работахъ по преобразованію судовъ, а затѣмъ былъ оберъ-секретаремъ Сената и редакторомъ Судебнаго Вѣстника, перваго журнала въ Россіи, посвященнаго юриспруденціи. Я. М. Гальпернъ, по окончаніи университета, въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ также поступилъ на службу въ министерство юстиціи и

остался на ней до конца жизни; былъ дѣятельнымъ работникомъ по введенію новыхъ судовъ, какъ при министрѣ юстиціи Замятинѣ, такъ и особенно при гр. Паленѣ. Проходилъ государственную службу по вѣдомству юстиціи и Э. Б. Банкъ; служилъ въ Сенатѣ въ то же время и еврей Г. Л. Гантоверъ, даровитый юристъ, который потомъ, такъ же какъ и Банкъ, перешелъ въ адвокатуру, занявъ въ рядахъ ея видное мѣсто. Въ Сенатѣ же сдѣлалъ свою карьеру Я. П. Шафиръ, одинъ изъ старѣйшихъ общинныхъ дѣятелей въ Петербургѣ. Всѣ эти евреи, піонеры новой юриспруденціи, пользовались большимъ уваженіемъ въ оффиціальныхъ кругахъ и производили чрезвычайно цѣнную работу. Думашевскаго я лично не зналъ; когда я былъ студентомъ, я слышалъ о Думашевскомъ, какъ о редакторѣ Судебнаго Вѣстника, но не встрѣчался съ нимъ, когда же потомъ возникли у меня отношенія къ ученымъ кругамъ, Думашевскаго уже не было въ живыхъ. Онъ и И. Г. Оршанскій были первые евреи, посвятившіе себя наукѣ юриспруденціи. Кстати сказать, среди занимающихся спеціально научною работою въ области юриспруденціи, евреевъ вообще встрѣчается не много, и Думашевскаго и Оршанскаго никто послѣ нихъ не превзошелъ. О Думашевскомъ мнѣ пришлось случайно слышать въ Лейпцигѣ отъ проф. Оскара Бюлова, у котораго я слушалъ лекціи и занимался въ семинаріи по римскому праву: Думашевскій былъ его слушателемъ въ 60-хъ годахъ, когда Бюловъ былъ приватъ-доцентомъ въ Гейдельбергѣ. Бюловъ былъ доволенъ моими работами по семинаріи, очень благопріятно ихъ рецензировалъ. Разъ за ужиномъ у него, на который приглашались лучшіе студенты, профессоръ заговорилъ о способностяхъ представителей разныхъ національностей и, между прочимъ, восторженно отозвался о способностяхъ русскихъ, указывая на то, что у него было два ученика русскихъ — Думашевскій и я. Я его разочаровалъ, объяснивъ ему, что ни Думашевскій, ни я по національности не русскіе, а евреи.

Покойнаго Эммануила Банка я зналъ лично. Въ присяжные повѣренные онъ перешелъ съ должности товарища предсѣдателя петербургскаго коммерческаго суда. Банкъ пользовался большой популярностью среди купеческихъ круговъ и считался большимъ авторитетомъ. Онъ былъ первый еврей гласный петербургской городской ду-

мы, составленной по городовому положенію 1870 г. Избраніе гласныхъ евреевъ во внутреннихъ губерніяхъ не было ограничено (въ чертѣ осѣдлости евреи гласные могли составлять лишь 20% общаго числа). Какъ гласный, Банкъ былъ также въ первыхъ рядахъ. Къ нему прислушивались, за нимъ признавалось значительное вліяніе на ходъ городскихъ дѣлъ. По характеру своему Банкъ былъ человѣкъ спокойный, выдержанный, не увлекающійся, далекій отъ теорій, съ большой практической складкой. Къ еврейскимъ общественнымъ дѣламъ онъ особеннаго интереса не питалъ, хотя никогда не уклонялся отъ участія въ обсужденіи отдѣльныхъ вопросовъ, которые въ тотъ или другой моментъ занимали еврейскіе общественные круги; но участіе это было не активное. Не оказывалъ онъ покровительства и молодымъ евреямъ, начинавшимъ адвокатскую карьеру, кромѣ нѣсколькихъ своихъ родственниковъ, въ частности, братьевъ Э. С. и В. С. Мандель, сдѣлавшихъ благодаря Банку хорошую адвокатскую карьеру и прошедшихъ у него хорошую адвокатскую школу. Самымъ виднымъ еврейскимъ общественнымъ дѣятелемъ изъ числа названныхъ юристовъ былъ Я. М. Гальпернъ. О немъ мнѣ придется вспоминать и много, и часто въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Интересъ къ еврейскимъ общественнымъ потребностямъ проявлялъ всегда М. П. Шафиръ, въ теченіе десятковъ лѣтъ занимавшій должность оберъ-секретаря въ Сенатѣ. Онъ былъ однимъ изъ піонеровъ еврейскаго общиннаго устройства въ Петербургѣ. Гантоверъ, служившій тоже по Сенату, польскій еврей по происхожденію, евреемъ себя не считалъ и еще въ молодые годы принялъ крещеніе.

Къ тому же періоду относится поступленіе на государственную службу по центральному вѣдомству юстиціи М. Я. Острогорскаго, ставшаго потомъ однимъ изъ виднѣйшихъ государствовѣдовъ и авторомъ всемірно-извѣстныхъ трудовъ о конституціяхъ разныхъ странъ, въ особенности о народныхъ представительствахъ въ Америкѣ и въ Англіи. Объ Острогорскомъ, бывшемъ членомъ первой Государственной Думы отъ Гродненской губ., придется еще мнѣ говорить впослѣдствіи, когда я дойду до воспоминаній, связанныхъ съ періодомъ Государственныхъ Думъ (1905—1917 г.г.).

ГЛАВА VII.

Петербургскіе еврейскіе дѣятели изъ финансовыхъ и промышленнныхъ круговъ. — М. А. Варшавскій, желѣзнодорожный строитель. — А. И. Закъ, директоръ Учетно-Ссуднаго Банка. — Желѣзнодорожный король С. С. Поляковъ; его завѣщаніе. — Положеніе еврейскаго вопроса въ началѣ 80-хъ годовъ. — Безучастіе еврейской интеллигенціи того времени; причина его. — Традиціи еврейскаго представительства. — Отсутствіе правовой защиты евреевъ.

Проживая нѣсколько мѣсяцевъ въ качествѣ учителя въ домѣ Трахтенберга, я наслышался разсказовъ о петербургскомъ еврейскомъ обществѣ и о виднѣйшихъ его представителяхъ и составилъ себѣ тогда же нѣкоторое представленіе о нихъ, хотя личныхъ знакомствъ у меня среди этихъ евреевъ почти не было. О многихъ изъ этихъ представителей я накопилъ воспоминанія по сношеніямъ съ ними впослѣдствіи, когда сталъ заниматься еврейскими общественно-политическими вопросами. О нихъ мнѣ придется говорить потомъ. Но многихъ изъ тѣхъ, о комъ я слышалъ въ первые годы студенчества, я потомъ, какъ практическій дѣятель, уже не нашелъ въ живыхъ, и о нихъ я могу лишь передать то, что слышалъ.

Кромѣ бар. Гинцбурга, въ центрѣ еврейскихъ дѣлъ въ началѣ 80-хъ годовъ стояли видные банковскіе и желѣзнодорожные дѣятели. Самымъ популярнымъ изъ нихъ былъ покойный Абрамъ Моисеевичъ Варшавскій. Имя Варшавскаго мнѣ было извѣстно еще въ дѣтствѣ. Какъ я уже имѣлъ случай упомянуть, онъ когда то жилъ въ Полтавѣ. Во всей Полтавской губерніи не было болѣе извѣстнаго еврея, чѣмъ Варшавскій. Онъ былъ однимъ изъ популярныхъ откупщиковъ, крупнымъ домовладѣльцемъ, ему принадлежали въ Полтавской губ. и большія имѣнія. Пересе-

лившись въ столицу въ эпоху начала желѣзнодорожнаго строительства, Варшавскій, еще до С. С. Полякова, сталъ во главѣ нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ предпріятій, былъ учредителемъ и строителемъ Московско-Брестской дороги. Судя по разсказамъ, А. М. Варшавскій былъ неотразимо обаятеленъ. Я самъ впослѣдствіи слышалъ отъ многихъ сановниковъ, лично его знавшихъ, что трудно было встрѣтиться съ Варшавскимъ, не полюбивъ его. Человѣкъ съ развитыми культурными вкусами, аристократъ по духу и по манерѣ, онъ былъ центромъ всего живого и художественнаго въ Петербургѣ. Его домъ былъ открытъ для талантовъ. Онъ пользовался большими симпатіями въ высшихъ бюрократическихъ кругахъ; никогда не было на Варшавскаго какихъ либо нареканій, и въ дѣловомъ смыслѣ онъ считался безупречно корректнымъ. Объ его добротѣ распространялись легенды; она проявлялась не только въ отношеніи евреевъ, всегда къ нему обращавшихся за помощью, но и нуждающихся другихъ національностей. Онъ трагически умеръ въ 1888 году, не считая для себя возможнымъ пережить финансовыя затрудненія, которыя, по его предположенію, — какъ оказалось, ошибочному, — могли наложить пятно на его дѣловую репутацію.

Въ области банковскаго дѣла властителемъ думъ въ биржевыхъ и банковскихъ сферахъ былъ тогда А. И. Закъ. Онъ также работалъ по откупамъ въ качествѣ сотрудника у Е. Г. Гинцбурга, и одновременно съ нимъ, въ концѣ 50-хъ годовъ, переѣхалъ въ столицу. При учрежденіи Учетно-ссуднаго банка, однимъ изъ иниціаторовъ котораго былъ баронъ Е. Г. Гинцбургъ, Закъ перешелъ въ это кредитное учрежденіе. Исключительныя его финансовыя дарованія быстро выдвинули его, и въ началѣ 80-хъ годовъ онъ уже былъ директоромъ-распорядителемъ этого банка, ставшаго крупнѣйшимъ въ Петербургѣ и имѣвшаго сношенія со всѣми большими банками Европы и Америки. Кромѣ того, Закъ былъ однимъ изъ учредителей и предсѣдателемъ правленія общества Либаво-Роменской жел. дороги. Закъ пользовался репутаціей одного изъ умнѣйшихъ людей; былъ меценатомъ въ области музыки, которую страстно любилъ. Не было музыканта или пѣвца, пріѣзжавшаго въ Петербургъ, который бы въ домѣ Зака не участвовалъ въ музыкальныхъ вечерахъ, устраивавшихся имъ періодически и собиравшихъ къ нему

сливки петербургскаго не только финансоваго, но и бюрократическаго общества. Закъ имѣлъ обширный кругъ родственниковъ, своихъ и жены, и пристраивалъ ихъ къ предпріятіямъ, во главѣ которыхъ стоялъ. Но онъ и помимо родственныхъ связей продвигалъ людей, въ которыхъ усматривалъ способности; вообще умѣлъ выбирать людей, пригодныхъ для его дѣлъ. Въ отличіе отъ Варшавскаго, онъ былъ суровъ, сухъ въ обращеніи и не пользовался репутаціей добраго человѣка. Его внѣшняя рѣзкость привела даже къ одному прискорбному инциденту — столкновенію съ учащеюся еврейской молодежью, представители коей явились къ нему за помощью. Въ дѣлахъ еврейскихъ онъ всегда принималъ значительное участіе: привлекалъ его къ нимъ баронъ Е. Г. Гинцбургъ, цѣнившій и его умъ, и его связи.

С. С. Поляковъ, уже въ 1882 году владѣлецъ крупнаго особняка по Англійской набережной, возлѣ Сената, была фактическимъ желѣзнодорожнымъ королемъ. Про его богатство ходили баснословные слухи и, конечно, преувеличенные. Это былъ первый еврей, получившій чинъ тайнаго совѣтника, не состоя на государственной службѣ. Не было желѣзнодорожнаго дѣла, въ которомъ Поляковъ не былъ бы заинтересованъ и не игралъ бы крупнѣйшей роли. Онъ избѣгалъ сношеній съ петербургскими евреями, стоялъ какъ бы особнякомъ отъ нихъ, но зато крайне радушно принималъ всякихъ сановниковъ, князей, графовъ, искавшихъ его расположенія въ своихъ матеріальныхъ интересахъ. Въ немъ заискивали, считали его дѣловымъ геніемъ, но я никогда, ни отъ кого изъ близко знавшихъ его сановныхъ лицъ, не слышалъ о томъ, чтобы Полякова любили и чтобы ему были преданы даже тѣ, которыхъ онъ пристраивалъ къ разнымъ выгоднымъ мѣстамъ. Его дѣловое вліяніе не имѣло для еврейства никакихъ благотворныхъ результатовъ; оно раздражало больше, чѣмъ располагало. Участіе его въ еврейскихъ учрежденіяхъ было почти незамѣтнымъ, но зато онъ охотно участвовалъ въ общеполезныхъ учрежденіяхъ обще-русскихъ. Когда я былъ студентомъ, онъ учредилъ при университетѣ, въ память объ Императорѣ Александрѣ II, общежитіе для студентовъ подъ названіемъ Коллегіи, куда евреевъ вовсе не принимали. Иниціативу въ области еврейской принялъ Поляковъ только одинъ

разъ, подъ вліяніемъ сблизившагося съ нимъ профессора Бакста въ 1880 г., для учрежденія, по случаю 25-лѣтія царствованія Александра II, Ремесленнаго Фонда, для котораго, по хлопотамъ бар. Гинцбурга, были утверждены министерствомъ внутреннихъ дѣлъ временныя правила. Фондъ имѣлъ назначеніемъ оказаніе помощи евреямъ-ремесленникамъ и содѣйствіе развитію среди евреевъ ремеслъ и земледѣлія. Временныя правила должны были дѣйствовать впредь до предстоявшаго утвержденія устава соотвѣтственнаго общества. Но уставъ, въ виду наступившей перемѣны отношенія къ евреямъ въ 80-хъ годахъ, все не утверждался, временныя правила остались въ дѣйствіи болѣе 20 лѣтъ, и только въ 1906 г. «Общество Ремесленнаго и Земледѣльческаго Труда среди Евреевъ» («ОРТ») было учреждено по уставу, зарегистрированному въ порядкѣ закона 1904 г. Вмѣстѣ съ Поляковымъ въ учрежденіи фонда участвовали, кромѣ бар. Гинцбурга, Варшавскій и Закъ; привлечены были къ участію, кромѣ представителей финансовой сферы, и интеллигенты: проф. Бакстъ, ставшій душой этого дѣла, которому онъ отдалъ неусыпныя заботы и труды, Я. М. Гальперинъ и др. С. С. Поляковъ умеръ въ 1888 г. По завѣщанію онъ оставилъ сравнительно ничтожные легаты въ пользу еврейскихъ учрежденій; но и эти завѣщательныя распоряженія, однако, не осуществились по причинѣ безпримѣрной въ исторіи еврейской благотворительности, а именно — по явному уклоненію его единственнаго наслѣдника Д. С. Полякова, человѣка чуждаго всякихъ истинно культурныхъ и духовныхъ интересовъ, отъ исполненія воли его отца завѣщателя, несмотря на скромность тѣхъ «жертвъ», какія должна была понести наслѣдственная масса въ пользу благотворительныхъ учрежденій. Послѣ того, какъ въ теченіе болѣе 30 лѣтъ всѣ усилія побудить поляковскаго наслѣдника къ исполненію завѣщанія остались безъ результата, пришлось начать отъ имени Хозяйственнаго Правленія петербургской синагоги судебный процессъ; но тутъ истцы натолкнулись на возраженіе, которое и въ дѣловыхъ сношеніяхъ считается не всегда благовиднымъ, а именно, — на погашеніе завѣщательнаго обязательства по давности. Нашлись, конечно, и адвокаты, которые это возраженіе отъ имени Д. Полякова заявили передъ судомъ, и процессъ, начатый въ увѣренности, что до такого

способа сопротивленія волѣ завѣщателя Поляковъ не дойдетъ, былъ проигранъ. Этотъ самый Поляковъ былъ студентомъ въ то время, когда я былъ въ университетѣ. Съ евреями Поляковъ не встрѣчался, но зато всегда вращался въ кругу студентовъ, носившихъ аристократическія имена графовъ или князей, и богатыхъ, и захудалыхъ. Въ оказаніи помощи нуждающимся товарищамъ евреямъ Поляковъ участія не принималъ.

Много слышалъ я тогда о Д. Ф. Фейнбергѣ, служившемъ у барона Г. О. Гинцбурга и пользовавшемся уже тогда популярностью у богатыхъ евреевъ Петербурга. Но о немъ рѣчь будетъ впереди.

Въ Петербургѣ тогда функціонировала временная синагога (у Египетскаго моста). Студенты тогда въ синагогу не ходили, и я, будучи студентомъ, къ стыду моему, ни разу тамъ не былъ. Общественный раввинъ А. А. Драбкинъ, намъ, студентамъ, былъ неизвѣстенъ; и конечно, не интересовалъ ихъ и духовный раввинъ Ланда, хотя это былъ, по словамъ людей, его знавшихъ, выдающійся ученый талмудистъ и крупный общественный работникъ.

Послѣ погромовъ созваны были депутаты евреи изъ провинціи, засѣдавшіе въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ инціатора созыва, бар. Г. О. Гинцбурга. Кромѣ М. Т. Маргулиса изъ Одессы, никого изъ видныхъ интеллигентовъ провинція не послала, да ихъ впрочемъ, почти и не было тамъ. Вскорѣ послѣ изданія временныхъ правилъ 3 мая 1882 г., а именно въ 1883 г. назначена была Высшая Комиссія, подъ предсѣдательствомъ бывшаго министра юстиціи гр. Палена, для пересмотра всѣхъ дѣйствующихъ о евреяхъ законовъ. Въ эту комиссію были приглашены въ качествѣ экспертовъ и евреи. Покуда комиссія разбирала обширные матеріалы по всѣмъ вопросамъ еврейской жизни — бытовой, религіозной и экономической — и вырабатывала разныя предположенія, власти, въ лицѣ министровъ, градоначальниковъ и губернаторовъ усиленно измышляли мѣры къ ограниченію еврейскихъ правъ и ко всякаго рода стѣсненіямъ, «впредь до пересмотра дѣйствующихъ объ евреяхъ постановленій». Съ эпохи погромовъ восьмидесятыхъ годовъ не было момента, когда еврейскіе интересы, и притомъ не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлыхъ группъ и даже всего еврейскаго населенія въ Россіи,

не нуждались бы въ надлежащемъ представительствѣ. И вотъ, обращаясь мыслями къ кажущемуся теперь далекимъ прошлому, я не могу не отмѣтить страннаго и, къ сожалѣнію, чреватаго печальными послѣдствіями явленія. Какъ разъ въ столицѣ, гдѣ сосредоточены были лучшія еврейскія интеллигентскія силы, гдѣ, какъ видно изъ мною уже указаннаго, имѣлись и теплыя еврейскія сердца, и цѣлые кружки видныхъ талантливыхъ людей, принимавшихъ близко къ сердцу нужды еврейскаго народа, — и даже когда въ этихъ кружкахъ уже стало пробуждаться еврейское національное сознаніе, — въ представительствѣ еврейскихъ интересовъ столичные интеллигенты евреи не принимали почти никакого участія. Когда нужно было бороться противъ того или другого законодательнаго предположенія, угрожавшаго судьбѣ обездоленной еврейской массы, эту борьбу вели бар. Гинцбургъ и привлекаемые имъ финансовые дѣятели евреи. Даже въ совершенно неудачныхъ депутатскихъ собраніяхъ, о которыхъ я говорилъ, столичные евреи-интеллигенты, кромѣ Бакста и Гальперина, не принимали участія. Экспертами въ комиссію Палена приглашены были отъ Петербурга бар. Гинцбургъ и Варшавскій — и только одинъ Бакстъ изъ представителей еврейской интеллигенціи. Молодые и старые писатели, группировавшіеся вокругъ редакцій «Русскаго Еврея» и «Разсвѣта», стояли въ сторонѣ отъ активной практической работы въ этой борьбѣ, которую я не могу иначе назвать, какъ титанической съ одной стороны и сизифовой съ другой.

Это, какъ я сказалъ, странное явленіе имѣло то печальное послѣдствіе, что работа въ пользу евреевъ проходила въ теченіе послѣдующихъ десятковъ лѣтъ безъ участія широкихъ круговъ еврейской интеллигенціи; и, когда національное самосознаніе, пробудившееся въ началѣ 80-хъ годовъ, развилось, захватило и еврейскую молодежь, и стали образовываться еврейскія партіи съ ярко выраженными національными программами, — то вся работа, посвященная въ прошломъ этой борьбѣ за право, была или неизвѣстна широкимъ кругамъ или же, поскольку была хоть по наслышкѣ извѣстна, вызывала къ себѣ, вмѣсто благодарнаго признанія со стороны новаго поколѣнія, нареканія, и характеризовалась презрительнымъ именемъ «штадлонусъ».

Въ чемъ же дѣйствительно причина этого явленія, и кто въ немъ былъ виноватъ?

Къ сожалѣнію, не составлена еще исторія усилій, положенныхъ отдѣльными лицами и иногда, хотя и рѣдко представителями общинъ для улучшенія правового положенія евреевъ въ XIX столѣтіи, начиная съ Александра I. Общая еврейская исторія не даетъ почти никакого въ этомъ отношеніи матеріала. Послѣдній до сихъ поръ составляетъ удѣлъ архивовъ. Нѣкоторыя данныя содержатся въ книгѣ, составленной, по порученію комиссіи Палена, членомъ ея кн. Голицынымъ, съ ярко выраженной антисемитской тенденціей. Книга эта — «Исторія законодательства о евреяхъ» — не была пущена въ продажу; печаталась она въ правительственной типографіи какъ матеріалъ для комиссіи, и только случайно нѣкоторые экземпляры попали въ частныя руки. Матеріалы, собранные княземъ Голицынымъ, представляются весьма цѣнными и показываютъ, что еще во времена Александра I еврейскія общины, собиравшіяся въ «Ваадъ», посылали депутатовъ въ Петербургъ для представленія ходатайствъ еврейскаго населенія и для хлопотъ объ улучшеніи его положенія. Со стороны правительства вызваны были еврейскіе депутаты для разъясненія нѣкоторыхъ вопросовъ при составленіи «Положенія о евреяхъ» 1804 г., поводомъ къ которому явился пресловутый докладъ Державина: въ докладѣ этомъ евреи изображались виновниками бѣдственнаго положенія крестьянъ, стонавшихъ тогда подъ игомъ крѣпостного права. Во время отечественной войны, евреи депутаты сопровождали главную квартиру Александра I въ походѣ противъ Наполеона I. Одинъ изъ депутатовъ, Шкловеръ, умеръ потомъ въ Петербургѣ; могила его на старомъ Волковомъ еврейскомъ кладбищѣ, въ сожалѣнію, заброшена, и точное опредѣленіе мѣста ея (интересовавшее меня, какъ члена правленія петербургской Общины), оказалось невозможнымъ. Несомнѣнно, что и впослѣдствіи представители общинъ или отдѣльныя лица отъ времени до времени предстательствовали предъ властями въ интересахъ евреевъ. Надлежащія архивныя изысканія, вѣроятно, дали бы богатый матеріалъ для исторіи инициіативы и общинныхъ представителей, и отдѣльныхъ частныхъ лицъ въ отстаиваніи еврейскихъ правъ, интересовъ и нуждъ. Не имѣется, къ сожалѣнію, и

исторіи раввинскихъ комиссій, которыя, со времени учрежденія ихъ при Николаѣ I, собирались, хотя и рѣдко, но все же нѣсколько разъ въ столицѣ. Между тѣмъ, судя по матеріаламъ, имѣвшимся въ моихъ рукахъ и относящимся до раввинской комиссіи 1857 г., эти комиссіи, помимо разрѣшенія текущихъ вопросовъ, представлявшихся на ихъ разсмотрѣніе свыше, возбуждали и ходатайства общаго характера. Но уже тѣ отдѣльныя данныя, которыми мы можемъ располагать, показываютъ, что инціатива такихъ ходатайствъ всегда исходила отъ отдѣльныхъ богатыхъ евреевъ, которые по своему дѣловому положенію въ состояніи были завязывать сношенія и съ власть имущимъ кругомъ, и съ отдѣльными вліятельными лицами изъ этого круга, ведшими имущественныя дѣла съ евреями. Установилась такимъ образомъ традиція, что при подходящей возможности тотъ или другой богатый еврей пытался использовать свое вліяніе на отдѣльныхъ причастныхъ къ власти лицъ. Положеніе, конечно, ненормальное, но неизбѣжное при отсутствіи организованнаго еврейскаго представительства и при ограниченной духовно-религіозными вопросами сферѣ дѣятельности общинъ. Все же, какъ ни малочисленна была тогда въ Россіи еврейская интеллигенція, попадались и въ этомъ слоѣ отдѣльныя лица, которыя, будь у нихъ интересъ къ еврейскому горю, могли бы соперничать съ этими отдѣльными богатыми евреями или хоть содѣйствовать имъ въ дѣлѣ улучшенія правового положенія своей народности, ея экономическаго и духовнаго быта. Но такихъ попытокъ почти не было сдѣлано. Участіе еврейской интеллигенціи въ этой области выразилось единственно въ дѣятельности Лиліенталя, Мандельштама и нѣсколькихъ другихъ лицъ въ дѣлѣ общаго образованія евреевъ и въ созданіи еврейскихъ учебныхъ заведеній при министрѣ народнаго просвѣщенія гр. Уваровѣ. Но инціатива этихъ лицъ привела къ результатамъ мало ощутительнымъ и поставила ихъ въ непримиримое противорѣчіе съ стремленіями еврейской народной массы, усматривавшей въ ихъ работѣ ассимиляторско-реформаторскія цѣли. Даже отдѣльные выдающіеся случаи, какъ напримѣръ, дѣла о ритуальныхъ убійствахъ — Велижское въ 1827-1830 годахъ, саратовское въ 50-хъ годахъ, — не въ состояніи оказались разбудить энергію этихъ единицъ, немногихъ, но все же имѣвшихся на лицо уже и въ тѣ времена.

Въ эпоху, къ которой относится эта часть моихъ воспоминаній, представительство еврейскихъ интересовъ имѣло уже свою традицію, и въ ней для интеллигентныхъ работниковъ мѣста не удѣлялось. Отдѣльныя лица, вліятельныя по своему коммерческому и финансовому положенію, держали это представительство въ своихъ рукахъ; у нихъ создались уже выработанные навыки и пріемы; инціативы для привлеченія интеллигентныхъ силъ къ общественно-политической работѣ они не проявляли. Сама же интеллигенція не была организована и даже не сознавала себя, какъ отдѣльную группу; она была еще далека отъ народной массы, которая ее не знала, но за то знала тѣхъ отдѣльныхъ богатыхъ евреевъ на мѣстахъ и въ особенности въ столицѣ, которымъ судьба народа была близка.

Не было никакой не только организаціи, но и навыка къ оказанію того, что впослѣдствіи называлось юридической помощью еврейскому населенію. Между тѣмъ, эта потребность была и настоятельна и постоянна... Сложная сѣть законодательныхъ постановленій о евреяхъ, затрагивавшая всѣ стороны еврейской жизни, уже въ началѣ 80-хъ годовъ требовала юридической разработки не только въ смыслѣ теоретическомъ (эту задачу выполнилъ И. Г. Оршанскій, выполнялъ отчасти уже тогда и М. Г. Маргулисъ), но и въ практическомъ, для каждаго отдѣльнаго случая. Распоряженія мѣстныхъ властей относительно конкретныхъ случаевъ въ отношеніи евреевъ весьма часто являлись продуктомъ произвола, выходящаго за предѣлы закона. Необходимо было обращаться къ высшей власти для отмѣны такихъ распоряженій; но такое обращеніе требовало профессіональной, или по крайней мѣрѣ интеллигентной работы, а она не производилась. Когда я впослѣдствіи сталъ заниматься непрерывнымъ отстаиваніемъ интересовъ евреевъ путемъ обращенія къ высшимъ инстанціямъ, главнымъ образомъ, къ Сенату по I Департаменту, я былъ удивленъ малымъ количествомъ дѣлъ, доходившихъ до Сената по жалобамъ отдѣльныхъ евреевъ. Не было спеціалистовъ по знанію законодательства о евреяхъ, не было, повидимому, и охотниковъ помочь населенію въ насущной его потребности, хотя это населеніе ежечасно наталкивалось на толкованія и распоряженія властей, несогласныя съ закономъ. Въ то время имѣлся въ столицѣ всего одинъ адвокатъ, который практически отста-

ивалъ эти интересы отдѣльныхъ лицъ въ качествѣ ихъ повѣреннаго. Это былъ лучшій знатокъ законодательства о евреяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лучшій знатокъ административной практики — прис. пов. М. И. Мышъ. Но къ нему обращались только евреи болѣе состоятельные, да и притомъ онъ былъ одинъ. Онъ, правда, никогда не отказывалъ въ помощи и неимущимъ. Но масса не была освѣдомлена о его готовности и фактически не имѣла къ нему доступа. Послѣдствіемъ этого было то, что и въ частныхъ интересахъ евреи обращались не къ представителямъ либеральной профессіи, а къ тѣмъ же богатымъ евреямъ, съ просьбами употребить свое вліяніе для разрѣшенія того или другого дѣла.

Любопытно, что погромы 1881 и 1882 г.г. не вызвали съ еврейской стороны, даже въ сравнительно крупныхъ центрахъ, попытокъ разслѣдовать обстоятельства, сопровождавшія возникновеніе погромовъ, и выяснить виновниковъ ихъ. Извѣстно, что участниковъ погромовъ судили мировые судьи по обвиненію полиціей въ «нарушеніи общественной тишины и спокойствія», караемомъ краткосрочнымъ арестомъ. Нигдѣ и никѣмъ не предъявлялось гражданскихъ исковъ о возмѣщеніи убытковъ, а между тѣмъ достаточно было заявленія о возмѣщеніи въ размѣрѣ свыше 300 р., чтобы дѣло обращено было въ Окружный Судъ — и даже съ производствомъ предварительнаго слѣдствія, которое, при гласности суда, выяснило бы картину погромовъ, происходившихъ въ многочисленныхъ мѣстахъ по одному установленному образцу.

Въ общемъ выводѣ приходится признать, что причина занимающаго меня здѣсь явленія лежитъ въ оторванности и отчужденности первыхъ піонеровъ еврейской интеллигенціи отъ народной массы, отъ еврейства и его судьбы.

ГЛАВА VIII.

Университетскія занятія. — Проф. А. Д. Градовскій. — Проф. Н. Д. Сергіевскій. — Наука Уголовнаго Права въ 80-хъ годахъ. — Новыя теоріи и направленія. — Университетское сочиненіе на соисканіе золотой медали. — Заграничная поѣздка. — Окончаніе университетскаго курса. — Избраніе дальнѣйшаго пути. — Рѣшеніе о научной поѣздкѣ заграницу.

Возвращаюсь къ своимъ студенческимъ годамъ. Среди моихъ профессоровъ не было никого, кто своими лекціями увлекъ бы меня и побудилъ бы съ самаго начала къ научной работѣ. Былъ среди нихъ Бершадскій, тогда еще приватъ-доцентъ, занимавшійся въ то время исторіей евреевъ въ Литвѣ; но, знатокъ литовской исторіи, онъ читалъ лекціи по философіи права. Обаятельный, какъ человѣкъ, съ неоцѣнимыми качествами души, — онъ, какъ профессоръ, въ особенности по философіи права, не выдѣлялся; его лекціи мало посѣщались и никого не могли увлечь. Самымъ интереснымъ профессоромъ былъ Градовскій, который читалъ намъ на второмъ курсѣ общее конституціонное право важнѣйшихъ государствъ. Желчный, уже болѣзненный Градовскій собиралъ полную аудиторію. Какъ лекторъ, онъ не былъ увлекателенъ; но онъ умѣлъ каждую мысль свою облечь въ интересную форму, его лекціи изобиловали остроумными замѣчаніями и ядовитыми выпадами въ области общихъ политическихъ вопросовъ, а въ особенности, — противъ современныхъ политическихъ дѣятелей. Я особенно помню ту часть его лекцій, которая посвящена была государственному устройству объединенной Германіи и политикѣ Бисмарка. Значительная часть этихъ лекцій у Градовскаго невольно пре-

вращались въ публицистическія статьи. Но онъ никогда не искалъ популярности и свои лекціи никогда не понижалъ до уровня популяризованныхъ чтеній. Слѣдить за его лекціями могли лишь наиболѣе развитые умственно студенты. Интересенъ бывалъ Градовскій на экзаменахъ. Онъ пользовался репутаціей капризнаго экзаменатора. Студенты выходили къ нему на экзаменъ съ большимъ волненіемъ, которое, въ свою очередь, раздражало профессора. Отвѣты студентовъ по предмету, которому посвященъ былъ курсъ Градовскаго, очень часто изобличали явное невѣжество и отсутствіе какой бы то ни было подготовленности къ воспріятію курса о конституціонномъ правѣ. Присутствуя довольно продолжительное время на экзаменахъ у Градовскаго, я наблюдалъ яркіе примѣры такого невѣжества студентовъ: абсолютное незнаніе исторіи, непониманіе сущности самыхъ элементарныхъ политическихъ феноменовъ — было обычнымъ явленіемъ, и когда Градовскій наталкивался на отвѣты, изобличавшіе такое невѣжество, его раздраженію не было конца, и оно выражалось въ злыхъ насмѣшкахъ надъ экзаменующимся.

Третій курсъ факультета я проходилъ уже будучи женатымъ. Я еще больше замкнулся въ кругу частной своей жизни и почти не имѣлъ никакихъ встрѣчъ, которыя оставили бы какія-либо воспоминанія. Я получилъ возможность углубиться въ изученіе отдѣльныхъ юридическихъ наукъ, посвящать больше времени научной подготовкѣ вообще. И профессора на этомъ курсѣ давали большій къ этому стимулъ. Одинъ изъ такихъ профессоровъ, умѣвшихъ вызывать у слушателей интересъ къ своему курсу, былъ профессоръ уголовнаго права Д. Н. Сергіевскій. Онъ былъ талантливый лекторъ, и хотя онъ не заставилъ забыть его предшественника по кафедрѣ уголовнаго права, лучшаго русскаго криминалиста, проф. Н. С. Таганцева, онъ, однако, привлекалъ на свои лекціи полную аудиторію.

Въ 80-хъ годахъ ни одна область юриспруденціи не переживала такого обновленія, какъ криминалистика. Появились въ Европѣ новые уголовные кодексы. Повсемѣстно уже введены были суды съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Вопросы, связанные съ уголовнымъ правомъ, привлекали къ себѣ общественное вниманіе. Они затрагивали и разныя стороны жизни — соціальной, экономиче-

ской, — и психологическіе элементы индивидуума. Гласное судопроизводство, судебные отчеты въ печати о выдающихся преступленіяхъ были всѣмъ доступны и всѣхъ интересовали. Общество требовало отвѣтовъ на многіе вопросы, разрѣшить которые призвана была наука. Народилось новое направленіе въ наукѣ уголовнаго права, чисто реалистическое. Въ области этой науки явилась возможность использовать методы, примѣнявшіеся къ изученію естественныхъ наукъ. На ряду съ методами, унаслѣдованными отъ прежняго времени, — методами чисто умозрительнаго, философскаго изученія явленій жизни, реализмъ въ уголовномъ правѣ вызвалъ новую оформленную теорію итальянскаго ученаго, еврея Цезаря Ломброзо, родоначальника такъ называемаго «антропологическаго направленія» въ уголовномъ правѣ. Уголовная статистика стала необходимымъ матеріаломъ для изученія вопросовъ, связанныхъ съ проблемой преступности. Это новое направленіе стало особенно манить къ себѣ юристовъ въ Россіи. Русская юридическая наука всегда была по преимуществу подражательной. Въ уголовномъ правѣ до этой эпохи первообразомъ для ученыхъ криминалистовъ служила нѣмецкая наука. Германія и въ этомъ отношеніи оказывала большое вліяніе на Россію. Это было результатомъ не только исторической традиціи — первые профессора въ Россіи были большею частью изъ Германіи, — но и внутренней особенности нѣмецкой науки. Германія была раздѣлена на множество отдѣльныхъ государствъ съ разнообразными партикулярными законодательствами. Нѣмецкіе ученые стремились, создавая научныя начала, дѣлать обобщенія, т. е. создавать общія теоріи, широкія формулы, пригодныя, по ихъ всеобщности, для всего разнообразія законодательныхъ постановленій отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, крупныхъ и мелкихъ. Работа для своей страны, германская наука создавала вмѣстѣ съ тѣмъ научные принципы, пригодные къ примѣненію и для другихъ государствъ. Этимъ она отличалась отъ французской науки, которая имѣла съ начала XIX-го вѣка твердыя основанія въ видѣ опредѣленныхъ нормъ права, однообразныхъ для всей Франціи, созданныхъ геніемъ Наполеона I, — уголовный кодексъ 1805 г. и болѣе совершенный гражданскій кодексъ 1810 г. дѣйствующіе въ главныхъ своихъ очертаніяхъ до настоящаго времени.

Подражательностью русской науки объясняется то, что всякая новая теорія или, вѣрнѣе, новое направленіе научной мысли въ кругѣ общественныхъ и юридическихъ наукъ привлекало къ себѣ особыя симпатіи въ Россіи и немедленно находило у насъ адептовъ. Можно утверждать, что нигдѣ, какъ у насъ, ученые не были такъ падки на новизну.

Разумѣется, и антропологическое, реалистическое направленіе въ уголовномъ правѣ нашло себѣ крайне сочувственный откликъ въ русскихъ научныхъ кругахъ. Профессоръ Сергіевскій держался, однако, старой школы (такъ называемой классической) и имѣлъ поэтому репутацію консервативнаго ученаго. Но предметъ, которому посвящены были его лекціи, интересовалъ молодежь. Я также заинтересовался уголовнымъ правомъ больше, чѣмъ всѣми другими юридическими науками; и, помимо усерднаго посѣщенія лекцій, я поэтому на третьемъ курсѣ началъ серьезно заниматься вопросами уголовнаго права. Довольно скоро удалось мнѣ преодолѣть трудности мало до того времени знакомаго мнѣ нѣмецкаго языка, и я сталъ усердно изучать нѣмецкія монографіи по уголовному праву. Къ этому представился и спеціальный случай: на факультетѣ объявлена была тема для сочиненія на соисканіе медали по уголовному праву; я рѣшилъ принять участіе въ конкурсѣ и приступилъ къ подготовительнымъ работамъ. Къ несчастью, моя жена начала хворать, это мало содѣйствовало сосредоточенію вниманія, и работа плохо налаживалась. Къ веснѣ ея болѣзнь обострилась и, по указанію лучшаго медицинскаго авторитета въ Петербургѣ, проф. Боткина, мы, въ цѣляхъ леченія, отправились заграницу — въ Вѣну.

Заботы о серьезной болѣзни жены, не дали мнѣ возможности получить впечатлѣнія, которыя нѣсколько дней въ Вѣнѣ произвели бы на меня въ другое время. Въ первый разъ очутился я въ такой привлекательной внѣшней обстановкѣ, въ сравненіи съ которой столичная жизнь въ Петербургѣ казалась слабо бьющейся. Я не могъ посѣтить ни одного музея, не могъ интересоваться даже университетомъ, послушать хотя бы одну лекцію тамошнихъ знаменитостей. Проф. Шреттеръ, крупнѣйшее медицинское свѣтило Вѣны (по болѣзнямъ дыхательныхъ путей) не разрѣшилъ моей женѣ продолжить пребываніе въ Вѣнѣ ни на одинъ лишній день и направилъ насъ въ неизвѣст-

ный тогда еще въ Россіи курортъ Глейхенбергъ, недалеко отъ Граца въ Штиріи. Это мѣсто изобилуетъ красотами природы, съ чудными окрестностями; но не могло быть рѣчи ни о какихъ экскурсіяхъ вслѣдствіе состоянія здоровья жены. Благотворный воздухъ и минеральныя воды быстро поднимали силы больной, и я сталъ думать о томъ, чтобы изъ Глейхенберга наѣзжать въ Грацъ и посѣщать университетскія лекціи. Профессоромъ по уголовному праву въ Грацскомъ университетѣ былъ тогда еще начинавшій свою ученую карьеру проф. Францъ фонъ Листъ, уже въ первыхъ своихъ трудахъ намѣчавшій новые пути въ наукѣ уголовнаго права и создавшій новое въ ней направленіе, соперничавшее въ новизнѣ съ итальянскимъ — антропологическимъ. Это направленіе получило названіе соціологическаго. Оно исходило изъ мысли, что преступность является результатомъ не индивидуальныхъ, чисто физическихъ и антропологическихъ особенностей преступныхъ типовъ, какъ продуктовъ вырожденія, а плодомъ соціальныхъ условій окружающей среды; что борьба съ преступностью возможна лишь при изученіи соціальныхъ условій, создающихъ тотъ «бульонъ», въ которемъ разводятся микробы преступности. Широкіе горизонты и перспективы, казалось, открывались для избранной мною науки уголовнаго права. Эта наука становилась въ рядъ со столь модной и привлекающей умы наукой — соціологіей. Новое теченіе увлекало и меня, и я мечталъ о томъ, чтобы изъ устъ самого пророка услышать новую проповѣдь. Къ сожалѣнію, время пребыванія моего въ Глейхенбергѣ совпало съ весенними каникулами, и лекціи въ Грацѣ не читались. А по окончаніи каникулярнаго перерыва я долженъ былъ, по программѣ, начертанной для насъ проф. Шреттеромъ, отправиться съ женою въ Герцъ (Горица) близъ Тріеста.

Новая обстановка, болѣе напоминающая итальянскую жизнь. Населеніе смѣшанное изъ итальянцевъ и словенцовъ; меньше всего нѣмцевъ. Красота Герца къ концу весенняго сезона неописуема. Южные Альпы не пропускаютъ холодныхъ вѣтровъ; воздухъ пропитанъ благоуханіемъ розъ и южныхъ цвѣтовъ; весь городокъ ими залитъ. Трудной задачей было раздобыть тамъ кошерный столъ для пріѣхавшей вмѣстѣ съ нами тещи, очень болѣзненной женщины. Я искалъ евреевъ и, наконецъ, нашелъ. Оказа-

лось, что въ Герцѣ существуетъ небольшая еврейская община изъ 30-40 еврейскихъ семействъ, говорящихъ поитальянски; всѣ они болѣе или менѣе состоятельны и могли себѣ позволить роскошь выстроить маленькую, но изящную синагогу. Шамесъ этой синагоги, очень мало напоминавшій шамесовъ полтавскихъ синагогъ, взялся доставлять намъ кошерную пищу. Евреи въ Герцѣ были далеки отъ знанія еврейской письменности, но не было ни одной семьи, которая не держалась бы самыхъ строгихъ ритуальныхъ предписаній. По внѣшности ихъ нельзя было отличить отъ итальянцевъ.

Здоровье моей жены быстро поправлялось, и я могъ въ идеально красивой природной обстановкѣ продолжать начатыя въ Петербургѣ занятія по наукѣ уголовнаго права, пользуясь книгами, которыя я успѣлъ пріобрѣсть въ Вѣнѣ.

Послѣ Герца, лѣтомъ мы провели нѣкоторое время въ Гмунденѣ, на берегу озера Аусзее, недалеко отъ Ишля. Мнѣ казалось, что красивѣй Глейхенберга нѣтъ мѣста; Герцъ оказался, однако, еще лучше; затѣмъ я не могъ вообразить ничего болѣе прекраснаго и импозантнаго, чѣмъ Герцъ, — но опять оказалось, что онъ не выдерживаетъ сравненіи съ Гмунденомъ, въ Зальцкамергутъ, преддверіи Тироля. Герцъ — уединенное мѣсто, почти безъ иностранцевъ; Гмунденъ же, вблизи Ишля, переполненъ былъ пріѣзжими иностранцами, — мы тамъ застали и много русскихъ. Мѣстное населеніе живетъ за счетъ пріѣзжихъ; словомъ, Гмунденъ типичный австрійскій или нѣмецкій курортъ.

Такъ прошло лѣто 1885 года. Возвращаться на осень въ Петербургъ моей женѣ нельзя было, и поэтому я изъ Монтре на Женевскомъ озерѣ, гдѣ оставилъ жену, вернулся въ Петербургъ одинъ, къ концу сентября. Работы мои по изготовленію сочиненія на заданную тему значительно подвинулись впередъ, и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ Петербургѣ я, исправно посѣщая лекціи, могъ закончить работу и представить ее въ факультетъ. На Рождественскіе каникулы я поѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ пробылъ до конца января съ женою.

На обратномъ пути черезъ Берлинъ мнѣ довелось ѣхать въ одномъ поѣздѣ съ прусскимъ принцемъ Вильгельмомъ, впослѣдствіи императоромъ Вильгельмомъ II.

Онъ занималъ купэ въ общемъ вагонѣ I класса, ѣхалъ въ сопровожденіи одного офицера, безъ всякой помпы. На меня произвела впечатлѣніе простота, съ которою принцъ обращался съ отдѣльными лицами изъ пассажировъ, отсутствіе стражи, вытягивавшихся городовыхъ, словомъ, отсутствіе той обычной для Петербурга обстановки, въ которой передвигаются столь высокія особы. Вильгельмъ направлялся въ окрестности Вержболова на охоту, куда впослѣдствіи ѣздилъ уже германскимъ императоромъ. Въ Вержболовѣ его встрѣтилъ весь охранительный аппаратъ подъ предводительствомъ жандармской власти.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я узналъ, что мнѣ присуждена факультетомъ за представленное сочиненіе золотая медаль. Я сразу былъ окруженъ вниманіемъ профессоровъ по уголовному праву, тѣхъ профессоровъ, которыхъ до того я зналъ лишь, какъ лекторовъ, и которые раньше не подозрѣвали о моемъ существованіи. Кромѣ Сергіевскаго, о которомъ я уже говорилъ, другую часть уголовнаго права и уголовное судопроизводство читалъ профессоръ Фойницкій, имѣвшій уже тогда громкое имя, — я бы сказалъ, второе послѣ Таганцева въ области криминалистики. Я вскорѣ сблизился съ обоими профессорами, и мнѣ уже казалось несомнѣннымъ, что я буду оставленъ при университетѣ въ качествѣ стипендіата для подготовки къ кафедрѣ. Со стороны обоихъ профессоровъ неоднократно выражалась готовность содѣйствовать осуществленію этого моего желанія. Но къ этому встрѣтились непреодолимыя препятствія въ принадлежности моей къ іудейскому исповѣданію: бывшій тогда попечитель округа ген. Новиковъ не считалъ возможнымъ возбудить объ этомъ ходатайство передъ министромъ народнаго просвѣщенія, каковымъ былъ уже тогда гр. Деляновъ.

Наступилъ день послѣдняго экзамена. Къ этому времени моя жена уже вернулась изъ Швейцаріи. Помню ощущенія, испытанныя въ день окончанія экзаменовъ, — сознаніе свободы отъ обязательныхъ, какъ бы подчиненныхъ занятій, соединялось съ сознаніемъ необходимости рѣшить окончательно вопросъ о дальнѣйшемъ пути, вопросъ, до того момента бывшій скорѣе теоретическимъ. Тяжело было разставаться съ мечтою о посвященіи себя всецѣло наукѣ. Я въ Петербургѣ не имѣлъ никакихъ связей и по окончаніи университета былъ здѣсь почти такой

же чужой, какъ и при поступленіи въ него. За послѣдній годъ я сблизился съ евреями товарищами по курсу. Для каждаго изъ нихъ дальнѣйшая дорога представлялась ясною. Они всѣ, еще будучи студентами, ее себѣ намѣтили, и, за весьма немногими исключеніями, на слѣдующій же день по окончаніи университета подали заявленія о поступленіи въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ, имѣли уже патроновъ, готовыхъ принять ихъ въ свои помощники; нѣкоторые изъ нихъ рѣшили посвятить себя адвокатурѣ въ провинціи. Я такъ твердо вѣровалъ въ свою будущую научную карьеру, что не думалъ о подготовкѣ для себя возможности немедленно приступить къ исполненію роли молодого адвоката стажьера. Мысль моего отца и тестя о томъ, что по окончаніи университета я поселюсь въ Полтавѣ и начну зарабатывать средства адвокатурой, меня не привлекала, хотя не было сомнѣнія, что при сохранившейся въ Полтавѣ памяти «о моихъ способностяхъ» я, несомнѣнно, по пріѣздѣ туда сразу сталъ бы обзаводиться практикой. Я такъ и уѣхалъ изъ Петербурга, не рѣшивъ вопроса, по какому пути я пойду.

Изъ моихъ товарищей по курсу евреевъ, не по адвокатской дорогѣ пошли лишь два — Флексоръ и Кугель. Первый посвятилъ себя литературѣ подъ именемъ Волынскаго и вскорѣ пріобрѣлъ себѣ почетное имя какъ знатокъ Ренессанса. Другой — Кугель — избралъ дорогу журналиста. Остальные же товарищи и по сей день*) благополучно занимаются, и многіе съ успѣхомъ, адвокатурой. Одно исключеніе: среди товарищей былъ сынъ рижскаго раввина Пухеръ, способный, даже талантливый молодой человѣкъ, скоро пріобрѣвшій нѣкоторую извѣстность въ Петербургѣ какъ криминалистъ, но, къ несчастью, умершій черезъ нѣсколько лѣтъ..

До отъѣзда въ Полтаву я сдѣлалъ попытку поступить на государственную службу. Я думалъ, что полученіе мною золотой медали замѣнитъ мнѣ всякую протекцію, которой я, впрочемъ, и лишенъ былъ, такъ какъ никакихъ «протекторовъ» не имѣлъ. Я обратился къ оберъ-прокурору уголовнаго кассаціоннаго департамента, А. Ф. Кони, прося его принять меня на службу по Сенату. Но, повидимому, я показался Кони наивнымъ молодымъ человѣ-

*) Писано въ 1919 году.

комъ, не понимавшимъ, что, какъ еврей, я поступить на службу не могу.

Пока что, мы съ женой отправились въ Полтаву. Надо было отдохнуть. Мы провели лѣто въ имѣніи тестя, въ 30 верстахъ отъ Полтавы. Трудность разрѣшенія вопроса объ избраніи пути жизни не уменьшалась, а все увеличивалась. Я былъ настолько подготовленный юристъ, чтобы понимать, что я еще далеко не юристъ. Мои умственныя потребности, выросшія па почвѣ талмудической подготовки въ дѣтствѣ, не могли быть удовлетворены казеннымъ, по установленному образцу, прохожденіемъ юриспруденціи для сдачи экзаменовъ. Небольшой же опытъ пріобщенія къ наукѣ, продѣланный мною при изготовленіи сочиненія по уголовному праву, какъ бы только раздразнилъ мой научный вкусъ, и разстаться съ мыслью о дальнѣйшей научной работѣ мнѣ было крайне тяжело. Я былъ нѣсколько избалованъ въ оцѣнкѣ своихъ способностей, и рецензія моего сочиненія, о которой я уже упомянулъ, со стороны проф. Сергіевскаго возбудила во мнѣ честолюбіе, которое не могло бы удовлетвориться даже ожидавшимися успѣхами въ качествѣ одного изъ многихъ въ толпѣ адвокатовъ, особенно въ провинціи. Съ другой стороны, я понималъ, что въ Петербургѣ, въ этомъ необъятномъ котлѣ, гдѣ жизнь кипитъ, я, не одаренный практической «смѣткой» и не знавшій за собой умѣнія проталкиваться сквозь толпу, при отсутствіи связей и знакомствъ, — не сумѣю выдвинуться на практической почвѣ какъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго. Я понималъ, что одинъ научный багажъ, вынесенный изъ университета, — слишкомъ еще скромная приманка для привлеченія хозяевъ большой гостинницы практической жизни. Я старался убѣдить въ этомъ и своего отца и особенно тестя, который имѣлъ право рѣшающаго голоса при обсужденіи и рѣшеніи вопроса, какъ быть дальше. Средства, которыми располагали мы съ женой, получившей скромное приданое, были скудны, а теперь почти истощены расходами на поѣздку заграницу и на леченіе. Къ внутреннимъ, моральнымъ трудностямъ присоединялись такимъ образомъ и трудности матеріальнаго свойства. Въ глубинѣ души я еще не отчаявался въ надеждѣ на ученую карьеру. Мечталось, что, если мнѣ удастся выступить на научномъ поприщѣ съ серьезными работами и получить ученую

степень магистра, если мои занятія наукой протекутъ подъ руководствомъ заграничныхъ авторитетовъ, то вѣроисповѣдныя препятствія будутъ преодолѣны. Кто изъ евреевъ не надѣется, что для него будетъ сдѣлано исключеніе въ общей антисемитской атмосферѣ? Послѣ долгихъ колебаній, и особенно въ виду того соображенія, что здоровье моей жены только выиграетъ отъ пребыванія заграницей въ хорошихъ климатическихъ условіяхъ, рѣшено было, что мы отправимся заграницу, гдѣ я буду совершенствоваться въ юридическихъ наукахъ и готовиться къ магистерскому экзамену, и что потраченныя на это средства окупятся впослѣдствіи.

Въ концѣ іюля 1886 г. мы отправились въ Гейдельбергъ.

ГЛАВА IX.

Гейдельбергскій Университетъ. Настроеніе въ Германіи въ 1886 г. — Система нѣмецкаго преподаванія на юридическомъ факультетѣ въ сравненіи съ русской. — Проф. Куно Фишеръ и его лекціи. — Лейпцигскій Университетъ. — Семинарій. — С. Манделькернъ, авторъ «Конкорданцій». — Мои занятія. — Принцъ Максъ Баденскій, какъ студентъ. — Характеристика профессоровъ Биндинга, Оскара Бюлова, Ваха, Зома. — Оживленіе въ наукѣ гражданскаго права наканунѣ введенія Общаго Германскаго Гражданскаго Кодекса. — Ліонскій юридическій факультетъ. — Проф. Гарро. — Французская система юридическаго преподаванія. — Творчество Наполеона I. — Буланжистское движеніе. — Проф. Лакассань и его кабинетъ судебной медицины. — Психіатрія и наука Уголовнаго Права. — Увлеченіе научною работою.

Осенній семестръ въ Германіи начинается съ середины октября. Мы пріѣхали въ Гейдельбергъ заранѣе, пріискали квартиру. Я матрикулировался въ качествѣ дѣйствительнаго студента въ университетѣ, т. е. получилъ право считаться академическимъ бюргеромъ. Гейдельбергъ уже не представлялъ собою того, что рисовала себѣ русская молодежь по традиціи прежняго времени. Мы прибыли на слѣдующій годъ послѣ празднества 500-лѣтняго юбилея университета, одного изъ старѣйшихъ въ Германіи. Гейдельбергъ не былъ маленькимъ городкомъ на подобіе другихъ (кромѣ столичныхъ) университетскихъ городовъ въ Германіи. Онъ имѣлъ характеръ космополитическій; было много иностранцевъ, привлекаемыхъ туда благопріятнымъ климатомъ и природными красотами окрестностей, а также и тѣмъ обстоятельствомъ, что Гейдельбергъ находится недалеко отъ Рейна и свя-

занъ со всѣми крупными прирейнскими городами весьма удобными желѣзнодоржными линіями. Въ университетѣ имѣлось много слушателей иностранцевъ, въ особенности англичанъ. Русскихъ студентовъ было сравнительно немного; большинство изъ этихъ русскихъ слушателей были евреи. Окончившихъ курсъ въ русскихъ университетахъ было совсѣмъ немного. Кромѣ меня, было еще двое: Введенскій, впослѣдствіи профессоръ философіи, и профессоръ физики Военно-Медицинской Академіи и Технологическаго института Терешинъ. Нѣкоторые изъ русскихъ и евреевъ, состоявшіе на медицинскомъ факультетѣ въ Гейдельбергѣ, не имѣли аттестатовъ зрѣлости и числились вольнослушателями; только немногіе были политическими эмигрантами. Русскіе студенты встрѣчались въ читальнѣ, помѣщавшейся на одной изъ главныхъ улицъ въ нанятой комнаткѣ. Ею управлялъ какой-то комитетъ, котораго мы, студенты, никогда и не видѣли. Двери этой читальни были денно и нощно открыты, какая-то невидимая рука, — рѣдко — убирала эту комнату и стирала пыль съ книгъ; студенты же, кто могъ, дѣлали кое-какіе взносы на содержаніе библіотеки, на выписку журналовъ, —большинство послѣднихъ, впрочемъ, получалось безплатно. Бюджетъ библіотеки былъ весьма ничтожный: 100 или 150 марокъ въ мѣсяцъ. Само собою разумѣется, что читальня была въ значительномъ безпорядкѣ; надо удивляться, что при отсутствіи всякаго надзора книги все-таки не расхищались, и запретъ брать книги на домъ соблюдался. Центромъ жизни въ Гейдельбергѣ былъ университетъ. Весь городъ жилъ университетомъ и студентами. Не буду останавливаться на организаціи нѣмецкой университетской молодежи, на корпораціяхъ. Отношеніе нѣмецкихъ студентовъ къ иностранцамъ и, въ частности, къ русскимъ я не могъ бы назвать дружелюбнымъ. Напротивъ, замѣчалась нѣкоторая отчужденность. Нѣмецкіе студенты неохотно вступали въ сношенія съ иностранцами, и менѣе всего съ русскими. Въ корпораціяхъ принимали участіе, конечно, только нѣмцы, и поэтому многіе изъ русскихъ и вообще иностранцевъ, проводили годы въ Гейдельбергѣ, не завязавъ какихъ-либо близкихъ знакомствъ съ товарищами нѣмцами.

Это была эпоха, когда Бисмаркъ былъ фактическимъ распорядителемъ судебъ Германіи, въ самый разгаръ націо-

нальнаго подъема объединенной Германіи. Этому подъему особенно содѣйствовало никогда не прекращающееся опасеніе, что Францiя, оправившись отъ разгрома 1870 года, приступитъ къ осуществленію реванша. По поводу пограничнаго инцидента «Шнебеле» газеты приняли воинственный тонъ, и, повидимому, Германія стала сильно готовиться на тотъ случай, если этотъ инцидентъ разгорится, — она была готова воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы поднять оружіе. Нѣмецкій національзмъ доходилъ тогда до шовинизма; нѣмцы его объясняли ссылкой на стремленіе къ реваншу со стороны Франціи. Бисмаркъ былъ у всѣхъ въ умахъ и даже въ сердцахъ. Престарѣлый императоръ Вильгельмъ I доживалъ свои послѣдніе мѣсяцы и находился всецѣло въ подчиненіи волѣ желѣзнаго канцлера. Всюду ставились памятники Бисмарку. Особенно яркое выраженіе этотъ націоналистическій духъ принялъ при обсужденіи въ рейхстагѣ въ 1887 г. проекта Бисмарка объ усиленіи вооруженныхъ силъ, извѣстнаго подъ именемъ « септената » (« семилѣтки »). Были и противники Бисмарка, но они свой голосъ поднимали робко, и, несмотря на свободу слова и возможность критики, оппозиція Бисмарку не проявлялась рѣзко. Ей препятствовали не полицейскія и административныя власти, а весь народъ; любая аудиторія, передъ которой такая оппозиція попыталась бы проявиться, несомнѣнно встрѣтила бы враждебно всякое выраженіе критики, направленной противъ политики Бисмарка.

Этотъ подъемъ національнаго духа несомнѣнно отражался и на отношеніяхъ германской молодежи къ иностраннымъ студентамъ.

Гейдельбергскій университетъ въ то время не блисталъ крупными именами ученыхъ, и въ этомъ отношеніи это уже не былъ «старый Гейдельбергъ». Издавна Гейдельбергъ былъ разсадникомъ профессоровъ для всей Германіи. Самыя громкія имена, въ особенности юристовъ, проходили черезъ приватъ-доцентуру въ Гейдельбергскомъ университетѣ. Такіе профессора, какъ Виндшейдъ, Биндингъ, Бюловъ и многіе другіе, здѣсь начали свою академическую карьеру. Но къ моему времени институтъ приватъ-доцентуры въ Гейдельбергѣ былъ слабо обставленъ. Большинство профессоровъ были старики, уже не искавшіе новыхъ путей въ наукѣ, а спокойно шествовавшіе по

тропинкамъ, проторенным традиціонными теоріями, въ созданіи которыхъ, быть можетъ, они сами въ молодые годы приняли участіе. Меня, конечно, интересовало, прежде всего, преподаваніе уголовнаго права. Гейдельбергскій университетъ былъ полонъ для меня воспоминаніями объ отцѣ новой науки уголовнаго права въ Европѣ, Миттермайерѣ, первомъ нѣмецкомъ криминалистѣ, громко поднявшемъ свой голосъ за введеніе въ Германіи суда присяжныхъ по образцу французскаго, первомъ въ Германіи проповѣдникѣ идеи «исправленія», какъ цѣли наказанія, взамѣнъ господствовавшаго и въ законодательствѣ и въ теоріи принципа «устрашенія», и, наконецъ, первомъ, кто въ область германскаго уголовнаго права внесъ струю гуманитарную, громко всталъ на защиту принципа человѣколюбиваго обращенія съ преступными элементами, боролся противъ смертной казни. Миттермайеръ имѣлъ много учениковъ въ Россіи; однимъ изъ нихъ былъ проф. Таганцевъ. Кафедру покойнаго Миттермайера въ Гейдельбергѣ занималъ въ мое время профессоръ Гейнце, носитель почтеннаго имени въ наукѣ уголовнаго права, но не открывавшій новыхъ горизонтовъ. Новыя вѣянія въ наукѣ, о которыхъ я имѣлъ уже случай говорить, его не коснулись. Бывшій прокуроръ Саксонскаго высшаго суда, Гейнце вносилъ въ свои лекціи много практическихъ элементовъ. Какъ лекторъ, онъ ничѣмъ не выдавался. Аудиторія его посѣщалась слабо, и мнѣ, увлеченному тогда моей наукой, представлялось страннымъ, что въ аудиторіи господствуетъ, если можно такъ выразиться, научная скука. Другимъ криминалистомъ былъ молодой профессоръ Кирхенгеймъ. Онъ былъ редакторомъ журнала, въ которомъ сосредоточивались критическіе отзывы о всѣхъ новинкахъ въ области ученой юриспруденціи въ Германіи, Англіи и Франціи. Будучи знакомъ съ этимъ журналомъ еще въ Петербургѣ, я себѣ представлялъ, что редакторъ этого «Central - Blatt für die Strafrechtswissenschaft» и самъ является крупной величиной; въ этомъ мнѣ пришлось разочароваться. Кирхенгеймъ и въ качествѣ профессора ничѣмъ не отличался, и въ научномъ смыслѣ никакого спеціальнаго интереса не представлялъ. Любопытнымъ лекторомъ былъ приватъ-доцентъ и мѣстный адвокатъ Барацетти. Онъ объявилъ курсъ о «Защитѣ въ уголовныхъ процессахъ» — предметъ въ высшей степени

интересный. Я, конечно, записался на его лекціи. Записалось на эти лекціи три человѣка, слушателемъ же былъ я одинъ. Было забавно, какъ Барацетти усердно читалъ свою лекцію передъ однимъ слушателемъ, на каждомъ шагу сбиваясь и величая меня одного «meine Herren». Курсъ былъ, впрочемъ, мало интересенъ, но зато Барацетти отводилъ душу противъ Бисмарка. Онъ былъ свободомыслящій, и вражда къ Бисмарку имъ не скрывалась и проявлялась съ горячностью, вообще нѣмецкимъ профессорамъ несвойственной.

Отправляясь заграницу, я имѣлъ намѣреніе готовиться, въ первую очередь, къ научной дѣятельности въ области уголовнаго права, но не упускать изъ виду и другіе отрасли юриспруденціи, главнымъ образомъ, гражданское право. Тѣмъ не менѣе я въ Гейдельбергѣ лекцій по гражданскому праву не слушалъ. Причиной этому было то, что я не считалъ себя достаточно владѣющимъ нѣмецкимъ языкомъ, чтобы съ успѣхомъ слѣдить за чтеніемъ на этомъ языкѣ въ такой научной области, которой я, будучи въ Петербургѣ, не занимался. Нѣмецкіе монографіи и учебники по уголовному праву я совершенно свободно читалъ и не испытывалъ никакихъ затрудненій въ пониманіи устныхъ лекцій профессоровъ по этому предмету; терминологія этой науки была мнѣ вполнѣ знакома; но въ области гражданскаго права и фразеологія, и самая терминологія были тогда за предѣлами моихъ знаній, и я опасался, что не въ состояніи буду слѣдить за лекціями.

Система преподаванія нѣмецкихъ профессоровъ въ Гейдельбергѣ уже въ первое время меня мало удовлетворяла, — я вѣдь не былъ начинающимъ юристомъ; я ожидалъ, что нѣмецкіе профессора сразу введутъ меня въ глубины науки и дополнятъ то, что я вынесъ изъ своего родного университета. Между тѣмъ, я слушалъ чтеніе объ элементарныхъ вопросахъ данной науки, и на первый взглядъ казалось, что преподаваніе нѣмецкихъ профессоровъ стоитъ ниже преподаванія русскихъ. Удивляло меня и то, что, напримѣръ, уголовное право, которое преподается въ Петербургѣ въ теченіе двухъ академическихъ лѣтъ (при чемъ русскій академическій годъ продолжительнѣе суммы мѣсяцевъ двухъ семестровъ въ нѣмецкихъ университетахъ), читается нѣсколькими профессорами и не менѣе 4 часовъ въ недѣлю для каждаго, — въ Герма-

ніи проходится въ теченіе одного семестра однимъ профессоромъ, читающимъ 3-4 часа въ недѣлю. Русскіе студенты обязаны были къ экзамену освоиться иногда съ многотомными учебниками по одному и тому же предмету, составленными читающими профессорами. Слушая проф. Гейнце, я невольно сравнивалъ его курсъ съ курсомъ проф. Фойницкаго въ Петербургѣ по уголовному судопроизводству. Тамъ мы обязаны были изучать исторію процесса не только въ Россіи, но и въ иностранныхъ государствахъ; исторію суда присяжныхъ въ Англіи мы должны были знать такъ, какъ если бы мы были англійскими студентами. Я по нѣмецкому процессу зналъ гораздо больше, пріѣхавъ въ Гейдельбергъ, чѣмъ то, что узналъ отъ Гейнце на его лекціяхъ. У русскихъ профессоровъ выработалась привычка передавать студентамъ почти все то, что они сами знали. Русскій профессоръ какъ бы боялся скрыть отъ слушателей что-нибудь изъ преподаваемой имъ науки, и, конечно, съ особенными подробностями останавливался на тѣхъ вопросахъ, которымъ посвящены были его собственные научные труды въ видѣ магистерской и докторской диссертацій. Нѣмецкій же профессоръ давалъ студентамъ лишь общія начала безъ особыхъ подробностей, понимая, что изложеніе курса, осложненнаго обильными свѣдѣніями изъ области иностраннаго законодательства, было бы безполезнымъ балластомъ, трудно усвояемымъ для начинающихъ, и привело бы къ обратному результату: изъ-за деревьевъ имъ не видать было бы лѣса. Прослушавъ лекціи многихъ профессоровъ въ Гейдельбергѣ и потомъ въ Лейпцигѣ, я убѣдился въ правильности нѣмецкой системы, а не русской. Нѣмецкіе профессора въ большинствѣ случаевъ диктовали части своихъ лекцій, нѣкоторые даже цѣликомъ; другіе, послѣ свободнаго объясненія даннаго научнаго положенія, вкратцѣ его формулировали, предлагая слушателямъ записать формулу подъ диктовку. Въ Гейдельбергѣ я слушалъ извѣстнаго профессора государственнаго права, Шульце, автора десятковъ классическихъ томовъ по государственному устройству, въ особенности германскому. Велико было мое удивленіе, когда старикъ профессоръ съ первой же лекціи сталъ намъ диктовать краткія положенія; какъ онъ началъ, такъ и кончилъ чтеніе курса. У меня сохранились тетради съ записью какъ этихъ лекцій, такъ и лек-

цій другихъ профессоровъ. Эти тетради и теперь свидѣтельствуютъ о томъ, что такой способъ преподаванія даетъ лучшіе результаты, чѣмъ русскій способъ безконечнаго профессорскаго разглагольствованія, не оставляющаго никакого слѣда у слушателей и способнаго только изгнать ихъ изъ аудиторіи. Эти нѣмецкія тетради заключаютъ въ себѣ основной фундаментъ для уразумѣнія данной науки. Нѣмецкіе профессора, съ которыми я много бесѣдовалъ по этому вопросу, правы, утверждая, что изъ факультета студентъ долженъ вынести лишь способность къ спеціальнымъ занятіямъ въ данной области, если онъ ею заинтересуется, но что факультетъ вовсе не призванъ дать ему эти спеціальныя свѣдѣнія, ибо молодой человѣкъ не можетъ быть спеціалистомъ во всѣхъ областяхъ права. Мнѣ приходилось впослѣдствіи и въ юридической литературѣ доказывать преимущества нѣмецкой системы, когда вопросъ реформы университетскаго преподаванія сталъ занимать спеціалистовъ. Студентъ на русскомъ юридическомъ факультетѣ долженъ былъ быть спеціалистомъ почти въ двухъ десяткахъ наукъ. Онъ долженъ былъ быть историкомъ права, долженъ былъ знать философію права, быть спеціалистомъ въ политической экономіи и въ статистикѣ, весьма тщательно знать теорію вѣроятности и значеніе большихъ чиселъ въ статистикѣ, и т. п. Въ результатѣ получалось то, что, выйдя изъ университета, русскій студентъ не усваивалъ себѣ и общихъ началъ основныхъ юридическихъ наукъ и въ практической работѣ оставался совершенно безпомощнымъ; ему приходилось постепенно пополнять свое юридическое образованіе, но уже не изъ научныхъ источниковъ, а изъ практики. Отсутствіе обобщающаго теоретическаго образованія въ юриспруденціи — основной недостатокъ русскихъ юристовъ-практиковъ; между тѣмъ, нѣмецкія тетрадки, заполненныя записью студентовъ подъ диктовку профессоровъ, нѣмецкому молодому юристу давали путеводную нить и для его практической дѣятельности; я лично не разъ убѣждался въ томъ, что и при разрѣшеніи практическихъ вопросовъ бываетъ полезно заглянуть въ пожелтѣвшіе отъ времени листки этихъ старыхъ записей.

Тѣснаго общенія между студентами и профессорами въ Гейдельбергѣ не существовало въ мое время. Обычныя

для университетовъ въ маленькихъ городахъ Германіи постоянныя сношенія профессоровъ со студентами въ Гейдельбергѣ были уже дѣломъ прошлаго; въ этомъ отношеніи онъ напоминалъ университеты въ столичныхъ городахъ. Самымъ крупнымъ именемъ въ Гейдельбергѣ былъ профессоръ Куно Фишеръ, читавшій исторію философіи. Я слушалъ его курсъ философіи Канта и вообще исторіи философіи конца XVIII и начала XIX вѣка. Это былъ уже 70-лѣтній старикъ необычайно изящнаго вида, державшій себя даже и со своими товарищами нѣсколько свысока, имѣвшій высокій чинъ тайнаго совѣтника, награжденный многочисленными орденами, которыми весьма гордился. Онъ какъ бы не хотѣлъ смѣшиваться съ толпой профессоровъ. Читалъ онъ въ утренніе часы, отъ 7 до 8 лѣтомъ, зимой отъ 8 до 9 часовъ утра, но аудиторія его бывала всегда переполнена не только студентами, но и посторонней публикой; особенно удивляло меня въ аудиторіи обиліе офицеровъ. Трудно себѣ представить болѣе талантливаго лектора. Изящество изложенія, точность и ясность опредѣленій давали возможность слѣдить за изложеніемъ развитія метафизики и слушателямъ, не имѣвшимъ философской научной подготовки. Такого лектора и преподавателя я ни до него, ни послѣ него не встрѣчалъ. У него была манера, къ концу лекціи, въ схематическомъ видѣ графически на доскѣ мѣломъ давать резюмэ своего чтенія. Слѣдующую лекцію онъ начиналъ съ краткаго изложенія того, что сообщалось раньше, не только въ предыдущей лекціи, но и въ предшествовавшихъ, посвященныхъ данному отдѣлу. Эта система давала возможность и тѣмъ, кто пропустилъ одну-другую лекцію, слѣдить за ходомъ мыслей, что особенно важно при изложеніи философскихъ проблемъ. Спеціальный курсъ былъ посвященъ изложенію Кантовой «Критики чистаго разума». Онъ не диктовалъ своихъ лекцій, но предлагалъ записывать тѣ схемы, которыя самъ изображалъ на доскѣ. У меня сохранились тетрадки съ записью лекцій Куно Фишера, и много лѣтъ спустя, просматривая ихъ, я убѣдился, что впечатлѣніе о талантливости лектора, произведенное на меня, какъ на молодого человѣка, было правильно. Особый курсъ посвятилъ при мнѣ Куно Фишеръ объясненію «Фауста» Гете. Эти лекціи доставляли слушателямъ высокое эстетическое и умственное наслажденіе.

Устроиться въ Гейдельбергѣ мнѣ съ женою было нелегко. Существовало мѣстное правило, что студенты, нанимая для себя помѣщеніе, обязаны были оплачивать его въ теченіе цѣлаго семестра; это правило, которое мнѣ было неизвѣстно вначалѣ, создало для меня непріятное столкновеніе съ первымъ квартирохозяиномъ, у котораго мы наняли для себя двѣ комнаты. Квартира оказалась съ дефектами, съ которыми мириться было невозможно, главнымъ образомъ съ отсутствіемъ какого бы то ни было отопленія, рѣдкаго вообще въ тогдашнемъ Гейдельбергѣ. Пришлось перемѣнить квартиру. Требованіе уплаты за весь семестръ было несправедливо, такъ какъ хозяинъ квартиры явно ввелъ насъ въ заблужденіе относительно свойствъ ея. Нашъ споръ чуть не дошелъ до мѣстнаго суда и былъ улаженъ уплатой нѣкоторой суммы, которая была для меня весьма чувствительна.

Постепенно я втянулся въ научныя занятія; жена усердно продолжала заниматься музыкой. Но, къ несчастью, наша студенческая жизнь была нарушена новой болѣзнью жены, причинявшей мнѣ много заботъ и отвлекавшей меня отъ научной работы. Прослушавъ профессоровъ въ теченіе двухъ семестровъ въ Гейдельбергѣ, я направился въ Лейпцигъ.

Лейпцигскій юридическій факультетъ по праву считался первымъ во всей Германіи. Въ немъ сосредоточены были научныя силы въ большемъ числѣ и съ лучшими именами, чѣмъ даже въ Берлинскомъ университетѣ, который лишь впослѣдствіи выдвинулся на первое мѣсто въ Германіи. Въ Лейпцигѣ читалъ старикъ Виндшейдъ, главный авторитетъ по римскому праву, непревзойденный до настоящаго времени. Профессоромъ политической экономіи былъ знаменитый Рошеръ. Кафедру уголовнаго права занималъ еще сравнительно молодой тогда профессоръ Биндингъ, уже считавшійся въ Германіи первокласснымъ авторитетомъ, авторъ такъ называемой «теоріи нормъ» въ уголовномъ правѣ, изложенной имъ въ обширномъ сочиненіи, поразительномъ по точности юридическихъ положеній и блестящей аргументаціи. Профессоръ Вахъ читалъ гражданское право и гражданскій процессъ; былъ проф. Оскаръ Бюловъ, творецъ новой теоріи въ наукѣ гражданскаго судопроизводства, поднявшей ее до высоты не

прикладной, а теоретической дисциплины; былъ проф. Зоммъ, лучшій знатокъ германскаго права вообще. Въ Лейпцигѣ функціонировалъ юридическій семинарій, во главѣ котораго стояли Биндингъ, Вахъ и Бюловъ. Семинарій былъ снабженъ превосходной вспомогательной библіотекой для студентовъ. Миновать этотъ университетъ молодому юристу, готовящемуся къ ученой карьерѣ, было бы непростительно. По начертанной раньше, до поѣздки, программѣ, я имѣлъ, проживъ два семестра въ Гейдельбергѣ, въ распоряженіи для нѣмецкихъ университетовъ лишь одинъ еще семестръ, такъ какъ рѣшилъ послѣднее полугодіе изъ двухъ лѣтъ заграничной подготовки посвятить слушанію лекцій въ какомъ-либо изъ французскихъ университетовъ. Въ Лейпцигѣ пришлось какъ бы нагнать то, что упущено было въ Гейдельбергѣ, и въ особенности осуществить мое намѣреніе слушать лекціи и по гражданскому праву. Мнѣ не хотѣлось упустить случая поучиться у всѣхъ названныхъ знаменитостей. Оказалось, что пришлось въ утреннія и вечерніе часы слушать ежедневно не менѣе 7 лекцій, и, кромѣ того, участвовать въ работахъ семинарія подъ руководствомъ Биндинга, Ваха и Бюлова. Семестръ въ Лейпцигѣ былъ для меня страдной порой. Къ счастью, здоровье жены поправилось, и я могъ цѣликомъ отдаться своимъ факультетскимъ работамъ. Особенно плодотворны были занятія въ семинаріи. У Биндинга участники семинарія должны были разрѣшать сложные казусы изъ уголовной практики и излагать свои рѣшенія съ мотивами на письмѣ. Письменныя работы просматривались профессоромъ, и каждую работу Биндингъ снабжалъ своими замѣчаніями, а затѣмъ въ условленный часъ давалъ свое разрѣшеніе казуса. Съ поразительнымъ вниманіемъ относился онъ ко всѣмъ ошибкамъ, допущеннымъ въ работахъ слушателей, подробно разъясняя, въ чемъ онѣ заключаются, и какъ такихъ ошибокъ избѣгать впослѣдствіи. У проф. Бюлова въ семинаріи приходилось, кромѣ того, давать переводъ и толкованіе отрывковъ изъ Пандектовъ (Corpus Juris). Съ особеннымъ интересомъ я отнесся къ этимъ работамъ. Онѣ мнѣ давали возможность прилагать методы, усвоенные въ дѣтствѣ при изученіи Талмуда. Каждая работа наполняла почти цѣлую тетрадь, въ которой я подробно останавливался на положеніяхъ даннаго отрывка, сравни-

валъ его съ отрывками изъ другихъ мѣстъ, выяснялъ противорѣчія, сближалъ положенія римскихъ юристовъ, сводя ихъ къ одному знаменателю. Бюловъ относился къ моимъ работамъ съ большимъ интересомъ, усердно ихъ рецензировалъ, давая каждый разъ лестные отзывы. Въ работахъ подъ руководствомъ проф. Ваха приходилось составлять судебныя бумаги по казусамъ о спорахъ по имущественнымъ сдѣлкамъ. Семинарій, такимъ образомъ, не былъ фабрикой теоретическаго знанія, а дѣйствительно давалъ подготовку для предстоящей практической дѣятельности юристовъ, въ отличіе отъ такъ называемыхъ «практическихъ занятій» на нашихъ факультетахъ, заключающихся въ чтеніи «рефератовъ» на отвлеченныя темы. Я могу утверждать, что одинъ семестръ въ Лейпцигѣ въ моемъ юридическомъ образованіи значилъ больше, чѣмъ всѣ 4 года прохожденія курса въ Петербургѣ съ прибавкой даже двухъ семестровъ, проведенныхъ въ Гейдельбергѣ.

Въ Лейпцигѣ пришлось имѣть встрѣчи, которыя нельзя не отмѣтить. Мы жили въ одной квартирѣ съ итальянцемъ Ферручіо Бузони, молодымъ музыкантомъ піанистомъ и начинающимъ композиторомъ. Это былъ обаятельный собесѣдникъ и рѣдко образованный человѣкъ. Бузони впослѣдствіи былъ приглашенъ профессоромъ въ петербургскую консерваторію, затѣмъ директоромъ консерваторіи въ Гельсингфорсѣ и сталъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ концертантовъ и композиторовъ. Мы съ нимъ проводили ночи въ интересной бесѣдѣ, и особенно цѣнила его общество, какъ музыканта, моя жена, усиленно занимавшаяся въ Лейпцигѣ музыкой. Мы съ Бузони подружились и съ большимъ волненіемъ ожидали вечера въ знаменитомъ Лейпцигскомъ Гевандгаузѣ, когда Бузони въ первый разъ дирижировалъ оркестромъ, исполнявшимъ его произведеніе.

Въ Лейпцигѣ я познакомился съ Соломономъ Манделькерномъ, бывшимъ помощникомъ общественнаго раввина въ Одессѣ, авторомъ знаменитыхъ Конкорданцій. На этомъ поразительномъ человѣкѣ стоитъ остановиться. Я съ нимъ познакомился въ «Кружкѣ славянскихъ студентовъ» въ Лейпцигѣ, имѣвшемъ особое помѣщеніе. Тамъ сходились русскіе студенты и проводили время въ чтеніи,

въ бесѣдахъ; иногда устраивались музыкальные вечера. Среди русскихъ студентовъ вращался человѣкъ невысокаго роста, съ наружностью типа ремесленника, но съ поразительно выдающимся лбомъ, подъ которымъ свѣтились блестѣвшіе яркимъ перебѣгающимъ свѣтомъ сѣрые глаза. Это былъ Манделькернъ. Я слышалъ о немъ еще въ Петербургѣ, по поводу его знаменитаго процесса съ редакторомъ «Гамелица» Цедербаумомъ. Въ Петербургѣ ходили разные пересуды о Манделькернѣ, вообще мало для него благопріятные. Познакомившись съ нимъ, я отнесся къ нему съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, но вскорѣ былъ пораженъ прямо невѣроятными, превосходившими всякій предѣлъ воображенія умственными его способностями. Мы въ названномъ кружкѣ продѣлывали опыты надъ его памятью: прочитывались цѣлыя страницы логарифмовъ, сухія шестизначныя числа, и черезъ нѣкоторое время Манделькернъ намъ повторялъ эти числа, не впадая ни разу въ ошибку. Ближе познакомившись съ нимъ, я увидѣлъ, что нѣтъ еврейской книги, которой бы Мандселькернъ не читалъ, изъ которой не запомнилъ бы отдѣльныхъ выраженій и не могъ бы указать страницы, гдѣ эти выраженія попадаются. Онъ обладалъ безбрежнымъ моремъ знаній. Его трудолюбіе и трудоспособность не имѣли границъ. Работать подрядъ 48 часовъ было для него обычнымъ дѣломъ. Онъ могъ проводить недѣлю безъ сна за умственнымъ трудомъ. Такого знатока Талмуда я не встрѣчалъ до него. Онъ превосходилъ въ этомъ отношеніи даже моего дѣтскаго учителя Чарнаго, о которомъ я упоминалъ раньше. Въ то время онъ былъ занятъ составленіемъ изданныхъ впослѣдствіи и создавшихъ ему безсмертное имя Конкорданцій на латинскомъ языкѣ. Въ то же время онъ былъ занятъ изученіемъ испанскаго языка. Способъ изученія новаго языка былъ у него особенно интересенъ: прочитавъ сначала грамматику новаго языка на доступномъ ему языкѣ, онъ затѣмъ прочитывалъ отъ первой до послѣдней страницы словарь, и черезъ короткое время оказывался знатокомъ новаго языка, на которомъ могъ свободно писать съ соблюденіемъ самыхъ тонкихъ нюансовъ. Въ этотъ періодъ Манделькернъ особенно увлекался спиритизмомъ. Онъ былъ сотрудникомъ аксаковскаго спиритическаго журнала, считался однимъ изъ самыхъ большихъ авторитетовъ въ области спири-

тизма. Онъ зналъ наперечетъ всѣхъ медіумовъ и отличительные ихъ признаки, зналъ всѣхъ «духовъ», бывшихъ въ «сношеніяхъ» съ этими медіумами. Увлеченіе спиритизмомъ у Манделькерна доходило до маніи. Его разсказы о продѣланныхъ спиритическихъ опытахъ были необычайны. Нѣкоторые изъ нихъ были настолько невѣроятны, что онъ самъ призывалъ въ свидѣтельницы, какъ очевидицу, свою жену, женщину высоко образованную и переносившую чудачества своего мужа съ необыкновенной снисходительностью. Не было той брошюры по спиритизму, которой Манделькернъ не зналъ бы... Онъ состоялъ при Лейпцигскомъ судѣ присяжнымъ переводчикомъ съ русскаго языка, впрочемъ, почти тамъ ненужнымъ. Главнымъ его занятіемъ было изданіе русскихъ учебниковъ и словарей на нѣмецкомъ языкѣ. Его невѣроятно эксплоатировали разные издатели, оплачивая его колоссальный трудъ буквально грошами. Въ практической жизни Манделькернъ былъ совершеннымъ ребенкомъ. Жена, отпуская его по утрамъ, выдавала ему только 10 пфениговъ на покупку сигары, ибо хранителемъ большимъ суммъ Манделькернъ быть не умѣлъ. Онъ всегда носилъ на одномъ изъ пальцевъ брилліантовое кольцо, подаренное ему изъ Кабинета его величества при Александрѣ II за сочиненіе и изданіе на древне-еврейскомъ языкѣ исторіи Россіи. Эта исторія составляла три тома; Манделькернъ писалъ ее будучи студентомъ факультета восточныхъ языковъ С.-Петербугскаго университета. Она издана Общ. Распр. Просвѣщенія. Она, по содержанію и группировкѣ историческаго матеріала, могла бы считаться однимъ изъ лучшихъ учебниковъ по исторіи Россіи. Экземпляръ этой книги онъ представилъ черезъ Кабинетъ Его Величества Государю, которому она была посвящена. Этимъ кольцомъ Кабинета онъ всегда гордился. Ему страстно хотѣлось вернуться въ Россію и занять гдѣ-либо должность общественнаго раввина. Я вошелъ въ переписку съ полтавскими общественными дѣятелями, предлагая имъ замѣстить свободную вакансію раввина въ Полтавѣ Манделькерномъ; но репутація Манделькерна была до того прочно установившаяся въ невыгодномъ смыслѣ, что мое предложеніе было отклонено. Безграничныя умственныя способности Манделькерна производили жуткое впечатлѣніе. Въ бесѣдѣ съ нимъ иногда казалось, что имѣешь дѣло съ чѣмъ-то демониче-

скимъ. Тяжелая жизнь пришибла его, и въ Лейпцигѣ онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, измятаго судьбою. Это была колоссальная умственная машина, перемалывавшая все, что встрѣчалось по пути. Впечатлѣніе, произведенное на меня Манделькерномъ, я не могу сравнить ни съ какимъ впечатлѣніемъ, вынесеннымъ мною изъ моего жизненнаго опыта и встрѣчъ съ различными людьми.

Работы въ Лейпцигѣ оставили во мнѣ слѣдъ на всю жизнь. Я какъ бы возвращался къ дѣтскимъ годамъ, когда, изучая фоліанты Талмуда, я доходилъ до умственнаго экстаза. Я чувствовалъ себя сразу обогатившимся обширными знаніями юристомъ, и появилась потребность дѣлиться своими знаніями, т. е. приступить къ литературно-научнымъ работамъ. Я жилъ юриспруденціей; внѣ ея меня ничто не интересовало. И незабвенными на всю жизнь останутся тѣ вечера, когда, живя въ одной комнатѣ, мы съ женой, — она за роялемъ, я надъ книгой, — проводили трудовые часы, воздѣйствуя другъ на друга; гармонія, звучавшая подъ ее пальцами, какъ бы окрыляла мою мысль, а въ перерывахъ игры она съ увлеченіемъ слушала мою восторженную передачу изъ прочитаннаго, и тѣхъ думъ, которыя во мнѣ возбуждало прочитанное. Жизнь была наполнена той высокой эстетической и умственной радостью, которую воспринять способны лишь очень молодые люди, страстно преданные искусству или наукѣ.

Одновременно со мною слушалъ лекціи у нѣкоторыхъ профессоровъ, особенно усердно у Биндинга, баденскій принцъ Максъ, впослѣдствіи канцлеръ Германіи, сыгравшій политическую роль, которую вполнѣ раскроетъ лишь будущая исторія, въ нѣмецкой революціи 1918 г. Онъ вмѣстѣ съ наслѣднымъ принцемъ баденскимъ числился въ одно время со мною студентомъ Гейдельбергскаго университета, но лекцій слушалъ тамъ мало; въ Лейпцигѣ же былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ слушателей. Если случайно онъ пропускалъ лекціи, то обращался ко мнѣ за моей тетрадкой, чтобы дополнить пропущенное. Онъ отлично говорилъ по-русски, такъ какъ онъ былъ внукомъ императора Николая I (мать его — дочь Николая I, была замужемъ за Баденскимъ принцемъ Максиміаномъ). Нечего говорить, что посѣщеніе лекцій принцемъ изъ коронованнаго дома для меня, выросшаго въ русскихъ порядкахъ, было явленіемъ необычнымъ.

Насколько университетъ въ Лейпцигѣ занималъ центральное мѣсто въ Саксоніи, видно изъ того, что время отъ времени на лекцію, въ особенности новаго профессора или профессора особенно именитаго, пріѣзжалъ Саксонскій король. При мнѣ старикъ король просидѣлъ два часа на лекціи проф. Зома.

И изъ чувства благодарности, и по интересу, представляемому отдѣльными профессорами, я не могу не подѣлиться своими, хотя бы краткими, воспоминаніями о каждомъ изъ этихъ профессоровъ. Проф. Биндингъ — сравнительно молодой брюнетъ, съ окладистой бородой, съ львиной гривой, необычайно пылкаго темперамента, читалъ лекціи по уголовному праву съ большимъ подъемомъ и увлеченіемъ. Онъ былъ авторомъ одного изъ самыхъ сложныхъ трудовъ по уголовному праву и самаго обширнаго изъ существовавшихъ учебниковъ по этой наукѣ; но лекціи онъ излагалъ въ очень сжатомъ видѣ, держась программы, которую раздавалъ студентамъ заранѣе. Вмѣсто учебника для руководства слушателей имъ изданъ былъ проспектъ (Grundriss) по предмету, который онъ читалъ. Свободное, краснорѣчивое изложеніе увлекало слушателей. Передъ концомъ лекціи онъ, какъ бы командуя военнымъ батальономъ, произносилъ: «schreiben» — «писать». Всѣ слушатели, а ихъ было много въ его аудиторіи, быстро хватались за карандаши и заносили, слово въ слово, выводы изъ лекціи подъ диктовку Биндинга. Къ концу семестра, такимъ образомъ, накоплялись въ тетради каждаго слушателя краткія формулы, исчерпывающія, однако, по своей полнотѣ и точности формулировки, весь прочитанный профессоромъ курсъ. И все это успѣвалъ Биндингъ дѣлать въ теченіе одного семестра, т. е. въ 4 мѣсяца, читая 4 часа въ недѣлю. Самое содержаніе его лекцій было глубже, чѣмъ, напримѣръ, лекціи, которыя я слушалъ въ Гейдельбергѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ были ярко окрашены тою теоріей («теорія нормъ»), которой держался самъ профессоръ. Въ отличіе отъ другихъ лекторовъ, Биндингъ не претендовалъ на «объективность» и трактовалъ свой предметъ со своей индивидуальной точки зрѣнія. Въ этомъ отношеніи у Биндинга было много общаго съ русскими профессорами, которые тоже не умѣютъ объективировать свои лекціи и желаютъ изъ слушателя сдѣлать спеціалиста своей науки по собственному об-

разцу, хотя бы образецъ и былъ не совсѣмъ удаченъ. Я нѣсколько разъ посѣтилъ Биндинга на дому, желая нѣсколько ближе заинтересовать его моими научными работами. Онъ былъ любезенъ, но мое желаніе осталось неосуществленнымъ. Биндингъ считалъ себя слишкомъ высоко стоящимъ на научной лѣстницѣ, чтобы войти въ интересы начинающаго, въ особенности не-нѣмца. Правда, онъ былъ очень занятъ, и отдавать время отдѣльнымъ лицамъ, желавшимъ извлечь пользу изъ общенія съ нимъ, не могъ. Одновременно съ профессурой онъ занималъ должность члена мѣстнаго Ландгерихта по уголовному отдѣленію. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ посѣщать засѣданія этого суда, съ участіемъ Биндинга: я надѣялся получить представленіе о томъ, какъ такой великій теоретикъ дѣйствуетъ на практикѣ; но само собой разумѣется, что присутствіе его въ засѣданіяхъ суда въ качествѣ члена коллегіи не дало мнѣ для этого никакого матеріала.

Проф. Оскаръ Бюловъ, незадолго до того перешедшій въ Лейпцигъ изъ провинціальнаго Тюбингена, сохранилъ еще всѣ привычки профессора маленькаго университета. Отъ времени до времени онъ устраивалъ у себя вечера для своихъ слушателей, приглашалъ ихъ къ ужину, старался быть въ общеніи съ тѣми изъ слушателей, которыхъ онъ считалъ наиболѣе заслуживающими вниманія. Ровный и спокойный человѣкъ, глубокій и тонкій знатокъ пандектовъ, онъ на лекціяхъ съ большой нѣмецкою педантичностью и осторожностью выбиралъ свои выраженія, избѣгая всякой ненужной подробности, всякой неподготовленной внезапно осѣнившей его мысли, — избѣгая всего, что могло бы усложнить ходъ изложенія. Онъ пунктуально держался разъ избранной системы, и этимъ своимъ свойствомъ, оказалъ очень плодотворное вліяніе на слушателей и, долженъ сказать, спеціально на меня. Кромѣ римскаго права (пандектовъ) я слушалъ у него курсъ гражданскаго процесса. Я уже упомянулъ о томъ, что онъ былъ творцомъ теоріи процесса. Создать научную теорію въ отношеніи процессуальныхъ правилъ представляется дѣломъ нелегкимъ. Эти правила заключаются въ практическихъ указаніяхъ, какъ надо поступать при производствѣ дѣла въ судѣ, подготовкѣ его, разрѣшеніи его; подробно указывается, что каждый долженъ дѣлать и въ

слѣдованіи этимъ предписаніямъ процессуальнаго закона примѣнитель закона никакого творчества не проявляетъ. Поэтому правила судопроизводства поддаются лишь нѣкоторымъ, и то практическимъ обобщеніямъ; возвысить эти правила до высоты научныхъ принциповъ удавалось весьма немногимъ ученымъ - процессуалистамъ. Однимъ изъ такихъ немногихъ, и при томъ наиболѣе успѣшнымъ, и былъ Оскаръ Бюловъ.

Увлекательны были лекціи молодого профессора Ваха. Въ Лейпцигѣ онъ пользовался репутаціей недюжиннаго музыканта. Онъ былъ женатъ на дочери композитода Мендельсона-Бартольди, правнучкѣ Мозеса Мендельсона. Молодой, красивый, энергичный, онъ тоже былъ уже авторомъ серьезныхъ трудовъ; какъ и Бюловъ, по гражданскому процессу. Онъ читалъ, помимо этого предмета, курсъ конкурснаго права. У насъ въ Россіи въ университетѣ, въ мое время, торговое право вовсе не преподавалось, а о конкурсномъ правѣ знали лишь по знаменитымъ «конкурсамъ», заправилы которыхъ иногда попадали подъ судъ; съ понятіемъ конкурса связывали умѣніе обходить кредиторовъ и обдѣлывать всякаго рода дѣла подъ слабымъ надзоромъ коммерческихъ судовъ. Я не могъ себѣ представить всей красоты и элегантности построенія самыхъ сложныхъ юридическихъ институтовъ, совокупность которыхъ составляетъ теорію конкурснаго права. Вахъ былъ, если можно такъ выразиться, поэтомъ въ юриспруденціи. Необычайная красота возводимыхъ имъ построеній, логически - архитектурныхъ и гармоническихъ, была прямо увлекательна. Для неопытнаго въ практической жизни человѣка фактическая обстановка, сопровождающая конкурсы и требующая разрѣшенія на точномъ основаніи юридическихъ нормъ, сама по себѣ представляла большой интересъ, а самый способъ разрѣшенія возникающихъ при этомъ вопросовъ интересовалъ меня еще больше, такъ какъ напоминалъ собою талмудическую работу мысли. Я вынесъ впечатлѣніе, что большинство слушателей не подготовлено къ тому, чтобы съ успѣхомъ слѣдить за лекціями Ваха по конкурсному праву. И, дѣйствительно, аудиторія была не особенно многолюдна.

Громадное впечатлѣніе производили на слушателей, и на меня въ особенности, лекціи проф. Зома, уже немоло-

дого ученаго, также автора знаменитыхъ трудовъ по римскому праву и по исторiи нѣмецкаго права. Худой, болѣзненный и при томъ почти глухой, онъ стоя на кафедрѣ, съ большимъ увлеченiемъ углублялся въ сущность излагаемаго предмета, развивая тонкую сѣть интересныхъ мыслей. Зомъ напоминалъ проповѣдника. Я слушалъ у него курсъ торговаго права и курсъ исторiи нѣмецкаго права. Талантливо рисовалъ онъ картину средневѣковаго германскаго юридическаго быта, смѣлыми гипотезами обосновывалъ преемственную связь феодальныхъ институтовъ съ новѣйшимъ правомъ, и изображалъ весь ходъ развитiя правовыхъ институтовъ. Я бы его назвалъ романтикомъ по настроенiю. Нѣкоторыя части его лекцiй прямо просились въ сборникъ художественныхъ литературныхъ произведенiй. Онъ такъ красиво умѣлъ излагать значенiе символизма въ институтахъ права, разные обычаи, соблюдавшiеся при переходѣ, напримѣръ, права на недвижимое имущество отъ одного лица къ другому, что слушая его, вы себѣ живо представляли всю обстановку средневѣковья, — эти сдѣлки, содержанiе которыхъ невозможно было фиксировать при помощи писанныхъ документовъ, и потому приходилось, посредствомъ выразительныхъ символическихъ обрядовъ и тѣлодвиженiй, фиксировать существо этихъ сдѣлокъ въ живой памяти окрестныхъ людей.

Время проведенное мною въ Гейдельбергѣ и затѣмъ въ Лейпцигѣ, было особо знаменательнымъ въ исторiи юридической науки въ Германiи: создавалось общее германское гражданское право. Законодательныя комиссiи и парламентъ были заняты подготовительными работами по разработкѣ того проекта, который въ 1900 г. сталъ общегерманскимъ Гражданскимъ Уложенiемъ. Въ литературѣ царило большое оживленiе. Наука гражданскаго права привлекала къ себѣ наибольшее вниманiе. Если наука уголовнаго права переживала кризисъ, вслѣдствiе новыхъ вѣянiй, о которыхъ я уже упоминалъ, и требовала новыхъ путей къ разрѣшенiю не только юридическихъ, но и соцiальныхъ вопросовъ, связанныхъ съ проблемой преступности, то наука гражданскаго права въ Германiи призвана была сыграть большую политическую роль въ созданiи общихъ нормъ права, какъ фактическаго завершенiя германскаго объединенiя, начатаго въ 1870 г. Объединенныя нѣмецкiя государства имѣли уже общее германское уго-

ловное право, общее торговое право, имѣли и кодексъ судопроизводственный, дѣйствующій одинаково во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ; самое судебное устройство уже было объединено (за исключеніемъ отчасти Баваріи), суды направлялись въ единообразной работѣ правосудія руководительствомъ единаго верховнаго судилища, Reichsgericht'а въ Лейпцигѣ, но въ матеріальномъ гражданскомъ правѣ еще господствовала та же пестрота, что и до созданія германской имперіи. Объединить отдѣльныя ея части общимъ гражданскимъ правомъ было дѣломъ нелегкимъ. Имущественныя отношенія, нормированныя отдѣльными законодательными актами въ отдѣльныхъ государствахъ, затрагивали слишкомъ много частныхъ интересовъ, чтобы ихъ можно было съ легкостью подчинить новымъ нормамъ. Реформа не могла не вызвать нѣкотораго потрясенія; ясно, почему гражданскіе законы позже другихъ стали общими для всей Германской Имперіи. Роль объединительницы гражданскаго права въ Германіи играла теорія, въ видѣ римскаго «пандектнаго права». Этимъ и объясняется, — какъ я уже указывалъ раньше, — развитіе науки гражданскаго права въ Германіи. Пандектное право такъ и называлось въ курсѣ профессоровъ «общимъ гражданскимъ правомъ». Подготовительныя работы для изданія новаго общаго гражданскаго уложенія были дѣломъ не только практиковъ. Комиссія для выработки проекта гражданскаго уложенія объединяла въ себѣ лучшія имена германскихъ цивилистовъ. Жизнь объединенной въ одно государство Германіи, необычайное развитіе промышленности и торговли, вызвавшее новыя формы гражданскихъ отношеній, акціонерныя предпріятія и другія формы имущественныхъ ассоціацій въ видѣ командитныхъ товариществъ и т. п. — все это выдвигало вопросы, которые требовали и теоретической разработки. Эту работу исполняла германская наука съ той же энергіей, съ какой развивались, требуя отъ нея общихъ нормъ, промышленность и торговля. Каждая книга, и каждый выпускъ юридическаго журнала вносили что-либо новое. Глаза разбѣгались отъ интересныхъ работъ, большихъ и малыхъ, которыя выпускались книжнымъ рынкомъ, сосредоточеннымъ, главнымъ образомъ, въ Лейпцигѣ.

Однако, время, бывшее въ моемъ распоряженіи, было слишкомъ короткимъ, и какъ мнѣ ни жаль было, а

приходилось разстаться съ Лейпцигскимъ факультетомъ, въ которомъ я такъ много поработалъ и могъ бы еще поработать съ большою пользою. Мы переѣхали во Францію, причемъ выборъ мой палъ на юридическій факультетъ въ Ліонѣ.

Съ понятіемъ о Франціи всегда связываютъ представленіе о Парижѣ. Научная работа «во Франціи» означаетъ работу въ Сорбоннѣ или въ другой высшей школѣ Парижа. Я былъ единственнымъ и первымъ русскимъ бывшимъ студентомъ, появившимся въ Ліонской Ecole de Droit. Даже на медицинскомъ факультетѣ въ Ліонѣ, имѣвшемъ громкую репутацію, благодаря Клодъ-Бернару, не было ни одного русскаго студента, и велико было удивленіе профессоровъ, къ которымъ я по пріѣздѣ явился съ визитомъ и объяснилъ цѣль моего пріѣзда, что къ нимъ явился слушатель изъ далекой и представлявшейся многимъ варварской Россіи. Это было время до алліанса съ Франціей; обязательной любезности по отношенію къ русскимъ еще не существовало. Выбралъ же я ліонскій факультетъ, руководствуясь тѣмъ, что въ моемъ распоряженіи былъ всего одинъ семестръ, а Парижъ представлялъ слишкомъ много соблазна и отвлеченія отъ работы; и жизнь въ Парижѣ несомнѣнно обходилась бы дороже, чѣмъ въ Ліонѣ, а между тѣмъ мои средства были чрезвычайно ограничены, — я вообще располагалъ на жизнь, вмѣстѣ съ женою, отъ 100 до 150 руб. въ мѣсяцъ. Скажу кстати тутъ же, что это была эпоха невѣроятнаго паденія курса рубля, и что по пріѣздѣ въ Ліонъ я съ большимъ трудомъ могъ получать за 100 руб. — 190 франковъ; даже въ «Ліонскомъ Кредитѣ», имѣвшемъ свое отдѣленіе въ Петербургѣ, при размѣнѣ требовали отъ меня подписки въ томъ, что, если въ ближайшемъ будущемъ курсъ еще упадетъ, то я разницу обязанъ буду пополнить.

Съ точки зрѣнія научной, Ліонъ представлялъ для меня нѣкоторый интересъ. Еще въ Петербургѣ я ознакомился съ трудами проф. Гарро (Garraud) и, какъ ни мало мнѣ знакома была французская литература по уголовному праву, я не могъ не замѣтить, что Гарро является представителемъ новой эпохи во французской наукѣ. Онъ, совершенно независимо отъ Листа, шелъ по пути, указываемому уже новымъ направленіемъ, намѣтившимся въ уголовномъ правѣ, такъ называемымъ, соціологическимъ. Его

обширный курсъ по уголовному праву, который къ тому времени вышелъ всего въ первыхъ двухъ томахъ, изобличалъ въ немъ даже «нѣмецкую» склонность къ общимъ разсужденіямъ, и этимъ онъ выгодно отличался отъ другихъ, болѣе старыхъ, авторитетовъ-криминалистовъ, дававшихъ въ своихъ трудахъ больше практическаго, чѣмъ обобщающаго теоретическаго матеріала. Оказалось, что Гарро, еще сравнительно молодой человѣкъ, одновременно съ профессурой занимался и адвокатурой; странно — кліентовъ этотъ талантливый юристъ имѣлъ немного.

Французскій университетъ не представлялъ собою того, что мы привыкли подъ этимъ именемъ понимать. По примѣру германскихъ, наши русскіе университеты всегда были особыми корпораціями, имѣющими нѣкоторую степень автономности, расширяемую или суживаемую, смотря по политическому направленію; — чѣмъ либеральнѣе режимъ, тѣмъ больше автономности, реакціонное же правительственное направленіе всегда стремилось къ ея уменьшенію. Во Франціи этого вопроса не существуетъ. «Университетъ» является не однимъ конкретнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ съ разными факультетами, а представляетъ совокупность всего активнаго образовательнаго аппарата во всей Франціи; при господствующей централизаціи управляетъ этимъ аппаратомъ центральная власть, т. е. министерство народнаго просвѣщенія; объ автономіи и вопроса не возбуждается. Тамъ существуютъ отдѣльныя высшія школы, соотвѣтствующія университетскому факультету у насъ, но не объединенныя въ смыслѣ завѣдыванія и управленія совокупностью факультетовъ. Наряду съ медицинской высшей школой самостоятельно существуетъ школа права — **Ecole de Droit** — но можетъ существовать въ данномъ городѣ и только одна изъ нихъ — единичный факультетъ безъ какихъ бы то ни было другихъ факультетовъ. То же самое, конечно, было и въ Ліонѣ: Медицинскій факультетъ, поставленный на большую высоту извѣстнымъ профессоромъ Клодомъ Бернаромъ, не имѣлъ ничего общаго съ нашей **Ecole de Droit**, которая помѣщалась въ другомъ концѣ города; наша школа имѣла своего начальника — декана, совершенно независимаго отъ того, кто завѣдывалъ **Ecole de Medecine**.

Въ Ліонѣ пріѣзжему легко было устроиться — и уютно, и недорого. Городъ, необычайно красивый, разсѣченъ на три части двумя многоводными рѣками: Роной и Соной. Южный французскій темпераментъ отразился на архитектурѣ города и на всемъ внѣшнемъ его видѣ. Большое оживленіе; чувствуется, что вы въ крупномъ промышленномъ центрѣ. Въ Ліонѣ сохранилось много древнихъ памятниковъ римскаго времени, но о нихъ мало заботятся практическіе французы. Нечего говорить, что ни одной знакомой французской семьи у насъ въ Ліонѣ не было. Заводить знакомства, помимо недостатка времени, препятствовало и весьма слабое мое знаніе французскаго языка. Какъ нѣмецкому языку, такъ и французскому и англійскому я обучился самоучкой. Ко времени пріѣзда въ Ліонъ я свободно читалъ по французски и могъ понимать французскую рѣчь, но самому говорить, въ особенности правильно произносить по французски, для меня было дѣломъ нелегкимъ, и это меня очень стѣсняло.

Кромѣ проф. Гарро, я слушалъ лекціи и у профессора гражданскаго права, которымъ былъ тогда проф. Каймеръ (Caillemere). Я записался на лекціи разныхъ курсовъ для того, чтобы имѣть болѣе полное представленіе о прохожденіи юридическихъ наукъ во Франціи. Въ Гейдельбергѣ меня удивляла элементарность преподаванія въ смыслѣ научномъ; во Франціи я былъ озадаченъ практическимъ направленіемъ преподаванія, превращавшимъ лекціи въ послѣдовательные комментаріи отдѣльныхъ статей того или другого кодекса. На первомъ курсѣ читается первая часть кодекса Наполеона (Code civil), на второмъ — читается слѣдующая часть кодекса, и т. д. Каждый годъ прохожденія курса въ Ecole de Droit даетъ право на занятіе извѣстной должности, и поэтому преподаваніе приноровлено къ тому, чтобы каждый курсъ далъ цѣльную практическую подготовку къ этимъ должностямъ. Нѣтъ никакихъ теоретическихъ обобщеній. Для того, чтобы дойти до гражданскаго права въ нашемъ университетѣ, необходимо проплыть, часто безъ надлежащаго руля и компаса море и энциклопедіи, и философіи права, углубиться въ изысканія по исторіи права и т. д. Французскій студентъ уже съ первой лекціи юридическаго факультета читаетъ опредѣленную статью кодекса, и профес-

соръ ее комментируетъ, объясняя ея значеніе, случаи ея примѣненія, и лишь попутно, при комментаріяхъ, касаясь общихъ принциповъ. Тотъ же самый способъ примѣняется и къ преподаванію другихъ отраслей права, напримѣръ, уголовной. Я себѣ, впрочемъ, скоро объяснилъ причину этого явленія; Франція цѣлый вѣкъ просуществовала при дѣйствіи общихъ нормъ, созданныхъ геніемъ Наполеона I и съ тѣхъ поръ не претерпѣвшихъ значительныхъ перемѣнъ. Почти за цѣлое столѣтіе юридическая мысль традиціонно вертѣлась въ предѣлахъ данныхъ формулъ готоваго кодекса. Объединяющая практика кассаціоннаго суда, дѣйствовавшаго почти столѣтіе, устраняла надобность въ исканіяхъ общихъ формулъ и научныхъ обобщеній. Юридическое преподаваніе поэтому превратилось въ юридическую выучку, въ пріученіе молодыхъ юристовъ къ способамъ оперированія готовымъ закономъ по направленіямъ, твердо установленнымъ судебной практикой кассаціоннаго суда.

Пребываніе въ Ліонѣ въ качествѣ слушателя факультета давало поводъ на каждомъ шагу возвращаться мыслью къ Наполеону I; именно въ провинціи, а не въ Парижѣ, гдѣ вы отвлекаетесь ежедневно новыми и политическими, и общественными, и художественными явленіями. Въ Ліонѣ моя работа постоянно приводила меня назадъ къ Наполеону, и я невольно приходилъ въ изумленіе отъ генія этого преобразователя Франціи. На каждомъ шагу — учрежденія, созданныя Наполеономъ I. Вся гражданская жизнь нормируется правилами, имъ же изданными. Судоустройство во внѣшнемъ своемъ строеніи не потерпѣло измѣненій со времени Первой Имперіи. Извѣстно, что нигдѣ бюрократія такъ не сильна, вслѣдствіе желѣзной централизаціи, какъ именно во Франціи, — и это есть работа Наполеона I, стремившагося этой централизаціей укрѣпить свою императорскую власть. А между тѣмъ — памятниковъ этому величайшему генію во Франціи не существуетъ, кромѣ какъ на Place Vandôme и Дома Инвалидовъ въ Парижѣ, построеннаго самимъ Наполеономъ. Это, конечно, объясняется политическими причинами. Но отсутствіе этихъ памятниковъ имѣетъ и глубокій внутренній смыслъ: не было надобности запечатлѣвать въ памяти будущихъ поколѣній эпоху Наполеона I какими-нибудь внѣшними знаками, — вся жизнь Франціи шла до

сихъ поръ по пути, заново проложенному, какъ прокладывались римскія дороги во времена Римской Имперіи, Наполеономъ I.

То время, которое я провелъ въ Ліонѣ, было временемъ большого политическаго оживленія, параллельнаго тому возбужденію, которое я отмѣтилъ въ отношеніи Германіи. Это была эпоха буланжистскаго движенія, созданнаго агитаціей о «генералѣ Буланже на бѣломъ конѣ», предназначенномъ исцѣлить Францію отъ республиканскаго недуга и осуществить реваншъ. Французскіе студенты, — и въ этомъ отношеніи они похожи на германскихъ, — обыкновенно не принимаютъ участія въ политической жизни страны, отличаясь этимъ отъ русскаго студенчества, которое всегда являлось какъ бы авангардомъ политическихъ движеній, поскольку такія движенія въ Россіи прежняго режима были мыслимы. Между тѣмъ, именно буланжистское движеніе охватило значительную часть студенчества. Я не могу сказать, явилось ли это результатомъ спеціальной агитаціи среди молодежи, или же было плодомъ того, что на воспріимчивое воображеніе легче вліяла стимулирующая легенда о героѣ, генералѣ Буланже, который вообще умѣлъ дѣйствовать на воображеніе. Студенчество рѣзко дѣлилось на буланжистовъ и антибуланжистовъ. Происходили манифестаціи съ участіемъ студентовъ, или даже устраиваемыя студентами, за и противъ Буланже. Дѣло не обходилось безъ столкновеній, приводившихъ, при французскомъ, въ особенности южномъ темпераментѣ, и къ кулачнымъ расправамъ. Въ аудиторіяхъ до прихода профессоровъ одна часть распѣвала пѣсенки буланжистскія, другая часть — антибуланжистскія. Одни восклицали: «Vive Boulanger!», а другіе, постукивая каблуками, распѣвали «Conspuez Boulanger!».

Другая злоба дня, вызывавшая большія распри въ то время среди ліонскаго студенчества, выражалась въ движеніи противъ вивисекціи. Вопросъ этотъ особенно занималъ студенчество въ Ліонѣ, гдѣ много было медиковъ, слушателей Ecole de Medecine. Я помню, какъ одна дама объявила публичную лекцію противъ вивисекціи въ одномъ изъ самыхъ большихъ концертныхъ помѣщеній въ Ліонѣ. Залъ былъ биткомъ набитъ, главнымъ образомъ,

студентами. Горячая, талантливая лекція, сопровождавшаяся картинами на экранѣ волшебнаго фонаря, съ изображеніями мучительствъ надъ животными, съ первой же минуты встрѣтила протесты со стороны противниковъ анти-вивисекціонистской агитаціи. Протесты быстро превратились въ необузданные крики, и никакія убѣжденія спокойной части слушателей, обращенныя къ протестантамъ, дать возможности лекторшѣ докончить свою лекцію, не могли подѣйствовать. Дѣло кончилось кулачнымъ боемъ, и полиція разогнала собраніе.

Я исправно слушалъ лекціи Гарро и Каймера, хотя долженъ сказать, что для меня эти лекціи представляли скорѣе упражненіе во французскомъ языкѣ, чѣмъ въ юриспруденціи.

Особый интересъ представлялъ въ Ліонѣ профессоръ судебной медицины Лакасань (Lacassagne), создавшій при медицинскомъ факультетѣ особый кабинетъ судебной медицины.

Лакасань былъ новаторомъ въ области судебной медицины; онъ издавалъ вмѣстѣ съ другими профессорами Ліона и Нанси журналъ, посвященный уголовной соціологіи. Журналъ впрочемъ вскорѣ прекратилъ свое существованіе. Въ его любопытномъ, тогда единственномъ въ Европѣ, кабинетѣ судебной медицины имѣлся богатый и чрезвычайно поучительный съ точки зрѣнія криминалистики матеріалъ, въ видѣ богатой коллекціи фотографій преступниковъ; въ особенности, рецидивистовъ, осуществляющихъ собою типъ такъ наз. «врожденнаго преступника», по терминологіи Ломброзо и его послѣдователей, представителей итальянской «антропологической» школы. Была въ кабинетѣ Лакасаня и коллекція автографовъ преступниковъ, съ ярко выраженными чертами вырожденія у авторовъ этихъ писемъ. Наконецъ. имѣлась коллекція статистическихъ діаграммъ, касающихся преступности. Лакасань составлялъ періодически «уголовный календарь», заключающій въ себѣ распредѣленіе по мѣсяцамъ количества совершаемыхъ преступленій, съ раздѣленіемъ на отдѣльные виды преступныхъ дѣяній, начиная съ 1827 г., на основаніи опубликованныхъ оффиціальныхъ данныхъ по уголовной юстиціи во Франціи. Наконецъ, въ его кабинетѣ можно было ознакомиться съ практическимъ примѣ-

неніемъ «антропометріи», т. е. способомъ распознаванія преступниковъ и въ особенности рецидивистовъ по измѣреніямъ отдѣльныхъ частей тѣла, — способъ, введенный парижскимъ врачемъ Жакомъ Бертильономъ, распространявшійся по всей Европѣ, и имѣвшій, въ частности, большой успѣхъ въ Россіи. Впослѣдствіи, въ Петербургѣ, устроенъ былъ особый антрометрическій кабинетъ при сыскной полиціи. Этотъ способъ нынѣ замѣненъ дактилоскопіей, т. е. снятіемъ отпечатковъ внутренней стороны пальцевъ. Мнѣ довелось первому изложить антропометрическій способъ въ специальной юридической литературѣ въ Россіи.

Лакасань былъ чрезвычайно увлеченъ вопросами криминалистики, и поэтому я поздравлялъ себя съ выборомъ ліонскаго факультета: при выборѣ я еще не могъ имѣть въ виду полезныхъ занятій у Лакасаня, такъ какъ имя его и труды ни въ Россіи, ни въ Германіи не были извѣстны.

Я долженъ упомянуть, что новыя теченія въ уголовномъ правѣ сближали науку о немъ, въ особенности, съ психіатріей, и я еще въ Гейдельбергѣ, на второмъ семестрѣ моего тамъ пребыванія, слушалъ лекціи въ клиникѣ извѣстнаго въ Германіи психіатра Фюрстнера. Небольшая клиника его была чрезвычайно интересна. Около сотни больныхъ, распредѣленныхъ по родамъ душевнаго заболѣванія, были какъ бы тщательно «подобраны», въ томъ смыслѣ, что въ каждомъ отдѣленіи можно было прослѣдить все развитіе недуга, начиная съ первой стадіи заболѣванія и кончая послѣдней. Это была какъ бы опытная станція душевныхъ болѣзней. И даже мнѣ, не медику, лекціи Фюрстнера, демонстрируемыя на больныхъ, многое дали и разъяснили много вопросовъ, занимавшихъ меня, какъ криминалиста, — особенно въ области той проблемы, которая въ наукѣ получила названіе «уменьшенной вмѣняемости и отвѣтственности». Выскажу тутъ же заключеніе, къ которому я тогда пришелъ: относить преступниковъ къ категоріи душевно-больныхъ, усматривать въ преступникѣ больного или, какъ выражаются другіе, соціально больного, является плодомъ увлеченія матеріализмомъ, весьма опаснаго, отнюдь не содѣйствующаго оздоровленію общественной морали; послѣдняя требуетъ, напротивъ того, укорененія принципа личной ин-

дивидуальной отвѣтственности каждаго гражданина за свои поступки. Не убѣдилъ меня въ противномъ и антропологическій и соціалогическій матеріалъ, изученный мною въ кабинетѣ судебной медицины Лакасаня.

Періодъ моего пребыванія въ заграничныхъ университетахъ ознаменовался и другой новизной въ области изученія душевныхъ явленій вообще и преступнаго міра въ частности. Я говорю о явленіяхъ гипнотизма, который сталъ тогда предметомъ спеціальнаго изученія со стороны французскихъ врачей, образовавшихъ такъ наз. «школу Нанси», т. е. кругъ врачей, группировавшихся вокругъ профессоровъ медицинскаго факультета въ Нанси, а затѣмъ и въ Парижѣ. Изысканія надъ явленіями гипнотизма привели и къ юридической проблемѣ: о предѣлахъ вліянія посторонней воли на дѣйствія человѣка, — главнымъ образомъ, на дѣйствія преступныя, которыя могутъ совершаться подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія, или внушенія равносильнаго по силѣ гипнотическому. Отсюда вытекалъ рядъ кардинально-важныхъ для науки уголовнаго права вопросовъ — съ одной стороны о вмѣняемости, съ другой — примѣненіи гипнотическаго внушенія, для отысканія виновныхъ, съ третьей — о гипнотизмѣ, какъ средствѣ исправленія преступниковъ, вмѣсто попытокъ устраивать дорого стоющія тюрьмы съ режимомъ, расчитаннымъ на исправляющее перевоспитаніе... Гипнотизмъ сталъ моднымъ вопросомъ не только въ научныхъ сферахъ; имъ заинтересовались и широкіе круги общества, и многіе, вѣроятно, помнятъ то время въ концѣ прошлаго столѣтія, когда мысль, неудовлетворенная пронесшимся надъ просвѣщеннымъ человѣчествомъ, начиная съ половины прошлаго столѣтія, вихремъ матеріализма, стала искать себя выхода въ изученіи явленій загадочныхъ, въ спиритизмѣ, гипнотизмѣ, теософіи, вообще, вѣры въ скрытый отъ насъ міръ, и готова была бы пойти на встрѣчу новой религіи, если бы только нашелся надлежащій пророкъ. Успѣхъ проповѣди Толстого объ оздоровленіи человѣчества и явился результатомъ этой потребности. Во всѣхъ образованныхъ кругахъ общества стали усиленно заниматься гипнотическими опытами; появились гипнотизеры, которые производили свои опыты передъ публикой.

Заинтересовался гипнотизмомъ и я, какъ будущій криминалистъ, желавшій использовать свою научную подготовку полностью и во всѣхъ отношеніяхъ. Я не предавался въ этой области большимъ увлеченіямъ; по свойственному мнѣ (быть можетъ, вынесенному изъ моихъ занятій въ дѣтствѣ старою еврейскою письменностью) консерватизму, я относился съ осторожностью къ моднымъ вѣяніямъ въ наукѣ. Я усердно слѣдилъ за всѣмъ новымъ, но не становился адептомъ всякой новой теоріи или новаго теченія.

Будучи поглощенъ научной работой, раскрывавшей для меня новые, широкіе горизонты, я уже не имѣлъ возможности использовать пребываніе заграницей для другихъ обще-образовательныхъ цѣлей. Не предпринималъ никакихъ поѣздокъ, не имѣлъ даже возможности посѣщать музеи искусствъ, и — стыдно сознаться — будучи въ Лейпцигѣ, въ часѣ ѣзды отъ Дрездена, я не посѣтилъ Дрезденской галлереи, несмотря на большой мой интересъ къ предметамъ искусства. Впрочемъ, и средства, которыми я располагалъ, не давали мнѣ свободы тратить хотя бы и небольшія деньги на поѣздки.

Внѣ научной работы для меня ничего не существовало. Забыты были и начавшій бушевать въ Россіи антисемитизмъ, и буря усиливавшейся реакціи, направляемая твердой рукой Александра III. Я жилъ въ области, куда не доходили обыкновенныя злобы дня, внѣ общества, безъ знакомыхъ, безъ товарищей; своими мыслями, роившимися въ головѣ и какъ бы выливавшимися черезъ край мозгового сосуда, я дѣлился только съ женою. Даже такое событіе громадной политической важности, какъ смерть Вильгельма I во время моего пребыванія въ Лейпцигѣ, не оставило во мнѣ никакихъ впечатлѣній. Когда я былъ въ Ліонѣ, умеръ Фридрихъ II. Ліонская публика отнеслась къ этой смерти съ нескрываемымъ злорадствомъ, несмотря на то, что Фридрихъ былъ императоръ миролюбивый, между тѣмъ, какъ милитаристскія наклонности его преемника — Вильгельма II, были извѣстны и вызывали уже тогда опасенія за сохраненіе мира въ Европѣ.

Во время пребыванія въ Ліонѣ я сталъ приводить въ нѣкоторый порядокъ собранные мною матеріалы для

предстоящей магистерской диссертаціи: тему для нея я избралъ ту же, которую разработалъ въ студенческомъ сочиненіи. Новыя мои познанія по уголовному праву требовали выхода, и моя научно-литературная работа, которая, мнѣ тогда представлялось, будетъ обширной, и которой, думалъ я, будетъ посвящена вся моя будущая дѣятельность, — началась именно въ Ліонѣ. Полученное тамъ первое извѣстіе о принятіи одной моей статьи, для напечатанія въ юридическомъ журналѣ, а затѣмъ другой работы въ общемъ журналѣ «Вѣстникъ Европы», причинило мнѣ понятное удовлетвореніе, знакомое всякому начинающему писателю. Только работать въ Ліонѣ было чрезвычайно трудно, вслѣдствіе необычайно высокой температуры въ лѣтніе мѣсяцы, — жара доходила до 35 градусовъ по Реомюру, раскаленный воздухъ стоялъ безъ движенія, несмотря на протекающія по городу двѣ большія рѣки.

Съ особымъ интересомъ посѣщалъ я засѣданія суда. И въ Ліонѣ судъ помѣщался въ рѣдко красивомъ зданіи, подобно тому, какъ выдѣляется Palais de Justice въ Парижѣ и въ другихъ городахъ Франціи. Большой матеріалъ для наблюденій доставляли мнѣ засѣданія съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей и въ особенности, роль предсѣдателя суда и адвокатовъ. Сравнивая работу суда во Франціи съ Германіей, я долженъ былъ отдать предпочтеніе германскому суду. Допросы подсудимыхъ предсѣдателями французскаго суда производили на меня тягостное впечатлѣніе. Рѣчь защитника, съ обычной французской манерой, представлялась больше декламаціей, чѣмъ серьезной дѣловой рѣчью. При мнѣ разсматривалось одно дѣло, окончившееся присужденіемъ къ смертной казни за убійство, и казнь происходила вскорѣ, но я не могъ заставить себя присутствовать при работѣ гильотины.

Приблизился конецъ семестра и вмѣстѣ съ тѣмъ окончился срокъ, который я себѣ далъ для заграничнаго пребыванія. Я не исчерпалъ всего того, что могъ бы взять съ собою изъ заграницы въ Россію, если бы имѣлъ возможность остаться тамъ болѣе продолжительное время. Къ сожалѣнію, средства этого не позволяли, надо было торопиться съ возвращеніемъ въ Россію для того, чтобы въ

концѣ концовъ вступить на какой нибудь путь, на которомъ я былъ бы въ состоянiи черпать средства къ жизни. Черезъ Швейцарiю и Австрiю мы доѣхали до Полтавы; тамъ я оставилъ жену, готовившуюся стать матерью нашего перваго ребенка, и отправился въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы немедленно приступить къ сдачѣ магистерскаго экзамена.

ГЛАВА X.

Поиски источника средствъ существованія. — Вступленіе въ присяжную адвокатуру. — Организація адвокатскаго стажа въ Россіи. — Семья Бриллiантъ. — Магистерскій экзаменъ зимою 1888 г. — Поиски службы. — Ограниченіе права вступленія въ адвокатуру въ 1889 г. по докладу Министра Юстиціи Минасеина.

Въ Петербургѣ я былъ радушно встрѣченъ моими бывшими профессорами, которые были очень довольны моими первыми, хотя и небольшими, научными работами. Необходимо было во что бы то ни стало найти источникъ заработка. Литературный трудъ не могъ давать достаточно средствъ, такъ какъ научныя работы оплачивались въ спеціальныхъ журналахъ чрезвычайно скудно, отчасти даже вовсе не оплачивались: объяснялось это, конечно, не жадностью или скупостью редакторовъ, а скудостью средствъ, вызываемой почти полнымъ отсутствіемъ абонентовъ и просто читателей у спеціальныхъ научныхъ журналовъ, по крайней мѣрѣ юридическихъ.

Пробовалъ я вновь сдѣлать нѣкоторые шаги для поступленія на государственную службу, но эти попытки не удались, и все по той же причинѣ, — іудейскаго вѣроисповѣданія. Рѣшивъ вступить въ число помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, я сталъ передъ вопросомъ о выборѣ патрона. Начинающій молодой адвокатъ-стажіеръ, обычно, стремится зачислиться въ помощники къ какому-нибудь извѣстному адвокату, и не для того, чтобы отъ обилія практики у этого адвоката самому научиться всѣмъ таинствамъ профессіи, съ надеждой сдѣлаться, если на то имѣются соотвѣтственныя данныя, и самому знаменитымъ, — а для того, чтобы имѣть какъ-бы надлежащую вывѣску. Адвокатскій стажъ проходилъ тогда, — и

въ этомъ отношеніи дѣло не измѣнилось и до послѣдняго времени, — въ крайне ненормальныхъ условіяхъ. Институтъ адвокатуры созданъ судебными уставами 20 ноября 1864 г. по французскому образцу, съ соотвѣтственными политическимъ условіямъ обѣихъ странъ измѣненіями. Подражаніе самое невыгодное и, по моему убѣжденію, давшее результаты неблагопріятные. Гораздо практичнѣе и цѣлесообразнѣе постановка дѣла въ Германіи, по крайней мѣрѣ въ отношеніи прохожденія стажа. По общему для всѣхъ германскихъ государствъ закону, для занятія адвокатурой требуется такой же стажъ, какъ и для занятія должности по магистратурѣ, т. е. надо пройти такъ называемое референдарство и затѣмъ ассесорство. Только послѣ того, какъ аспирантъ, въ качествѣ референдарія въ разныхъ судебныхъ мѣстахъ, даже у нотаріуса прошелъ постепенно разныя стадіи судебной службы и въ качествѣ ассесора исполнялъ нѣкоторыя должности по магистратурѣ, онъ можетъ поступить въ число адвокатовъ. Нѣтъ института патронажа для стажіеровъ. Его нѣтъ и во Франціи. Тамъ личный патронатъ замѣняется участіемъ въ такъ называемыхъ conferences, собраніяхъ молодыхъ адвокатовъ, подъ руководствомъ лицъ, назначенныхъ для этого batonnier, то-есть главой адвокатуры при данной аппеляціонной палатѣ. У насъ же въ Россіи по окончаніи университета молодой человѣкъ, не имѣющій никакой практической подготовки и снабженный весьма слабымъ теоретическимъ багажемъ, долженъ быть поступить на выучку къ какому - нибудь присяжному повѣренному, считаясь его помощникомъ въ теченіе 5 лѣтъ. Институтъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ введенъ былъ одновременно съ институтомъ присяжныхъ повѣренныхъ, когда объявились охотники поступить въ число первыхъ, но не было достаточнаго числа послѣднихъ. Ни о какомъ фактическомъ состояніи помощникомъ, за рѣдкими исключеніями, не было и рѣчи; зачисленіе въ помощники къ тому или другому адвокату съ самаго начала строительства нашей адвокатуры превратилось какъ бы въ формальность, — никакихъ отношеній, связующихъ такъ называемаго патрона съ его помощникомъ, никогда не существовало; первый не руководилъ, а второй не помогалъ. Уже въ концѣ 80-хъ г. г. въ Петербургѣ почти не было адвокатовъ, за исключені-

емъ двухъ-трехъ, у которыхъ молодые люди могли бы работать въ качествѣ ихъ сотрудниковъ, подъ непосредственнымъ ихъ руководствомъ. Я поэтому и не прилагалъ особыхъ усилій къ тому, чтобы зачислиться въ помощники къ какому-нибудь «князю по адвокатурѣ». Впрочемъ, если бы я и имѣлъ такое желаніе, то едва-ли могъ бы его осуществить за отсутствіемъ какихъ-бы то ни было рекомендацій или протекцій. Рекомендація же профессоровъ мнѣ казалась, какъ я, впрочемъ, и не ошибся, не имѣющей большой цѣнности у практиковъ-адвокатовъ, — покровительство богатаго кліента въ этомъ отношнеіи значило бы гораздо больше. Я причислился въ помощники къ присяжному повѣренному А. М. Брилліантъ. Съ семьею Брилліантъ я былъ знакомъ еще студентомъ. Она состояла изъ глубокаго старика, главы семьи, который почти всю свою жизнь провелъ въ службѣ при дѣлахъ бар. Гинцбурга и ко времени моего знакомства съ этой семьей доживалъ свой вѣкъ. Среди сыновей его былъ одинъ, Александръ Моисеевичъ, присяжный повѣренный, человѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ, пользовавшійся среди знающихъ его репутаціей въ высшей степени корректнаго адвоката, съ небольшой, но достаточной практикой въ среднихъ коммерческихъ кругахъ; онъ состоялъ юрисконсультомъ одной желѣзной дороги. Отличительная черта его, какъ человѣка и адвоката, — была необычайная скромность и непритязательность.

Другой членъ этой семьи, Семенъ Брилліантъ, былъ молодой человѣкъ, къ несчастью, сбившійся съ ровной колеи и поэтому оставшійся безъ всякой опредѣленной карьеры; но онъ, почти сверстникъ мой, былъ однимъ изъ рѣдко литературно образованныхъ людей въ Петербургѣ. Обладая недюжинными способностями, онъ, при нѣкоторой самодисциплинѣ, несомнѣнно занялъ бы видное положеніе въ литературѣ. Это былъ человѣкъ необычайной доброты: всю свою энергію и время онъ затрачивалъ на вѣчное исполненіе чужихъ порученій, пріисканіе занятій для нуждающихся, покровительства всякаго рода неудачнымъ молодымъ и немолодымъ талантамъ. Всегда занятый чужими интересами, онъ не заботился о своей судьбѣ и такъ и растратилъ свои природныя дарованія, не сосредоточившись ни на чемъ.

Въ литературныхъ кругахъ, гдѣ С. М. Брилліантъ вращался, его фигура была извѣстна многимъ. Онъ всегда носился съ планами работъ по вопросамъ, имѣвшимъ, дѣйствительно, большой интересъ. Но, къ сожалѣнію, никогда онъ этихъ работъ не осуществлялъ, отвлекаясь хлопотами по устройству разныхъ начинающихъ талантовъ. Онъ составилъ біографіи Крылова и Микель-Анджело для издательства Павленкова, — обѣ имѣли успѣхъ, показали дарованіе, которое могло бы быть развито, если бы его способностямъ соотвѣтствовала, хотя бы въ нѣкоторой степени, его энергія. Ея-то именно и недоставало. Такъ и прожилъ онъ свою жизнь въ вѣчныхъ предположеніяхъ объ осуществленіи плановъ, которыхъ такъ и не успѣлъ осуществить. Незадолго передъ началомъ войны онъ очутился въ Швейцаріи для изученія чего-то, чего опять таки не изучилъ. Всѣ годы войны провелъ въ ужасномъ положеніи эмигранта. Политикой онъ не занимался. По окончаніи войны, онъ остался на положеніи бѣженца. По пріѣздѣ въ Парижъ, Брилліантъ предался пропагандированію идей знаменитаго Куэ, выработалъ какую-то теорію внушенія и самовнушенія. Но и на этотъ разъ никакой работы не осуществилъ, ограничившись разговорами и собираніемъ матеріаловъ. Конечно, пришлось ему жить въ тяжелыхъ условіяхъ; впрочемъ, онъ всю жизнь провелъ почти въ нуждѣ. На 72-мъ году онъ умеръ, разбитый, больной старикъ; до конца искалъ покровителей занимавшей его идеи и ихъ не нашелъ, и скончался въ 1930 г. въ госпиталѣ Ротшильда. Такъ ушла жизнь безконечно добраго, талантливаго человѣка, съ большимъ образованіемъ и съ несравненными моральными качествами.

Я его высоко цѣнилъ, и сближеніе съ нимъ привело къ сближенію съ семьей Брилліантъ; въ частности, съ присяжнымъ повѣреннымъ А. М., который охотно согласился зачислить меня въ помощники. Это причисленіе было, конечно, чисто формальнымъ, — никакого руководства отъ него я не получалъ и не могъ ожидать, и, само собой разумѣется, соотвѣтственно съ этимъ мой патронъ не ждалъ и отъ меня какой-либо помощи при веденіи его дѣлъ. На вступленіе въ число адвокатовъ я, впрочемъ, смотрѣлъ, какъ на дѣло, не имѣющее рѣшающаго значенія. Я все еще расчитывалъ, что по окончаніи ма-

гистерскаго экзамена удастся мнѣ вступить на путь академической карьеры по кафедрѣ уголовнаго права.

Постановка дѣла подготовки молодыхъ ученыхъ къ профессорству въ то время не отличалась отъ постановки послѣдняго времени и представлялась глубоко неудовлетворительной. Чтобы занять кафедру, необходимо было, прежде всего, выдержать экзаменъ на степень магистра правъ по специальной научной области. Самое магистерское испытаніе не имѣло опредѣленной программы; все дѣло зависѣло отъ усмотрѣнія профессора или профессоровъ, занимающихъ кафедру по данной спеціальности. Не исключалась возможность, что серьезно подготовленный молодой ученый будетъ проваленъ на экзаменѣ на званіе магистра, а другой, мало подготовленный, но пользующійся покровительствомъ даннаго профессора, можетъ выдержать испытаніе съ успѣхомъ. Самый экзаменъ заключался въ участіи, въ присутствіи всѣхъ профессоровъ факультета, въ коллоквіумѣ на тему, одобренную факультетомъ. Нѣкоторые профессора требовали полнаго знакомства со всей литературой бывшей, настоящей и, если бы это было возможно, то и будущей; и, конечно, исчерпывающаго знакомства съ трудами, касающимися той темы, на которую самъ экзаменаторъ писалъ въ свое время диссертацію, магистерскую или докторскую. Другіе составляли спеціальный списокъ тѣхъ сочиненій, которыя магистрантъ долженъ изучить для того, чтобы пройти искусъ съ успѣхомъ. На другихъ факультетахъ ни того, ни другого не дѣлалось, и экзаменъ поставленъ былъ внѣ всякихъ рамокъ, являясь дѣломъ личнаго усмотрѣнія специалиста-профессора. Мой магистрантскій экзаменъ отнялъ у меня время съ осени 1888 г. до весны 1889 г. Профессора, производившіе испытаніе по уголовному праву, были освѣдомлены о моихъ работахъ за-границей, никакихъ спеціальныхъ требованій ко мнѣ не предъявляли, и коллоквіумы, въ которыхъ я, въ качествѣ экзаменующагося, принималъ участіе на факультетѣ, вполнѣ ихъ удовлетворили.

Одновременно съ этимъ, я искалъ заработковъ. Объ одной попыткѣ я не могу не упомянуть, такъ какъ она является характерной, и произвела на меня въ свое время удручающее впечатлѣніе. Проф. Фойницкій былъ въ друж-

бѣ съ заправилами Царскосельской ж. д., во главѣ которыхъ стоялъ Поляковъ, умершій за короткое время до моего возвращенія въ Петербургъ. Къ одному изъ наслѣдниковъ Полякова и направилъ меня Фойницкій, снабдивъ меня соотвѣтствующимъ письмомъ. Меня приняли умѣренно-любезно и предложили обидное для моего положенія, какъ оно скромно ни было, мѣсто билетнаго контролера въ пассажирскихъ поѣздахъ Царскосельской линіи. Это было почти издѣвательствомъ. Я, конечно, это предложеніе отвергъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при лестной аттестаціи виднаго тогда профессора, если бы я не былъ евреемъ (или, если бы тотъ, къ кому я обратился, былъ болѣе чуткимъ евреемъ), нашлось бы для меня занятіе, болѣе соотвѣтствующее моему образовательному цензу. Я потомъ въ практической жизни встрѣчался съ этимъ наслѣдникомъ Полякова (не сыномъ его) и убѣдился, что отъ него трудно было бы ожидать иного отношенія въ подобныхъ случаяхъ.

Въ декабрѣ у меня родился въ Полтавѣ сынъ; я, въ промежуткѣ между однимъ и другимъ экзаменомъ, провелъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Рожденіе сына послужило новымъ стимуломъ къ скорѣйшему опредѣленію моего матеріальнаго положенія. Пріѣхалъ я изъ Полтавы съ рѣшеніемъ во что бы то ни стало отыскать какія бы то ни было занятія, хотя бы въ качествѣ учителя; и, кромѣ того, рѣшился принять мѣсто въ банкѣ, руководимомъ тогда однимъ изъ Поляковыхъ, — сыновей брата «желѣзнодорожнаго» Полякова. И вотъ я, мечтавшій о томъ, что съ пріѣзда моего въ Петербургъ, начнется блестящее прохожденіе карьеры ученаго, долженъ былъ въ банкѣ заниматься составленіемъ шаблонныхъ писемъ по обычной банковской корреспонденціи. Позанявшись недѣли двѣ, я убѣдился, что если я гожусь въ банковскіе корреспонденты, то банковская корреспонденція не годится для меня, и я банковскую службу оставилъ.

Я былъ зачисленъ въ помощники присяжнаго повѣреннаго; такъ какъ веденіе дѣлъ въ окружномъ судѣ требовало полученія свидѣтельства, т. е. разрѣшенія суда, я такое свидѣтельство получилъ, почти наканунѣ того времени, какъ и выдача свидѣтельствъ евреямъ на хожденіе по чужимъ дѣламъ въ судебныхъ мѣстахъ, и пріемъ въ присяжные повѣренные были прекращены по всеподдан-

нѣйшему докладу бывшаго тогда министромъ юстиціи Манасеина, въ 1889 г.

Манасеинъ нашелъ, что адвокатура уже переполнена и продолжаетъ переполняться евреями, которые вытѣсняютъ русскихъ и вводятъ, по его мнѣнію, въ адвокатское дѣло пріемы, недостаточно гарантирующіе ту моральную чистоту адвокатуры, какую онъ, Манасеинъ, считалъ бы нужнымъ держать на надлежащей высотѣ. Оздоровленіе сословія присяжныхъ повѣренныхъ онъ предложилъ произвести путемъ прекращенія доступа на будущее время въ адвокатуру евреевъ. А для того, чтобы избѣгнуть надобности войти по сему предмету съ законодательнымъ предположеніемъ въ Государственный Совѣтъ, онъ, пользуясь бывшей тогда въ ходу формулой «временныхъ мѣръ», устанавливаемыхъ «впредь до пересмотра общихъ законовъ о евреяхъ», предложилъ поставить и пріемъ евреевъ въ присяжные повѣренные, и выдачу свидѣтельствъ на хожденіе по дѣламъ, въ зависимость, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, отъ разрѣшенія министра юстиціи. Впослѣдствіи выяснилась главная деталь манасеинскаго доклада: что министръ юстиціи своимъ правомъ разрѣшить пріемъ евреевъ въ адвокатуру пользоваться не будетъ, покуда не установлена будетъ норма, опредѣляющая процентное отношеніе евреевъ-повѣренныхъ къ общему числу въ данномъ судебномъ округѣ, и отношеніе фактически не упадетъ до этой нормы. Но текстъ давалъ надежду, что для отдѣльныхъ лицъ, противъ которыхъ не могло бы быть представлено возраженій нравственнаго свойства, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ евреевъ повѣреныхъ мало или совсѣмъ не имѣется, доступъ въ адвокаты будетъ возможенъ съ разрѣшенія министра юстиціи. Въ дѣйствительности эта надежда оказалась ложною, вслѣдствіе указаннаго дополнительнаго заявленія и какъ бы обязательства министра — вовсе не пользоваться своимъ правомъ. Этотъ способъ лишенія правъ, въ обходъ основного закона о порядкѣ изданія и введенія въ дѣйствіе новыхъ законодательныхъ нормъ, сталъ широко практиковаться по отношенію къ евреямъ и другими вѣдомствами. Но особенно надо отмѣтить его примѣненіе въ данномъ случаѣ со стороны министра юстиціи, генералъ-прокурора, главная функція котораго была наблюденіе за исполненіемъ законовъ въ Имперіи.

До того, также путемъ всеподданнѣйшаго доклада военнаго министра Ванновскаго, испрошено было высочайшее повелѣніе о непринятіи евреевъ въ военные врачи. Этому предшествовало распоряженіе о томъ, что евреи не должны быть производимы въ офицерское званіе на военной службѣ.

Началась, такимъ образомъ, новая эпоха въ исторіи еврейскаго безправія въ Россіи. До того, со стороны правительства принимались поощрительныя мѣры для побужденія евреевъ пріобщаться къ общему среднему и высшему образованію; рядъ законодательныхъ актовъ установилъ, что окончаніе высшаго учебнаго заведенія избавляетъ отъ дѣйствія ограничительныхъ законовъ и въ отношеніи права жительства, и въ отношеніи правъ на торговлю и промыселъ, и даже въ отношеніи права на поступленіе на государственную службу. Съ этого же времени правительствомъ открыто принятъ былъ обратный курсъ; не только созданы затрудненія къ поступленію въ высшія учебныя заведенія путемъ введенной съ 1886 г. процентной нормы, но даже по отношенію къ тѣмъ, которые уже до того получили высшее образованіе или впредь его получатъ, несмотря на стѣсненія, была поставлена преграда для вступленія въ свободныя профессіи; они лишались тѣхъ правъ, которыми, разсуждая формально, продолжали пользоваться по неотмѣненному закону, но законъ обходили при помощи всякихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ и просто произвольныхъ распоряженій.

Было совершенно ясно, что личныя мои мечты объ академической карьерѣ разрушены, что, каковы бы ни были научныя заслуги еврея, онъ къ преподаванію въ университетѣ и къ занятію академической должности допущенъ не будетъ. Но я за послѣдніе годы такъ былъ поглощенъ научными своими работами, что не замѣчалъ уже столь рѣзко выразившагося духа антисемитизма въ оффиціальныхъ кругахъ, и еще таилась, хотя и слабая но все же руководившая мною надежда, что научная подготовка будетъ использована въ цѣляхъ науки же.

ГЛАВА XI.

Адвокатура въ концѣ 80-хъ годовъ. — Отношеніе общества къ суду. — Способы выявленія себя молодыми адвокатами. — Адвокатскія свѣтила. — Выходъ А. Я. Пассовера изъ состава Совѣта. — Вѣроисповѣдная статистика въ отчетѣ Совѣта Прис. Пов. за 1888 г. по иниціативѣ В. Д. Спасовича и послѣдствіе ея — Высоч. Повелѣніе 1889 г. — Группа Конференціи Пассовера и мое участіе въ ней.

По окончаніи магистерскаго экзамена наступилъ для меня одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ моей жизни. Расчетъ на то, что адвокатская практика дастъ мнѣ въ ближайшемъ будущемъ заработокъ, достаточный для содержанія семьи, не оправдался. Я не имѣлъ никакихъ дѣловыхъ связей, а опытъ протежированія меня со стороны профессорской показалъ, что оно большого значенія не имѣетъ. Съ другой стороны, я слишкомъ сжился съ мыслью о научной работѣ, чтобы перемѣна фронта могла произойти безъ нѣкотораго душевнаго надлома. Со стороны профессоровъ, цѣнившихъ солидность моей научной подготовки и моихъ способностей, начались настоянія и дружескіе совѣты пренебречь «формальнымъ», по ихъ мнѣнію, затрудненіемъ, заключающимся въ моемъ іудейскомъ исповѣданіи, и обзавестись, какъ нѣкоторые изъ нихъ выражались, свидѣтельствомъ «о какомъ нибудь» христіанскомъ исповѣданіи, которое откроетъ мнѣ двери и для государственной службы, и для профессуры, и обезпечитъ мою карьеру. При этомъ дѣлалась ссылка на прецеденты, и даже на то, что, въ качествѣ дѣлающаго карьеру и могущаго получить вліяніе человѣка, я буду въ состояніи приносить гораздо большую пользу своимъ соплеменникамъ, чѣмъ могу принесть, оставаясь лишеннымъ возможности сдѣлать эту карьеру.

По совѣсти долженъ сказать, что внутренней борьбы или, вѣрнѣе, искушенія у меня не было. Мысли о переходѣ въ христіанство у меня и не возникало, но самое возбужденіе вопроса, и, главное, мысль, что приходится разстаться съ лелѣянною мечтою, въ связи съ тяжелымъ матеріальнымъ моимъ положеніемъ, послѣ столь трудной юности, не могли не производить угнетающаго дѣйствія въ тотъ моментъ жизни, когда внутренняя энергія требуетъ выхода.

Сложившіяся обстоятельства привели, такимъ образомъ, къ тому, что моя жизнь пошла по разнымъ направленіямъ. Вступивъ въ число помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и убѣдившись въ томъ, что и государственная служба, и академическая карьера недоступны, я, какъ на источникъ средствъ къ существованію, долженъ былъ смотрѣть на адвокатуру. Съ другой стороны, нельзя было пріобрѣтенныя научныя знанія оставить какъ бы втуне. Я полагалъ, что мои работы по наукѣ права могутъ оказаться полезными для моей адвокатской работы вообще и для моего матеріальнаго положенія въ частности. И, наконецъ, въ третьихъ, еврейскій вопросъ, послѣ того, какъ я въ теченіе университетскихъ лѣтъ и пребыванія за-границей интересовался имъ лишь попутно и не вникая, оказался настолько обостреннымъ, что мнѣ, воспитанному въ еврейскомъ духѣ, нельзя было теперь не заинтересоваться имъ глубже и не посвятить ему часть себя самого. И, какъ это часто бываетъ, субъективно перенесенныя притѣсненія, невозможность избрать путь жизни по своимъ склонностямъ и способностямъ только потому, что этотъ путь загражденъ ограничительными для евреевъ законами, не могли не сдѣлать этотъ вопросъ какъ-бы личнымъ, слишкомъ близкимъ, чтобы чуткій человѣкъ могъ отъ него отвернуться; наоборотъ, даже съ нѣкоторымъ болѣзненнымъ чувствомъ хотѣлось сейчасъ же приступить къ раскрытію всѣхъ язвъ, причиняемыхъ этимъ безправіемъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ воспоминаніямъ, касающимся моей личной дѣятельности во всѣхъ этихъ трехъ направленіяхъ, я позволю себѣ дать соотвѣтственную моей эпохѣ характеристику этихъ трехъ областей будущей моей работы: положенія адвокатуры въ столицѣ, на-

учныхъ круговъ въ столицѣ, и затѣмъ круговъ, руководившихъ вопросами, касающимися еврейскаго безправія.

Прежде всего, объ адвокатурѣ. Все сословіе присяжной адвокатуры дѣлилось на двѣ части: присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Послѣдніе въ столицѣ добились какъ бы нѣкоторой автономіи и управлялись своимъ представительнымъ органомъ — «Комиссіей помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ», которая являлась руководящей дисциплинарной властью надъ молодыми адвокатами-стажіерами въ той же мѣрѣ, въ какой Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, какъ сословное представительство, имѣлъ надзоръ за дѣятельностью членовъ его, т. е. присяжныхъ повѣренныхъ. Происходили общія собранія помощниковъ, на собраніяхъ принимались рѣшенія. Эти сходки очень интересовали молодую адвокатуру; на собранія являлось много народа, и какъ это у насъ всегда бываетъ, разговоровъ было безъ конца, и рѣшенія носили, конечно, всегда характеръ компромиссный. При этомъ нужно было считаться съ тѣмъ, какъ посмотритъ на то или другое рѣшеніе Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, на утвержденіе котораго нѣкоторые вопросы должны были восходить. Самое вступленіе въ число помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ зависѣло прежде всего отъ согласія Комиссіи, и затѣмъ уже, по одобреніи Комиссіей, Совѣтъ, съ своей стороны, дѣлалъ соотвѣтственное постановленіе. Членами Комиссіи были наиболѣе популярные представители молодой адвокатуры. Какъ я уже сказалъ, помощники присяжныхъ повѣренныхъ занимались самостоятельной практикой и рѣдко имѣли возможность пріобщаться къ кабинету того или другого изъ видныхъ повѣренныхъ, имѣвшихъ обширный кругъ дѣлъ. Иначе говоря, личный патронатъ, на которомъ построенъ былъ у насъ институтъ адвокатскаго стажа, оказался совершенно недостаточнымъ. Петербургскій Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ дополнилъ этотъ дефектный личный патронатъ какъ-бы патронатомъ сословнымъ по образцу парижскаго «барро»: молодые стажіеры должны были собираться на конференціи подъ руководствомъ старѣйшихъ присяжныхъ повѣренныхъ, которыхъ выбиралъ Совѣтъ. Такія конференціи происходили по группамъ. Когда я вступилъ въ сословіе, конференціи, несмотря на недолговременное ихъ суще-

ствованіе, оказались мертворожденнымъ учрежденіемъ. Посѣщались они весьма немногими. Молодежь предпочитала посвящать свое свободное время другимъ занятіямъ или развлеченіямъ, которыхъ въ столицѣ достаточно. Не приносило пользы и постановленіе Совѣта о томъ, что въ число присяжныхъ повѣренныхъ можетъ поступить лишь тотъ, кто доказалъ свою подготовленность личнымъ участіемъ въ занятіяхъ конференціи въ той или другой группѣ. Все превратилось въ фикцію. Совѣтъ прекрасно зналъ, что имѣются помощники, которые, по своей подготовкѣ и по обилію дѣлъ, превосходятъ практическими знаніями многихъ, даже старыхъ, присяжныхъ повѣренныхъ. Конечно, зналъ Совѣтъ и знало все сословіе, что занятія въ конференціяхъ не могутъ замѣнить практической подготовки и, наконецъ, знали всѣ, что эти занятія носятъ совершенно формальный характеръ. Нужно было представить три доклада, одобренные руководителемъ данной конференціи, и доказать посѣщеніе извѣстнаго числа конференцій. Что касается послѣдняго, то въ теченіе 5 лѣтъ состоянія въ стажѣ молодые люди легко могли устраиваться такъ, чтобы показать достаточное количество посѣщеній, тѣмъ болѣе, что доказательствомъ служила только запись, которая велась секретаремъ конференціи, и онъ, конечно, не могъ услѣдить, не ушелъ ли записавшійся сейчасъ же по учиненіи записи. Что касается докладовъ то темами избирались обыкновенно отвлеченные вопросы, ничего общаго съ практикой не имѣющіе; а отвлеченные вопросы предпочитались потому, что по нимъ имѣлись кой какіе литературные источники. Нерѣдко, къ сожалѣнію, бывали случаи, когда помощникъ въ видѣ доклада представлялъ копію страницы или главы изъ какого нибудь мало извѣстнаго (или даже извѣстнаго) научнаго труда, полагаясь на то, что ни его товарищи по конференціи, ни руководители, люди-практики, а отнюдь не науки, не услѣдятъ и не замѣтятъ такого плагіата. Наконецъ, признаніе доклада удовлетворительнымъ являлось также формальностью, ибо руководители рѣдко отказывали въ такомъ признаніи, не желая мѣшать молодому человѣку, имѣющему уже къ концу стажа извѣстную практику, оформить свое положеніе вступленіемъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ. Не много давало въ смыслѣ практической подготовки и посѣщеніе судебныхъ

засѣданій, хотя, примѣненное въ надлежащемъ видѣ, оно могло бы дѣйствительно приносить стажіерамъ большую практическую пользу. Толкалось въ судебныхъ кулуарахъ всегда очень много помощниковъ. Меня даже, съ первыхъ дней вступленія въ число стажіеровъ, непріятно поражалъ видъ цѣлой толпы молодыхъ людей, толкавшихся безъ конца въ теченіе многихъ часовъ въ коридорахъ суда и, въ особенности, въ такъ называемой «смирновкѣ», т. е. комнатѣ и буфетѣ, отведенныхъ для присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ въ помѣщеніи судебныхъ установленій. («Смирновкой» называлась она по имени сторожа и «кормильца», т. е. содержателя буфета, Смирнова, отставного стараго служаки, сжившагося съ петербургской адвокатурой такъ, что трудно было мыслить адвокатуру безъ Смирнова и Смирнова безъ адвокатуры). Слоняться по судебнымъ кулуарамъ, однако, еще не значитъ черпать практическія знанія изъ присутствія на судебныхъ засѣданіяхъ, изучать дѣятельность судебныхъ органовъ и, въ особенности, работу адвокатуры на судѣ. Въ большинствѣ случаевъ это были молодые люди, искавшіе дѣлъ, и, конечно, дѣлъ уголовныхъ, такъ какъ только о нихъ появлялись судебные отчеты въ періодической прессѣ.

Кстати, надо упомянуть, что къ концу 80-хъ гг. интересъ публики къ работѣ суда значительно упалъ. Это уже не было то время, когда новые суды только что замѣнили прежнюю пародію на судебныя учрежденія, и всѣ слои общества, стосковавшіеся по правосудію, котораго не видѣли въ дореформенное время, съ большимъ напряженіемъ слѣдили за дѣятельностью новаго реформированнаго суда. Суды были либеральнымъ дѣтищемъ первой половины царствованія Александра II. Съ точки зрѣнія либеральныхъ идей судебные уставы 1864 года представлялись совершенно цѣльными, безъ всякихъ уклоненій, и давали всѣ гарантіи къ господству тѣхъ принциповъ, которые при самомъ либеральномъ политическомъ режимѣ могли лечь въ основу устройства суда. Несмотря на то, что вся судебная организація была, конечно, позаимствована и не имѣла почти никакихъ корней въ русскомъ прошломъ, она быстро укоренилась и стала приспособлять къ себѣ жизнь, вмѣсто того, чтобы приспособляться къ жизни. Но скоро, въ особенности, подъ влі-

яніемъ политическихъ процессовъ и для надобностей этихъ процессовъ, къ дѣлу организаціи суда стали примѣнять принципы, болѣе соотвѣтствовавшіе измѣнившемуся настроенію въ высшихъ правительственныхъ кругахъ. Уже во второй половинѣ царствованія Александра II и въ особенности съ начала царствованія Александра III, цѣльная, архитектурно законченная постройка судебныхъ установленій у насъ стала портиться всякими пристройками, частичными измѣненіями, несоотвѣтствовавшими общему стилю. Въ дѣло организаціи суда стали вводить политику, а не соображенія о высшемъ обезпеченіи правосудія. Составъ магистратуры соотвѣтственно сталъ измѣняться къ худшему; это уже не были рыцари Ѳемиды перваго набора, отборные люди, — вступленіе въ судебную іерархію становилось дѣломъ обычной служебной карьеры, и въ магистратуру попадали, къ сожалѣнію, не всегда званые и совсѣмъ немного призванныхъ.

Но въ описываемое время престижъ суда все таки былъ еще высокъ. Новыя судебныя учрежденія съ первой минуты своей дѣятельности самой сущностью ея показали, что никакой преемственной связи съ прежними судами у новаго суда нѣтъ; никакихъ традицій, — а хорошихъ традицій тамъ не было, — къ новымъ судамъ не перешло; судебные органы были совершенно чисты отъ подозрѣній въ лихоимствѣ и взяточничествѣ. Начавшееся вторженіе политическихъ настроеній въ дѣло судебнаго строительства и въ отправленіе правосудія привело къ тому, что если въ публикѣ еще сохранился интересъ къ суду, то именно въ той области, въ которой «политика» наиболѣе ярко могла проявляться, т. е. въ области уголовнаго правосудія. Гражданскія же дѣла, за рѣдкими исключеніями, не представляли политическаго интереса. Поэтому и пресса больше интересовалась реферированіемъ о дѣлахъ уголовныхъ. Рѣдко можно было встрѣтить газетнаго репортера въ залѣ засѣданій гражданскаго отдѣленія суда; объ уголовныхъ же дѣлахъ свѣдѣнія щедро печатались, причемъ, конечно, главнымъ образомъ о процессахъ сенсаціонныхъ и особенно объ имѣющихъ какой бы то ни было «политическій» характеръ, если только они происходили при открытыхъ дверяхъ и не встрѣчалось вообще какихъ либо цензурныхъ препятствій. Молодой адвокатъ, желавшій сдѣлать себѣ карьеру, старался

всегда, прежде всего, попасть въ составъ защиты по такому дѣлу, о которомъ несомнѣнно долженъ появиться въ газетахъ подробный отчетъ, съ упоминаніемъ и его имени. Уже къ тому времени о которомъ я говорю, развился непріятный способъ рекламированія себя молодыми адвокатами черезъ близкія отношенія съ соотвѣтствующими газетными репортерами; создалось непріятное заискиваніе передъ ними. Получить же возможность участвовать въ какомъ нибудь громкомъ дѣлѣ можно было разными способами: во первыхъ, постоянно вращаясь возлѣ канцелярскихъ кулуаровъ, можно было получить первыя свѣдѣнія о томъ, что предстоитъ разсмотрѣніе сенсаціоннаго процесса; во вторыхъ, искать путей, чтобы подсудимый самъ ходатайствовалъ о допущеніи къ защитѣ такого то, — или же — если это было очень сенсаціонное дѣло и былъ уже приглашенъ защитникомъ адвокатъ съ громкимъ именемъ, — найти «ходы» къ послѣднему и черезъ него пріобщиться къ дѣлу въ какой бы то ни было роли. Въ залѣ засѣданія, гдѣ разсматривались уголовныя дѣла, можно было всегда видѣть много помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, не участвующихъ въ дѣлахъ; но зато почти никогда нельзя было найти не участвующихъ въ томъ или иномъ дѣлѣ помощниковъ, слѣдящихъ за ходомъ разсмотрѣнія гражданскихъ дѣлъ въ гражданскихъ отдѣленіяхъ. Въ большинствѣ случаевъ честолюбіе молодого стажіера обращалось въ сторону криминалистическую, наиболѣе легкую, не требующую упорной работы и не нуждающуюся въ серьезной подготовкѣ.

На адвокатскомъ горизонтѣ свѣтились тогда яркія звѣзды разныхъ категорій: однѣ, сверкавшія уже какъ-то издалека и только въ опредѣленные моменты дававшія еще отблескъ, затѣмъ другія, болѣе близкія къ современности, уже яркія, и наконецъ, звѣздочки восходящія, отъ которыхъ можно было ожидать свѣта въ будущемъ. Первая категорія адвокатовъ уже и по своему возрасту и по положенію не имѣла тѣснаго общенія съ молодежью. К. К. Арсеньевъ, этотъ первоучитель россійской адвокатуры, изъ сословія выбылъ, посвятивъ себя исключительно публицистикѣ. В. Д. Спасовичъ рѣдко выступалъ тогда въ уголовныхъ дѣлахъ, адвокатурой занимался какъ-бы нехотя, участвовалъ въ консультаціяхъ по гражданскимъ дѣламъ, работалъ главнымъ образомъ въ области

публицистики, въ особенности польской; но стоялъ все еще во главѣ сословія, — я его засталъ предсѣдателемъ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. На высотахъ цивилистики стояли: П. А. Потѣхинъ, В. Н. Герардъ и переселившійся еще въ 70-хъ гг. изъ Одессы А. Я. Пассоверъ. Плѣнителями сердецъ въ области уголовныхъ дѣлъ были: С. А. Андреевскій, Н. П. Карабчевскій, кн. Урусовъ и молодой, но съ блескомъ занявшій видное положеніе П. Г. Мироновъ. Въ дѣлахъ, которыя разсматривались безъ участія присяжныхъ засѣдателей, выступали обыкновенно защитники по назначенію суда, происходившему по очереди и въ алфавитномъ порядкѣ. Для надлежащей подготовки, даже въ области уголовной, веденіе дѣла безъ участія присяжныхъ засѣдателей представляется для молодыхъ адвокатовъ, пожалуй, наиболѣе подходящимъ. Передъ коронным судомъ, разрѣшающимъ дѣло по существу, полагаться на одинъ только ораторскій талантъ, дѣйствительный или воображаемый, было бы неумѣстнымъ. Участіе въ разсмотрѣніи дѣла короннымъ судомъ дисциплинируетъ молодого адвоката, требуетъ отъ него разработки чисто юридическихъ вопросовъ, ознакомленія съ кассаціонной практикою, наталкиваетъ на необходимость дать то или иное разъясненіе или толкованіе закону; словомъ, есть просторъ для юридической работы и мысли. Но къ полученію защиты по этимъ дѣламъ молодежь не стремилась, ибо такіе процессы, конечно, не представляли собою ничего сенсаціоннаго, — ни громкихъ убійствъ, ни подлоговъ, ни банковскихъ краховъ и т. п. Въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ Сената помощники присяжныхъ повѣренныхъ выступали очень рѣдко; не часты бывали тамъ выступленія и присяжныхъ повѣренныхъ. Вообще вліяніе присяжной адвокатуры на практику примѣненія законовъ, создаваемую въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ, было почти минимальнымъ; зато въ области гражданскихъ дѣлъ это вліяніе было весьма значительнымъ хотя бы уже потому, что самое возбужденіе гражданскихъ вопросовъ зависѣло отъ адвокатовъ, и разработка этихъ вопросовъ по существу вообще должна быть болѣе полной, а иногда даже принципіально научной.

Я скоро убѣдился, что несмотря на мою научную подготовку по уголовному праву, мой путь едва-ли напра-

вится въ область дѣятельности адвоката-криминалиста. Мнѣ удалось получить возможность выступить въ небольшихъ уголовныхъ процессахъ, разсматривавшихся при участіи присяжныхъ засѣдателей. Способъ полученія этихъ дѣлъ былъ характерный. Нѣкоторые присяжные повѣренные, старики, перешедшіе въ присяжную адвокатуру изъ прежней категоріи стряпчихъ, не имѣли привычки выступать публично передъ судомъ и всячески избѣгали участія въ уголовной защитѣ по назначенію суда; вмѣсто себя они ангажировали молодыхъ адвокатовъ, нерѣдко платя имъ за каждое выступленіе извѣстную сумму. Одинъ изъ такихъ стариковъ, бывшихъ стряпчихъ, имѣвшихъ обширную коммерческую практику въ коммерческомъ судѣ, каждый разъ, когда его назначали защитникомъ, поручалъ мнѣ вмѣсто него выступать; за каждое такое выступленіе я получалъ по 25 руб. Одинъ разъ мнѣ удалось принять участіе въ сложномъ процессѣ по обвиненію шайки квартирныхъ громилъ. Процессъ продолжался дней 5-6, защитниками выступали многіе молодые адвокаты. Участіе въ этомъ дѣлѣ меня убѣдило, что для успѣха у публики необходимо имѣть качества, которыя мнѣ не свойственны; научныхъ же знаній не требуется, и, что хуже всего, — дѣятельность удачливаго уголовнаго защитника не кончается произнесеніемъ приговора, — она должна быть болѣе энергична и направляться въ сторону рекламированія въ газетахъ по окончаніи дѣла.

Благодаря содѣйствію покойнаго Трахтенберга, мнѣ случилось нѣсколько разъ составлять кассаціонныя жалобы по уголовнымъ дѣламъ. Тутъ просторъ для меня былъ болѣе широкій: можно было примѣнять теоретическія знанія къ практическимъ случаямъ. Но жалобы выходили слишкомъ обширными и теоретичными, и поэтому онѣ не соотвѣтствовали требованіямъ, которыя установились въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ. Въ первый же годъ моей адвокатской работы мнѣ приходилось нѣсколько разъ выступать въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ — поддерживать кассаціонныя жалобы. Защиты въ Сенатѣ были мнѣ крайне симпатичны. Спокойная атмосфера залы засѣданій, возможность теоретическаго обоснованія того или другого положенія подходили къ роду моей юридической подготовки. Въ засѣданіяхъ отдѣленій уголовнаго департамента (тогда уже не всѣ дѣла

разсматривались при участіи всего департамента; въ общее присутствіе восходили лишь дѣла принципіальнаго свойства, передаваемыя туда изъ отдѣленій, для разрѣшенія спеціальныхъ вопросовъ) предсѣдательствовали или «первоприсутствовали» сенаторы иногда нервные, небольшіе любители задержекъ, которыя причинялись выступленіемъ защитника, поддерживающаго кассаціонные доводы данной жалобы. Одинъ изъ такихъ, передъ которымъ мнѣ приходилось выступать, желчный, нетерпѣливый старикъ, раздражался каждый разъ, когда представлялись мною соображенія съ ссылкой на научные авторитеты, и не разъ мнѣ приходилось слышать отъ него окрики: «Вы намъ лекцій не читайте».

Всѣ эти выступленія и бывали не часто и оплачивались весьма скудно, и существовать на адвокатскій заработокъ въ самомъ началѣ было трудно.

Въ одной изъ группъ конференцій руководителемъ состоялъ А. Я. Пассоверъ. О Пассоверѣ не уставали бесѣдовать молодые адвокаты, причемъ сообщалось всегда и объ его необычайныхъ знаніяхъ, о колоссальномъ его талантѣ и въ такой же мѣрѣ о разныхъ чудачествахъ, имъ проявленныхъ. Онъ былъ членомъ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, но какъ разъ ко времени моего фактическаго вступленія въ адвокатуру отказался отъ званія члена Совѣта, и съ тѣхъ поръ упорно отказывался быть вновь избраннымъ.

Причина выхода его изъ Совѣта имѣетъ историческій интересъ. Въ 1889 г., въ отчетѣ о дѣятельности Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ за 1888 годъ, появились свѣдѣнія статистическаго характера о числѣ присяжныхъ повѣренныхъ разныхъ исповѣданій съ обозначеніемъ процентнаго отношенія каждаго исповѣданія къ общему числу. Въ составѣ сословія имѣлось много поляковъ и еще больше евреевъ. Поляки вмѣстѣ съ евреями составдомству, вступали въ число кандидатовъ на судебныя ляли едва-ли не большинство. Это обстоятельство объяснялось тѣмъ, что православные, по окончаніи университета немедленно же получали назначеніе по судебному вѣдолжности, быстро продвигались въ исполняющіе должности слѣдователей или товарищей прокуроровъ и безмятежно продолжали свою карьеру. Евреи же на государственную службу не принимались; начиная съ нача-

ла 80-хъ г. г. трудно было назвать кого-либо изъ евреевъ, которые допущены были къ вступленію въ кандидаты на судебныя должности. Къ концу 80-хъ годовъ, когда политика Александра III была въ апогеѣ своей реакціонности, ограничительныя тенденціи стали высказываться и по отношенію къ лицамъ польской національности: и они уже встрѣчали затрудненіе и при принятіи на государственную службу и, въ особенности, при дальнѣйшемъ движеніи по службѣ въ судебномъ вѣдомствѣ. Въ Польшу поляки на судебныя должности не назначались по секретному распоряженію министерства юстиціи. Въ западныхъ губерніяхъ и юго-западныхъ, гдѣ имѣется значительный польскій элементъ, такъ-же, какъ и въ Кіевѣ, поляковъ на государственную службу по судебному вѣдомству также не назначали. Оканчивающимъ юридическій факультетъ евреямъ, а затѣмъ постепенно и полякамъ оставалось лишь одно: избрать свободную профессію, т. е. вступить въ адвокатуру. Никакого требованія со стороны министерства юстиціи о томъ, чтобы въ Совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ вели статистику по исповѣданіямъ, не было, и, такимъ образомъ, появленіе въ отчетѣ за 1888 г. этихъ данныхъ свидѣтельствовало объ инициативѣ самого Совѣта, имѣвшей, очевидно, какую-то цѣль. Въ средѣ сословія и въ особенности въ Совѣтѣ рѣшительно не было и тѣни какихъ либо тенденцій антисемитскихъ и антипольскихъ. Это, быть можетъ, былъ единственный кругъ людей, имѣвшихъ опредѣленную организацію, въ которомъ къ тому времени не замѣчалось тенденціи привилегированія православныхъ и притѣсненія иновѣрческихъ или «инородческихъ», какъ это называлось, элементовъ. Предсѣдателемъ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ въ 1888 г. былъ В. Д. Спасовичъ. Репутація его, какъ либерала, была твердо установлена и не подавала никакого основанія къ тому, чтобы ожидать отъ него инициативы въ области раздѣленія людей свободной профессіи по вѣроисповѣдному и національному признаку. Тѣмъ болѣе казалась странной такая инициатива именно со стороны поляка В. Д. Спасовича: статистика столичной адвокатуры не была благопріятной и въ отношеніи заполненія адвокатуры польскимъ элементомъ. Между тѣмъ, какъ выяснилось, инициатива адвокатской вѣроисповѣдной статистики исходила именно отъ него. Задаваясь вопро-

сомъ, какъ объяснить этотъ фактъ, я съ теченіемъ времени отвѣтъ на этотъ вопросъ нашелъ, по мѣрѣ того, какъ сталъ близко наблюдать и политику правительства въ отношеніи инородческихъ и иновѣрческихъ элементовъ, и ту политику, которую сами угнетаемыя народности вели въ отношеніи другъ друга. Если еврейскій вопросъ служилъ какъ бы громоотводомъ для общей политики, что ясно выразилось, какъ я уже подробно объяснялъ, въ погромной политикѣ царствованія Александра III, то угнетаемыя народности, въ стремленіи отвлечь отъ себя накопившееся въ политическомъ воздухѣ реакціонное электричество, тоже часто въ качествѣ громоотвода пользовались указаніями на евреевъ. Впослѣдствіи я неоднократно могъ констатировать съ полной безошибочностью, что иниціатива того или другого въ отношеніи евреевъ мѣропріятія совпадала съ предположеніемъ о принятіи ограничительной мѣры противъ какой либо другой національности, и эта иниціатива исходила именно отъ представителей угрожаемой національности. Такими угрожаемыми, на второмъ мѣстѣ послѣ евреевъ, въ эпоху, о которой я говорю, были прежде всего поляки, а затѣмъ также и нѣмцы.

Угнетеніе національностей было какъ бы конькомъ Александра III, стремившагося руссифицировать всѣ части Россіи, дать господство великороссійскому элементу и подавить всѣ культурно-національныя цѣнности другихъ народностей. Подобно тому, какъ во внутренней политикѣ Александра III первое мѣсто занималъ принципъ господства дворянъ надъ другими сословіями, точно такъ же его политика руководилась цѣлью среди національностей признавать особенно привилегированною, какъ бы дворянствомъ, только русскую національность. Это было проявленіемъ одного изъ трехъ устоевъ его системы, возвѣщенныхъ, какъ я уже имѣлъ случай упоминать, въ знаменитомъ манифестѣ: «На Насъ», — а именно «православія». За евреями, которыхъ, впрочемъ, правительство не старалось руссифицировать, а просто подавляло, слѣдовали поляки, въ отношеніи которыхъ руссификаторская политика была совершенно ясно выражена. Даже еврейскій языкъ не подвергался такимъ преслѣдованіямъ, какъ польскій. Въ самой Варшавѣ запрещалось на вывѣскахъ помѣщать польскія надписи; станціи желѣзныхъ дорогъ запре-

щено было помѣчать на ряду съ русскими названіями — польскими и т. д.

Я далекъ отъ мысли бросить памяти Спасовича, одного изъ виднѣйшихъ людей второй половины XIX столѣтія и одного изъ лучшихъ борцовъ за либеральныя идеи въ Россіи, укоръ въ антисемитизмѣ; но думаю, что и самые близкіе къ Спасовичу люди, — какъ и онъ самъ, если бы онъ былъ живъ — не стали бы отрицать, что онъ прежде всего былъ полякъ (хотя и православнаго исповѣданія), и притомъ полякъ-политикъ, дѣйствовавшій въ интересахъ своей національности. Статистика участія евреевъ и поляковъ въ адвокатурѣ могла бы имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что правительство убѣдилось бы, что загражденія къ поступленію на государственную службу для преслѣдуемыхъ правительствомъ національностей приводятъ къ ненормальнымъ явленіямъ: одно изъ нихъ — переполненіе свободной профессіи представителями этихъ національностей и какъ бы вытѣсненіе «дворянской», такъ сказать, національности, т. е. русскихъ православныхъ. И, дѣйствительно при передачѣ отчета совѣта присяжныхъ повѣренныхъ за 1888 г. согласно установившемуся обычаю, министру юстиціи Манасеину представителями Совѣта во главѣ съ предсѣдателемъ Спасовичемъ, Манасеинъ обратилъ вниманіе на статистику, приведенную въ отчетѣ. На его замѣчаніе, что процентъ участія евреевъ въ адвокатурѣ не соотвѣтствуетъ ихъ отношенію къ общему населенію и представляется ненормальнымъ, и съ его, Манасеина, точки зрѣнія нежелательнымъ, Спасовичъ далъ отвѣтъ, смыслъ котораго заключался въ томъ, что явленіе дѣйствительно ненормально, но причиной этому служитъ правительственная политика, и «ненормальное» явленіе легко можно устранить. И на вопросъ Манасеина, прервавшаго Спасовича: «а какъ же можно измѣнить?», — вопросъ, который, повидимому, ожидалъ отвѣта въ духѣ самого Манасеина. т. е. «запретить», — на этотъ вопросъ Спасовичъ отвѣтилъ: устранить это легко, допускайте евреевъ свободно къ пріему на государственныя должности, тогда они не будутъ въ такомъ большомъ числѣ поступать въ присяжную адвокатуру; нынѣ же, при безусловномъ закрытіи для нихъ доступа на государственную службу, евреи-юристы не имѣютъ иного выбора для профессіональнаго примѣненія своего образованія, какъ адвокатура. Черезъ нѣ-

сколько недѣль послѣдовалъ знаменитый докладъ Манасеина объъ ограниченіи поступленія евреевъ въ адвокатуру. Поляковъ эта мѣра не коснулась.

Пассоверъ не счелъ для себя возможнымъ оставаться въ составѣ Совѣта и вышелъ изъ него. Но это не повліяло на установившуюся между Пассоверомъ и молодой адвокатурой связь черезъ конференцію «второй группы», руководителемъ которой онъ остался и послѣ выхода изъ состава Совѣта.

Занятія группы подъ руководительствомъ Пассовера посѣщались стажьерами больше, чѣмъ занятія въ другихъ группахъ. Самъ Пассоверъ аккуратно появлялся въ назначенное время; въ частныя бесѣды съ молодежью онъ не вступалъ; если еще не собиралось достаточнаго количества въ аудиторіи, то онъ уходилъ, бродилъ по пустымъ корридорамъ суда, уединяясь, подобно тому, какъ уединялся и во время судебныхъ засѣданій, въ которыхъ онъ принималъ участіе въ качествѣ адвоката.

Но, если охотниковъ посѣщать конференцію подъ предсѣдательствомъ Пассовера было много, то представлять доклады въ эту конференцію рѣшались сравнительно немногіе. Придти сюда съ пустыми руками въ качествѣ докладчика было не безопасно. Всѣ доклады подвергались, послѣ обсужденія ихъ со стороны участниковъ конференціи, детальному разбору самого руководителя, Пассовера, и этой критикой главнымъ образомъ интересовались собиравшіеся. Трудно себѣ представить болѣе блестящую умственную работу, чѣмъ та, которая демонстрировалась передъ нами Пассоверомъ. Въ разборѣ докладовъ обнаруживались поразительныя научныя знанія, его несравнимое ни съ чѣмъ умѣніе теоретическіе принципы примѣнять къ практическимъ случаямъ, а главное, — тонкая ажурная работа его діалектики.

Я вошелъ въ группу Пассовера. Въ ней я уже засталъ въ качествѣ участниковъ М. И. Кулишера, М. М. Винавера и другихъ молодыхъ адвокатовъ, которые выдвигались по подготовкѣ и способностямъ и впослѣдствіи заняли видное мѣсто въ адвокатурѣ. Я недолго оставался пассивнымъ участникомъ конференціи и уже въ самомъ началѣ, съ одобренія Пассовера, сдѣлалъ въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій докладъ, посвященный вопросу о «судоговореніи», (т. е. объ ораторскомъ искусствѣ).

Вопросъ этотъ меня всегда интересовалъ. Въ нашей литературѣ вопросъ о техникѣ защиты въ уголовныхъ дѣлахъ и о главномъ ея инструментѣ — судоговореніи — не былъ никѣмъ затронутъ; не было ни одной монографіи, посвященной этому вопросу. Вообще искусство изложенія своихъ мыслей было въ школахъ среднихъ и высшихъ въ Россіи въ большомъ небреженіи. Печальная память, которую оставила по себѣ «риторика» въ духовныхъ семинаріяхъ, была причиной того, что вопросъ объ ораторскомъ искусствѣ и объ элементахъ его былъ совершенно выброшенъ изъ образовательнаго обихода. Меня всегда поражало неумѣніе русскихъ людей, если они отъ природы не одарены ораторскимъ талантомъ, надлежащимъ образомъ излагать свои мысли, не только въ смыслѣ красоты стиля, но и въ смыслѣ связности изложенія и построенія этого изложенія на какихъ-либо правильныхъ логическихъ основаніяхъ. Я долженъ сказать больше, — простой русскій человѣкъ свое дѣло, съ которымъ онъ приходилъ ко мнѣ въ кабинетъ, излагалъ гораздо проще и яснѣе, чѣмъ излагали его люди съ высшимъ образованіемъ, напр. инженеры, врачи, и особенно педагоги, учителя и даже профессора. Между тѣмъ, ораторское искусство, казалось бы, при господствовавшей классической системѣ въ нашемъ образованіи, должно было занять видное мѣсто, хотя бы потому, что такъ усердно въ гимназіи изучались Демосѳенъ и, въ особенности, Цицеронъ, причинявшій столько хлопотъ гимназистамъ. Совершенно нетронуты были въ нашей системѣ образованія такіе драгоцѣнные источники для развитія способности логически мыслить и излагать свои мысли, какъ сочиненія и Цицерона, и позднѣйшихъ авторовъ, въ особенности Квинтиліана. Незнакомство съ классическими образцами было свойственно и русской адвокатурѣ; несмотря на это образцы краснорѣчія имѣлись. и блестящіе — ихъ давала уже сама адвокатура въ видѣ рѣчей Плевако, кн. Урусова, Пассовера, Арсеньева, Спасовича и др. болѣе молодыхъ .Въ большинствѣ случаевъ это было краснорѣчіе Божьею милостью, даръ природы, котораго никто не обрабатывалъ. Правда, нѣкоторые молодые адвокаты изучали эти рѣчи; я зналъ молодыхъ криминалистовъ, которые заучивали наизусть нѣкоторыя мѣста изъ этихъ образцовъ. Приходилось нерѣдко слышать съ пафосомъ произнесенныя фразы, позаимствованныя

изъ рѣчей, уже раньше произнесенныхъ первоклассными адвокатами не только русскими, но и въ особенности французскими. Но большинство адвокатовъ, и въ уголовныхъ защитахъ, и въ рѣчахъ по гражданскимъ дѣламъ, обнаруживали, если не косноязычность, то во всякомъ случаѣ недостаточное умѣніе располагать или строить свою рѣчь. Этимъ и объясняется, что я, съ чѣмъ согласился и руководитель нашъ Пассоверъ, избралъ темой судебное краснорѣчіе. Я изложилъ исторію вопроса, старался исчерпать литературные источники и потомъ, по указаніямъ Пассовера, сдѣлалъ переводъ одной англійской рѣчи американскаго адвоката въ громкомъ процессѣ объ убійствѣ и разобралъ эту рѣчь съ точки зрѣнія тѣхъ основъ ораторскаго искусства, которые выработаны были классическими учителями краснорѣчія, Цицерономъ и Квинтиліаномъ. За этимъ докладомъ послѣдовалъ рядъ другихъ докладовъ, которые я дѣлалъ по желанію Пассовера, въ особенности по поводу новинокъ въ литературѣ уголовнаго и гражданскаго права.

Такимъ образомъ завязалось мое знакомство съ Пассоверомъ. Отъ этого знакомства я ожидалъ многаго. Я былъ увѣренъ, что Пассоверъ, цѣня, какъ это я видѣлъ, мою юридическую подготовку и способности, будетъ мнѣ полезенъ и въ смыслѣ практическомъ, т. е. будетъ способствовать полученію мною дѣлъ для веденія. Я многому научился отъ общенія съ Пассоверомъ, какъ руководителемъ нашей конференціи. Его жестокая критика была всегда полезна; она охватывала не только содержаніе докладовъ, но и форму ихъ. Для желающихъ учиться Пассоверъ давалъ достаточно матеріала. Но въ смыслѣ матеріальномъ, практическомъ, я отъ Пассовера ничего не получилъ. Былъ одинъ случай, когда онъ направилъ ко мнѣ одно дѣло, но я скоро убѣдился, что оно было направлено ко мнѣ только потому, что никто другой дѣломъ этимъ заниматься или не могъ или не пожелалъ. Это было дѣло, производившееся въ V-мъ департаментѣ Сената, еще существовавшемъ тогда въ качествѣ апелляціонной инстанціи для дѣлъ, рѣшенныхъ сибирскими судами, гдѣ еще не была введена реформа 1864 г. Одинъ баронъ, служившій въ Сибири исправникомъ, обвинялся въ цѣломъ рядѣ случаевъ обычнаго тамъ взяточничества. Дѣло, которое тянулось въ теченіе болѣе 15 л. состояло изъ многихъ

томовъ производства; главнымъ недостаткомъ его для меня было то, что подсудимый баронъ, бывшій исправникъ, былъ «голъ, какъ соколъ», и никакого гонорара за колоссальный трудъ по изученію дѣла и составленію сложныхъ объясненій, дополняющихъ его апелляціонную жалобу, предложить мнѣ не могъ.

ГЛАВА XII.

Работа по юрисконсульству М-ва Внутреннихъ Дѣлъ. — Административное Право. — Бюрократическое движеніе дѣлъ. — Первое мое заключеніе. — Раскольничьи дѣла. — Дѣла аннуатныя по льготнымъ имѣніямъ. — Дѣла связанныя съ введеніемъ Городового Положенія 1870 г. въ Прибалтійскихъ губ. — Церковныя имѣнія. — Gotteskasten въ Ревелѣ. — Дѣла по искамъ губернаторовъ по запрещеннымъ продажамъ и арендамъ имѣній въ Юго-Зап. и Сѣв.-Зап. краѣ. — Зло бюрократическаго строя. — Невѣжество мѣстной администраціи.

Вскорѣ мнѣ представился случай войти въ новую для меня область практической работы, а именно въ область административныхъ дѣлъ. Къ присяжному повѣренному Трахтенбергу обратился юрисконсультъ министерства внутреннихъ дѣлъ, съ просьбой указать молодого человѣка, который согласился бы помогать ему въ разработкѣ дѣлъ по его должности. Трахтенбергъ указалъ на меня. Мнѣ было предложено 30 руб. въ мѣсяцъ вознагражденія за подготовку дѣлъ, препровождавшихся на заключеніе юрисконсульта. Я принялъ предложеніе, и не только потому, что и 30 руб. въ мѣсяцъ въ моемъ бюджетѣ составляли нѣчто важное, но главнымъ образомъ, желая приложить свои знанія къ дѣламъ. Въ первый же мѣсяцъ оказалось, что я не только подготовлялъ дѣла для рѣшенія, но и фактически составлялъ тѣ заключенія, которыя требовались отъ юрисконсульта. Этимъ юрисконсультомъ былъ тайный совѣтникъ Плющевскій-Плющикъ, тогда уже немолодой человѣкъ; знакомая большому Петербургу фигура. Плющевскій-Плющикъ былъ человѣкъ, обладавшій довольно хорошими способностями. Карьеру свою онъ началъ по судебному вѣдомству одновременно

съ А. Ф. Кони и др. Въ то время способные юристы быстро продвигались по службѣ, и онъ вскорѣ по окончанiи университета назначенъ былъ товарищемъ прокурора петербургскаго окружного суда и считался однимъ изъ лучшихъ представителей молодой прокуратуры. Прокуроромъ судебной палаты былъ тогда В. К. Плеве, въ 1881 г. перешедшiй въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ качествѣ директора департамента полицiи. Вмѣстѣ съ прокуроромъ палаты въ министерство внутреннихъ дѣлъ перешли и многiе изъ прокуратуры, которыхъ онъ особенно цѣнилъ въ качествѣ сотрудниковъ. Однимъ изъ нихъ былъ Плющевскiй - Плющикъ. Вскорѣ онъ, въ качествѣ чиновника особыхъ порученiй при министрѣ, былъ однимъ изъ дѣлопроизводителей знаменитой Кохановской комиссiи, на которую въ 1882 г. возложена была задача составить проектъ общей реформы управленiя въ Россiи. По окончанiи работъ этой комиссiи на Плющевскаго, еще сравнительно молодого человѣка, но уже въ чинѣ тайнаго совѣтника, возложено было исполненiе юрисконсультскихъ обязанностей при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Никакого управленiя юрисконсультская часть въ этомъ министерствѣ не имѣла; штата въ распоряженiи юрисконсульта не было — этимъ это вѣдомство отличалось отъ другихъ министерствъ, въ нѣдрахъ которыхъ всегда имѣлась юрисконсультская часть во главѣ со штатнымъ юрисконсультомъ. Это объясняется тѣмъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ не всегда заинтересовано было въ томъ, чтобы тѣ или иные вопросы разрѣшались юридически правильно. Напротивъ того, это вѣдомство предпочитало быть свободнымъ отъ связующихъ усмотрѣнiе административной власти, соображенiй юридическихъ и предпочитало руководиться не столько закономъ, сколько общими политическими соображенiями. Всякiй начальникъ отдѣленiя, этотъ фактическiй вершитель судебъ въ бывшей нашей административной машинѣ, былъ превосходнымъ знатокомъ той части законовъ, которая касалась дѣлъ, ему подвѣдомыхъ, и дѣйствительно лучше всякаго юриста разбирался въ этихъ спецiальныхъ нормахъ. Но примѣнять общiя нормы права или нормы, установленныя для другихъ областей, соприкасающихся съ спецiальной областью, подвѣдомой данному начальнику отдѣленiя — въ этомъ потребности не ощущалось. Но бывали, однако,

случаи чисто юридическаго свойства, въ которыхъ усмотрѣнія, предуказываемыя политическимъ направленіемъ, не играли роли; иногда бывали и судебныя дѣла по искамъ, предъявляемымъ къ органамъ министерства внутреннихъ дѣлъ и къ самому министерству; для этихъ случаевъ и былъ чиновникъ особыхъ порученій, исполнявшій юрисконсультскія обязанности.

Въ области гражданскихъ дѣлъ Плющевскій былъ совершенно неопытенъ; кромѣ того, отвлекался массой разныхъ постороннихъ занятій, въ особенности тѣмъ, что былъ близокъ къ театральнымъ и музыкальнымъ сферамъ; вообще онъ велъ жизнь свѣтскую и, само собою разумѣется, былъ весьма доволенъ, когда оказалось, что приглашенный имъ сотрудникъ не только ему помогаетъ, но его фактически замѣняетъ.

Уже первое дѣло, которое мнѣ пришлось разобрать и по которому пришлось дать заключеніе, показало, какой колоссальный интересъ это занятіе для меня представляетъ. Наши юристы привыкли думать, что знаніе права исчерпывается знаніемъ десятаго тома, т. е. гражданскихъ законовъ, затѣмъ законовъ уголовныхъ и правилъ судопроизводственныхъ. Они не подозрѣвали, что въ безбрежномъ морѣ нашихъ законовъ, разбросанныхъ въ 16 томахъ, имѣется обиліе законодательнаго матеріала, неизвѣстное, можетъ быть ни одной странѣ; что тамъ заключается неимовѣрное богатство юридическихъ нормъ; и что жизнь давала необычайное количество случаевъ, гдѣ примѣненіе этихъ нормъ (примѣненіе, предполагающее знаніе) являлось рѣшающимъ для даннаго дѣла. Но примѣненіе этихъ нормъ требуетъ всѣхъ тѣхъ техническихъ пріемовъ юриспруденціи, которые обязательны для примѣненія гражданскихъ и уголовныхъ законовъ. Область административнаго права является столь же важной, не только въ практическомъ смыслѣ, но и для развитія правосознанія, какъ и знаніе законовъ гражданскихъ и уголовныхъ. Знакомство съ дѣлами, которыя передавались министерствомъ внутр. дѣлъ юрисконсульту на заключеніе, помогло мнѣ постепенно накопить запасъ свѣдѣній, дававшихъ мнѣ право считать, что я, можетъ быть, одинъ изъ немногихъ адвокатовъ, въ совершенствѣ изучившихъ и административную технику, и нашъ бюрократическій аппаратъ. Мнѣ приходилось давать заключенія по дѣламъ министерства

внутреннихъ дѣлъ въ теченіе почти 15 лѣтъ; по этимъ дѣламъ, проходившимъ черезъ мои руки, я бы могъ нарисовать картину постепенныхъ наслоеній въ нашей бюрократической жизни, не только вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, но и другихъ вѣдомствъ. Существо нашей системы управленія заключалось въ томъ, что одно вѣдомство связывалось съ другимъ не только въ цѣляхъ единства управленія и единства политики, но и въ цѣляхъ наибольшей централизаціи — и даже внѣ всякихъ цѣлей, а просто по рутинѣ. Одно дѣло нерѣдко проходило черезъ вѣдомство юстиціи, вѣдомство путей сообщенія, государственныхъ имуществъ, конечно, финансовъ, — хотя по существу своему это дѣло входило въ кругъ компетенціи одного лишь вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, которое его окончательно и рѣшало. Эти дѣла дали мнѣ возможность уяснить себѣ психологію бюрократическаго движенія дѣлъ, изучить отношеніе центральныхъ органовъ власти къ мѣстнымъ и быть въ курсѣ той политики, которая проводилась въ канцеляріяхъ незримо для посторонниxъ — иногда даже не совсѣмъ «зримо» для главы даннаго вѣдомства. Это же знакомство дало мнѣ возможность съ большей чуткостью улавливать всякія колебанія въ направленіи политики. Эта чуткость пригодилась мнѣ, — я ее использовалъ, какъ это будетъ явствовать изъ моихъ воспоминаній, для еврейскаго вопроса.

Какое разнообразіе случаевъ и казусовъ!

Не могу не вспомнить перваго дѣла, которое мнѣ пришлось разрѣшить и которое казалось неразрѣшимымъ. Оно тянулось въ теченіе 9 лѣтъ. Дѣло было весьма характерное для нашей бюрократіи. Въ Саратовской губ. одинъ крестьянинъ по приговору сельскаго схода былъ приговоренъ къ высылкѣ въ Сибирь (это право сельскихъ сходовъ распоряжаться судьбою и личностью члена крестьянскаго общества отмѣнено было лишь впослѣдствіи, въ 1904 г.). Мужичекъ былъ заключенъ подъ стражу, препровожденъ въ Саратовскую губернскую тюрьму, и ожидалъ этапа для отправки въ Сибирь. Но тутъ обнаружилось, что высылаемый — хромой, явно болѣзненный человѣкъ, и не способенъ не только къ пѣшему слѣдованію въ Сибирь, но не вынесетъ даже перевозки. Тюремный врачъ далъ соотвѣтственное заключеніе, которое было направлено въ

губернское врачебное присутствіе. Послѣднее, однако, затруднилось, не изъ-за сомнѣнія въ томъ, дѣйствительно ли данный субъектъ боленъ, — ясно было что отправить его въ Сибирь нѣтъ никакой возможности, — а затрудненіе проистекало отъ того, что возникъ вопросъ, кто компетентенъ рѣшить подобный случай: тюремное ли начальство, бывшее тогда въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, врачебное ли начальство, мѣстныя учрежденія или центральныя, и каковъ долженъ быть порядокъ освидѣтельствованія ссылаемыхъ въ Сибирь по приговору сельскихъ обществъ лицъ на предметъ опредѣленія возможности для нихъ слѣдовать въ Сибирь по этапу, пѣшкомъ или инымъ путемъ. Многіе начальники отдѣленій держали это дѣло въ рукахъ своихъ. Но въ спеціальныхъ отдѣлахъ узаконеній, извѣстныхъ этимъ начальникамъ отдѣленій, никакихъ отвѣтовъ на возбуждаемые даннымъ дѣломъ вопросы не находилось. Дѣло переходило изъ рукъ въ руки. О судьбѣ хромого, больного, подлежащаго высылкѣ въ Сибирь мужичка, никто не думалъ. Когда дѣло попало на заключеніе юрисконсульта министерства внутреннихъ дѣлъ, и я его сталъ изучать, я не могъ найти въ дѣлѣ никакихъ свѣдѣній о томъ, поинтересовался ли кто-либо изъ десятковъ должностныхъ лицъ, державшихъ это дѣло въ своихъ рукахъ, живъ ли еще этотъ мужичекъ. Судя по прогнозу свидѣтельствовавшаго его врача и категорическому признанію его безнадежно больнымъ, надо было думать, что въ ожиданіи разрѣшенія принципіальнаго вопроса мужичекъ спокойно отдалъ свою душу Богу. Но вопросъ требовалъ разрѣшенія, и вотъ тутъ то я убѣдился, что при всей той эрудиціи въ спеціальныхъ областяхъ, которую проявляли начальники отдѣленій, — эти главныя пружины бюрократической машины, — у нихъ не хватало умѣнія разрѣшать дѣла на общемъ законномъ основаніи, пользуясь правильными юридическими методами, выработанными наукою для примѣненія юридическихъ нормъ по аналогіи и т. д.

Чтобы указать разнообразіе случаевъ и дѣлъ, съ которыми мнѣ пришлось столкнуться въ этой части моей работы съ самыхъ первыхъ лѣтъ практики, я долженъ привести хотя бы нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что почти всѣ они имѣютъ и принципіальное и историческое значеніе, какъ матеріалы для характеристи-

ки политики прежняго правительства и самой системы проведенія этой политики въ жизнь.

Самыми сложными и трудными были дѣла о «раскольникахъ», поскольку они связывались съ вопросами имущественными*). Въ сводѣ законовъ почти не имѣется особыхъ постановленій, касающихся раскольниковъ; между тѣмъ политика правительства по отношенію къ нимъ имѣетъ сложную исторію. Она мѣнялась въ разныя царствованія, но неизмѣннымъ оставался одинъ принципъ весьма условной вѣротерпимости, установленный еще при Николаѣ I — принципъ, перешедшій въ практику министерства внутреннихъ дѣлъ и святѣйшаго синода, и называемый принципомъ «неоказательства». Раскольники стали терпимы, но эта терпимость не должна была проявляться наружу, дабы не поощрять развитія раскола. Постепенно отъ политики преслѣдованія въ XVIII столѣтіи власти переходили къ системѣ закрыванія глазъ, и эта система выразилась въ послѣдовательномъ рядѣ разныхъ высочайшихъ повелѣній, державшихся въ секретѣ. Существуетъ даже особый печатный сборникъ секретныхъ Высочайшихъ повелѣній, т. е. неопубликованныхъ законовъ, которыми должны были руководиться администраторы въ дѣлахъ, связанныхъ съ расколомъ: о раскольничьемъ духовенствѣ и т. д. На мое заключеніе попадали дѣла, въ которыхъ надо было разрѣшить судьбу вопросовъ, касающихся имуществъ, главнымъ образомъ, по завѣщаніямъ раскольниковъ. Раскольники-завѣщатели, во избѣжаніе признанія недѣйствительными ихъ завѣщательныхъ распоряженій, оставляли капиталы въ распоряженіе душеприказчиковъ-раскольниковъ для устройства разныхъ благотворительныхъ учрежденій, явно тоже «раскольничьихъ». Всякія завѣщательныя распоряженія, заключающія въ себѣ благотворительное назначеніе, должны были получать санкцію министерства внутреннихъ дѣлъ, и самое устройство учрежденій на завѣщаемые капиталы требовало разрѣшенія этого министерства. Обыкновенно законные наслѣдники завѣщателя стремились оспаривать при-

*) Любопытно, что вопросъ о раскольникахъ по русскому законодательству заинтересовалъ еврея И. Г. Оршанскаго, который посвятилъ ему спеціальную работу.

мѣненіе капитала для благотворительныхъ надобностей, предпочитая обратить этотъ капиталъ въ свою личную пользу; вслѣдствіе этого возникали конфликты и сомнѣнія. Поскольку рѣчь шла о разрѣшеніи даннаго вопроса съ точки зрѣнія политическаго направленія правительства, господствующій тонъ давалъ, конечно, святѣйшій синодъ, или, вѣрнѣе, оберъ-прокуроръ его К. П. Побѣдоносцевъ, и въ этомъ отношеніи министерство внутреннихъ дѣлъ никакого голоса своего проявить не могло; но вопросы чисто юридическіе, связанные съ разрѣшеніемъ судьбы самого имущества, могли разрѣшаться уже на точномъ основаніи гражданскихъ законовъ въ связи съ тѣми узаконеніями, которыя, хотя и не были опубликованы, но, конечно, были обязательны для примѣненія къ каждому данному случаю.

Съ имущественными вопросами часто связаны были дѣла политическаго свойства. Это — дѣла о русскомъ землевладѣніи въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губ., о томъ землевладѣніи, которое правительство стремилось создать на развалинахъ польскаго землевладѣнія послѣ мятежа 1863 г. и въ этихъ цѣляхъ раздавало чиновникамъ конфискованныя имѣнія поляковъ - участниковъ возстанія. Этимъ имѣлось въ виду создать вліятельный дворянскій русскій элементъ въ этихъ мѣстностяхъ. Цѣлый рядъ высочайшихъ повелѣній опредѣлялъ судьбу этихъ имѣній и условія владѣнія ими. Исторія этихъ попытокъ власти искусственно насадить или, вѣрнѣе, пересадить русское землевладѣніе въ край, въ которомъ его по естественному ходу вещей не было, чрезвычайно любопытна и для историка представитъ большой интересъ. Эти имѣнія носили названіе «льготныхъ», ибо они давались чиновникамъ русскаго происхожденія на «льготныхъ условіяхъ», т. е. почти за безцѣнокъ и то разсрочиваемый на много лѣтъ; но за то поставлено было условіемъ, что пользованіе этими имѣніями должно оставаться въ русскихъ рукахъ; ихъ нельзя было ни продавать, ни сдавать въ аренду полякамъ, и евреямъ (законъ 1864 и 1865 г.г.). Эти имѣнія, принадлежавшія старымъ польскимъ родамъ, были обременены разными обязательствами, отъ которыхъ они отнюдь не освобождались при переходѣ «на льготныхъ условіяхъ» къ новымъ русскимъ владѣльцамъ. На имѣніяхъ тяготѣли всякія повинности и долги, которые нормировались еще

постановленіями Литовскаго статута, замѣненнаго лишь въ 1840 г. общими для Россіи законами; имущественныя отношенія, создавшіяся при господствѣ Литовскаго статута, сохранили свою силу. Среди такихъ обязательствъ наиболѣе часто встрѣчались повинности въ пользу католическихъ церквей и монастырей, въ видѣ обязательныхъ ежегодныхъ выплатъ (аннуаты). Эти повинности устанавливались дарственными волеизъявленіями владѣльцевъ при жизни ихъ или въ завѣщательныхъ распоряженіяхъ: они протоколировались въ соотвѣтствующихъ судахъ по Литовскому статуту и становились долгами, лежащими не на лицахъ владѣльцевъ, а на самыхъ имѣніяхъ, какъ бы долги ипотечные. По закону, все принадлежавшее католическимъ церквамъ и монастырямъ имущество поступало въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ такъ наз. «капиталъ католическаго духовенства».

Новые владѣльцы имѣній всячески уклонялись отъ взносовъ аннуатныхъ повинностей, ссылаясь то на давность, т. е. на невзысканіе недоимокъ въ теченіе болѣе 10 лѣтъ, то на уничтоженіе самаго основанія повинностей, т. е. Литовскаго статута, и т. п. Дѣла доходили до Сената въ порядкѣ административно-судебномъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, хотя слабо, но все же оборонялось и требовало поступленія этихъ повинностей, такъ какъ суммы по нимъ вносимыя, относились на капиталъ католическаго духовенства, находившійся въ безконтрольномъ распоряженіи департамента духовныхъ дѣлъ инославныхъ исповѣданій. (Кстати сказать, распоряженіе этимъ капиталомъ напоминало распоряженіе остатками еврейскаго коробочнаго сбора). Въ контрольную отчетность распоряженіе этими суммами не попадало, и поэтому департаментъ былъ особенно заинтересованъ въ полученіи этихъ суммъ. Но, такъ какъ дѣла были весьма давнія и очень запутаны въ смыслѣ юридическомъ, то они тянулись десятки лѣтъ. Затягиваніе было въ интересахъ крупныхъ чиновниковъ-владѣльцевъ, такъ какъ до окончанія дѣла повинности все таки не уплачивались и не взыскивались. Этихъ дѣлъ накопилось множество. Всѣ они переданы были на заключеніе юрисконсульта, т. е. фактически мое. Стоило особыхъ усилій и чрезвычайнаго труда разобраться въ этихъ дѣлахъ. Но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ они, при моемъ содѣйствіи были ликвидированы и благополучно разрѣше-

ны. Передъ моими глазами, при разсмотрѣніи этихъ дѣлъ, прошелъ рядъ великолѣпныхъ имѣній бывшихъ польскихъ магнатовъ, попавшихъ въ руки разныхъ чиновниковъ, которые въ оправданіе невзносовъ сравнительно ничтожнаго налога на имѣнія, полученныя почти даромъ, ссылались на отсутствіе доходовъ. И дѣйствительно, доходы были только отъ сдачи этихъ имѣній въ аренду или эксплоатацію лицамъ, которымъ, по условію покупки на льготныхъ условіяхъ, они не могли быть сданы, т. е. полякамъ и чаще всего евреямъ. Такимъ образомъ я ясно видѣлъ, что раззореніе польскихъ помѣщиковъ черезъ конфискацію имѣній и попытки насажденія русскаго землевладѣнія окончились такъ же печально, какъ и многія другія политическія попытки утѣснительнаго режима.

Политическій характеръ носили вообще всѣ дѣла, если они касались окраинъ. Не могу не упомянуть, для исторической перспективы царствованія Александра III, и о дѣлахъ прибалтійскихъ. До Александра III Прибалтійскимъ губерніямъ, черезъ близкихъ ко двору высокихъ чиновниковъ-нѣмцевъ, удалось отстоять свою самобытность: тамъ дѣйствовали особые гражданскіе законы и всякія другія нормы; реформы Александра II (кромѣ, конечно, отмѣны крѣпостного права), всѣ постановленія, касавшіяся крестьянъ, организаціи сельскихъ волостей, вообще все то, что могло такъ или иначе вліять на отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ въ смыслѣ огражденія интересовъ послѣднихъ, все это не распространялось на Прибалтійскія губерніи. Несмотря, однако, на вліяніе нѣмецкихъ элементовъ въ придворныхъ сферахъ, Александръ III взялся за руссификацію Прибалтійскихъ губ.; приступлено было къ реформамъ; главнымъ двигателемъ ихъ былъ министръ юстиціи Манасеинъ, упразднившій въ краѣ всю судебную систему прежняго времени. Судебные уставы 1864 г. введены были въ дѣйствіе въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, съ значительными измѣненіями. Городовое положеніе (1870 г.) въ Прибалтійскихъ городахъ сначала введено не было. Тамъ функціонировалъ старый магистратъ, замѣнявшій и опекунскія учрежденія и отчасти даже судебныя; сохранилось еще средневѣковое цеховое устройство, — съ гильдіями для купцовъ и цехами для ремесленниковъ, которые имѣли характеръ корпорацій, совершенно замкнутыхъ по своимъ традиціямъ, съ феодальными основами, уже за-

бытыми даже въ Европѣ, откуда они были перенесены въ Прибалтійскій край въ средніе вѣка. Магистраты вѣдали, между прочимъ, и церковнымъ патронатомъ. До введенія реформаціи въ началѣ XVII столѣтія Прибалтійскій край былъ наводненъ католическими орденами, и католическія церкви управлялись, конечно, изъ центра, т. е. изъ Рима. Съ введеніемъ реформаціи въ 1621 г. и съ передачей высшаго управленія церкви свѣтской власти, магистраты, въ томъ видѣ, въ какомъ они тогда существовали, стали и органами церковнаго управленія, т. е. получили такъ называемое патронатское право, въ составъ коего входило и распоряженіе благотворительными капиталами, перешедшими отъ католическихъ церквей къ реформатскимъ. Вообще все общественное призрѣніе находилось въ рукахъ церквей; по завѣщаніямъ и по дарственнымъ записямъ образовывались особыя суммы и накоплялся комплексъ недвижимыхъ имуществъ, даже латифундій, доходы съ которыхъ предназначались на содержаніе больницъ при церквахъ, школъ, богадѣленъ и т. д. Эти суммы и недвижимыя имущества образовывали особыя кассы, которыя назывались «Gotteskasten»; управленіе этими кассами принадлежало магистрату, т. е. тому учрежденію, которое вѣдало и гильдіями, цехами, и вообще городскими дѣлами.

Наступилъ часъ введенія городового положенія 1870 г. съ соотвѣтственными измѣненіями и для Прибалтійскаго края. Это было въ 1877 г. Наканунѣ прекращенія функцій магистрата, какъ городского управленія, магистраты произвели распредѣленіе суммъ и имѣній, входившихъ въ составъ « Gotteskasten ». Постановлено было городскимъ общественнымъ управленіямъ передать только ту часть этого имущества, которая предназначалась на потребности, подвѣдомственныя городскому управленію по положенію 1870 г.; ту же часть (львиную), которая предназначалась на содержаніе лютеранскихъ церквей, магистраты оставили за собой, какъ органами «патроната». Въ принципѣ противъ такого способа распоряженія, если только распредѣленіе было болѣе или менѣе справедливо, нельзя было ничего имѣть. И дѣйствительно, тамъ, гдѣ суммы и имѣнія «Gotteskasten» не составляли крупной величины, мнѣ неизвѣстны случаи какихъ-нибудь недоразумѣній по поводу раздѣла. Но въ г. Ревелѣ «Gotteskasten»

имѣлъ значительный капиталъ, а главное — имѣлъ пять довольно крупныхъ имѣній. Когда губернаторомъ Эстляндіи сдѣлался кн. Шаховской, усердно проводившій политику Александра III во ввѣренной ему губерніи, то противъ распоряженій магистрата, хотя они и были одобрены первой образовавшейся въ городѣ Думой съ сильнымъ нѣмецкимъ и во всякомъ случаѣ лютеранскимъ элементомъ, послѣдовалъ протестъ; началось дѣло, тянувшееся съ 1878 г. до середины 90-хъ г.г. Безчисленный рядъ указовъ сената то отмѣнялъ постановленія городскихъ думъ, то подтверждалъ правильность прежнихъ постановленій; дѣлались новыя постановленія, которыя въ свою очередь опротестовывались губернаторомъ, — завязывалось новое дѣло; словомъ сказать, дѣло запуталось въ такой мѣрѣ, что министерство уже никакъ не могло разрѣшить его съ одной только политической точки зрѣнія, и пришлось разбираться въ немъ юридически. Когда дѣло поступило ко мнѣ и нужно было дать заключеніе, то потребовалось значительная затрата времени на ознакомленіе со всѣмъ ходомъ его; и я убѣдился въ томъ, что все дѣло съ самаго начала было поставлено съ большимъ искусствомъ на такія явно неправильныя рельсы, что катиться оно могло только въ направленіи все большей и большей неразрѣшимости. Я предложилъ, на основаніи чисто юридическихъ соображеній, рѣшеніе въ пользу притязанія лютеранскихъ церквей, т. е. магистратовъ, такъ какъ по существу они были совершенно правы; и дѣлу положенъ былъ конецъ.

Никогда не поступали на заключеніе юрисконсульта дѣла, производившіяся въ земскомъ отдѣлѣ и касающіяся вопросовъ крестьянскаго быта. Повидимому тамъ никакихъ юридическихъ сомнѣній у чиновъ департамента не возникало. Не нуждались въ этихъ заключеніяхъ и обычныя еврейскія дѣла, которыя сосредоточены были въ департаментѣ полиціи въ особомъ дѣлопроизводствѣ. Тѣмъ не менѣе, попадались иногда производства, имѣвшія значеніе для евреевъ, но не по дѣламъ о правѣ жительства или правахъ на торговлю, а по вопросамъ, связаннымъ съ землевладѣніемъ, съ метриками и т. п. Такъ я припоминаю, напримѣръ, вопросъ объ исправленіи еврейскихъ метрическихъ книгъ; вопросъ о правѣ евреевъ арендовать рыбную ловлю на озерѣ, входившемъ въ составъ льготнаго имѣнія, т. е. такого, которое нельзя было сдавать евреямъ

въ аренду и до 3 мая 1882 г. по спеціальнымъ узаконеніямъ, касавшимся льготныхъ имѣній, и, въ особенности, по закону 27 декабря 1885 г.

Любопытными и характерными дѣлами были дѣла объ искахъ, которые имѣли право предъявлять губернаторы и генералъ-губернаторы въ интересахъ огражденія дѣйствія закона 1885 г. о землевладѣніи въ Западномъ краѣ. По закону всякій обходъ запрета продажи имѣній лицамъ не русскаго происхожденія, т. е. не имѣвшимъ установленнаго свидѣтельства отъ губернатора или генералъ-губернатора на право пріобрѣтенія имѣній, давалъ основаніе губернатору предъявить искъ объ уничтоженіи договора, хотя формально и законнаго, но имѣвшаго запрещенную закономъ цѣль фактическаго перехода имѣній въ распоряженіе лицъ, коимъ по закону это было воспрещено. Предъявлять или не предъявлять иски зависѣло, конечно, отъ усмотрѣнія мѣстной административной власти. На этой почвѣ было не мало дѣлъ, свидѣтельствовавшихъ о полномъ произволѣ въ примѣненіи закона объ этомъ правѣ губернаторовъ или генералъ-губернаторовъ. Кого хотѣли, миловали, а кого не хотѣли — тормошили сложнымъ судебнымъ процессомъ, который имѣлъ всегда много шансовъ на благопріятный для администраціи исходъ. Бывали — что особенно характерно, — случаи, что помѣщикъ, русскій землевладѣлецъ, которому почти даромъ досталось имѣніе, самъ возбуждалъ искъ или побуждалъ административную власть предъявить такой искъ объ уничтоженіи договоровъ, напримѣръ, лѣсорубочныхъ, или договоровъ на эксплоатацію мельницъ, заводовъ и т. д. — договоровъ, за которые были получены деньги впередъ. Послѣ полученія денегъ начинался судебный процессъ о признаніи договора недѣйствительнымъ, а потомъ — отказъ отъ возврата денегъ, полученныхъ по незаконной сдѣлкѣ. Особенно мнѣ памятно по возмутительной циничности дѣло нѣкоей Вахромеевой, обращавшейся даже на высочайшее имя съ ходатайствомъ объ освобожденіи ея отъ платежа долга помѣщику поляку Пересвѣтъ-Салтану по сдѣлкамъ, признаннымъ по ея собственному иску недѣйствительными, на основаніи законовъ о польскихъ имѣніяхъ. Ходатайство Вахромеевой поддерживалось мѣстной администраціей, и только потому, что оно попало къ юрисконсульту на заключеніе, подоплека это-

го дѣла была раскрыта, и ея ходатайство было отклонено.

Требовалось мое участіе и въ дѣлахъ судебныхъ, по искамъ, предъявлявшимся къ министерству внутреннихъ дѣлъ по поводу завѣщаній съ благотворительными назначеніями. Нѣкоторыя московскія дѣла мнѣ особенно въ этомъ отношеніи памятны, и, опять таки, они были связаны съ закономъ о раскольникахъ. Завѣщанія оспаривались законными наслѣдниками раскольниковъ, оставлявшихъ крупные капиталы въ пользу раскольничьихъ учрежденій, хотя наслѣдники сами принадлежали къ раскольничьимъ общинамъ, на основаніи незаконности самыхъ завѣщательныхъ распоряженій (таково было, напримѣръ, извѣстное дѣло Рахманинова). Вообще не было ни одного крупнаго легата въ пользу благотворительности, который не оспаривался бы наслѣдниками по искамъ, предъявляемымъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, какъ къ высшему учрежденію, обязанному по закону давать назначенія тѣмъ изъ завѣщательныхъ распоряженій, которыя въ точности не указаны въ самомъ завѣщаніи. Въ этихъ дѣлахъ возникалъ рядъ юридическихъ вопросовъ, и въ разрѣшеніи ихъ, въ подготовкѣ способовъ отстаиванія ихъ въ порядкѣ судебномъ, мнѣ приходилось принимать самое энергичное участіе, составлять соотвѣтственныя судебныя бумаги, снабжать юрисконсульта матеріалами для представленія объясненій въ судахъ и въ сенатѣ и т. п.

Работы по юрисконсультскимъ заключеніямъ по дѣламъ министерства внутреннихъ дѣлъ были особенно интересны, какъ я уже сказалъ, въ смыслѣ изученія нашего бюрократическаго механизма, и съ теченіемъ времени стала для меня выясняться главная причина той медленности движенія дѣлъ, на которую всегда такъ горько жаловалось общество, видя въ ней органическое свойство бюрократіи. Много разъ мнѣ приходилось убѣждаться въ томъ, что маленькій винтъ въ этой крупной машинѣ можетъ затормозить движеніе любого дѣла въ любомъ направленіи, несмотря на то, что главный машинистъ, т. е. самъ министръ хотѣлъ бы дѣлу дать желательное для него направленіе. Если вѣрно то, что въ былое время взяточничество играло ту огромную роль, которую ему приписывали, то роль эту оно могло играть именно потому, что часто для успѣха дѣла достаточно было заинтересовать какой-нибудь

мелкій въ этой машинѣ винтъ. Самый способъ составленія докладовъ по дѣлу, ссылка на какое-нибудь обстоятельство, «недостаточно разъясненное», хотя бы само по себѣ и несущественное для разрѣшенія дѣла — все это могло задерживать разрѣшеніе дѣла на многіе годы; а пока что интересъ, проявленный къ этому дѣлу высшимъ чиномъ или даже самимъ министромъ, пропадалъ, и дѣло уже могло получить свободное движеніе въ направленіи, которое ему желалъ дать заинтересованный мелкій чиновникъ. Главное зло бюрократическаго строя заключается въ томъ, что однимъ и тѣмъ же вопросомъ занимается множество учрежденій и множество лицъ въ каждомъ изъ учрежденій, которыя, къ тому же, обязаны дѣйствовать «согласованно». Министру представляется докладъ по дѣлу; къ этому докладу многіе приложили руку: прежде всего, помощникъ столоначальника, который его изучилъ болѣе подробно, чѣмъ самъ столоначальникъ; затѣмъ столоначальникъ до того, какъ представить докладъ начальнику отдѣленія; докладъ начальнику отдѣленія могъ быть имъ одобренъ или не одобренъ — въ послѣднемъ случаѣ требовалась передѣлка или измѣненіе доклада; обыкновенно это дѣлалъ самъ начальникъ отдѣленія; отъ него то же дѣло шло къ вице-директору департамента; отъ вице-директора, со внесенными имъ измѣненіями, (а для этихъ измѣненій требовалось иногда возвращеніе дѣла къ первоисточнику) дѣло восходило до директора департамента, который въ обычномъ порядкѣ дѣлалъ докладъ товарищу министра; и, смотря по важности, дѣло получало разрѣшеніе отъ товарища министра, или же направлялось къ самому министру; по дорогѣ оно могло опять перетерпѣть разныя неожиданности, связанныя съ обратнымъ прохожденіемъ сверху внизъ и восхожденіемъ снизу вверхъ. Это — если дѣло производится въ одномъ министерствѣ; но очень часто дѣла сложныя, затрагивающія крупные интересы, разрѣшаются при участіи двухъ и даже болѣе вѣдомствъ, гдѣ повторяется то же самое восхожденіе и нисхожденіе. Такимъ образомъ, уходитъ время, а усмотрѣніе даже добросовѣстныхъ, но многочисленныхъ чиновъ можетъ дѣло опять задержать и затянуть. Сплошь и рядомъ бывали случаи, когда дѣло, пройдя разныя вѣдомства, возвращалось въ первоначальное, и оказывалось, что одному изъ вѣдомствъ потребовалось разъ-

ясненіе какого-нибудь обстоятельства, каковое разъясненіе вызывало необходимость отправить дѣло назадъ въ провинцію, и вся исторія повторялась заново, а по выясненіи «обстоятельства», таковое оказывалось не имѣющимъ никакого значенія. Мнѣ приходилось видѣть громадныя «досье» во многихъ томахъ, нароставшихъ въ теченіе многихъ лѣтъ только потому, что при разрѣшеніи ихъ примѣненъ былъ описанный мною порядокъ. Я могъ бы иллюстрировать примѣрами, какъ дѣло, несложное по существу, доростало до многотомнаго объема, причемъ въ каждой послѣдующей бумагѣ повторялось все то, что было въ предшествовавшихъ бумагахъ, и вносилось только нѣсколько новыхъ строкъ; и такимъ образомъ «бумаги» черезъ три года производства становились необъятными, хотя въ нихъ рѣшительно ничего не было такого, чего не было бы въ предшествовавшихъ «бумагахъ». Эта громадная затрата труда и времени происходила не въ интересахъ дѣла, а въ ущербъ дѣлу, и по большей части въ ущербъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ. Я убѣдился, что часто труднѣе бывало добиться ускоренія движенія дѣла, чѣмъ правильнаго его разрѣшенія по существу, если даже въ самомъ началѣ замѣчалось стремленіе разрѣшить его неправильно.

Но что особенно ярко выступало изъ опыта, который давался знакомствомъ со всѣми этими дѣлами, это — невѣжество мѣстной губернской власти, свидѣтельствующее о плохомъ подборѣ губернаторовъ, фактически управлявшихъ Россіей. Управляли они плохо не только потому, что центральная власть мѣшала, — хотя и это въ значительной степени было справедливо, — но потому, что сами губернаторы, люди мало способные, не имѣли ни малѣйшаго представленія о томъ, что значитъ управлять, и о тѣхъ принципахъ, которыми надо руководиться при управленіи; даже если эти принципы имъ указывались сверху, то проявлялось абсолютное неумѣніе примѣнять эти принципы на дѣлѣ. Моя память подсказываетъ мнѣ весьма мало именъ губернаторовъ, которые составляли бы исключеніе изъ описаннаго типа. Назначались они не потому, что давали гарантію своими знаніями или своимъ опытомъ; отъ нихъ требовалось только соотвѣтственное политическое настроеніе, гарантировавшее примѣненіе реакціонной политики центральной власти. При Александрѣ

III губернаторами назначались или военные, перешедшіе на гражданскую службу, или же именитые дворяне; было очень мало назначеній на губернаторскую должность лицъ съ высшимъ образованіемъ, и было мало случаевъ перехода въ административную службу лицъ изъ судебнаго вѣдомства, т. е. такихъ, которые прошли школу законности. У меня осталось совершенно точное впечатлѣніе о томъ, что лучшими администраторами были какъ разъ тѣ лица, которыя переходили изъ службы въ судахъ, если только они не перешли въ административную службу изъ прокурорскаго надзора; — губернаторы изъ бывшихъ прокуроровъ не отличались отъ общаго типа губернаторовъ и обыкновенно проявляли и большую реакціонную энергію, и максимальный произволъ. Таковы напримѣръ, бывшій товарищъ прокурора Клингенбергъ, Хвостовъ и др.

ГЛАВА XIII.

С.-Петербургское Юридическое Общество и моя работа въ немъ. — Московское Юридическое Общество, впослѣдствіи закрытое м-ромъ народнаго просвѣщенія Боголѣповымъ. — В. Д. Спасовичъ. — А. Н. Неклюдовъ, авторъ записки о равноправіи евреевъ въ Комиссіи кн. Лобанова-Ростовскаго. — Проф. Н. С. Таганцевъ. — Его докладъ въ Сенатѣ о правахъ евреекъ — женъ кандидатовъ правъ. — Таганцевъ, какъ ученый. — Сенаторъ Э. Я. Фуксъ. — Прис. пов. П. А. Александровъ, защитникъ по дѣлу Вѣры Засуличъ и въ Кутаисскомъ ритуальномъ процессѣ. — А. Ф. Кони. — Сен. Н. С. Платоновъ, впослѣдствіи членъ Госуд. Совѣта. — Атмосфера работы въ Юридическомъ Обществѣ. — Пенитенціарныя реформы. — Международный Пенитенціарный Конгрессъ въ С.-Петербургѣ въ 1890 г.

Войдя въ чисто практическую работу по юриспруденціи, я рѣшилъ закончить работу по изготовленію диссертаціи на степень магистра, сталъ приводить въ порядокъ накопленный матеріалъ и приступилъ къ составленію рукописи. Одновременно съ этимъ, я началъ активное сотрудничество въ юридическихъ журналахъ того времени: въ петербургскомъ «Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права», выходившемъ подъ редакціей проф. военно-юридической академіи Володимірова, и «Московскомъ Юридическомъ Вѣстникѣ», подъ редакціей проф. Муромцева. Въ смыслѣ матеріальномъ это сотрудничество представляло ничтожную выгоду. Я вступилъ въ число членовъ петербургскаго Юридическаго общества, и вскорѣ былъ выбранъ въ члены редакціоннаго комитета уголовнаго отдѣленія этого общества.

Это былъ первый случай, когда молодой человѣкъ, носящій скромное званіе помощника присяжнаго повѣ-

реннаго, былъ выбранъ въ составъ редакціоннаго комитета одного изъ отдѣленій, на которыя дѣлилось Юридическое Общество (уголовное, гражданское и административное). Въ составѣ комитетовъ были сенаторы, профессора и рѣдко даже присяжные повѣренные. Когда я вошелъ въ составъ комитета уголовнаго отдѣленія, предсѣдателемъ былъ проф. Фойницкій, и кромѣ меня, входили въ составъ его Неклюдовъ, проф. Сергіевскій и проф. Случевскій.

Для меня не было ничего неожиданнаго въ выборѣ меня въ комитетъ, состоявшій изъ именитыхъ людей. Я понималъ, что отъ меня ожидаютъ работы; и дѣйствительно, не успѣлъ я вступить въ комитетъ, какъ оказался и секретаремъ отдѣленія, и докладчикомъ по разнымъ вопросамъ, которые тогда занимали криминалистовъ. Первый мой докладъ въ 1890 г. былъ посвященъ новымъ вѣяніямъ въ уголовномъ правѣ и разбору ихъ основныхъ положеній. Докладъ вызвалъ очень оживленныя пренія, въ которыхъ принимали участіе всѣ наличные въ столицѣ корифеи уголовнаго права. Я отмѣчаю этотъ докладъ потому, что критика новыхъ вѣяній и нескрываемое предпочтеніе прежнему, такъ называемому, классическому направленію, — съ перваго начала моей дѣятельности въ Юридическомъ Обществѣ зарекомендовали меня небольшимъ охотникомъ до новшествъ и какъ бы консерваторомъ въ научномъ смыслѣ. Я не скрывалъ отъ себя, что мои товарищи по сословію, принимавшіе участіе въ засѣданіяхъ Юридическаго общества, уже тогда зачислили меня въ разрядъ консервативно настроенныхъ людей, имѣли даже преувеличенное представленіе о моемъ консерватизмѣ, и отъ этого представленія не освободились и потомъ, когда мнѣ пришлось работать въ области общественной и даже политической.

Я придаю большое значеніе въ своей дальнѣйшей карьерѣ и общественной работѣ участію въ трудахъ Юридическаго общества.

Оно основано было въ 1878 году по иниціативѣ профессоровъ Таганцева и Фойницкаго, сенатора Стояновскаго, впослѣдствіи предсѣдателя департамента законовъ Гос. совѣта, сенатора Книрима, одного изъ лучшихъ цивилистовъ, которыхъ знала Россія, и др. Это было единствен-

ное учрежденіе въ Петербургѣ, которое, не имѣя оффиціальнаго положенія, вмѣстѣ съ тѣмъ пользовалось высокимъ авторитетомъ въ глазахъ высшихъ должностныхъ лицъ. Въ Юридическомъ обществѣ разсматривались законодательныя предположенія. Здѣсь была свободная научная критика правительственныхъ мѣропріятій, здѣсь же обсуждались и важнѣйшія положенія, выдвигаемыя судебной практикой т, е. кассаціонными рѣшеніями Сената. Въ составъ Юридическаго общества входили и члены Государственнаго совѣта, бывшіе министры, ихъ товарищи и почти всѣ будущіе министры. Общественное мнѣніе прислушивалось къ заключеніямъ Юридическаго общества; засѣданія его охотно посѣщались, въ особенности учащейся молодежью и юристами. Въ концѣ 80-хъ годовъ на заключеніе Юридическаго общества передавались части проекта Уголовнаго уложенія, который составляла тогда особая, высочайше утвержденная комиссія, подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Э. В. Фриша. Для разсмотрѣнія этихъ проектовъ образовались комиссіи изъ членовъ Общества, и заключенія ихъ препровождались въ комиссію по составленію Уложенія. Съ замѣчаніями Юридическаго общества, выработанными людьми практики, комиссія очень считалась, и, такимъ образомъ, Юридическое общество имѣло большое вліяніе на содержаніе отдѣльныхъ статей и частей проекта. Засѣданія общества привлекали большую аудиторію, въ особенности при обсужденіи такихъ проблемъ, какъ вопросъ о смертной казни, о карательной системѣ вообще, — вопросы, имѣвшіе, помимо ихъ техническаго значенія, значеніе общественное и политическое. Я много работалъ въ этихъ комиссіяхъ, составлялъ ихъ журналы. Эта работа отнимала у меня много времени, и я имѣлъ удовлетвореніе видѣть, что она цѣнится товарищами по работѣ, лицами, стоящими на высокой ступени судебной іерархіи. Постепенно я пріобрѣлъ репутацію полезнаго работника, а многіе цѣнили во мнѣ и способности, и научныя знанія. Я хочу сказать, что въ сферахъ научныхъ и судебныхъ я создалъ себѣ нѣкоторую репутацію раньше, чѣмъ получилъ какую бы то ни было репутацію у публики, изъ которой могъ создаться для меня контингентъ кліентовъ. Таковыхъ, къ сожалѣнію, въ первые годы было немного, и мое матеріальное положеніе все еще было неудовлетворительно.

Кромѣ петербургскаго Юридическаго общества, большую роль въ то время играло и московское Юридическое общество, предсѣдателемъ коего былъ проф. С. А. Муромцевъ, впослѣдствіи первый предсѣдатель русскаго парламента, — Государственной Думы. Оно было менѣе вліятельно въ глазахъ власти, такъ какъ въ составъ его не входили лица, занимавшія высшія должности, по отсутствію таковыхъ въ Москвѣ. Московское общество съ первыхъ же лѣтъ своего существованія какъ бы спеціализировалось на вопросахъ не столько строго юридическихъ, сколько общественно-политическихъ: тамъ всегда читались доклады о вопросахъ, связанныхъ съ земствомъ, обсуждались мѣропріятія правительства въ области самоуправленія. Работы московскаго общества зато имѣли громадное вліяніе на общественные круги далеко за Москвою; съ ростомъ этого вліянія увеличивалось неудовольствіе властей этимъ обществомъ. Оно получило репутацію чуть ли не крамольнаго. Департаментъ полиціи слѣдилъ за его работами; но закрыть его не рѣшались, такъ какъ московское общество, какъ и петербургское, состояло при университетѣ и было подчинено вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія. Даже московскій генералъ-губернаторъ великій князь Сергѣй Александровичъ, присвоившій себѣ почти неограниченную власть, долго самъ не рѣшался на закрытіе общества; и только въ 1898 году, по предложенію генералъ-губернатора, послѣдовало распоряженіе министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова, бывшаго профессора московскаго университета и члена этого общества, о закрытіи его. На это распоряженіе министра народнаго просвѣщенія была принесена жалоба въ 1-й департаментъ Сената. Боголѣповъ объяснилъ Сенату причины закрытія, доказывая «явно оппозиціонный и политическій характеръ» общества, и сослался при этомъ на желаніе великаго князя Сергѣя Александровича, противъ котораго Сенату въ то время идти было трудно.

Кромѣ названныхъ профессоровъ, однимъ изъ главныхъ работниковъ петербургскаго общества, былъ В. Д. Спасовичъ, безъ котораго не обходилось обсужденіе ни одного вопроса, имѣвшаго принципіальный характеръ. Бывшій профессоръ, онъ оставилъ университетъ послѣ студенческихъ волненій, при введеніи въ дѣйствіе университетскаго устава 1863 г.; при введеніи новыхъ судовъ въ

1866 г., онъ сталъ присяжнымъ повѣреннымъ и съ перваго же времени занялъ самое видное мѣсто въ адвокатурѣ.

Спасовичъ имѣлъ несчастье умереть въ бурное время послѣ 17 октября 1905 г., внѣ Петербурга, т. е. внѣ мѣста, гдѣ протекла вся его сложная дѣятельность публициста и политика.

Изъ другихъ представителей адвокатуры, по уголовному отдѣленію участіе въ работѣ принимали немногіе, но въ гражданскомъ отдѣленіи работали многіе присяжные повѣренные, — въ томъ числѣ Герке, сдѣлавшійся вскорѣ сенаторомъ, и А. О. Гордонъ, братъ извѣстнаго нашего еврейскаго поэта Л. О. Гордона. Онъ былъ авторомъ извѣстныхъ видныхъ трудовъ по гражданскому праву. Было время, когда онъ ожидалъ назначенія на довольно высокій постъ по министерству юстиціи. Для устраненія вѣроисповѣднаго препятствія, онъ перешелъ въ православіе; но жертва осталась напрасной: должности онъ не получилъ и такъ и умеръ православнымъ присяжнымъ повѣреннымъ...

Къ тому времени, къ которому относится начало моей работы въ Юридическомъ обществѣ, евреевъ криминалистовъ съ крупными именами (кромѣ Куперника въ Кіевѣ) почти не было, хотя уже были евреи цивилисты, пользовавшіеся большой репутаціей. Не говоря о Пассоверѣ, извѣстными цивилистами тогда были въ Одессѣ Оксъ, въ Москвѣ С. Шайкевичъ, въ Петербургѣ Банкъ и др.

Изъ лицъ судебнаго вѣдомства, принимавшихъ дѣятельное участіе въ работахъ Юридическаго общества, слѣдуетъ упомянуть, прежде всего, объ А. Н. Неклюдовѣ. Онъ тогда былъ оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассаціоннаго департамента. Одинъ внѣшній видъ его привлекалъ къ себѣ вниманіе: худой, глубокій брюнетъ, съ изможденнымъ лицомъ, окаймленнымъ черной окладистой бородой, и съ орлинымъ пронизывающимъ взглядомъ. Въ немъ кипѣла энергія. Онъ не былъ ораторомъ, но говорилъ чрезвычайно убѣдительно и съ поразительной ясностью излагалъ свои мысли. Какъ криминалистъ, онъ еще въ концѣ 60-хъ годовъ сдѣлался извѣстнымъ своими статистическими работами по уголовной юстиціи. Онъ былъ первый русскій ученый, который установилъ связь между увеличеніемъ преступности и внѣшними причинами, въ частности, временами года. Затѣмъ, пользовалось большой

популярностью составленное имъ руководство для мировыхъ судей. Десятки тысячъ мировыхъ судей въ Россіи, не юристы, были бы безпомощны при исполненіи своихъ обязанностей и погубили бы репутацію новаго въ Россіи института выборнаго суда, если бы Неклюдовъ не далъ имъ этого руководства, по которому они учились и судили. Для насъ, евреевъ, Неклюдовъ имѣлъ особое значеніе. Мои первыя встрѣчи съ нимъ были на чисто научной почвѣ, и я тогда не зналъ, что имѣю дѣло съ человѣкомъ, который, состоя на государственной службѣ по министерству юстиціи, въ бытность министромъ графа Палена, имѣлъ мужество, въ качествѣ члена комиссіи по еврейскому вопросу, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ кн. Лобанова-Ростовскаго, въ 1880 г., подать рѣшительный голосъ за полное уравненіе евреевъ въ правахъ съ остальными гражданами. Этотъ свой голосъ, — единственный въ комиссіи, — онъ обосновалъ въ обширномъ докладѣ, который сталъ мнѣ извѣстенъ лишь къ концу 90-хъ годовъ и былъ, по моей инициативѣ, изданъ особой брошюрой. Этотъ докладъ — плодъ истинно государственнаго воззрѣнія на еврейскій вопросъ. Удивительно то, что этотъ докладъ не повредилъ карьерѣ Неклюдова, что неминуемо случилось бы, если бы докладъ былъ представленъ въ комиссію, работавшую по еврейскому вопросу при послѣдующихъ министрахъ. Впослѣдствіи Неклюдовъ былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ при Сипягинѣ, но вліянія на улучшеніе положенія евреевъ, обострившагося особенно въ началѣ этого столѣтія, онъ не имѣлъ.

Другой дѣятельный членъ Юридическаго общества былъ проф. Н. С. Таганцевъ; тогда онъ былъ уже сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента. И онъ сыгралъ нѣкоторую роль въ еврейскомъ вопросѣ.

Въ 1888 г. возникло дѣло по поводу отказа кіевскаго старшаго нотаріуса въ утвержденіи купчей крѣпости на домъ, купленный въ Кіевѣ женой кандидата правъ и присяжнаго повѣреннаго А. М. Гольденберга. Дѣло прошло всѣ судебныя инстанціи и, по жалобѣ на кіевскую судебную палату, поступило въ гражданскій кассаціонный департаментъ Сената. Возникъ принципіальный вопросъ, пользуется ли жена кандидата правъ, имѣющаго безусловное право повсемѣстнаго жительства, и поэтому не лишеннаго права пріобрѣтать недвижимую въ Кіевѣ собствен-

ность, такимъ же, какъ и мужъ, правомъ пріобрѣтать недвижимую собственность. Этотъ вопросъ былъ первый, на которомъ отразилась уже ясно выраженная политика правительства — отнимать постепенно права у тѣхъ категорій евреевъ, которымъ эти права были дарованы въ предшествующее царствованіе, начиная съ закона о купцахъ 1859 года. Возникшее сомнѣніе было передано на разсмотрѣніе общаго собранія кассаціонныхъ и 1-го департамента Сената, т. е. той инстанціи, рѣшенія которой, опубликованныя для всеобщаго свѣдѣнія, и фактически дополняли законъ, а впослѣдствіи иногда измѣняли явный смыслъ закона. Докладчикомъ по этому дѣлу въ Общемъ Собраніи былъ Н. С. Таганцевъ. По его мнѣнію, вопросъ долженъ былъ быть рѣшенъ отрицательно. Чтобы убѣдить большинство сенаторовъ, изъ которыхъ еще многіе помнили традиціи безпристрастія и законности, Таганцеву пришлось привести рядъ аргументовъ искусственнаго характера, не лишенныхъ, можно сказать, талмудическаго остроумія. Право жительства внѣ черты осѣдлости, по его мнѣнію, есть право, которое сообщается мужемъ женѣ лишь въ интересахъ совмѣстнаго пребыванія. Право жительства евреевъ съ высшимъ образованіемъ есть личная привилегія. Такой же личной привилегіей является и вытекающее изъ права жительства право пріобрѣтать недвижимое имущество внѣ черты осѣдлости. Жена привилегированнаго еврея имѣетъ не самостоятельное право жительства, а производное; пріобрѣтать же недвижимую собственность могутъ только лица, пользующіяся самостоятельнымъ правомъ на повсемѣстное жительство; и потому жены лицъ означенной категоріи могутъ пользоваться лишь правомъ жить вмѣстѣ съ мужемъ, но не правомъ пріобрѣтать дома, имѣнія и т. п. Эта аргументація «убѣдила» большинство сенаторовъ и, такимъ образомъ, по иниціативѣ проф. Таганцева съ тѣхъ поръ укоренилась теорія «производнаго права жительства» женъ евреевъ, пользующихся правомъ повсемѣстнаго жительства. Эта теорія легла въ основу дальнѣйшихъ ограниченій правъ евреекъ впослѣдствіи. Такъ, напримѣръ, ограничено было право женъ евреевъ, окончившихъ университеты, на проживаніе для леченія въ гор. Ялтѣ, въ Крыму, послѣ того, какъ въ 1892 г. г. Ялта и Ялтинскій уѣздъ были изъяты изъ категоріи мѣстностей черты осѣдлости. (Это было сдѣлано потому, что

Александръ III сталъ ѣздить для пребыванія въ Ливадію, возлѣ Ялты). Нуждающіяся въ климатическомъ леченіи въ Ялтѣ жены врачей и присяжныхъ повѣренныхъ евреевъ лишены были права туда пріѣзжать иначе, какъ въ сопровожденіи мужей. По жалобѣ одесскаго присяжнаго повѣреннаго Бернштейна, одно такое дѣло доходило до 1 Департамента Сената, оттуда въ первое общее собраніе Сената, а оттуда, за разногласіемъ сенаторовъ, въ Государственный Совѣтъ, который призналъ, основываясь на мотивахъ, изобрѣтенныхъ Таганцевымъ въ 1889 г., что жена Бернштейна не пользуется правомъ пребывать въ Ялтѣ безъ мужа, такъ какъ ея право какъ бы «планетное», а не «звѣздное». Астрономія примѣнена была и въ томъ, что отраженный свѣтъ на разстояніи не можетъ дѣйствовать, и мужъ, пребывающій въ Одессѣ, не можетъ сообщить своей женѣ правъ проживать внѣ Одессы. Въ Москвѣ, въ бытность генералъ-губернаторомъ в. к. Сергѣя Александровича, это же разъясненіе Сената дало основаніе московской полиціи изгонять изъ Москвы женъ врачей, присяжныхъ повѣренныхъ, инженеровъ, купцовъ 1-й гильдіи, если ихъ мужья хотя бы временно отлучились изъ Москвы; сдѣланъ былъ такимъ образомъ дальнѣйшій шагъ, — жены не только не могутъ отъѣзжать за черту осѣдлости отъ мужей, но обязательно должны слѣдовать за мужьями, не разлучаясь съ ними даже на короткое время. Такова была забота антисемитской политики о семейныхъ узахъ у евреевъ. Много тяжелыхъ минутъ причиняло евреямъ остроуміе Таганцева...

Но въ области научной Таганцевъ, сохранившій профессуру въ Училищѣ Правовѣдѣнія, продолжалъ стоять на высотѣ европейской научной мысли и оставался достойнымъ ученикомъ гейдельбергскаго профессора Миттермайера и послѣдователемъ гуманиста XVIII в. Беккаріи, убѣжденнымъ противникомъ смертной казни и борцомъ противъ примѣненія ссылки для преступниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ критически относился къ новаторству въ наукѣ уголовнаго права, принадлежалъ къ такъ наз. классическому направленію, не увѣровавшему въ спасительность новыхъ направленій школы итальянской и соціологической. Будучи, послѣ Фриша, предсѣдателемъ высочайше утвержденной комиссіи для составленія Уголовнаго уложенія, а до того — однимъ изъ главныхъ редакторовъ его,

— Таганцевъ уже не дѣлалъ докладовъ въ Юридическомъ обществѣ, но живо интересовался его трудами и принималъ дѣятельное участіе въ его засѣданіяхъ.

Какъ членъ Государственнаго Совѣта, въ послѣдніе годы Таганцевъ перемѣнилъ свое настроеніе въ области еврейскаго вопроса. Въ свое время я укажу на случай, когда Таганцевъ высказался за равноправіе евреевъ.

Дѣятельное участіе въ трудахъ уголовнаго отдѣленія Юридическаго общества принималъ сенаторъ уголовнаго кассаціоннаго деп-та Э. Я. Фуксъ. Въ началѣ 90-хъ годовъ онъ былъ переведенъ въ 1-й департаментъ Сената и, какъ старѣйшій, первоприсутствовалъ въ департаментѣ, послѣ Арцимовича и Шумахера. Еврейскія дѣла разрѣшались первымъ департаментомъ Сената. Этотъ департаментъ можно назвать лабораторіей еврейскихъ правъ и безправія, мѣстомъ защиты противъ произвола мѣстныхъ административныхъ властей въ либеральное время, и источникомъ усиленныхъ репрессій и преслѣдованій въ реакціонное время. Сенаторъ Фуксъ, по слухамъ, былъ еврейскаго происхожденія. Несмотря на установившуюся со временемъ большую близость мою съ нимъ, я отъ него объ этомъ никогда не слышалъ. Но по многимъ моимъ бесѣдамъ съ нимъ и по особому интересу, который онъ проявлялъ къ положенію евреевъ, я лично убѣдился въ правильности слуховъ, что отецъ его былъ еврей изъ Каменецъ-Подольска, переселившійся потомъ въ Одессу. Фуксъ былъ при началѣ его судебной карьеры лютеранскаго исповѣданія и, какъ онъ мнѣ самъ говорилъ, уже будучи предсѣдателемъ Харьковскаго окружнаго суда, перешелъ въ православіе. Сенаторъ Фуксъ первоприсутствовалъ въ Особомъ присутствіи Сената, разсматривавшемъ дѣло 1-го марта объ убійствѣ Александра II.

Въ началѣ 90-хъ годовъ однимъ изъ участниковъ въ трудахъ Юридическаго общества былъ присяжный повѣреный П. А. Александровъ, защитникъ Вѣры Засуличъ въ дѣлѣ о покушеніи на петербургскаго градоначальника Трепова и защитникъ евреевъ въ ритуальномъ Кутаисскомъ процессѣ. Ко времени моего знакомства съ нимъ здоровье его было серьезно расшатано, онъ мало занимался практикой. Онъ началъ свою карьеру въ прокуратурѣ, и въ 70-хъ годахъ перешелъ въ адвокатуру. Нервный, желчный, въ

бытность свою прокуроромъ, онъ былъ грозою защитниковъ, а ставъ присяжнымъ повѣреннымъ — сдѣлался грозой для прокуроровъ. При всемъ своемъ кипучемъ темпераментѣ, онъ говорилъ сдержанно; его нѣсколько гнусавый голосъ звучалъ всегда ровно и монотонно, но каждая фраза была ударомъ молота, отъ котораго летѣли искры, и эти удары, дѣйствовавшіе на слушателей, оглушали противника и приводили его въ изнеможеніе. Ядовитый сарказмъ, ѣдкое остроуміе — вотъ главныя орудія, которыми дѣйствовалъ Александровъ, и дѣйствовалъ съ колоссальнымъ успѣхомъ.

О защитѣ Александрова въ Кутаисскомъ дѣлѣ подробно повѣдалъ потомъ присяжный повѣренный Н. П. Карабчевскій (одинъ изъ защитниковъ въ дѣлѣ Бейлиса), бывшій въ Кутаиссѣ во время разсмотрѣнія дѣла, тогда еще начинающій адвокатъ. Кутаисскій ритуальный процессъ былъ первый въ Россіи, послѣ Саратовскаго (въ 1856 г.). Онъ стоялъ совершенно особнякомъ среди обычныхъ ритуальныхъ дѣлъ, и къ нему мнѣ придется вернуться, когда я дойду до воспоминаній о дѣлахъ Блондеса и Бейлиса.

Александрова я слышалъ нѣсколько разъ въ качествѣ защитника въ кассаціонномъ Сенатѣ. Нельзя было не удивляться оригинальности его дарованія. Я увѣренъ, что онъ сыгралъ бы гораздо большую роль въ адвокатурѣ конца прошлаго столѣтія, если бы здоровье его позволяло ему усиленно работать въ области практики, требовавшей большого напряженія нервовъ.

Я началъ сближаться съ Александровымъ, но, къ несчастью, онъ скоро тяжко заболѣлъ и въ 1894 году умеръ, оставивъ семью почти безъ средствъ.

Дѣятельнымъ работникомъ въ Юридическомъ обществѣ былъ А. Ф. Кони. Его доклады привлекали всегда переполненныя аудиторіи.

Кони не былъ ученымъ по профессіи. Его скорѣе можно отнести только къ разряду высоко-образованныхъ криминалистовъ. Талантъ у него былъ исключительный. При колоссальной его начитанности, онъ съ неподражаемымъ искусствомъ всегда умѣлъ изъ богатаго запаса своихъ знаній выбирать въ изложеніи того или другого вопроса наиболѣе подходящія мѣста. Онъ не былъ любителемъ эф-

фектовъ, но то, что онъ говорилъ, всегда производило эффектъ, вслѣдствіе образности и мѣткости мыслей; особенно плѣняла форма, въ которую эти мысли облекались въ устахъ Кони. Онъ говорилъ плавно, безъ аффектированныхъ повышеній и пониженій голоса. Въ его рѣчи не было и тѣни декламаціи. Журчалъ ручей, переливаясь цвѣтами радуги, пріятными для глаза, а самый шумъ ручья ласкалъ ухо. Самыя простыя вещи, даже труизмы, въ формѣ, придаваемой Кони, получали характеръ оригинальности. Самыя оригинальныя и даже парадоксальныя мысли у него не расхолаживали слушателя, не возбуждали въ немъ того невольнаго чувства сопротивленія, которое обыкновенно вызываютъ парадоксальныя мысли, ярко изложенныя и бьющія своею неожиданностью. Онъ говорилъ такъ, какъ писалъ. Онъ никогда въ своемъ изложеніи не придерживался рукописи, но для слушателя было ясно, что Кони не произноситъ экспромта. И когда то, что онъ говорилъ, появлялось въ печати, всякій, кто его слушалъ, находилъ напечатаннымъ именно то, что сказано было въ свободной рѣчи Кони. Въ этомъ отношеніи память его была поразительна. Таковы были и его доклады въ Юридическомъ обществѣ. Таковы же были и его публичныя чтенія и рѣчи, и тѣ заключенія, которыя онъ давалъ въ Уголовномъ кассаціонномъ д-тѣ, когда былъ оберъ-прокуроромъ этого департамента. Люди, помнящіе его въ качествѣ предсѣдателя петербургскаго Окружнаго Суда, всегда говорили, что и въ заключительныхъ своихъ «резюмэ» присяжнымъ засѣдателямъ передъ уходомъ ихъ въ совѣщательную комнату, онъ проявлялъ тотъ же блескъ таланта, который обнаруживалъ и въ качествѣ докладчика, оберъ-прокурора Сената и лектора.

Извѣстно, что Кони, будучи предсѣдателемъ Окружнаго Суда, предсѣдательствовалъ въ дѣлѣ Вѣры Засуличъ, стрѣлявшей, въ 1878 г., въ генерала Трепова, бывшаго градоначальникомъ въ Петербургѣ. Въ своемъ заключительномъ словѣ онъ проявилъ весь свой талантъ; и такъ какъ Кони въ этомъ словѣ не «гнулъ», какъ выражались впослѣдствіи, въ сторону обвиненія, а былъ, какъ того требуетъ законъ, объективенъ (обычай обвинительныхъ предсѣдательскихъ резюме именно послѣ дѣла Вѣры Засуличъ весьма укрѣпился въ судахъ, и во множествѣ дѣлъ послужилъ поводомъ для кассаціи приговоровъ), — то

оправданіе Засуличъ было приписано вліянію его заключительнаго слова, и Кони долженъ былъ, подъ давленіемъ свыше, оставить должность предсѣдателя окружнаго суда, хотя министромъ юстиціи былъ тогда Набоковъ, еще не усвоившій (какъ это было послѣ него) практики смѣнять несмѣняемыхъ судей. Карьера Кони была переломлена, и онъ — природный криминалистъ, — долженъ былъ стать предсѣдателемъ гражданскаго департамента судебной палаты и прекратить чтеніе лекцій въ Училищѣ Правовѣдѣнія, гдѣ былъ профессоромъ. Попечитель этого училища, принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, не могъ простить Кони оправдательнаго приговора по дѣлу Вѣры Засуличъ. Мнѣ разсказалъ другой профессоръ Училища правовѣдѣнія, бывшій оберъ-прокуроръ Сената и сенаторъ Случевскій, (одинъ изъ судебныхъ дѣятелей столицы, оставившій по себѣ неизгладимую память въ анналахъ суда; единственный предсѣдатель его, который при оставленіи должности получилъ адресъ отъ адвокатуры), что послѣ оправдательнаго приговора, принцъ пріѣхалъ въ Училище по какому то торжественному случаю и передъ собравшимся составомъ профессоровъ и воспитанниковъ старшихъ курсовъ, въ рѣчи по поводу торжества, употребилъ фразу: «Одна пуля въ животѣ генерала стоитъ десяти Плевенъ. Поддержите, поддержите, падаетъ». Этого афоризма слушатели не поняли, а потомъ выяснилось, что принцъ этимъ намекалъ на неотомщенную приговоромъ суда пулю, пущенную въ Трепова Вѣрою Засуличъ, и что фактъ оправданія представлялъ бѣдствіе, по его мнѣнію, превышавшее потери русскихъ войскъ при взятіи Плевны въ турецкую кампанію. Требованіе же «поддержки» относилось къ «падающему» дѣлу правосудія.

Дѣло о покушеніи на Трепова не забывалось, и Кони, неоднократно, по крайней мѣрѣ, въ устахъ молвы, считавшійся кандидатомъ на постъ министра, встрѣчалъ всегда препону въ воспоминаніи о дѣлѣ Засуличъ. Онъ былъ зачисленъ въ списокъ «либераловъ». Не избавило его отъ этого воспоминанія и дѣло о крушеніи императорскаго поѣзда въ Боркахъ, въ 1889 году. Ему было поручено произвести разслѣдованіе причинъ крушенія. Докладъ объ этомъ разслѣдованіи онъ лично представилъ Александру III. Отъ доклада и отъ таланта Кони всѣ, и прежде всего самъ онъ, ожидали реабилитаціи его въ глазахъ Александ-

ра III Эти ожиданія не оправдались: говорили, что Александръ III остался недоволенъ, онъ плохо понялъ докладчика. Въ этомъ отношеніи судьба Кони была отлична отъ судьбы Плеве, который, какъ извѣстно, помимо своихъ способностей, обязанъ былъ чрезвычайно быстрой карьерой тому, что въ качествѣ прокурора петербургской судебной палаты лично представилъ Александру II докладъ о результатахъ разслѣдованія взрыва Зимняго Дворца (въ 1880 г.), причемъ докладъ произвелъ такое впечатлѣніе, что государь рекомендовалъ Лорисъ-Меликову обратить вниманіе на молодого чиновника.

Кони принадлежалъ къ кружку журнала «Вѣстникъ Европы»; былъ личнымъ другомъ редактора его М. М. Стасюлевича; въ этомъ кружкѣ находился цвѣтъ россійскаго либерализма, съ такими именами, какъ К. К. Арсеньевъ, В. Д. Спасовичъ, профессоръ Пыпинъ, и особенно ярко блисталъ незабвенный философъ В. С. Соловьевъ, этотъ апостолъ добра, вѣротерпимости и человѣчности.

Впослѣдствіи Кони, какъ сенаторъ перваго Общаго собранія Сената, — до назначенія его въ члены Гос. Совѣта, — сталкивался съ еврейскими дѣлами, доходившими до Общаго собранія изъ 1-го деп. Сената по жалобамъ на распоряженія администраціи. Я не могу назвать ни одного дѣла, гдѣ бы Кони употребилъ свой талантъ и умѣніе дать надлежащую аргументацію въ пользу разрѣшенія въ облегчительномъ смыслѣ дѣла, подлежавшаго разсмотрѣнію Общаго собранія. Не было, правда, случая, когда Кони проявилъ бы антисемитизмъ, но изъ всей дѣятельности его нельзя указать и ни на одинъ случай, когда бы онъ выступилъ противъ той политики, которой держались власти и оффиціальное общественное мнѣніе по отношенію къ евреямъ. А. Ф. Кони былъ несомнѣнно еврейскаго происхожденія. Не въ этомъ ли кроется объясненіе сдержанности его въ отношеніи еврейскаго вопорса?

Изъ дѣятелей Юридическаго общества я долженъ упомянуть еще о С. Ф. Платоновѣ, сенаторѣ уголовнаго кассаціоннаго департамента. Онъ впослѣдствіи былъ предсѣдателемъ уголовнаго отдѣленія Общества; мы съ нимъ работали вмѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и очень сблизились. Платоновъ началъ судебную карьеру по окончаніи Харьковскаго университета съ должности судебнаго

пристава, постепенно передвигался по ступенямъ судебной службы, и при министрѣ юстиціи Набоковѣ сталъ директоромъ департамента въ Министерствѣ. Безукоризненно корректный, онъ обладалъ большой практической жилкой, и въ качествѣ судебнаго дѣятеля имѣлъ самое безупречное имя. Онъ отличался своей скромностью и безпритязательностью, не имѣлъ иныхъ средствъ, кромѣ своего жалованія. Онъ былъ лично друженъ съ кн. Мещерскимъ, знаменитымъ редакторомъ «Гражданина» и имѣлъ на него большое вліяніе.

Кн. Мещерскій, этотъ столпъ реакціи, въ отношеніи еврейскаго вопроса держался иныхъ взглядовъ, чѣмъ тѣ, съ которыми связана была принадлежность къ реакціи. Онъ не былъ юдофиломъ, но не одобрялъ правительственной политики преслѣдованія и репрессій по отношенію къ евреямъ. Я могу сказать, что большое вліяніе на отношеніе Мещерскаго къ еврейскому вопросу имѣла близость его съ С. Ф. Платоновымъ, который часто бывалъ въ знаменитомъ салонѣ Мещерскаго и, держась здравыхъ государственныхъ взглядовъ, былъ свободенъ отъ предвзятаго антисемитизма. Извѣстно, какое вліяніе имѣлъ Мещерскій одно время въ высшихъ сферахъ и даже на самого царя. Этому вліянію Платоновъ обязанъ былъ тѣмъ, что, будучи сенаторомъ 1-го департамента, куда онъ перешелъ изъ уголовнаго кассаціоннаго, онъ былъ неожиданно для всѣхъ назначенъ членомъ Гос. Совѣта, послѣ убійства министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина (въ 1902 г.) и назначенія министромъ Плеве. Платоновъ пользовался особымъ довѣріемъ Николая II. Мнѣ самому приходилось видѣть документы, свидѣтельствовавшіе о личномъ довѣріи царя къ Платонову. Онъ былъ какъ бы его приватнымъ юрисконсультомъ. Понятно поэтому, что Плеве, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, относился съ особымъ вниманіемъ къ Платонову, совѣщался съ нимъ по вопросамъ политики, и когда издано было новое положеніе для города Петербурга, и создано было особое учрежденіе подъ названіемъ «Особаго Присутствія по городскимъ дѣламъ С.-Петербурга», Платоновъ сталъ по желанію царя предсѣдателемъ этого присутствія. Платоновъ сыгралъ роль и въ области еврейскаго вопроса, въ которомъ, послѣ кишиневскаго погрома въ 1902 г. и во время войны съ Японіей, обозначился нѣкоторый поворотъ даже въ полити-

къ Плеве. Но объ этомъ придется говорить впослѣдствіи, когда я дойду до этой эпохи въ своихъ воспоминаніяхъ.

Работать въ Юридическомъ обществѣ было особенно пріятно потому, что работа проходила въ атмосферѣ чисто научной, въ средѣ людей, воспитанныхъ во взглядахъ судебной реформы 1864 г., далекихъ отъ политики и непричастныхъ къ тому курсу, котораго держалось царствованіе Александра III. Атмосфера была свободна отъ антисемитизма. Его не замѣчалось ни въ личныхъ сношеніяхъ, ни во взглядахъ, которые высказывались по поводу того или другого стоявшаго на очереди въ обществѣ вопроса, если этимъ вопросомъ затрагивались евреи. Отравленная кругомъ антисемитская атмосфера не проникла въ это Общество, и на работѣ въ немъ я отдыхалъ душой въ ближайшіе годы, когда пришлось стать близко къ вопросамъ правовой жизни евреевъ, и временами казалось, что отъ тьмы и вражды по отношенію къ евреямъ некуда дѣться. Я убѣдился въ томъ, что тотъ оффиціальный антисемитизмъ, отъ котораго мы задыхались, — явленіе наносное, и что съ перемѣной политическаго общаго курса облегчится положеніе евреевъ, такъ какъ антисемитизмъ въ Россіи являлся вопросомъ политики, а не чувства.

Начало моей работы въ Юридическомъ обществѣ совпало со временемъ приближенія третьяго международнаго пенитенціарнаго конгресса.

Всю Европу, начиная съ Англіи, занималъ тюремный вопросъ. Движеніе ему дано было въ Англіи трудами извѣстнаго филантропа Говарда, (по заказу издателя Павленкова мною составлена была біографія Говарда и издана въ павленковской серіи біографій знаменитыхъ людей). Въ теченіе вѣковъ преступный міръ былъ отверженнымъ міромъ. Такое отношеніе къ преступнику противорѣчило взгляду русскаго народа, который на преступниковъ смотритъ, какъ на «несчастныхъ». Тюремная стѣна отдѣляла міръ преступный отъ жизни, и давно еще было сказано, что на тюрьмахъ можно надписать извѣстный стихъ Данте: «Пусть оставятъ всякую надежду тѣ, которые сюда входятъ». Запертый арестантъ переставалъ быть субъектомъ правъ. Своимъ преступленіемъ онъ изъялъ себя не только изъ гражданскаго, но и изъ человѣческаго оборота. Не различали случайнаго преступника, совершившаго преступленіе по несчастному стеченію обстоя-

тельствъ, преступника, который, совершивъ преступленіе, не потерялъ, однако, моральнаго человѣческаго облика и способенъ, искупивъ содѣянное, обратиться къ честной жизни, — отъ тѣхъ преступниковъ, которые не поддаются исправленію и потому въ интересахъ общественной безопасности подлежатъ изолированію отъ общества. Тюрьма была разсадникомъ болѣзней, резервуаромъ человѣческаго горя и страданія. И если самое наказаніе, опредѣляемое судомъ, соразмѣрялось со степенью вины и съ личностью преступника, то тюремный режимъ уравнивалъ всѣхъ попавшихъ въ тюрьму, развращая еще окончательно не развращенныхъ, не исправляя тѣхъ, которые могли быть исправлены. Посидѣвшій въ тюрьмѣ и вышедшій по окончаніи срока на свободу былъ не только бывшій тюремный сидѣлецъ, но несомнѣнно и будущій. Тюремный режимъ создалъ классъ періодически возвращающихся въ тюрьму людей. Гуманитарныя идеи конца XVIII столѣтія, начиная съ извѣстнаго труда Беккаріи, содѣйствовали тому, что и на преступный міръ обращено было вниманіе. Онѣ привели къ постепенной отмѣнѣ пытки, къ улучшенію уголовныхъ законовъ и, наконецъ, къ упорядоченію правилъ о судебномъ производствѣ дѣлъ. Въ юридическій катехизисъ включены были новые принципы: всякій предполагается невиновнымъ, доколѣ на судѣ не будетъ доказано противное; обвиненію должна противостоять защита; и даже афоризмъ, приписываемый Екатеринѣ II, что лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиновнаго. Но всѣ эти гуманные принципы примѣнялись до того момента, какъ произнесенъ былъ приговоръ, осуждающій обвиняемаго, и на него накладывалось клеймо «преступникъ». Гуманное отношеніе къ осужденному уже преступнику было дѣломъ XIX в. Активное проявленіе гуманности началось во второй половинѣ его. Образовалась особая отрасль криминалистической науки —тюрьмовѣдѣніе или пенологія, посвященная изученію тюремныхъ системъ и изысканію способовъ ихъ улучшенія, въ цѣляхъ исправленія случайныхъ преступниковъ или предохраненія даже неисправимыхъ рецидивистовъ отъ жестокаго съ ними обращенія и отъ того, чтобы они не ложились бременемъ на государство и общество. Въ Германіи творцомъ этой новой научной области былъ проф. фонъ-Гольцендорфъ. Честь созданія научнаго

отношенія къ тюремнымъ вопросамъ въ Россіи безспорно принадлежитъ проф. И. Я. Фойницкому, и это его несомнѣнная большая заслуга. Въ Англіи, во Франціи и въ Германіи тюремная реформа стала на очередь. Она выдвинулась на очередь и въ Россіи, благодаря бывшему въ 80-хъ годахъ начальникомъ тюремнаго управленія, впослѣдствіи члену Гос. Совѣта М. В. Галкину-Врасскому, помощникомъ котораго былъ молодой, талантливый и энергичный В. Н. Коковцовъ, впослѣдствіи статсъ-секретарь Государственнаго совѣта, министръ финансовъ и предсѣдатель совѣта министровъ послѣ Столыпина. Тюремный вопросъ сталъ вопросомъ международнымъ подобно тому, какъ и самый преступный міръ былъ космополитиченъ. Въ 1885 году состоялся въ Римѣ первый международный конгрессъ для обсужденія вопросовъ тюремной реформы. Рѣдко международные конгрессы имѣли такой блестящій успѣхъ, какъ конгрессъ пенитенціарный. На этомъ конгрессѣ представлены были всѣ цивилизованныя государства, въ лицѣ извѣстныхъ всей Европѣ и Америкѣ ученыхъ и политическихъ дѣятелей. Тогда же было рѣшено, что конгрессы должны собираться періодически, черезъ каждые пять лѣтъ. Было избрано особое бюро, которое должно было вырабатывать программу каждаго слѣдующаго конгресса, приводить въ исполненіе, путемъ международныхъ сношеній, рѣшенія, принятыя на конгрессахъ, и сосредоточивать свѣдѣнія по движенію тюремной реформы въ Европѣ и въ Америкѣ.

Ближайшій послѣ римскаго, конгрессъ долженъ былъ состояться въ Петербургѣ въ 1890 г.

Юридическое общество приняло живое и дѣятельное участіе въ подготовкѣ этого конгресса совмѣстно съ главнымъ тюремнымъ управленіемъ, бывшимъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ. Была избрана особая пенитенціарная комиссія, которая распредѣлила вопросы программы между своими членами для составленія докладовъ. Докладчикомъ по нѣкоторымъ вопросамъ былъ назначенъ и я.

Конгрессъ открылся лѣтомъ, при особо торжественной обстановкѣ. Прибыли делегаты, среди которыхъ пестрѣли самыя крупныя имена, работа кипѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, русское правительство проявило обычное русское гостепріимство. Засѣданія конгресса въ общихъ собраніяхъ и секціяхъ прерывались раутами и торжественными

пріемами и обѣдами. Почетнымъ предсѣдателемъ конгресса былъ принцъ А. П. Ольденбургскій. Царя въ Петербургѣ тогда не было, но, тѣмъ не менѣе, отъ имени царя делегатамъ былъ данъ въ Зимнемъ Дворцѣ обѣдъ, на который приглашены были всѣ члены конгресса. Особымъ вниманіемъ окружены были делегаты Франціи. Въ воздухѣ носилась близость заключенія алліанса, и высшіе правительственные круги спѣшили наперерывъ проявлять свои симпатіи французамъ. Во главѣ французской делегаціи былъ завѣдующій тюремнымъ дѣломъ во Франціи Эрбеттъ. Онъ плѣнилъ русскихъ въ Петербургѣ своимъ ораторскимъ искусствомъ. Рожденный дипломатъ, онъ умѣлъ и дѣловые тюремные вопросы облекать въ обаятельныя формы. Его тосты и спичи на пріемахъ и обѣдахъ имѣли колоссальный успѣхъ, и съ первыхъ же дней занятій конгресса онъ сталъ въ центрѣ вниманія всего Петербурга. Кѣмъ то пущенъ былъ каламбуръ: **«Herbette n'a pas du tout l'air bête»**, разсчитанный на то, что Эрбеттъ былъ весьма некрасивъ лицомъ. Этотъ каламбуръ однажды въ обществѣ международныхъ делегатовъ и въ присутствіи самого Эрбетта былъ повторенъ Фойницкимъ, который, при всѣхъ своихъ научныхъ заслугахъ, былъ плохо воспитанный человѣкъ и отличался своей безтактностью мѣщанскаго свойства (онъ былъ сынъ гомельскаго мѣщанина). Объ этомъ дошло даже до свѣдѣнія самого царя, который рѣзко выразилъ по этому поводу свое неудовольствіе.

На конгрессѣ присутствовалъ и совсѣмъ еще молодой прокуроръ московской судебной палаты Н. В. Муравьевъ, будущій министръ юстиціи. При этомъ случаѣ я впервые встрѣтился съ Муравьевымъ.

Слѣдующій конгрессъ былъ назначенъ на 1895 годъ въ Парижѣ. Объ этомъ конгрессѣ, происходившемъ въ медовый мѣсяцъ алліанса при президентѣ Феликсѣ Форѣ, я скажу впослѣдствіи.

ГЛАВА XIV.

Еврейскій вопросъ при Александрѣ III. — Губернскія Совѣщанія 1881-1882 г.г. — Обвиненія противъ евреевъ: всемірный кагалъ; вредная этика; антиталмудизмъ. — Экономическій вредъ. — Собраніе еврейскихъ депутатовъ 1882 г. — Игнатьевскія временныя правила. — Министръ гр. Толстой. — Комиссія гр. Палена. — Процентная норма для поступленія въ учебныя заведенія. — Дополненіе къ правиламъ 3 мая, изданное въ 1887 г. Госуд. Совѣтомъ. — Отсутствіе организаціи защиты. — Еврейская и общая либеральная пресса.

Съ 1890 года, наряду съ научными работами по Юридическому Обществу, и занятіямъ по едва-едва начавшейся адвокатской практикѣ, мнѣ пришлось посвящать свое время еврейскому вопросу, уже не въ качествѣ рядового интеллигента, а, такъ сказать, профессіонально. Для того, чтобы выяснить значеніе этой работы, ея многообразіе и разносторонность, я считаю необходимымъ дать краткій очеркъ событій, начиная съ 1882 г., съ которыми я въ самомъ началѣ моей дѣятельности на этомъ поприщѣ долженъ былъ ознакомиться по оффиціальнымъ документамъ и по дѣламъ, которыя были въ ходу и которыя сосредоточены были у бар. Гинцбурга.

Собраніе депутатовъ осенью 1881 г., послѣ первыхъ погромовъ 1881-же года, не дало никакихъ результатовъ и не создало никакой организаціи для защиты правъ евреевъ. По порученію Собранія, составлена была записка М. Г. Маргулисомъ изъ Одессы. Вотъ все, что является результатомъ этого собранія. Повтореніе погромовъ въ 1882 г., хотя и въ меньшемъ объемѣ, вызвало раннею весною новое собраніе депутатовъ, на этотъ разъ по иниціативѣ быв-

шаго еще министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Игнатьева. Въ теченіе года работали въ губерніяхъ черты осѣдлости и въ Харьковской совѣщанія, состоявшія изъ представителей земствъ, городовъ, и изъ свѣдущихъ людей, избранныхъ по усмотрѣнію губернатора, въ числѣ коихъ почти во всѣхъ совѣщаніяхъ участвовали и приглашенные евреи. Предсѣдательствовали на совѣщаніяхъ губернаторы. Совѣщанія должны были дать отвѣтъ на вопросы, изложенные въ циркулярѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Смыслъ этого циркуляра былъ таковъ, что погромы являются какъ бы взрывомъ негодованія мѣстнаго населенія противъ эксплоатаціи осуществляемой евреями. Отъ совѣщаній требовалось пояснить, въ чемъ именно заключается вредъ наносимый евреями окружающему населенію.

Изъ ходячихъ антисемитскихъ обвиненій того времени однимъ изъ главныхъ было обвиненіе евреевъ въ кагальномъ устройствѣ. Существуетъ будто-бы кагалъ, распоряжающійся всѣми дѣйствіями евреевъ и направляющій ихъ экономическую роль въ опредѣленномъ смыслѣ, а именно — къ порабощенію мѣстнаго населенія. Этотъ кагалъ распоряжается не только русскимъ еврействомъ, но и евреями во всемъ мірѣ. Такимъ образомъ, евреи составляютъ какъ бы государство въ государствѣ. Вѣра въ кагалъ въ Россіи поддерживалась книгою крещенаго еврея и врага еврейства Я. А. Брафмана, «Книга Кагала», изд. въ 1869 г. Часто этотъ кагалъ усматривали въ основанномъ Кремье французскомъ «Alliance Israélite Uuiverselle». Насколько сильно было суевѣріе о кагалѣ, видно изъ того, что, какъ было установлено при ревизіи сен. Половцева въ Черниговской губ., еще до погромовъ, воззваніе, исходящее отъ разрѣшеннаго правительствомъ въ 1880 г. временнаго комитета земледѣльческаго и ремесленнаго фонда о сборѣ пожертвованій, вызвало настоящую панику въ этой губерніи. Въ этой невинной бумагѣ мѣстныя власти усмотрѣли кагальный приказъ, исходящій отъ Alliance Israélite; думали и вѣрили, что удалось, наконецъ, обрѣсть документъ, явно доказывающій существованіе кагала, того кагала, о которомъ всѣ говорили, который столь многіе искали и никто не находилъ.

Въ области экономической евреи, по убѣжденію антисемитовъ, дѣйствуютъ не каждый за себя, не въ цѣляхъ

личнаго преуспѣянія, а работаютъ организованно; доказательство этому находили въ талмудическомъ ученіи, и въ знаменитыхъ правилахъ «Хазака» и «Меропія». Эти правила установлены раввинской мудростью въ цѣляхъ устраненія недобросовѣстной конкурренціи среди евреевъ; они являются предтечей того, что только въ XX вѣкѣ оформлено было юридической мыслью въ видѣ германскаго закона о неблаговидныхъ пріемахъ конкурренціи (Unlauterer Wettbewerb, concurrence déloyale). Установленіе Хазаки и Меропіи было выраженіемъ стремленія насадить среди евреевъ добрые нравы и этическіе пріемы, онѣ боролись противъ соблазна неблаговидной конкурренціи въ тѣхъ ужасныхъ условіяхъ средневѣковья, когда борьба за существованіе у евреевъ была такъ обострена. Сущность постановленія о Хазакѣ и Меропіи заключалась въ томъ, что евреямъ воспрещалось прибѣгать къ неправильнымъ, съ точки зрѣнія морали, пріемамъ для того, чтобы выжить кого либо изъ того или другого дѣла, напримѣръ, аренды, пахты, содержанія корчмы и т. п., и самому сѣсть на освободившееся мѣсто. Они имѣли также цѣлью оградить право ремесленника и торговца на обслуживаніе его кліентуры (achalandage — по французски) и воспрепятствовать очерненію даннаго торговца или ремесленника въ глазахъ его кліентовъ въ цѣляхъ привлеченія ихъ къ себѣ (dénigrement).

Таковы высоко этическіе принципы Хазаки и Меропіи. Нетрудно было превратить эти институты въ орудіе обвиненія противъ евреевъ, — въ связи съ вѣрой въ существованіе кагала, — а именно, будто бы, христіане отдаются отдѣльнымъ евреямъ на эксплоатацію, и никакой другой еврей не имѣетъ права дѣлать въ данномъ случаѣ конкурренцію и этимъ улучшать положеніе отданныхъ на съѣденіе данному еврею «гоевъ».

Въ антисемитизмѣ этого періода, какъ я уже отмѣтилъ раньше, не было религіозныхъ мотивовъ. Правительство въ царствованіе Александра III оставило въ покоѣ приверженцевъ секты жидовствующихъ. Бывали лишь отдѣльныя попытки преслѣдованій жидовствующей ереси и такъ наз. субботниковъ. Правительство, повидимому, убѣдилось въ томъ, что еврейскому вѣроученію чуждъ прозелитизмъ. Не было ни разу случая обвиненія противъ ев-

реевъ въ совращеніи въ іудейство христіанъ. И, если я не ошибаюсь, то знаменитое дѣло Возницына при Елисаветѣ Петровнѣ, въ серединѣ XVIII вѣка, окончившееся сожженіемъ на кострѣ полковника Возницына и еврея Баруха, было первымъ и послѣднимъ дѣломъ, въ которомъ евреи фигурировали, въ качествѣ совратителей въ іудейство.

Религіозные мотивы играли роль въ антисемитскомъ катехизисѣ въ другомъ смыслѣ. Самая еврейская религія объявлялась вредной, предписывающей антиморальное поведеніе по отношенію къ христіанамъ. По еврейской религіи, и, главнымъ образомъ, по Талмуду разрѣшается будто бы обманывать, обвѣшивать и обмѣривать «гоевъ». Разрѣшается и едва ли не поощряется ростовщичество. Была поэтому объявлена война Талмуду. Нашелся, конечно, и апостолъ антиталмудизма въ лицѣ невѣжественнаго Лютостанскаго, который въ своей компиляціи о Талмудѣ повторялъ Ейзенменгера и др. Враги Талмуда — караимы — пользовались всяческимъ благоволеніемъ. Имъ предоставлено равноправіе, такъ какъ они свободны отъ талмудическаго зловреднаго вѣроученія. Вѣра въ зловредность Талмуда давала почву и для суевѣрнаго обвиненія въ возможности убійствъ съ ритуальной цѣлью.

Непосредственныя обвиненія въ области экономической мотивировались фактомъ сосредоточенія въ рукахъ евреевъ всей питейной торговли въ чертѣ осѣдлости, въ особенности же въ сельскихъ мѣстностяхъ. Ограничительныя правила для питейной торговли обходились евреями путемъ подыменной торговли. И, наконецъ, самое главное обвиненіе заключалось въ томъ, что евреи будто бы избѣгали производительнаго труда, вообще уклонялись отъ физическаго труда, чѣмъ объясняется отсутствіе земледѣльцевъ у евреевъ и неуспѣхъ, будто бы упорныхъ попытокъ правительства пріучить евреевъ къ земледѣлію въ земледѣльческихъ колоніяхъ Херсонской и Екатеринославской губ. и путемъ предоставленія евреямъ землевладѣльцамъ по закону 1844 г. права учреждать въ своихъ имѣніяхъ еврейскія колоніи для занятія земледѣліемъ на мелкихъ участкахъ; за учрежденіе такихъ колоній евреямъ-землевладѣльцамъ давалось въ качествѣ награды званіе потомственнаго почетнаго гражданина (законъ 1844 года).

Всѣ обвиненія должны были найти подтвержденіе въ

отвѣтахъ на вопросы, поставленные губернскимъ совѣщаніямъ графомъ Игнатьевымъ въ его циркулярѣ. Насколько совѣщанія связаны были лейтмотивомъ этого циркуляра о вредѣ евреевъ, видно изъ того, что нѣкоторые губернаторы, предсѣдательствуя въ совѣщаніяхъ, не допускали сужденій объ экономической благотворной роли евреевъ, создающихъ конкурренцію и вырывающихъ монополію изъ рукъ христіанскихъ кулаковъ и ростовщиковъ. Могилевскій губернаторъ, которымъ въ то время былъ фонъ-Вааль, впослѣдствіи петербургскій градоначальникъ, прямо объявилъ, что задача совѣщанія — говорить о вредѣ, а отнюдь не о пользѣ, приносимой евреями.

Результаты совѣщаній въ началѣ 1882 г. стали доставляться въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и для разсмотрѣнія ихъ образована была особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ товарища министра Мартынова. Кстати сказать, до того еще, съ 1878 г., существовала комиссія подъ предсѣдательствомъ гр. Лобанова-Ростовскаго, который потомъ былъ посломъ въ Константинополѣ и затѣмъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Объ этой комиссіи я упоминалъ въ связи съ воспоминанія о Неклюдовѣ. Но куда дѣлись матеріалы этой комиссіи и какова была дѣйствительная причина прекращенія ея работъ, — мнѣ такъ и не удалось выяснить впослѣдствіи.

Не успѣла мартыновская комиссія разработать матеріалъ губернскихъ совѣщаній, какъ произошли погромы 1882 г., начавшіеся въ первыхъ числахъ апрѣля, и уже 26 апрѣля Игнатьевъ вошелъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ объ изданіи постановленій, получившихъ утвержденіе въ качествѣ Временныхъ Правилъ о воспрещеніи евреямъ въ чертѣ осѣдлости селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ, о воспрещеніи заниматься арендой и управленіемъ недвижимыми собственностями внѣ городской и мѣстечковой черты. Въ представленіи комитету министровъ гр. Игнатьевъ объяснялъ, что погромы вызваны враждою христіанскаго населенія, объясняемой еврейской эксплоатаціей и что единственный способъ оградить евреевъ отъ насилій со стороны христіанъ — это воспретить имъ жительство въ сельскихъ мѣстностяхъ и не допускать къ владѣнію недвижимой собственностью.

Проектъ Игнатьева изготовлялся какъ разъ въ тотъ моментъ, когда въ Петербургѣ происходили совѣщанія еврейскихъ депутатовъ. Гр. Н. П. Игнатьевъ обнаруживалъ большой интересъ къ работамъ съѣхавшихся изъ разныхъ губерній евреевъ, освѣдомлялся о нихъ едва-ли не ежедневно черезъ бывшаго съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ молодого доктора Оршанскаго, брата знаменитаго писателя Ильи Оршанскаго. Среди депутатовъ ходили смутные слухи о томъ, что Игнатьевъ готовъ пойти на какіе то переговоры. Впослѣдствіи эти слухи превратились въ опредѣленныя свѣдѣнія о томъ, что гр. Н. П. Игнатьевъ ожидалъ предложенія, за опредѣленную крупную сумму, направить еврейскій вопросъ въ болѣе благопріятное русло. Я знаю отъ бар. Г. О. Гинцбурга, что во время одного изъ свиданій съ нимъ въ періодъ совѣщанія депутатовъ, Игнатьевъ вдругъ спросилъ Гинцбурга: «Скажите, баронъ, вѣрно ли, что вашему банкирскому дому переведена, для передачи мнѣ, сумма въ 2 милліона рублей»? Бар. Гинцбургъ былъ до того ошеломленъ этимъ вопросомъ, что, какъ онъ самъ говорилъ, его охватило сильное волненіе и, не рѣшаясь пойти по пути, подсказанному Игнатьевымъ, онъ, конечно, отвѣтилъ отрицательно. Дня черезъ два представленіе въ комитетъ министровъ спѣшно было изготовлено.

Гр. Игнатьевъ былъ владѣльцемъ крупныхъ имѣній на югѣ и мнѣ впослѣдствіи пришлось видѣть контракты, заключенные имъ, черезъ управляющаго его имѣніемъ въ Кіевѣ, у нотаріуса Платера о сдачѣ имѣній въ аренду евреямъ, причемъ эти контракты датированы едва ли не наканунѣ утвержденія временныхъ правилъ 3 мая 1882 г.

Собранія депутатовъ (копіи протоколовъ этихъ собраній хранились въ бумагахъ, составляющихъ архивъ бар. Гинцбурга и погибли вмѣстѣ съ этимъ архивомъ, послѣ революціи 1917 г.) ни къ какимъ результатамъ не пришли Еще послѣ совѣщаній 1881 г. было рѣшено направить депутацію къ императору для представленія ему всеподданнѣйшаго прошенія. Депутація и состоялась въ лицѣ бар. Гинцбурга, А. М. Зака и А. Я. Пассовера, обладавшаго репутаціей лучшаго въ Петербургѣ юриста. Прошеніе, претерпѣвъ всѣ муки, обычныя у евреевъ при рожденіи такихъ бумагъ, было представлено. При пріемѣ депутаціи Александръ III далъ обычныя завѣренія о царскихъ заботахъ о

всѣхъ безъ различія вѣрноподданныхъ, но указалъ и на обвиненія противъ евреевъ. Отвѣтъ на это замѣчаніе Александра III далъ не Пассоверъ, а А. М. Закъ, причемъ смыслъ отвѣта, какъ подтвердили участники депутаціи, былъ таковъ, что «всякому ѣсть хочется».

Игнатьевъ вскорѣ ушелъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ сталъ бывшій раньше министромъ народнаго просвѣщенія гр. Толстой. Въ первые же дни вступленія его въ управленіе министерствомъ, въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатанъ былъ циркуляръ (1882 г.) о недопустимости анти-еврейскихъ безпорядковъ, т. е. погромовъ. Дѣйствительно, погромамъ со стороны городскихъ отбросовъ положенъ былъ конецъ. Но за то начался медленный, вѣрно бьющій и разрушающій еврейство, подтачивающій его экономическія силы разгромъ со стороны правительственной реакціонной политики, путемъ принятія мѣръ, доходящихъ до шиканъ, а впослѣдствіи и мѣропріятій, направленныхъ къ приниженію уровня еврейской интеллигенціи, и какъ бы на одичаніе евреевъ.

Гр. Толстой призналъ своевременнымъ приступить къ пересмотру всего законодательства о евреяхъ, для чего, по докладу гр. Толстого, назначена была особая комиссія, подъ названіемъ «Высшей», подъ предсѣдательствомъ бывшаго министра юстиціи, члена Гос. Совѣта, графа Палена. Въ нее входили представители разныхъ вѣдомствъ, и ей предоставлено было привлечь къ участію въ работахъ лицъ по ея усмотрѣнію.

Первыя же засѣданія комиссіи показали, что предсѣдатель ея не имѣлъ опредѣленной директивы и что отъ работъ комиссіи можно ожидать объективнаго, не предвзятаго отношенія къ порученному ей дѣлу, поскольку это будетъ зависѣть отъ предсѣдателя ея, человѣка, пользовавшагося репутаціей одного изъ самыхъ справедливыхъ сановниковъ и облеченнаго довѣріемъ самого царя. Мартыновская комиссія прекратила свое существованіе, журналы губернскихъ совѣщаній были переданы въ Паленскую комиссію, какъ матеріалъ. Насколько они были неудовлетворительны, видно изъ того, что комиссія сочла нужнымъ заново собрать надлежащій статистическій матеріалъ и свѣдѣнія непосредственно черезъ членовъ комиссіи. Одинъ изъ членовъ ея кн. Голицынъ, ярый антисемитъ,

предпринялъ большой трудъ по составленію исторіи законодательства о евреяхъ. Этотъ трудъ былъ напечатанъ; онъ заключаетъ въ себѣ впервые опубликованные цѣнные матеріалы по исторіи еврейскаго вопроса со времени присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи. Антисемитская тенденція автора ясно видна въ этой книгѣ, но тѣмъ не менѣе, она представляется чрезвычайно цѣнной. По порученію комиссіи, были собраны и статистическіе матеріалы.

Въ составъ комиссіи входилъ предсѣдатель ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія — Георгіевскій, относившійся съ большимъ уваженіемъ къ проф. Баксту. Подъ его вліяніемъ комиссія постановила пригласить для дачи разъясненій по разнымъ обсуждавшимся въ ней вопросамъ экспертовъ изъ евреевъ. Таковыми приглашены были проф. Н. И. Бакстъ, бар. Гинцбургъ, М. А. Варшавскій. Была составлена М. І. Маргулисомъ обширная записка о чертѣ осѣдлости; барономъ Гинцбургомъ представлены были матеріалы относительно исполненія евреями воинской повинности. Работа комиссіи кипѣла, и, черезъ три съ лишнимъ года, собравъ колоссальный матеріалъ, касающійся всѣхъ сторонъ быта евреевъ, Высшая Комиссія могла уже придти къ общимъ положеніямъ, которыя должны были лечь въ основу предполагаемыхъ законопроектовъ. Эти выводы изложены въ общемъ журналѣ комиссіи 1886 г. Журналъ этотъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ документовъ по исторіи еврейства въ Россіи. Несмотря на атмосферу, среди которой работала комиссія и составлялся ея журналъ, — въ то время, когда буря реакціи Александра III бушевала и политика правительства, направленная къ укрѣпленію самодержавія, православія и народности, приняла ярко выраженную форму рѣшительнаго угнетенія всѣхъ народностей, кромѣ великороссійской, — большинство комиссіи гр. Палена должно было признать, что существующія ограниченія для евреевъ не разрѣшаютъ еврейскаго вопроса и что дальнѣйшее слѣдованіе по пути ограниченій и несправедливо, и не вызывается надобностью; что, прежде всего, подлежатъ отмѣнѣ правила 3 мая 1882 г., ибо они не ограждаютъ крестьянское населеніе отъ эксплоататоровъ, независимо отъ исповѣданія ихъ; что эти правила вредны для землевладѣнія, и что правительству надлежитъ вступить на новый путь «постепеннаго расширенія правъ евреевъ». Повторилось въ нача-

лѣ царствованія Александра III то, что случилось въ началѣ царствованія Александра II, когда Еврейскій Комитетъ, учрежденный Николаемъ I, подъ предсѣдательствомъ сначала гр. Киселева, а потомъ гр. Блудова, — пришелъ къ аналогичнымъ заключеніямъ, и графомъ Блудовымъ представленъ былъ Александру II докладъ «о необходимости постепеннаго уравненія евреевъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ, съ отмѣною ограничительныхъ законовъ, изданныхъ, какъ временныя мѣры, впредь до пріобщенія евреевъ къ общей государственности». Отвѣтомъ Александра III на этотъ журналъ Паленской комиссіи объ основныхъ положеніяхъ для законодательной политики о евреяхъ было неожиданное для всѣхъ закрытіе комиссіи въ 1886 г. съ передачей ея матеріаловъ въ подлежащія вѣдомства. Дѣло выработки предположеній объ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ законахъ поручено было совѣщанію подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве. Работы этого совѣщанія происходили въ строжайшей тайнѣ. Членами совѣщанія были подчиненные чины министерства, надо ли прибавить, совершенно послушные указаніямъ своего предсѣдателя, который, въ свою очередь, проводилъ тенденцію, согласную съ общимъ духомъ времени.

Закрытіе Паленской комиссіи совпало съ началомъ новой полосы въ антисемитской политикѣ правительства, а именно полосы закрытія доступа евреямъ къ общему образованію въ государственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, съ установленіемъ нормъ для поступленія въ среднія и высшія учебныя заведенія. Уже съ начала царствованія Александра III открывающіяся вновь высшія учебныя заведенія были недоступны для евреевъ. Прекратился пріемъ въ преобразованную Военно-Медицинскую академію въ С. Петербургѣ; ограниченъ былъ 5 процентами пріемъ во вновь открытый харьковскій технологическій институтъ, не допускались евреи къ поступленію въ харьковскій ветеринарный институтъ, ограниченъ былъ пріемъ въ Горный институтъ. За этими отдѣльными постановленіями сепаратнаго свойства послѣдовала и общая мѣра въ видѣ установленія нормы для всѣхъ учебныхъ заведеній. Проведеніе въ жизнь этого самаго жестокаго мѣропріятія по отношенію къ евреямъ, — мѣропріятія, знаменовавшаго собой рѣшительный поворотъ въ правительственной политикѣ и яв-

лявшагося покушеніемъ на человѣческую культуру вообще, — осуществлено было не путемъ изданія законодательнаго акта, а путемъ новымъ, до того времени не примѣнявшимся даже при существовавшемъ тогда хаосѣ методовъ изданія обязательныхъ къ исполненію постановленій, имѣвшихъ въ Россіи силу закона. Министръ народнаго просвѣщенія гр. Деляновъ въ всеподданнѣйшемъ докладѣ изложилъ свой взглядъ на отрицательное вліяніе свободнаго доступа въ школу разныхъ элементовъ и, между прочимъ, на вредныя послѣдствія политики открытыхъ дверей среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, куда въ большомъ числѣ устремляется еврейская молодежь; министръ испрашивалъ полномочій для принятія мѣръ къ оздоровленію школъ. Вопросъ былъ внесенъ въ комитетъ министровъ, который предоставилъ министру народнаго просвѣщенія право ограничить доступъ евреевъ въ учебныя заведенія процентною нормой, причемъ предѣлы этихъ полномочій не были очерчены и не опредѣленъ былъ и способъ установленія нормы; не былъ даже предусмотрѣнъ порядокъ введенія нормы въ дѣйствіе. Судьба средняго и высшаго образованія евреевъ предоставлена была всецѣло на усмотрѣніе министра.

Полномочіями своими министръ воспользовался, и норма проведена была въ жизнь. Правила 3 мая, поражавшія экономическое благосостояніе евреевъ и поставившія еврейскія массы въ положеніе задыхающихся въ предѣлахъ городовъ и мѣстечекъ, людей, не такъ больно ударили по еврейскому населенію, какъ ограниченіе доступа въ учебныя заведенія. Въ этомъ ограниченіи еврейство усматривало явное намѣреніе правительства ослабить духовныя силы еврейства. Открытіе спеціально еврейскихъ учебныхъ заведеній правительствомъ не разрѣшалось и, такимъ образомъ, норма имѣла цѣлью вообще не допускать евреевъ къ образованію. Еврейская молодежь осуждена была на невѣжество. О томъ, какъ примѣнялась норма, мнѣ придется говорить неоднократно.

Показателемъ новаго настроенія служило и разъясненіе въ видѣ дополненія къ правиламъ 3 мая 1882 г., проведенное черезъ Гос. Совѣтъ, о воспрещеніи евреямъ не только новаго водворенія въ сельскихъ мѣстностяхъ, но и перехода изъ одного села или деревни въ другую сель-

скую мѣстность. Застигнутые 3 мая на жительствѣ въ деревняхъ оказались прикрѣпленными къ данной деревнѣ. Послѣдствія этого ограниченія, изданнаго въ 1887 г., были весьма тяжелы. Вслѣдствіе запрета заключать арендные договоры на недвижимое имущество, живущіе въ деревняхъ евреи лишены были возможности переходить изъ одного помѣщенія въ другое и оказались въ зависимости отъ владѣльцевъ имѣній или крестьянскихъ участковъ, на которыхъ они жили и имѣли свои торговыя или промышленныя заведенія. Не оставалось ничего иного, какъ обходиться безъ контрактовъ и въ любой моментъ еврей могъ быть выброшенъ на улицу изъ-за невозможности перейти въ другую сельскую мѣстность и могъ очутиться въ городѣ или въ мѣстечкѣ, гдѣ никакихъ источниковъ для заработковъ не существовало. Еще тяжелѣе стала зависимость отъ полиціи, такъ какъ въ любой моментъ ею могли быть предприняты мѣры къ выселенію.

Болѣе тяжелаго времени въ исторіи русскихъ евреевъ въ Россіи найти невозможно. Евреи вытѣснялись изъ всѣхъ завоеванныхъ позицій, не только во внутреннихъ губерніяхъ, но и въ чертѣ осѣдлости. Обычно дѣлавшаяся правительствомъ ссылка на то, что черта осѣдлости, состоящая изъ 15 губерній, кромѣ Польши, представляется довольно обширной для проявленія еврейскимъ населеніемъ своей экономической силы, — стала совершенно эфемерной. Не было уже рѣчи о губерніяхъ, а только о городахъ и мѣстечкахъ въ этихъ губерніяхъ, весьма немногочисленныхъ въ Малороссіи, въ Новороссійскомъ краѣ и въ Таврической губ., гдѣ, кромѣ уѣздныхъ городовъ, другихъ городскихъ поселеній не было. Вновь образовавшіяся поселенія торгово-промышленнаго характера, хотя бы они по количеству населенія и по темпу промышленной жизни превосходили уѣздные города, не именовались ни мѣстечками, ни городами и были закрыты для легальнаго поселенія евреевъ. Въ законѣ не былъ установленъ порядокъ признанія даннаго поселенія городомъ или мѣстечкомъ. Впослѣдствіи мнѣ придется указывать на бѣдственное положеніе, въ которомъ оказывались тысячи еврейскихъ семействъ, вслѣдствіе отсутствія подобныхъ опредѣлительныхъ нормъ.

Переходъ отъ политическаго курса въ области еврейскаго вопроса, котораго держалось правительство Алек-

сандра II, къ новому курсу — Александра III, былъ настолько рѣзокъ, что, помимо матеріальныхъ своихъ послѣдствій, онъ не могъ не вліять угнетающе на настроеніе еврейской массы. Велась ли еврействомъ борьба противъ этого новаго курса? Была ли защита и какъ она была организована?

Еврейскіе органы печати — «Разсвѣтъ» и «Русскій Еврей» вскорѣ прекратили свое существованіе. Эти органы не встрѣтили поддержки со стороны самихъ евреевъ. Едва ли они могли бы, въ особенности при цензурныхъ условіяхъ того времени, сослужить службу въ смыслѣ возбужденія протеста со стороны общественнаго мнѣнія. Либеральные круги общества не имѣли надлежащаго голоса даже въ вопросахъ, которыми они, естественно, больше интересовались. Просвѣщать общественное мнѣніе спеціально еврейскіе органы не могли, ихъ не-евреи не читали, и время было не такое, чтобы еврейскій вопросъ выдвинулся на первый планъ. Въ глазахъ круговъ, обладавшихъ политическимъ развитіемъ, онъ не имѣлъ тогда значенія политическаго вопроса, въ широкомъ смыслѣ слова. Общество было занято мыслью о проявленіяхъ реакціи вообще, подготовлялась реформа 1889 г., вернувшая наше законодательство къ эпохамъ до Александра II, почти оффиціально восхвалялось даже прежнее крѣпостное право; готовились къ тому, чтобы отдать крестьянское населеніе на попеченіе дворянъ помѣщиковъ, въ лицѣ земскихъ начальниковъ. Была рѣчь объ упраздненіи мирового выборнаго суда. Правительство вводило постепенно положеніе объ усиленной охранѣ. Къ концу 80-хъ годовъ три четверти числа губерній Европейской Россіи оказались подъ дѣйствіемъ Положенія 1881 г. объ усиленной охранѣ; законы замѣнялись обязательными постановленіями губернаторовъ и снабженныхъ широкими полномочіями генералъ-губернаторовъ; свирѣпствовали административныя взысканія, налагаемыя по Положенію объ усиленной охранѣ. Вмѣсто законовъ, Россія стала управляться циркулярами центральной власти. Послѣдовательно проводилась политика подавленія инородныхъ національностей съ примѣненіемъ мѣръ принудительнаго обрусенія по отношенію къ окраинамъ. Польскій вопросъ, прибалтійскій, финляндскій стали на очереди и заслоняли собою значеніе еврейскаго вопроса. Правительство послѣднему вопросу придавало характеръ экономическаго.

Не стремясь къ обрусенію еврейства, правительство желало, яко бы, оградить экономическіе интересы другихъ народностей отъ засилія еврейства. Въ этомъ отношеніи оно не могло не встрѣтить сочувствія со стороны другихъ угнетенныхъ народностей, въ особенности поляковъ и нѣмцевъ Прибалтійскаго края, т. е. тѣхъ народностей въ Россіи, которыя имѣли за собою вѣковую исторію антисемитизма, чуждаго великороссійской народности, которой антисемитизмъ прививался лишь черезъ оффиціальные каналы. Не только сочувствіе, но и иниціатива борьбы противъ еврейства въ области экономической и культурной жизни евреевъ часто принадлежала представителямъ угнетаемыхъ народностей, которые быстро усвоили себѣ роль еврейскаго вопроса, какъ громоотвода. При такихъ условіяхъ не могло быть надежды на то, чтобы подъ вліяніемъ спеціально еврейской прессы въ общественномъ мнѣніи, въ той его части, которая имѣла бы нѣкоторое значеніе для правительства, могла бы создаться оппозиція новому курсу.

Но и общая либеральная пресса никакого значенія въ борьбѣ противъ надвинувшейся черной тучи еврейскаго угнетенія имѣть не могла. Она была ослаблена и почти совершенно подавлена. «Голосъ» закрылся, Кіевская «Заря» прекратила свое существованіе. Появленіе новыхъ либеральныхъ газетъ не допускалось главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, безъ разрѣшенія коего газеты не могли основываться. Предостереженія газетамъ слѣдовали одно за другимъ, и третье предостереженіе влекло за собой закрытіе газеты. Либеральный голосъ еще звучалъ однако въ ежемѣсячныхъ журналахъ, въ особенности въ «Вѣстникѣ Европы». Но звукъ его скорѣе похожъ былъ на пискъ. Страхъ передъ предостереженіями и насильственной смертью сковывалъ уста, замораживалъ чернила и притуплялъ перья.

Въ средѣ еврейства не было никакой общественной организаціи, которая выполняла бы хотя бы скромную роль самообороны противъ нападеній и обвиненій, какъ бы нелѣпы они ни были. Собраніе депутатовъ въ 1882 г. не воспользовалось случаемъ создать такую организацію, и дѣло защиты прежнихъ еврейскихъ позицій, — объ отстаиваніи новыхъ, какъ я уже сказалъ, нельзя было и меч-

тать, — такъ и осталось въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, какъ въ столицѣ, такъ и на мѣстахъ.

Въ началѣ 80-хъ годовъ казалось, что начинаетъ нарождаться еврейская общественность при широкомъ участіи силъ интеллигенціи. Можно было надѣяться, что изъ кружковъ, группировавшихся вокругъ редакціи «Разсвѣта» и «Русскаго Еврея», сложится какая либо еврейская организація и что она возьметъ въ свои руки народное еврейское дѣло, какъ для работы внутри еврейства, такъ и для внѣшняго представительства передъ правительствомъ и передъ заграничными организаціями; а это тѣмъ болѣе было нужно, что такія организаціи стали появляться и проявили интересъ къ положенію русскихъ евреевъ.

Единственное, что создалось за этотъ періодъ, — это Палестинское общество въ Одессѣ. Но оно имѣло свою спеціальную цѣль, достиженіе коей не давало никакого мѣста для работы въ области правъ евреевъ въ самой Россіи. Изъ еврейской печати остался одинъ «Восходъ», издаваемый и редактируемый А. Е. Ландау, — органъ, имѣвшій значеніе чисто литературное и культурное, но не публицистическое. Къ концу 80-хъ годовъ еврейская интеллигенція въ Петербургѣ, усилившаяся количественно, оставалась такъ же чужда еврейской общественной и политической жизни, какъ была и раньше. Громадное большинство дѣятелей указанныхъ кружковъ разбрелись по сторонамъ и, вмѣстѣ съ закрытіемъ печатныхъ органовъ, отошли отъ еврейской работы. Нѣкоторые изъ нихъ даже оставили еврейство формально. Все осталось по старому. Все дѣло защиты интересовъ евреевъ, освѣдомленіе о томъ, чего слѣдуетъ ожидать отъ правительства послѣ закрытія Паленской комиссіи, принятіе тѣхъ или другихъ мѣръ предупрежденія угрожающихъ бѣдствій, все это оставалось заботой нѣсколькихъ лицъ въ столицѣ и, главнымъ образомъ, барона Г. О. Гинцбурга.

ГЛАВА XV.

Баронъ Горацій Осиповичъ Гинцбургъ. — С. С. Поляковъ. — Ремесленный Фондъ въ завѣдываніи проф. Н. И. Бакста. — Общество Распространенія Просвѣщенія. — Еврейская Община въ С.-Петербургѣ. — Рабби Ицхокъ Эльхононъ. — Коробочный сборъ. — «Штадлонимъ». — Мейеръ Гордонъ въ Вильнѣ. — Иссеръ Вольфъ въ Ковнѣ. — Положеніе Кіева. — Лазарь Израилевичъ Бродскій. — Д. С. Марголинъ. — Ниссонъ Каценельсонъ. — Одесса. — М. Г. Маргулисъ. — В. М. Майданскій въ Екатеринославѣ. — Москва. — Лазарь Соломоновичъ Поляковъ. — В. О. Гаркави. — Л. Шалитъ въ Ригѣ. — Еврейскій вопросъ въ Польшѣ. — Шмуэль Быховскій.

Я имѣлъ случай дать краткій очеркъ личности и дѣятельности бар. Горація Осиповича Гинцбурга. (См. «Пережитое» т. II, и недавно изданную книгу, по поводу столѣтія со дня его рожденія. Бар. Г. О. Гинцбургъ. Его жизнь и дѣятельность, Парижъ 1933 г.).

Въ моихъ воспоминаніяхъ эта личность не можетъ не служить какъ бы центровъ, вокругъ котораго двигалась моя работа въ теченіе почти 20 лѣтъ.

Отецъ Г. О., Евзель Гавриловичъ Гинцбургъ, переселившись въ Петербургъ въ 1859 г., основалъ здѣсь банкирскій домъ І. Е. Гинцбургъ. Уже при переѣздѣ въ столицу онъ былъ виднымъ коммерческимъ дѣятелемъ, и имѣлъ большія связи въ правительственныхъ кругахъ. Я лично не засталъ его въ живыхъ, и могу о немъ судить только по воспоминаніямъ его бывшихъ сотрудниковъ и по документамъ, свидѣтельствовавшимъ о его дѣятельности. Еще въ 1862 г. имъ была представлена записка о положеніи евреевъ; по поводу этой записки центральная власть вошла въ сношенія съ генералъ-губернаторами и

губернаторами, отъ которыхъ требовалось заключеніе по содержанію заявленія Гинцбурга. Особенно интересенъ былъ отзывъ Новороссійскаго генералъ-губернатора графа Строганова. Полученные другіе отзывы въ общемъ были благопріятны и сходились въ конечномъ выводѣ съ заключеніемъ гр. Блудова, представившаго въ 1857 году (см. выше) въ качествѣ предсѣдателя бывшаго еврейскаго комитета, докладъ Александру II о необходимости постепеннаго уравненія евреевъ въ правахъ. Помимо широкой благотворительной работы Гинцбурга, онъ явился какъ бы постояннымъ печальникомъ интересовъ еврейскаго населенія. Эта роль облегчалась тѣмъ, что Гинцбургъ пользовался безупречной репутаціей въ высшихъ правящихъ кругахъ и вскорѣ сдѣлался представителемъ, въ качествѣ банкира, интересовъ Гессенскаго дома, т. е. семьи принцевъ Баттенбергъ, въ Россіи, гдѣ они принимали участіе въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ. Старшій сынъ его Горацій былъ Гессенъ-Дармштадскимъ консуломъ въ Петербургѣ. Когда приступлено было къ выработкѣ устава объ общей воинской повинности, Евзель Гинцбургъ поставилъ себѣ задачей добиться уравненія евреевъ, въ отношеніи предстоявшей реформы, съ остальнымъ населеніемъ. Я уже имѣлъ случай указать на благопріятные результаты усиленной работы Гинцбурга, для которой онъ пріѣзжалъ изъ Парижа, гдѣ проживалъ большую часть времени. Въ 1870 г. сынъ его консулъ, Горацій Осиповичъ, получилъ званіе барона отъ Великаго Герцога Гессенъ-Дармштадскаго и вслѣдъ за этимъ, это званіе было дано его отцу, вмѣстѣ со всѣмъ его потомствомъ. На пожалованіе этого титула послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Кстати скажу, что сословное состояніе Гинцбурговъ было чрезвычайно оригинальнымъ и можно сказать безпримѣрнымъ. Съ одной стороны, Гинцбургъ, какъ потомственный почетный гражданинъ, въ соотвѣтственныхъ сенатскихъ книгахъ департамента герольдіи продолжалъ числиться потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ и, въ то же время, департаментъ герольдіи, на основаніи указаннаго Высочайшаго повелѣнія о предоставленіи ему права пользоваться потомственно баронскимъ титуломъ, занесъ Гинцбурга съ членами семьи въ книгу титулованнаго дворянства. Гинцбургъ составилъ гербъ, который и былъ утвержденъ департаментомъ герольдіи. Такимъ образомъ оказалось, что

Гинцбурги одновременно являются и потомственными почетными гражданами и титулованными дворянами. Но былъ ли онъ просто дворяниномъ, осталось въ сомнѣнiи. Правъ дворянства за Гинцбургомъ не признавали. Впослѣдствiи, не задолго до смерти Г. О. Гинцбурга, удалось его убѣдить выяснить его положенiе, — вопросъ, которымъ лично Г. О. не интересовался и по поводу котораго онъ не желалъ входить въ какiя бы то ни было ходатайства, подобно тому, какъ вообще избѣгалъ обращаться къ властямъ по своимъ личнымъ надобностямъ. Выяснить положенiе можно было лишь путемъ обращенiя къ Царю. Канцелярiя по принятiю прошенiй на Высочайшее имя приносимыхъ, въ лицѣ главноуправляющаго ею бар. Будберга, сочувственно отнеслась къ заявленiю Гинцбурга и представила докладъ, весьма подробно характеризовавшiй заслуги просителя. Но самое изложенiе дѣла было настолько неясно, что изъ доклада Николай II не понялъ сущности ходатайства и полагалъ, что рѣчь идетъ не о признанiи вообще дворянскихъ правъ за Гинцбургомъ, а о разрѣшенiи ему быть внесеннымъ въ дворянскiя книги, въ изъятiе изъ не задолго передъ тѣмъ изданнаго закона, о томъ, что евреи, которые по службѣ получили чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и вмѣстѣ съ этимъ и права дворянства, не могутъ быть принимаемы въ дворянскiя общества и вносимы въ дворянскiя книги губернiи. Этотъ запретъ послѣдовалъ вскорѣ послѣ того, какъ права дворянства были дарованы Лазарю С. Полякову, брату покойнаго С. О. Полякова. Эта неожиданная тогда милость по отношенiю къ Полякову вызвала нареканiя въ дворянскихъ кругахъ, отвѣтомъ на каковыя и было изданiе ограничительнаго закона. Понявъ такимъ образомъ ходатайство Гинцбурга, Николай II положилъ резолюцiю о полномъ признанiи имъ заслугъ Гинцбурга, но невозможности удовлетворенiя его просьбы, такъ какъ принятiе въ дворянское общество зависитъ отъ дворянъ той или другой губернiи и не допускается для евреевъ закономъ.

Послѣ смерти Е. Г. Гинцбурга Горацiй Гинцбургъ, который и при жизни отца былъ его ближайшимъ сотрудникомъ въ еврейскихъ дѣлахъ, сталъ продолжать дѣло отца. Оно стало главной задачей его жизни. Фирма Гинцбурга имѣла уже обще-европейское имя. Во главѣ дѣлъ

находились люди, облеченные его довѣріемъ, и, сохраняя за собою руководство обширными предпріятіями, Горацій Гинцбургъ отдавалъ имъ, однако, мало своего времени и еще меньше своей души. Я засталъ Гинцбурга въ 1889 г. человѣкомъ, не знавшимъ другихъ дѣлъ, кромѣ представительства интересовъ евреевъ. Съ утра до поздняго вечера онъ имъ отдавалъ свои заботы. Въ этомъ отношеніи онъ отличался отъ другихъ богатыхъ евреевъ въ Петербургѣ, которые интересуясь положеніемъ евреевъ, готовы были во всѣхъ случаяхъ притти на помощь своими средствами, своимъ положеніемъ и своими связями. Однако, всѣ они не отдавали еврейскому дѣлу самихъ себя. Неудивительно поэтому, что Г. О. Гинцбургъ независимо отъ своего первенствующаго положенія въ столицѣ, какъ еврея, игралъ первую роль въ дѣлѣ представительства евреевъ. Репутація его, какъ печальника еврейскаго народа, была уже твердо установившейся въ провинціи. Его имя конкуррировало съ именемъ сэра Мозеса Монтефіоре, этимъ именемъ, служившимъ предметомъ, можно сказать, трогательнаго піэтета въ еврейскихъ массахъ. Со всѣхъ концовъ Россіи, гдѣ только были евреи, къ Гинцбургу обращались не только за помощью, но и за защитой противъ притѣсненія мѣстныхъ властей. Ни одно такое обращеніе не оставалось безъ вниманія. При конторѣ его, вѣдавшей благотворительными дѣлами, имѣлась организація, которая вела переписку съ провинціей. Во главѣ состоялъ Э. Б. Левинъ, бывшій учитель, уже глубокій старикъ. Онъ дѣлалъ доклады по всѣмъ дѣламъ Гинцбургу и входилъ въ сношенія съ обращающимися за помощью и за защитой, въ потребныхъ случаяхъ составлялись нужныя записки, бумаги для представленія властямъ.

Роль главнаго печальника и защитника еврейскихъ интересовъ признавалась за Гинцбургомъ и со стороны высшей власти. Ходатайства Гинцбурга по разнымъ еврейскимъ дѣламъ никогда не прекращались; они встрѣчали всегда внимательное къ себѣ отношеніе, благодаря личнымъ симпатіямъ, которыя внушала личность Горація Осиповича. И, дѣйствительно, онъ обладалъ обаятельными свойствами характера. Трудно найти второго человѣка, который такъ располагалъ бы къ себѣ какъ Г. О. Не будучи увлекательнымъ собесѣдникомъ, онъ, однако, съ первой же минуты встрѣчи съ нимъ, вызывалъ дружеское

къ себѣ отношеніе, внушая абсолютное довѣріе; въ довѣріи не могли ему отказывать и тѣ, кто отнюдь не былъ предрасположенъ къ довѣрію по отношенію къ еврею. Многихъ изъ власть имущихъ умиляла беззавѣтная преданность интересамъ своихъ собратьевъ, которую проявлялъ Гинцбургъ. Несмотря на свое положеніе, онъ соблюдалъ всѣ традиціи евреевъ въ религіозномъ отношеніи. Онъ торжественно справлялъ седеры на Пасху; считалось особою честью для многихъ даже высокопоставленныхъ лицъ быть приглашеннымъ къ Гинцбургу на пасхальную вечернюю трапезу. Эта вѣрность традиціямъ импонировала и внушала особое уваженіе. Мнѣ не разъ приходилось быть свидѣтелемъ того, какъ высокіе сановники, посѣщая его въ субботній день, проявляли готовность открывать поданныя ему во время визита телеграммы или письма, такъ какъ они знали, что Гинцбургъ не нарушаетъ субботняго отдыха разрываніемъ бумаги.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эта роль Гинцбурга вызывала недружелюбное отношеніе со стороны нѣкоторыхъ вліятельныхъ евреевъ въ Петербургѣ, признававшихъ за собою больше дипломатическаго умѣнія и считавшихъ себя практичнѣе и умнѣе, хотя ни одинъ изъ нихъ не признавалъ себя добрѣе. Такое плохо скрываемое недружелюбіе къ Гинцбургу обнаруживалъ въ послѣдніе годы своей жизни С. С. Поляковъ, бывшій тогда уже въ чинѣ тайнаго совѣтника, хотя Гинцбургъ числился еще, несмотря на свои связи, только статскимъ совѣтникомъ.

С. С. Поляковъ отдавалъ еврейскому дѣлу немного вниманія; онъ находился подъ вліяніемъ крупной силы, какую представлялъ собою истинно преданный своему народу Н. И. Бакстъ. Бакстъ былъ какъ бы главнымъ консультантомъ Полякова по тѣмъ еврейскимъ интересамъ, которымъ Поляковъ удѣлялъ вниманіе. Подъ вліяніемъ Бакста, Поляковъ проявилъ иниціативу въ созданіи фонда для содѣйствія ремесленному и земледѣльческому труду среди евреевъ, пріуроченномъ къ 25-лѣтію царствованія Александра II и въ образованіи въ 1880 г. Временнаго Комитета для завѣдыванія и увеличенія этого фонда. Бакстъ проявлялъ критическое отношеніе къ дѣятельности бар. Г. О. Гинцбурга и, будучи по своему характеру рѣзокъ, онъ это отношеніе выражалъ часто въ острой формѣ, которая не приводила къ открытой распрѣ только благодаря умѣ-

нію Г. О. не обострять отношеній и ладить и съ такими людьми, которые меньше всего внушали ему къ себѣ любовь.

Отношеніями между Гинцбургомъ и Бакстомъ объясняется то, что сочувствуя всей душой дѣлу поощренія ремесленнаго труда, бар. Гинцбургъ не принималъ активнаго участія въ дѣлахъ такъ наз. ремесленнаго фонда и хотя онъ считался предсѣдателемъ Временнаго Комитета по образованію фонда, но фактическое руководство комитетомъ по сбору денегъ, впрочемъ, послѣ погромовъ прекратившемуся, и по распоряженію доходами фонда, находилось исключительно въ рукахъ Бакста. Къ концу 80-хъ годовъ засѣданія Временнаго Комитета происходили рѣдко; умершаго С. С. Полякова замѣнилъ его сынъ Даніилъ Поляковъ, не проявлявшій ни малѣйшаго интереса къ дѣлу; участіе его выражалось только въ томъ, что онъ безвозмездно предоставилъ Временному Комитету помѣщеніе въ своемъ домѣ на Галерной улицѣ. Въ составъ Временнаго Комитета входило нѣсколько лицъ, между прочимъ, Я. М. Гальпернъ, д-ръ Л. С. Каценельсонъ (Букибенъ-Іоши), Д. Ф. Фейнбергъ, М. П. Фридляндъ и др. Но всѣ они заслонялись Бакстомъ, который относился къ фонду съ чрезвычайной теплотой; сохраненіе и увеличеніе этого фонда онъ сдѣлалъ какъ бы задачей жизни. Онъ одинъ распредѣлялъ средства фонда между нуждающимися ремесленниками, особенно поощряя переселеніе ихъ во внутреннія губерніи и снабжая бѣдныхъ ремесленниковъ инструментами и, главнымъ образомъ, швейными и чулочными Зингеровскими машинами. Главнымъ сотрудникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ Н. Ф. Весолеръ, секретарь Временнаго Комитета, завѣдывавшій дѣлами Общества ремесленнаго и земледѣльческаго труда послѣ того, какъ въ 1906 году создалось это Общество взамѣнъ Временнаго фонда, прекратившаго свое существованіе. До этого времени попытки получить утвержденіе устава не имѣли успѣха; впрочемъ, особенно серьезныхъ попытокъ и не было сдѣлано, такъ какъ на успѣхъ ихъ покойный Бакстъ не разсчитывалъ, Гинцбургъ же не проявлялъ въ данномъ случаѣ большого интереса, не желая сталкиваться въ этомъ дѣлѣ съ Бакстомъ. Роли какъ бы распредѣлились, и если Бакстъ проникся особымъ интересомъ къ вопросу о развитіи ремесленной промышленности у евреевъ, то

Гинцбургъ съ своей стороны проявлялъ особую теплоту къ дѣлу развитія земледѣльческаго труда среди евреевъ. Постоянно интересуясь судьбой земледѣльческихъ колоній въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ, онъ не уставалъ бороться за сохраненіе ихъ и защищалъ колоніи отъ попытокъ со стороны правительства уничтожить ихъ и землю, которую они обрабатывали, отдать крестьянамъ. Интересамъ евреевъ земледѣльцевъ Гинцбургъ остался вѣренъ до конца своихъ дней.

Живой общественной организаціей становилось въ концѣ 80-хъ годовъ Общество распространенія просвѣщенія среди евреевъ въ Россіи, основанное отцомъ Г. О. въ 1863 году. До того времени оно было личнымъ дѣломъ бар. Гинцбурга. Почти всѣ средства Общества доставлялись имъ. Комитетъ общества состоялъ изъ богатыхъ людей въ Петербургѣ, не проявлявшихъ никакой иниціативы въ дѣлѣ и остававшихся въ тѣни, подобно тому какъ во Временномъ Комитетѣ Ремесленнаго Фонда Бакстъ заслонялъ другихъ членовъ этого комитета. Къ концу 80-хъ годовъ, вопросъ еврейскаго образованія выдвинулся на первый планъ, въ особенности въ результатѣ правительственной политики, въ связи съ установленіемъ нормы для евреевъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Дѣятельность Общества распространенія просвѣщенія стала направляться не столько на поощреніе средняго и высшаго образованія, сколько на предоставленіе евреямъ возможности первоначальнаго образованія. Нѣсколько существовавшихъ еврейскихъ казенныхъ училищъ не имѣли никакого значенія, раввинскія училища были закрыты раньше. Остался одинъ учительскій институтъ въ Вильнѣ, но симпатіи еврейскаго Общества отвернулись отъ него съ самаго начала. Можно сказать, что еврейство оказалось при однихъ хедерахъ и ешиботахъ, безъ какихъ бы то ни было школъ для первоначальнаго обученія. Предстояла огромная задача — создать школы и создать классъ народныхъ учителей. Надо указать на то, что евреи не могли использовать городскія училища, имѣвшіяся въ тѣхъ городахъ, гдѣ народное образованіе развивалось попеченіемъ городского самоуправленія, какъ напримѣръ, въ Одессѣ, Петербургѣ и въ другихъ крупныхъ городахъ. Въ городскія училища поступали дѣти младшаго возраста, а еврейское населеніе не могло отдавать дѣ-

тей въ училище безъ предварительнаго обученія ихъ еврейскому языку, библіи и т. д.

Вопросъ о народныхъ еврейскихъ училищахъ былъ довольно сложнымъ. Ортодоксальное большинство еврейской массы относилось враждебно къ народной школѣ, предпочитало для дѣтей младшаго возраста традиціонные хедера; оно не довѣряло школѣ дѣло религіознаго обученія. Съ другой стороны, налаживаніе правильной системы преподаванія въ первоначальной школѣ, предназначенной для еврейскихъ дѣтей, было сопряжено съ большими трудностями; надо было либо удѣлить много времени еврейскому религіозному обученію, и тогда оставалось мало времени для общаго образованія, либо увеличить программу по общимъ предметамъ, сокративъ еврейское обученіе. Для начальныхъ школъ существовали обязательныя оффиціальныя программы, затруднявшія правильную постановку дѣла. Но кромѣ того, были и внутреннія трудности. Не было надлежащаго состава учителей; учительскій цензъ, требуемый по закону, не давалъ гарантій знанія еврейскихъ предметовъ. Съ другой стороны, по закону требовалось обязательное преподаваніе на русскомъ языкѣ, котораго дѣти въ глухихъ мѣстахъ черты осѣдлости не понимали. Родители враждебно относились ко всякимъ новшествамъ въ дѣлѣ преподаванія Библіи. Наконецъ, постепенно наростала общая проблема о томъ, что собственно должна собою представлять еврейская національная народная школа, проблема неизвѣстная до тѣхъ поръ, пока унитарность еврейскаго преподаванія въ хедерахъ не создавала поводовъ къ возникновенію ея.

Переходъ отъ прежнихъ задачъ, которыя осуществлялись, можно сказать, лично Гинцбургомъ, къ новымъ задачамъ, выдвинутымъ жизнью и требовавшимъ широкой общественной работы, не могъ быть безболѣзненнымъ. Какъ это всегда, къ сожалѣнію, бываетъ, борьба, вытекающая изъ существа самаго дѣла, покрывалась борьбой личной. Всякая новизна воспринималась, какъ оппозиція противъ извѣстныхъ лицъ, и потому, въ тотъ періодъ, о которымъ я говорю, Общество находилось въ періодѣ броженія; общія собранія членовъ Общества проходили бурно.

Къ концу 80-хъ годовъ Общество имѣло уже комитетъ въ обновленномъ составѣ, въ участіемъ въ немъ активныхъ

интеллигентскихъ силъ въ лицѣ Я. М. Гальперна, д-ра Л. С. Каценельсона, М. И. Кулишера и др.

Дѣло строительства еврейской общины въ Петербургѣ принималъ близко къ сердцу, пожалуй, одинъ лишь бар. Гинцбургъ. Еврейское населенiе въ Петербургѣ было еще немногочисленно. Оно, конечно, не могло претендовать на руководящую роль въ еврейской общинной жизни, и не могло оспаривать первенства у такихъ общинъ съ вѣковой сложившейся жизнью, какъ Вильна, Одесса, Ковно и др. Общины въ Петербургѣ тогда еще вовсе не было. Въ общинномъ смыслѣ еврейское населенiе представляло собой разсыпанную храмину. Не было никакихъ общинныхъ задачъ, кромѣ содержанiя молитвенныхъ домовъ и кладбища и того, что интересовало ортодоксальную часть еврейскаго населенiя въ Петербургѣ — миквы. Благодаря инициативѣ покойнаго Е. Г. Гинцбурга и неутомимой работѣ Д. Ф. Фейнберга, котораго, по истинѣ, можно было бы назвать первымъ каменщикомъ зданiя еврейской общины, приступили къ постройкѣ «Синагоги».

Въ 1878 г. бар. Гинцбургу удалось добиться Высочайшаго разрѣшенiя на прiобрѣтенiе участка земли для постройки Еврейской Синагоги, причемъ поставлено было условiе, что съ открытiемъ Синагоги должны быть закрыты всѣ молитвенные дома, существовавшiе въ Петроградѣ. Первый молитвенный домъ былъ открытъ еще при Николаѣ I для солдатъ; раввиномъ въ этой синагогѣ былъ солдатъ; только въ 1866 г. утвержденъ былъ первый раввинъ, приглашенный еврейскимъ обществомъ, извѣстный ученый талмудистъ и поклонникъ Мендельсона д-ръ Нейманъ. Вторымъ молитвеннымъ домомъ былъ купеческiй. Впослѣдствiи разрѣшено было до постройки Синагоги открыть временную Синагогу у Египетскаго моста, которая обслуживала болѣе просвѣщенную часть еврейскаго населенiя и интеллигенцiю; этой Синагогой завѣдывало Хозяйственное Правленiе, избираемое прихожанами по правиламъ, утвержденнымъ въ 1868 г. Вокругъ временной синагоги группировались наиболѣе культурные элементы петербургскаго еврейства во главѣ съ богатыми членами общины, о которыхъ я упоминалъ уже неоднократно. Для постройки Синагоги въ еврейско-мавританскомъ стилѣ, сдѣланы были пожертвованiя, главнымъ образомъ бар. Гинцбургомъ, потомъ Поляковымъ и други-

ми. Начало постройки относится къ серединѣ 80-хъ годовъ. Однимъ изъ главныхъ работниковъ при постройкѣ былъ, кромѣ Д. Фейнберга, А. Кауфманъ, не дожившій до открытія Синагоги.

Къ вопросу о еврейской общинѣ въ Петроградѣ мнѣ придется еще вернуться.

Бар. Гинцбургъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ провинціей въ лицѣ общественныхъ дѣятелей, которые тамъ жили. Въ болѣе важныхъ случаяхъ отдѣльные представители пріѣзжали по вызову Гинцбурга и пріѣзжали сами, когда по мѣстнымъ надобностямъ было необходимо предпринимать шаги передъ центральной властью столицы. Это живое общеніе съ провинціей придавало работѣ Гинцбурга общественный характеръ. Гинцбургъ былъ не только представителемъ такъ наз. прогрессивной части еврейства, но и находился въ центрѣ интересовъ ортодоксальнаго еврейства, — тѣхъ религіозныхъ интересовъ, которые занимали духовныхъ раввиновъ. Я упомяну о раввинѣ, котораго я въ началѣ моей дѣятельности уже не засталъ въ живыхъ, но который оставилъ по себѣ неизгладимую память у современниковъ; нынѣ, впрочемъ, онъ почти забытъ. Я говорю о Ковенскомъ рабби Ицхокъ Эльхононѣ (по фамиліи Спекторъ; его дѣти потомъ имѣли фамилію Рабиновичъ). Онъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ бар. Гинцбургомъ. Послѣдній всегда ссылался на его авторитетъ въ вопросахъ, касающихся религіозной и духовной жизни евреевъ. Бар. Гинцбургъ вспоминалъ о немъ всегда съ умиленіемъ и считалъ его однимъ изъ самыхъ крупныхъ, свѣтлыхъ явленій на фонѣ еврейской ортодоксіи. Рабби Ицхокъ-Эльхононъ былъ человѣкъ не только исключительныхъ знаній въ области іудаизма, но и съ большимъ практическимъ умомъ, свободнымъ отъ нетерпимости и съ теплымъ и чуткимъ отношеніемъ къ вопросамъ общественнымъ; онъ не относился враждебно къ движенію евреевъ по пути просвѣщенія и прогресса. Переписка между Гинцбургомъ и рабби Ицхокъ-Эльхонономъ, сохранившаяся въ архивѣ Гинцбурга, свидѣтельствуетъ объ этомъ. Кромѣ барона Гинцбурга р. Ицхокъ-Эльхононъ былъ въ перепискѣ съ проф. Бакстомъ. Послѣдній не уставалъ разсказывать о высокихъ душевныхъ и умственныхъ качествахъ этого великаго еврея. Его вліяніе на литовское еврейство было огромное и

затмило вліяніе Любавичскаго цадика на хассидскіе круги. Оно было велико и заграницей. Р. Ицхокъ-Эльхононъ былъ, можетъ быть, первымъ изъ тѣхъ раввиновъ, которые связывали, черезъ ортодоксальное западное еврейство, евреевъ Европы съ русскимъ еврействомъ.

Въ серединѣ 80-хъ годовъ, почти одновременно съ закрытіемъ Паленской комиссіи, правительство приступило къ репрессіямъ по отношенію къ ешиботамъ. Приказано было закрыть Воложинскій ешиботъ — этотъ главнѣйшій и знаменитѣйшій разсадникъ талмудическаго знанія. Р. Ицхокъ Эльхононъ своею энергіей возбудилъ энергію дѣятелей въ Петербургѣ и ешиботы удалось подъ разными предлогами отстоять.

Ко времени, когда я вступилъ въ сношенія съ Гинцбургомъ, рабби Ицхока Эльхонона замѣщалъ, хотя и не могъ замѣнить, его сынъ, бывшій тогда магидомъ въ Вильнѣ, а впослѣдствіи Ковенскій раввинъ, рабби Гиршъ Рабиновичъ. Онъ былъ извѣстной въ провинціи фигурой на фонѣ еврейскихъ общественныхъ дѣлъ. Вокругъ него группировались духовные раввины не только Сѣверо-Западнаго края, но и другихъ областей. Онъ являлся какъ бы преемникомъ своего отца по вліянію въ Петербургѣ и по добрымъ отношеніямъ съ Гинцбургомъ; онъ такъ же какъ и р. Ицхокъ Эльхононъ сохранялъ постоянныя сношенія и съ Бакстомъ, который также тепло и чутко относился къ религіозно-духовнымъ потребностямъ еврейства, отстаиваемымъ духовнымъ раввинатомъ. Гиршъ Рабиновичъ былъ извѣстенъ съ лучшей стороны представителямъ правительства. Онъ говорилъ по русски (въ молодости онъ былъ купцомъ) и могъ являться лично къ высокимъ чиновникамъ по разнымъ дѣламъ, и пользовался всегда довѣріемъ начальства. Когда въ 1893 г. созвана была раввинская комиссія, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ ея. Гиршъ Рабиновичъ поддерживалъ сношенія и съ заграничными еврейскими кругами, былъ въ постоянной перепискѣ и личныхъ сношеніяхъ съ берлинскимъ раввиномъ, д-ромъ Гильдесгеймеромъ, и пользовался большимъ уваженіемъ д-ра Горвица, вліятельнѣйшаго раввина въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Я отъ послѣдняго лично слышалъ лестные отзывы о высокихъ качествахъ Рабиновича и о его заслугахъ передъ еврействомъ. Благодаря вліянію Рабиновича, отдѣльныя лица и организаціи за грани-

цей заинтересовались религіозными учрежденіями въ Россіи и поддерживали ихъ матеріально, въ чемъ всегда была неотложная нужда.

Общественныя еврейскія дѣла въ провинціи носили тотъ же характеръ, какой сложился въ центрѣ, въ Петербургѣ. И тамъ интересы еврейства представлялись отдѣльными лицами, не имѣвшими за собой никакихъ общественныхъ организацій, дѣйствовавшими, какъ добровольцы, но пользовавшимися общимъ признаніемъ въ мѣстной средѣ. Съ большинствомъ изъ нихъ мнѣ приходилось потомъ встрѣчаться и быть въ болѣе или менѣе постоянномъ общеніи. Мѣстныхъ нуждъ было не мало.

Главной заботой, не прекращавшейся до послѣдняго времени, было отстаиваніе свободнаго распоряженія, для общественныхъ надобностей, суммами коробочнаго сбора, т. е. налога на кошерное мясо. Продажа кошернаго мяса въ каждомъ еврейскомъ обществѣ, отдавалась въ концессію съ торговъ откупщику (балъ-таксе); арендная плата за концессію и составляла сборъ, и за эту плату откупщикъ получалъ право взимать за мясо повышенную, опредѣляемую таксою, цѣну. Въ данную эпоху правительство дарило этотъ сборъ особымъ вниманіемъ. Въ своемъ убѣжденіи о невидимомъ вліяніи воображаемаго кагала и при невѣжествѣ представителей власти относительно значенія коробочнаго сбора, на этотъ сборъ смотрѣли, какъ на особую привилегію евреевъ и полагали, что онъ нуженъ евреямъ для достиженія кагальныхъ, скрытыхъ отъ правительства цѣлей. Съ другой стороны, то же невѣжество подсказывало мысль о томъ, что коробочный сборъ содѣйствуетъ повышенію стоимости мяса для христіанъ, и что поэтому надо за сборомъ строго слѣдить. Это постоянно рекомендовалось губернаторамъ въ разныхъ циркулярахъ. Въ результатѣ получались недоразумѣнія на почвѣ какъ отдачи сбора на откупъ съ торговъ, такъ и въ отношеніи утвержденія смѣтъ на расходы, покрываемые изъ суммъ коробочнаго сбора. Ко всякой расходной статьѣ, вводимой въ смѣту такъ называемыми «почетнѣйшими евреями», т. е. тѣми евреями, которые приглашались городскими управленіями для составленія смѣты по коробочному сбору, даже послѣ утвержденія ея городской управой, губернскія правленія, имѣвшія компетенцію окончательнаго утвержденія этихъ смѣтъ, относились подозри-

тельно и отказывали во включеніи ея, отрицая цѣлесообразность расхода. Къ неутвержденію смѣты побуждало губернское правленіе и другое обстоятельство, а именно оригинальная и странная судьба такъ наз. «остатковъ коробочнаго сбора». Остатки, т. е. суммы неизрасходованныя по смѣтѣ или превосходящія смѣтныя исчисленія, полученныя отъ откупщика коробочнаго сбора на торгахъ, оставались въ депозитѣ губернскаго правленія; по закону распоряженіе ими принадлежало тому обществу, по откупу у коего остатокъ образовался. Изъ сбора отчислялась часть въ губернскій запасный еврейскій капиталъ; изъ этого капитала покрывались спеціальные расходы, напримѣръ, на изготовленіе еврейскихъ метрическихъ книгъ для раввиновъ, жалованіе ученымъ евреямъ, состоявшимъ при губернаторахъ, добавочное вознагражденіе чиновникамъ, вѣдавшимъ еврейскія дѣла. Неукоснительное наблюденіе за притѣсненіемъ евреевъ оплачивалось изъ еврейскихъ копеекъ за кошерное мясо, употреблявшееся бѣднотою единожды въ недѣлю — въ субботу. Суммы, которыя послѣ всего этого оставались отъ откупа, и составляли свободные остатки, хранившіеся въ губернскихъ правленіяхъ. Завѣдываніе этими остатками коробочнаго сбора всегда было туманнымъ пятномъ на финансовомъ хозяйствѣ губернскихъ правленій. Отчеты о нихъ должны были представляться хозяйственному департаменту министерства внутреннихъ дѣлъ.

Распоряженіе остатками не подлежало контрольной отчетности государственнаго контроля, такъ какъ они не поступали въ казначейство. какъ государственное достояніе. Хозяиномъ ихъ было еврейское общество; но въ законѣ не было опредѣлено, кто составляетъ это «еврейское общество», въ какомъ порядкѣ его представительство должно осуществляться, и поэтому въ дѣлѣ остатковъ коробочнаго сбора царилъ полный произволъ, приводившій къ тому, что остатками этими евреи тогда не распоряжались, и на еврейскую потребу они не шли. Только путемъ энергичныхъ настояній мнѣ впослѣдствіи удавалось добиваться въ отдѣльныхъ случаяхъ ассигнованій на общественныя надобности изъ этихъ остатковъ по отдѣльнымъ губерніямъ. Впрочемъ, и объ этомъ вопросѣ мнѣ придется еще говорить впослѣдствіи. Но я долженъ здѣсь же указать на то, что остатки, въ депозитахъ гу-

бернскихъ правленій, оказались плохо лежащими. Изъ этихъ суммъ брались деньги безъ участія еврейскихъ обществъ, заимообразно, и на устройство женскихъ гимназій, и на командировки чиновниковъ, и на устройство шоссе и т. п. надобности, далекія отъ еврейскихъ общественныхъ потребностей. Я никогда не слышалъ и не видѣлъ документовъ о возвратѣ заимообразно взятыхъ изъ остатковъ по всей чертѣ осѣдлости, гдѣ дѣйствовали коробочные сборы. По моей иниціативѣ, хозяйственный департаментъ потребовалъ свѣдѣнія отъ губернаторовъ, но не всѣ торопились дать отвѣты, и какова эта общая сумма, такъ и не удалось выяснить; извѣстно было лишь, что она достигаетъ нѣсколькихъ милліоновъ рублей. Была сдѣлана однажды попытка выяснить эту сумму въ бюджетной комиссіи третьей Гос. Думы, но и эта попытка осталась безъ результата. Недружелюбно встрѣчались губернскими правленіями попытки болѣе организованныхъ еврейскихъ общинъ брать откупъ коробочнаго сбора въ общественныя руки, черезъ группу общественныхъ дѣятелей, фигурировавшихъ оффиціально, какъ частные предприниматели. Съ прискорбіемъ надо констатировать, что притѣсненія въ области коробочнаго сбора имѣли иногда источникомъ не только иниціативу правительственную, въ лицѣ мѣстныхъ властей, но и происки такъ наз. «балтаксе», т. е. откупщиковъ сбора, заинтересованныхъ въ сохраненіи выгоднаго откупа въ своихъ рукахъ и, главнымъ образомъ, въ сокращеніи смѣты коробочнаго сбора, такъ какъ окончательной цифрой ея предопредѣлялась и цѣна откупа на торгахъ. Чѣмъ ниже была смѣта, тѣмъ ниже была и подрядная сумма, уплачивавшаяся откупщикомъ. Часто между еврейскимъ обществомъ и откупщиками происходила явная борьба, и чаще всего побѣда, при содѣйствіи подкупленныхъ чиновниковъ, оставалась на сторонѣ откупщиковъ. Во всѣхъ случаяхъ столкновенія интересовъ еврейскихъ обществъ съ произволомъ мѣстной власти, общественные дѣятели обращались въ Петербургъ, т. е. къ бар. Гинцбургу.

Другимъ текущимъ поводомъ для сношеній провинціи съ столицей былъ вопросъ объ устройствѣ новыхъ синагогъ и молитвенныхъ домовъ. И здѣсь законъ былъ недостаточно ясенъ и оставлялъ большой просторъ произволу мѣстной администраціи. Впрочемъ не только устрой-

ство новыхъ молитвенныхъ домовъ, но и дома издавна существовавшіе въ томъ или другомъ городѣ нерѣдко оказывалась подъ угрозой. Постепенно возникали дѣла о закрытіи ихъ, и вотъ по какому поводу. По закону еврейскіе молитвенные дома и «бетъ Гамидрашъ» могли быть открываемы въ помѣщеніяхъ, отстоявшихъ не менѣе 50 саж. (120 метровъ) отъ православныхъ храмовъ. Отъ времени до времени полиція приступала къ провѣркѣ измѣреній этого разстоянія; часто оно оказывалось меньше 50 саженъ и тогда начиналось дѣло о закрытіи молитвеннаго дома. Мнѣ извѣстны случаи, когда возникалъ споръ изъ за частей аршина (2/3 метра) или изъ за того, что полиція считала разстояніе не отъ зданія церкви, а напримѣръ, отъ церковной ограды. Если мѣстный габай (староста молитвеннаго дома) не догадывался количествомъ рублей дополнить недостающее разстояніе, то дѣло по такимъ спорамъ доходило и до Сената, и до министерства.

Постоянной побудительной причиной для обращенія къ центральной власти, т. е. въ Петербургъ, служилъ вопросъ о воинской повинности, о такъ называемыхъ «наборахъ»; здѣсь также часто царилъ произволъ, и защиты искали въ Петербургѣ.

Но и въ области общей политики въ еврейскомъ вопросѣ отдѣльные города имѣли свои злобы дня въ разное время, въ зависимости отъ антисемитской энергіи даннаго губернатора. И въ этомъ отношеніи внутреннія губерніи находились въ такомъ же положеніи, какъ и губерніи черты осѣдлости. И въ нихъ, какъ и въ чертѣ осѣдлости, выработался типъ общественнаго еврейскаго печальника, который представлялъ мѣстные еврейскіе интересы и всегда появлялся на сценѣ, когда нужно было защищать или отстаивать тѣ или другіе общественные интересы или интересы отдѣльныхъ лицъ либо цѣлой группы. Въ одномъ мѣстѣ предпринималась провѣрка права жительства по правиламъ 3 мая 1882 г. и намѣчались тысячи жертвъ выселенія изъ селъ и деревень. Тамъ принимались мѣры противъ питейной торговли, и какой нибудь незначительный циркуляръ губернатора грозилъ разореніемъ сотнямъ семействъ. Въ другомъ мѣстѣ возбуждался вопросъ о границахъ городской черты, за предѣлами которой начиналось разрушительное господство Временныхъ Правилъ.

Въ иномъ мѣстѣ учебное начальство справляло тризну по еврейскому просвѣщенію, закрывало школы, или не разрѣшало ихъ открывать и усердствовало въ моральномъ избіеніи младенцевъ при пріемѣ въ общія учебныя заведенія. Въ городахъ внутреннихъ губерній полиція приступала къ провѣркѣ правъ ремесленниковъ, или же къ провѣркѣ времени поселенія евреевъ, съ цѣлью установить, произошло ли оно до или послѣ изданія Маковскаго циркуляра 3 апрѣля 1880 г. и т. д. Пока мѣстное еврейство справлялось, путемъ задабриванія полиціи, съ этими мѣстными бѣдствіями, — впрочемъ, они часто и начинались въ цѣляхъ полученія выгодъ полиціей, — евреи не безпокоили центральныя власти, но во многихъ случаяхъ эти испытанныя средства не приводили къ цѣли, — или требованія были высоки, или дѣло почему либо обострялось. Тогда приходилось обращаться къ центру, и обращались именно эти печальники — общественные дѣятели.

Къ началу 90-хъ годовъ существовала уже обширная галлерея такихъ добровольцевъ — еврейскихъ печальниковъ. Всѣхъ ихъ я встрѣчалъ впослѣдствіи и о многихъ изъ нихъ у меня сохранились лучшія воспоминанія, какъ о дѣятеляхъ всегда готовыхъ безкорыстно, а иногда и съ личными жертвами, служить своему народу. Эти добровольцы — «штадлонимъ» — оказывали неоцѣнимыя услуги еврейству. Они дѣйствовали, въ смыслѣ огражденія еврейскихъ интересовъ, конечно, безъ надлежащихъ полномочій, ибо хозяинъ этихъ интересовъ — еврейство, какъ таковое, по отсутствію не только легальной, но и какой либо неоффиціальной организаціи, не могло имѣть представителей, снабженныхъ надлежащими полномочіями. Они возложили на себя бремя заботы о народныхъ потребностяхъ, иногда большого національнаго значенія, и если они при этомъ проявляли высокую степень рачительности, во всякомъ случаѣ, не меньшую, чѣмъ въ собственныхъ дѣлахъ, то имъ должна быть воздана хвала по заслугамъ; они дѣлали дѣло народа.

Новыя поколѣнія не всегда цѣнили ихъ заслуги и даже упрекали этихъ неполномочныхъ представителей, обзывая ихъ презрительной кличкой — «штадлонимъ». Долгъ мнѣ велитъ хоть нѣкоторыхъ изъ нихъ помянуть добрымъ словомъ и выразить сожалѣніе, что я лишенъ

возможности исчерпать здѣсь воспоминанія обо всѣхъ подобныхъ печальникахъ и представителяхъ еврейскихъ интересовъ, встрѣченныхъ мною на пути моей жизни и, прежде всего, о тѣхъ, которыхъ я засталъ уже издавна осуществлявшими подобную роль.

Въ Вильнѣ, крупнѣйшемъ центрѣ еврейства, гдѣ сложилась многовѣковая еврейская община, существовала издавна общественная широкая организація «цдоко-гдоло», т. е. объединенный совѣтъ молитвенныхъ общинъ; здѣсь имѣлись старыя общественныя учрежденія, богадѣльня, больница, обширныя талмудъ-торы, ремесленное училище и т. д. Но и здѣсь общественнаго представительства въ тѣсномъ смыслѣ слова не существовало, и постоянно мелькала въ качествѣ вѣчнаго печальника, хлопотуна, не жалѣвшаго ни средствъ, ни личнаго труда, — симпатичная фигура Мейера Гордона. Богатый подрядчикъ, съ обширными промышленными дѣлами, онъ всегда находилъ время для поѣздокъ въ Петербургъ, для посылки людей, для переписки по разнымъ общественнымъ надобностямъ. И когда въ столицѣ возникалъ вопросъ, который слѣдовало разрѣшать при участіи представителей провинціи, Гинцбургъ, не колеблясь, вызывалъ Мейера Гордона, и ни одинъ призывъ не оставался безъ отклика. Онъ, впрочемъ, не былъ одинокъ въ Вильнѣ; вокругъ него группировались и другіе дѣятели, которыхъ въ этомъ городѣ старыхъ еврейскихъ традицій было сравнительно не мало. Но въ центрѣ всегда стоялъ Мейеръ Гордонъ.

Въ Ковнѣ, кромѣ переѣхавшаго туда изъ Вильны, послѣ кончины рабби Ицхокъ-Эльхонона, сына его рабби Гирша Рабиновича, представителемъ еврейскихъ интересовъ былъ Иссеръ Вольфъ, всегда готовый служить, тревожиться и хлопотать. Своими культурными привычками и обаятельными манерами, онъ напоминалъ чистокровнаго европейца, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обладалъ ортодоксальной закваской, дѣлавшей его популярнымъ среди ковенской еврейской массы, въ особенности ортодоксальной, которая, не только въ исключительныхъ случаяхъ всегда прибѣгала къ его заступничеству, но и въ повседневной жизни. Онъ былъ личнымъ другомъ покойнаго рабби Ицхокъ Эльхонона и достойнымъ соратникомъ его сына, рабби Гирша Рабиновича.

На общемъ фонѣ оффиціальнаго россійскаго анти-

семитизма выдѣлялась юго-западная область со своимъ спеціальнымъ антисемитизмомъ, исходящимъ отъ кіевскихъ властей, т. е. отъ кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, который въ отношеніи еврейскаго вопроса давалъ направленіе политикѣ въ отдѣльныхъ, подчиненныхъ ему губерніяхъ. Въ періодъ 70-хъ годовъ генералъ-губернаторами въ Кіевъ назначались военные генералы. Цѣлый рядъ ихъ велъ политику явно антисемитскую. Къ тому же самъ Кіевъ представлялъ собою особенную территорію въ отношеніи правъ евреевъ на жительство; городъ Кіевъ былъ изъятъ изъ черты еврейской осѣдлости, включавшей и кіевскую губернію. Между тѣмъ, Кіевъ, какъ разъ за вторую половину прошлаго столѣтія, сталъ главнымъ центромъ коммерческой дѣятельности не только юго-западнаго края, но и юга. Сахарная промышленность развивалась изъ года въ годъ. Въ развитіи ея евреи играли, можно утверждать, главную роль. Кіевъ, поэтому, притягивалъ все новые и новые элементы евреевъ, начиная отъ крупныхъ купцовъ, становившихся владѣльцами сахарныхъ заводовъ, инженеровъ и техниковъ и кончая множествомъ посредниковъ при сахарномъ дѣлѣ. Между тѣмъ, законъ о жительствѣ евреевъ въ Кіевѣ представлялъ собою нѣчто весьма запутанное. Это приводило къ постояннымъ столкновеніямъ между полиціей и евреями и, начиная съ 70-хъ годовъ, не было момента, когда еврейскій вопросъ въ Кіевѣ не стоялъ бы на очереди. Положеніе осложнялось тѣмъ, что Кіевъ, благодаря именно ограничительному закону о жительствѣ тамъ евреевъ, сталъ въ ближайшее соприкосновеніе съ вновь образовавшимися пригородными поселеніями — Слободкой, по ту сторону Днѣпра, которая уже относилась къ Черниговской губерніи, и селами, составлявшими Деміевку — у другой окраины города. Такимъ образомъ, Кіевъ обзавелся какъ бы двумя дополненіями съ обѣихъ сторонъ города, въ которыхъ жительство не было запрещено евреямъ по общему закону и лишь Временныя Правила 3 мая препятствовали тому, чтобъ эти поселенія превратились въ огромные города, населенные евреями. Евреи, проживающіе въ Слободкѣ и Деміевкѣ, проводили дни въ городѣ, занимаясь своими дѣлами, а вечеромъ возвращались къ своимъ семьямъ, жившимъ въ этихъ поселеніяхъ. Время отъ времени пред-

принималась охота на такихъ евреевъ, обвиняемыхъ въ томъ, что они фактически жили въ Кіевѣ. Въ самой Слободкѣ и Деміевкѣ уже собственная полиція, т. е. уѣздная, постоянно занята была установленіемъ того, кто поселился тамъ до 3 мая 1882 г. и кто появился послѣ этого дня. Въ самомъ Кіевѣ не прекращалось наблюденіе полиціи за тѣмъ, чтобы евреи, имѣвшіе тамъ право жительства, т. е. купцы первой гильдіи и приказчики, находившіеся у нихъ въ домашнемъ услуженіи, конечно, часто фиктивномъ, жили въ отведенномъ для евреевъ кіевскомъ гетто въ Лыбедской и Плосской части. Создались чрезвычайно сложныя нормы относительно жительства евреевъ въ Кіевѣ, который то признавался входящимъ въ черту осѣдлости, но на исключительномъ положеніи, то разсматривался, какъ мѣстность, лежащая внѣ черты осѣдлости. Понятно, что вся эта путаница была связана съ постояннымъ выслѣживаніемъ евреевъ со стороны полиціи, съ постоянной провѣркой ихъ права на существованіе, съ угрозами выселенія. и конфискаціи товаровъ по постановленію суда, на основаніи знаменитой 1771 ст. Уложенія о Наказаніяхъ, и т. д. Въ Кіевѣ вошло въ обычай отъ времени до времени производить полицейскія облавы, т. е. обыски въ домахъ, частныхъ квартирахъ, гостиницахъ, для вылавливанія не имѣющихъ права торговли евреевъ. Взяточничество полиціи все болѣе и болѣе развивалось и стало общимъ явленіемъ. Въ Кіевѣ говорили, что еврей, нанимающій себѣ комнату для жилья, обычно уславливался съ домохозяиномъ относительно того, на чей счетъ будетъ идти установленная плата въ пользу полицейскаго чина, вѣдающаго даннымъ околодкомъ, т. е. комната нанималась «съ околодочнымъ» или «безъ околодочнаго».

Положеніе въ Кіевѣ вызывало необходимость постоянныхъ обращеній къ генералъ-губернатору, отъ котораго зависѣло или усилить, или уменьшить ревность полиціи въ наблюденіи за правами евреевъ, жившихъ въ Кіевѣ. Перемѣны настроенія кіевскаго генералъ-губернатора гораздо больше тревожили населеніе, чѣмъ распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ.

Мѣстные еврейскіе дѣятели были поэтому особенно обременены заботами объ улаживаніи мѣстныхъ затруд-

ній, независимо отъ вмѣшательства со стороны дѣятелей столицы. Такихъ дѣятелей, очень видныхъ, было въ Кіевѣ достаточно.

Первое мѣсто по своему вліянію, благодаря своему положенію, занималъ Лазарь Израилевичъ Бродскій, общепризнанный король и вершитель судебъ сахарной промышленности кіевскаго района. Онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Львомъ Израилевичемъ Бродскимъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи десятки сахарныхъ заводовъ. По особому характеру сахарной промышленности, столь тѣсно связанной съ сельскимъ хозяйствомъ, Бродскій былъ очень вліятеленъ въ кругахъ крупныхъ помѣщиковъ юго-западнаго края, въ большинствѣ поляковъ. Благодаря его вліянію, умѣрялась въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ агитація польскихъ элементовъ противъ евреевъ. Постоянный внутренній конфликтъ между разными слоями населенія юго-западнаго края — украинско-русскимъ, польскимъ и еврейскимъ — былъ бы чреватъ печальными послѣдствіями, если бы онъ не сглаживался торговой и промышленной дѣятельностью евреевъ, связывавшей всѣ эти разнородные элементы.

Лазарь Израилевичъ Бродскій былъ человѣкомъ огромной иниціативы, съ большими общественными инстинктами. Его иниціатива въ особенности важна была для благоустройства Кіева. Благодаря ей Кіевъ имѣлъ превосходный водопроводъ, устроенный на капиталы, предоставленные для этой цѣли Бродскимъ. Трамвайное сообщеніе въ Кіевѣ — впервые въ Россіи пользовавшееся электрической тягой — было устроено Бродскимъ. Бродскій же проявилъ иниціативу по устройству городскихъ скотобоенъ и т. д. Не было ни одного начинанія, требовавшаго иниціативы и капиталовъ, въ отношеніи благоустройства Кіева, гдѣ не было бы руки Л. И. Бродскаго. Такую же широту проявлялъ Бродскій въ отношеніи просвѣтительной дѣятельности. Благодаря его иниціативѣ и денежнымъ жертвамъ, устроено было образцовое коммерческое училище въ Кіевѣ. Его же иниціативѣ обязанъ своимъ учрежденіемъ Кіевскій Политехникумъ. Бродскій пожертвовалъ огромныя суммы на устройство Пастеровскаго Института въ Кіевѣ. Само собою разумѣется, что Бродскій игралъ первую роль въ еврейской благотворительности и въ

организаціи еврейской общины въ Кіевѣ. Имъ выстроена была синагога, существованіе которой находилось, однако, подъ угрозой, вслѣдствіе затрудненій, созданныхъ генералъ-губернаторомъ графомъ Алексѣемъ Павловичемъ Игнатьевымъ. Мнѣ понадобилось употребить въ свое время большія усилія передъ центральными властями въ Петербургѣ, для устраненія этихъ затрудненій.

Образцовая еврейская больница содержалась на благотворительныя средства, большая часть которыхъ выпадала на долю Бродскихъ. Еврейское училище, еврейская народная библіотека и рядъ другихъ просвѣтительныхъ учрежденій созданы были братьями Бродскими. Имъ, конечно, помогали и другіе видные благотворители въ Кіевѣ. Нельзя упустить изъ виду умершаго впослѣдствіи въ Парижѣ въ бѣженствѣ М. А. Гальперина, устроившаго за свой счетъ богадѣльню для стариковъ евреевъ, отдѣльный баракъ при больницѣ и т. д.

Бродскій связанъ былъ личными отношеніями съ большинствомъ генералъ-губернаторовъ, послѣдовательно смѣнявшихся въ Кіевѣ. Особенно близокъ онъ былъ съ генераломъ Драгомировымъ, при которомъ число еврейскихъ облавъ, провѣрокъ и выселеній нѣсколько уменьшилось. Тяжелое время пережило кіевское еврейство при генералъ-губернаторѣ графѣ Алексѣѣ Игнатьевѣ, — это былъ братъ автора Временныхъ Правилъ 3 мая 1882 г. Мнѣ извѣстенъ цѣлый рядъ шаговъ, которые предпринималъ Игнатьевъ передъ центральной властью, для усиленія преслѣдованія евреевъ въ ввѣренной ему области. Я въ свое время упомяну объ его настойчивости въ требованіи признанія примѣнимости Положенія объ усиленной охранѣ, съ предусмотрѣнными въ нихъ административными взысканіями, вплоть до трехъ мѣсяцевъ тюрьмы, — къ евреямъ, лишеннымъ права жительства внѣ городской черты и въ самомъ Кіевѣ. Несомнѣнно, антисемитизмъ нѣкоторыхъ генералъ-губернаторовъ стоялъ въ связи съ фактомъ быстраго расцвѣта мѣстной промышленности и вмѣстѣ съ нимъ благосостоянія многихъ евреевъ. Въ ихъ антисемитическихъ чувствахъ играла роль зависть, хотя евреи никому не дѣлали конкуренціи и многіе не-евреи, съ надлежащими дѣловыми способностями также быстро создавали себѣ въ Кіевѣ крупныя состоянія.

Вліяніе Бродскаго проявлялось весьма часто, причемъ интересы его не замыкались въ одномъ только Кіевѣ и кіевскомъ районѣ. Время отъ времени онъ бывалъ въ столицѣ и во всѣхъ случаяхъ былъ соратникомъ и сотрудникомъ барона Горація Осиповича Гинцбурга, всегда отзываясь на его призывъ о помощи.

Другой крупной фигурой въ Кіевѣ, въ области общественной работы, попеченія о нуждахъ евреевъ и защиты ихъ противъ всякаго рода преслѣдованій, былъ Давидъ Семеновичъ Марголинъ. Значеніе Марголина для мѣстной экономической жизни заключалось въ томъ, что, благодаря ему развилось пароходное сообщеніе по Днѣпру. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова self made man. Въ молодости онъ былъ знатокомъ еврейской письменности и на всю жизнь сохранилъ отпечатокъ спеціальной большой еврейской интеллигентности. Никто такъ, какъ Марголинъ, не располагалъ къ себѣ людей, съ которыми онъ имѣлъ дѣло. Онъ былъ постояннымъ совѣтникомъ кіевскихъ властей по вопросамъ экономическимъ — промышленнымъ и торговымъ. Онъ приглашался на всякаго рода совѣщанія и даже вызывался въ Петербургъ въ качествѣ представителя мѣстной торговли и промышленности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Марголинъ обладалъ удивительно добрымъ сердцемъ: никто больше него не удѣлялъ нуждающимся отъ своего достатка. Участникъ всѣхъ благотворительныхъ учрежденій въ Кіевѣ, онъ своимъ примѣромъ вліялъ на другихъ и главнымъ образомъ на братьевъ Бродскихъ, съ которыми онъ былъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ. Марголинъ постоянно хлопоталъ за евреевъ, какъ въ самомъ Кіевѣ, такъ и при пріѣздахъ своихъ въ С. Петербургъ, и кіевскіе евреи многимъ обязаны усердію и хлопотамъ Д. С. Марголина.

Проф. М. Е. Мандельштамъ игралъ большую роль въ области духовной, внутренней жизни кіевскаго еврейства. Въ защитѣ текущихъ правовыхъ интересовъ евреевъ онъ участія не принималъ.

Менѣе извѣстенъ въ широкихъ кругахъ еврейства, горячій поборникъ еврейскихъ интересовъ на мѣстѣ и представитель ортодоксальной части кіевскаго еврейства — Ниссонъ Каценельсонъ. Съ умиленіемъ вспоминаю эту славную личность. Непримиримый отстаиватель еврейской

духовной автономіи, горячо преданный еврейской традиціи — Каценельсонъ, обладавшій кипучей энергіей и бурнымъ темпераментомъ, былъ для массы еврейства въ Кіевѣ неизмѣннымъ заступникомъ. Неутомимо ѣздилъ онъ въ Петербургъ, ходилъ по учрежденіямъ и вѣдомствамъ, доказывалъ, убѣждалъ и — всегда — производилъ впечатлѣніе; слова его исходили отъ горячаго сердца и находили дорогу къ сердцу того, къ кому они обращались. Я познакомился съ нимъ въ самомъ началѣ 90-хъ годовъ, когда на очереди стоялъ вопросъ о меламедахъ, хедерахъ и ешиботахъ.

Если спеціальные законы ограждали отъ евреевъ городъ Кіевъ, какъ мать городовъ русскихъ, то не было никакого историческаго повода, чтобы поставить въ особое положеніе въ отношеніи жительства евреевъ городъ Одессу. И къ счастью, никакихъ спеціальныхъ постановленій о жительствѣ евреевъ въ Одессѣ не существовало въ россійскихъ законахъ. Но въ отношеніи Николаева дѣйствовали особыя постановленія, что, очевидно, объясняется значеніемъ этого города, какъ предполагавшагося военнаго порта, почему онъ и былъ поставленъ какъ бы въ рядъ съ Севастополемъ. Свободная отъ ограничительныхъ законовъ Одесса безпрепятственно населялась евреями, увеличившими значеніе одесскаго порта для экспортной торговли. Поэтому не существовало никакого повода для столкновеній съ мѣстными властями на почвѣ вопроса о правахъ евреевъ. Если антисемитское настроеніе правительственныхъ органовъ здѣсь и проявлялось, то оно касалось больше всего внутренней жизни евреевъ: коробочный сборъ, назначеніе раввина, открытіе школъ — вотъ тѣ области, на которыхъ упражнялся правительственный антисемитизмъ, при такихъ градоправителяхъ, какимъ былъ въ Одессѣ адмиралъ Зеленый. Одесса имѣла видъ совершенно западно-европейскій, городское благоустройство въ городѣ — и несомнѣнно благодаря участію евреевъ въ городскомъ самоуправленіи, — было образцомъ для всей Россіи. Этого, какъ я укажу впослѣдствіи, не вынесъ темпераментъ Зеленаго, который возбудилъ вопросъ объ ограниченіи участія евреевъ въ городскомъ самоуправленіи, какъ въ самой Одессѣ, такъ и вообще въ чертѣ осѣдлости.

При такомъ положеніи Одессы не было почвы для

возникновенія типа общественныхъ печальниковъ и хлопотуновъ, какой создался въ другихъ городахъ. Но общественная жизнь Одессы, сравнительно съ другими городами, била ключемъ, и несомнѣнно развитіемъ своимъ она значительно была обязана неутомимому дѣятелю на общественномъ поприщѣ М. Г. Маргулису, этому ветерану еврейской прогрессивности и знанія. Маргулисъ, вмѣстѣ съ покойнымъ Оршанскимъ, посвятилъ значительную часть своей эрудиціи еврейской исторіи и, въ частности, законодательству о евреяхъ въ Россіи. Онъ былъ знатокомъ психологіи еврейскихъ народныхъ массъ и никто лучше его не былъ освѣдомленъ о больныхъ сторонахъ еврейской жизни, какъ внутренней, такъ и внѣшней — экономической. Онъ, поэтому, былъ незамѣнимымъ экспертомъ и для С. Петербурга, когда тамъ, по иниціативѣ барона Гинцбурга, предпринимались какіе либо шаги передъ правительствомъ.

Большое участіе въ мѣстной общественной жизни Одессы принимала г-жа Л. Г. Ашкинази, владѣлица банкирскаго дома Ашкинази, сестра покойной жены бар. Горація Осиповича Гинцбурга. Она стояла во главѣ многихъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій Одессы, и ея заботамъ обязана существованіемъ образцовая и единственная въ своемъ родѣ по оборудованію и по величинѣ Одесская еврейская больница.

Былъ тогда еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, но уже активнымъ работникомъ на еврейской общественной нивѣ, главнымъ образомъ, на поприщѣ просвѣщенія, молодой инженеръ Г. Э. Вайнштейнъ.

Въ Екатеринославѣ неутомимо работалъ старѣйшина города Екатеринослава — В. М. Майданскій, фактическій попечитель 17 еврейскихъ земледѣльческихъ колоній въ Екатеринославской губ. Интересы колонистовъ были всегда близки его сердцу. Въ Екатеринославѣ онъ былъ иниціаторомъ устройства разныхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, постоянно привлекая къ работѣ и свѣжія силы. Вмѣстѣ съ Майданскимъ работалъ и покойный Карпасъ. Превосходный знатокъ іудаизма, прекрасно владѣвшій еврейскимъ языкомъ, Майданскій въ письмахъ ко мнѣ удивлялъ меня изяществомъ еврейскаго стиля, горячей сердечностью и беззавѣтной любовью къ

народу. Онъ пользовался безусловнымъ уваженіемъ у представителей мѣстной власти и неоднократно отвращалъ отъ еврейскаго населенія грозу, исходившую отъ мѣстныхъ губернаторовъ; на евреевъ смотрѣли съ завистью, какъ на энергичныхъ работниковъ въ новомъ краѣ на поприщѣ горной промышленности, расцвѣтавшей, благодаря евреямъ.

Москва въ отношеніи еврейскихъ интересовъ находилась въ особомъ положеніи. До конца 80-хъ годовъ общественные еврейскіе интересы сосредоточивались въ отдѣленіи Общества распространенія просвѣщенія среди евреевъ, во главѣ котораго стоялъ покойный В. О. Гаркави. Онъ былъ единственный человѣкъ въ Москвѣ того времени, который поддерживалъ связи съ Петербургомъ по еврейскимъ дѣламъ. Лазарь Соломоновичъ Поляковъ, братъ Петербургскаго желѣзнодорожнаго короля Полякова, былъ виднѣйшимъ лицомъ въ Москвѣ; основатель и руководитель банковъ и многихъ промышленныхъ предпріятій, онъ пользовался въ Москвѣ большимъ вліяніемъ. Онъ былъ патрономъ еврейскихъ интересовъ; однако ему не удавалось играть роль, аналогичную той, которая принадлежала въ Петербургѣ, въ центрѣ, Г. О. Гинцбургу. Щедрый жертвователь и вообще добрый человѣкъ, Поляковъ много помогалъ нуждающимся евреямъ въ Москвѣ, и обезпечивалъ благосклонное отношеніе властей въ вопросахъ касающихся евреевъ. До выселеній 1891 года, послѣдовавшихъ за назначеніемъ московскимъ генералъ-губернаторомъ вел. князя Сергѣя Александровича, Москва находилась въ особыхъ условіяхъ. Быстро росло въ ней число состоятельныхъ евреевъ. Незамѣтно они сдѣлались необходимымъ элементомъ московской торговли и промышленности. Ни одинъ городъ не привлекалъ столько представителей промышленной энергіи, главнымъ образомъ изъ Курляндіи и Польши, наряду съ выходцами изъ Литвы. Московскіе евреи быстро шли къ ассимиляціи. Ортодоксія замѣтно слабѣла. Еще менѣе чѣмъ въ Петербургѣ, московская еврейская интеллигенція интересовалась еврействомъ. Кромѣ В. О. Гаркави въ концѣ 80-хъ годовъ не было никого. Выселенія изъ Москвы сильно ослабили еврейскій элементъ и вызвали необходимость индивидуальной борьбы за существованіе тѣхъ, которые оставались. Много сотенъ такихъ евреевъ встрѣчались мнѣ на

пути отстаиванія еврейскихъ правъ въ эту грозную для Москвы годину. Но всѣ они были лишены общественныхъ инстинктовъ, и можно сказать, что Гаркави, а впослѣдствіи и присяжный повѣренный А. Л. Фуксъ были единственными выразителями общественныхъ теченій московскаго еврейства.

Гаркави, видный московскій адвокатъ, былъ родомъ изъ Вильны; онъ находился въ близкомъ родствѣ съ виленской семьей Роммъ. Онъ пользовался уваженіемъ не только своихъ товарищей по профессіи, но и московскихъ купеческихъ круговъ. Еврейская молодежь высшихъ учебныхъ заведеній Москвы находила у него теплое сочувствіе, и, можно сказать, нѣжную заботу о себѣ. Беззавѣтно служилъ онъ дѣлу еврейскаго просвѣщенія и созиданія еврейскихъ учрежденій. По его инціативѣ создалось въ Москвѣ ремесленное училище, процвѣтавшее съ самаго своего основанія и до закрытія его вел. кн. Сергѣемъ Александровичемъ. Гаркави былъ и въ числѣ инціаторовъ постройки синагоги въ Москвѣ, которая была закрыта вскорѣ послѣ назначенія вел. князя генералъ-губернаторомъ. И только благодаря хлопотамъ и неустаннымъ заботамъ, Гаркави, при содѣйствіи разныхъ вліяній въ Петербургѣ, удалось впослѣдствіи вновь открыть синагогу. Благодаря Гаркави, Москва сознала потребность имѣть общественнаго раввина, который могъ бы достойно представлять московское еврейство, — каковаго она и нашла въ лицѣ молодого тогда помощника присяжнаго повѣреннаго, одного изъ краснорѣчивѣйшихъ молодыхъ ораторовъ, знатока іудаизма Я. И. Мазе, который перемѣнилъ предстоявшую ему несомнѣнно блестящую адвокатскую карьеру на службу московскому еврейству въ качествѣ общественнаго раввина.

Въ Ригѣ, стоявшей въ первомъ ряду подъ огнемъ антисемитизма, въ центрѣ мѣстной жизни и представителемъ ея былъ покойный Лейбъ Шалитъ. Рижская общественная жизнь шла особой дорогой. Тамъ сохранился по закону «кагалъ» въ то время, когда уже о немъ въ чертѣ осѣдлости почти забыли. Вся рижская жизнь, носившая нѣмецкій отпечатокъ въ смыслѣ организованности и порядка, отразилась на еврейскомъ общественномъ укладѣ. Во главѣ рижскихъ евреевъ стоялъ Шалитъ, обладавшій нѣмецкой культурностью, горячій еврей съ безконечно добрымъ

сердцемъ, отзывчивымъ на всѣ еврейскія нужды. Ортодоксально настроенный, онъ несъ постоянную заботу о просвѣщеніи молодого поколѣнія, учредилъ отдѣленіе Общества распространенія просвѣщенія и незадолго передъ смертью создалъ образцовое ремесленное училище, не имѣвшее себѣ равнаго въ ряду еврейскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Онъ постоянно пріѣзжалъ въ Петербургъ, пользовался безграничнымъ уваженіемъ со стороны здѣшнихъ дѣятелей, въ частности бар. Гинцбурга, и всегда игралъ какъ бы роль примирителя ортодоксальныхъ стремленій духовныхъ раввиновъ и стремленій поборниковъ общаго просвѣщенія. Когда началась безпощадная полоса выселеній изъ Риги, въ бытность рижскимъ полицеймейстеромъ полковника Власовскаго, въ 1890 г., Шалитъ проявилъ колоссальную энергію и активность, смягчавшія удары, сыпавшіеся на рижскихъ евреевъ. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ среди нѣмецкаго купечества и баронства.

Въ Минскѣ въ центрѣ мѣстной еврейской жизни стояли д-ръ Лунцъ и представитель ортодоксіи покойный Полякъ. Главнымъ общественнымъ дѣятелемъ въ Кишиневѣ былъ въ то время Абрамъ Гринбергъ, переселившійся потомъ въ Одессу.

Въ Житомірѣ старѣйшиной еврейскаго общественнаго дѣла былъ и оставался бывшій раввинъ его, покойный Иссеръ Кулишеръ, одинъ изъ піонеровъ еврейскаго просвѣщенія на Волыни и выразитель волынскихъ еврейскихъ общественныхъ интересовъ.

Поддерживались сношенія изъ Петербурга и съ польскимъ еврействомъ въ лицѣ варшавскихъ представителей общины. Изъ другихъ мѣстъ царства Польскаго рѣдко обращались непосредственно сюда; все шло черезъ Варшаву.

Въ Польшѣ еврейская общинная жизнь имѣла свою уже налаженную организацію въ видѣ учрежденныхъ еще въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія Божничныхъ Дозоровъ. Въ самой Варшавѣ функціонировало еврейское общинное управленіе. Вмѣсто дѣйствовавшаго въ чертѣ осѣдлости коробочнаго сбора, еврейскія общины въ Польшѣ имѣли право принудительнаго обложенія по раскладкѣ, въ размѣрѣ суммы, необходимой для содержанія еврейскихъ религіозныхъ учрежденій и заведеній общественнаго призрѣнія. Смѣты расходовъ и раскладка падающая на

плательщиковъ утверждались городскимъ магистратомъ; раскладочный сборъ въ видѣ налога взыскивался мѣрами полиціи на одинаковыхъ началахъ съ городскими повинностями и сборами. Въ своей дѣятельности дозоры, а въ Варшавѣ общинное управленіе подчинены были надзору магистратовъ и губернскихъ правленій. Дозоры и община въ Варшавѣ пользовались правами юридическаго лица, могли пріобрѣтать имущество и получать легаты по завѣщаніямъ. Общинное управленіе въ Варшавѣ къ началу 90-хъ годовъ находилось въ рукахъ элементовъ ассимиляторскихъ, т. е. евреевъ, признававшихъ себя поляками Моисеева закона. Они явно не желали сливать свои интересы съ интересами русскаго еврейства. И если Варшава поддерживала сношенія съ Петербургомъ, то они ограничивались крайними случаями, когда рѣчь шла о необходимости добиваться благопріятнаго рѣшенія центральныхъ вѣдомствъ. Эти случаи были не часты, такъ какъ центральная власть заслонялась на мѣстѣ властью генералъ-губернатора, снабженнаго обширными полномочіями, почти сходными съ полномочіями прежняго автономнаго намѣстника Царства Польскаго. Въ отношеніи еврейскаго вопроса замѣчалась несогласованность политики центральной власти и генералъ-губернаторской. До неудавшейся попытки товарища министра внутреннихъ дѣлъ Плеве распространить ограничительные законы о евреяхъ Имперіи и на евреевъ Царства Польскаго, политика центральнаго правительства отличалась сравнительной благожелательностью къ еврейскому населенію Царства Польскаго. Эта благожелательность имѣла тотъ же источникъ, что и ясно выраженная благожелательность къ польскому крестьянству, а именно — стремленіе ослабить польское шляхетство, какъ носителя чаяній о самостоятельности Польши. Принципъ: «раздѣляй и властвуй», примѣнявшійся въ окраинной политикѣ, находилъ особенно яркое выраженіе въ русской политикѣ въ Польшѣ; въ сферу дѣйствія этого принципа входилъ отчасти еврейскій вопросъ. Мѣстныя же власти, въ лицѣ генералъ-губернатора, въ особенности занимавшаго тогда этотъ постъ ген. Гурко, стихійно склонялись на сторону природнаго влеченія къ антисемитизму и одинаково угнетали и поляковъ, и евреевъ. Отсюда и вытекала иногда потребность у варшавскихъ представителей еврейства прибѣгать къ центральной вла-

сти и къ содѣйствію петербургскихъ дѣятелей, въ частности бар. Гинцбурга. Впослѣдствіи при созданіи Центральнаго Комитета Еврейскаго Колонизаціоннаго Общества и учрежденіи отдѣленія его въ Варшавѣ, при усиленной эмиграціи изъ Польши евреевъ, связь между варшавскими дѣятелями и петербургскими окрѣпла. Представителемъ варшавскаго еврейства въ Петербургѣ былъ глава банкирскаго дома «Г. Вавельбергъ» — И. А. Вавельбергъ. Изъ варшавскихъ же евреевъ дѣлу служенія мѣстнымъ еврейскимъ интересамъ былъ преданъ Станиславъ Натансонъ, унаслѣдовавшій общественную роль въ Варшавѣ отъ своего отца, бывшаго предсѣдателемъ варшавскаго общиннаго управленія. Натансонъ отличался отъ руководящихъ лидеровъ варшавскаго ассимиляторства. Преданный польской культурѣ, онъ сохранилъ въ большей, сравнительно съ другими, мѣрѣ приверженность къ еврейству. Высоко культурный и просвѣщенный работникъ, онъ въ еврейское общественное дѣло въ Варшавѣ вносилъ безупречную корректность и порядокъ. Это достигалось съ большимъ трудомъ: еврейское населеніе Варшавы состояло въ подавляющемъ большинствѣ изъ хассидской массы, враждебно настроенной ко всѣмъ просвѣтительнымъ начинаніямъ общиннаго управленія и смотрѣвшей на представителей его, какъ на власть, поставленную отъ правительства, хотя формально и избиравшуюся плательщиками общиннаго налога. Эта масса была далека отъ общественныхъ интересовъ и находилась тогда, какъ впрочемъ, и теперь, подъ безусловнымъ вліяніемъ цадиковъ. Въ то время еще не ощущалось въ Варшавѣ вліяніе русскихъ евреевъ. Только послѣ выселенія изъ Москвы и перехода многихъ московскихъ промышленниковъ въ Варшаву, стала постепенно разгораться борьба между національно настроенными, русскими евреями, и представителями польской ассимиляціи. Эта борьба имѣла и глубокіе политическіе корни. Польское еврейство стремилось сохранить добрыя отношенія съ поляками, которые, съ своей стороны, обвиняли еврейство въ готовности итти навстрѣчу обрусительнымъ начинаніямъ правительства. Приливъ въ Варшаву и въ Лодзь русско-еврейскихъ элементовъ, говорившихъ по-русски, давалъ полякамъ поводъ, несмотря на всѣ старанія польскихъ евреевъ проявлять солидарность съ польскими политическими интересами, обвинять еврейст-

во въ измѣнѣ польской культурѣ; этимъ питались врожденныя полякамъ антисемитскія чувства, постепенно доросшія въ новѣйшее время до бойкота евреевъ. Въ результатѣ усиленной борьбы, со стороны новыхъ элементовъ, русскимъ евреямъ удалось завоевать нѣкоторыя позиціи въ общинномъ управленіи Варшавы. Однимъ изъ представителей литовскаго, т. е. русскаго еврейства, примиряющаго борющіяся стороны, былъ общественный работникъ, Сигизмундъ Фрумкинъ, братъ Гродненскаго дѣятеля А. Фрумкина. Къ несчастью, Фрумкинъ умеръ сравнительно молодымъ человѣкомъ; эта потеря не могла не чувствоваться въ теченіе послѣдняго десятка лѣтъ до войны, когда еврейско-польскія отношенія такъ обострились, причемъ съ польской стороны выдвигался предлогъ руссификаторской роли русскихъ евреевъ, нахлынувшихъ, по словамъ поляковъ, въ Варшаву.

Петроградскіе евреи конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ помнятъ подвижную маленькую фигурку старика съ бѣлой длинной заостренной двумя концами бородой, съ выразительнымъ подвижнымъ лицомъ и острыми, умными, проницательными глазами. Это былъ рабби Шмуэль Быховскій. Всегда чистенько одѣтый, въ длинномъ сюртукѣ, съ пучками бумагъ въ карманахъ и въ рукѣ, онъ всегда былъ занятъ, всегда спѣшилъ, разъѣзжая по всему городу на извозчикахъ. Онъ былъ другомъ всѣхъ швейцаровъ въ министерствахъ и желаннымъ гостемъ для всѣхъ курьеровъ, обслуживавшихъ кабинеты директоровъ департаментовъ и другихъ высокихъ сановниковъ. Каждый день, а иногда и по нѣсколько разъ въ день, рабби Шмуэль являлся съ докладомъ къ бар. Гинцбургу, получалъ отъ него указанія и пускался опять въ хожденіе по департаментамъ. Быховскій былъ представителемъ ортодоксальной провинціи, аккредитованнымъ при бар. Гинцбургѣ въ Петербургѣ. Онъ велъ обширную переписку, неизмѣнно на древне-еврейскомъ языкѣ, которымъ онъ пользовался свободно для выраженія самыхъ запутанныхъ административныхъ мыслей. Быховскій зналъ о зарождающейся въ головѣ сановника, вѣдающаго той или другой отраслью еврейскихъ дѣлъ, мысли, онъ первый какъ бы чутьемъ догадывался о готовящемся циркулярѣ, зналъ кто и когда и кому докладываетъ о томъ или другомъ вопросѣ, и никто лучше его не умѣлъ во время подать записку, повліять

на то, чтобы докладъ былъ отложенъ, пока лицо, отъ котораго зависитъ рѣшеніе даннаго вопроса, не будетъ надлежащимъ образомъ подготовлено. Онъ былъ желаннымъ гостемъ на дому у многихъ чиновниковъ. Быховскій былъ весь къ услугамъ тѣхъ, представителемъ которыхъ онъ являлся; съ особенной зоркостью онъ слѣдилъ за тѣми дѣлами, которыя имѣли своимъ предметомъ ту или иную сторону еврейской духовной или религіозной жизни. Семья его жила въ Могилевѣ. На Пасху и на осенніе праздники онъ уѣзжалъ къ себѣ домой. Кажется, это были единственныя недѣли его отдыха въ теченіе многихъ лѣтъ его хлопотливой и крайне полезной работы. Когда я началъ заниматься еврейскими дѣлами, Быховскій сталъ моимъ постояннымъ посѣтителемъ. Въ 8 час. утра онъ уже сидѣлъ у меня въ кабинетѣ, сообщалъ о результатахъ своихъ хлопотъ и развѣдокъ въ предшествующій день и уходилъ отъ меня снабженный всякими справками, записками, докладами и т. д. Періодъ его пребыванія въ Петербургѣ былъ особенно важенъ съ точки зрѣнія еврейскихъ дѣлъ. Это было переходное время: отъ Паленской комиссіи до конца царствованія Александра III, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ Н. И. Дурново. Надо ли говорить, что Быховскій былъ весьма популяренъ во всемъ литовскомъ еврействѣ, но авторитетъ его стоялъ очень высоко и въ средѣ ортодоксальнаго петроградскаго еврейства. Знатокъ Талмуда, хассидъ, но не любавическій, онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ тѣхъ синагогахъ, гдѣ онъ молился. Никто лучше его не умѣлъ распространять тѣ или другіе лозунги дня, вызвать агитацію въ провинціи, повліять на то, чтобы въ Петербургъ сыпались прошенія и заявленія со всѣхъ концовъ черты осѣдлости. И когда на очередь дня выдвинулся вопросъ о меламдахъ или хедерахъ, то Быховскій изъ Петрограда и Ниссанъ Каценельсонъ изъ Кіева поставили на ноги все ортодоксальное еврейство и въ министерство народнаго просвѣщенія посыпались тысячи прошеній, каждое съ сотнями подписей. Быховскій, когда я съ нимъ встрѣтился, былъ уже глубокимъ старикомъ, ему было болѣе 70 лѣтъ. Но свѣжесть ума и физическая подвижность его были и тогда изумительны. Около 8-9 лѣтъ я его зналъ еще бодрымъ работникомъ, пока годы не взяли свое, 80-ти лѣтній старецъ заболѣлъ тяжелой болѣзнью и послѣ мѣсяцевъ страданій,

отошелъ въ вѣчность. Въ Петербургѣ, да и во всемъ еврействѣ образовался пробѣлъ. Появилось, правда, много желающихъ занять то же амплуа. Изъ разныхъ центровъ раздавались голоса о необходимости имѣть подобнаго представителя въ Петербургѣ. Такіе дѣйствительно и появлялись, но рабби Шмуэля Быховскаго никто замѣнить не могъ. Съ благодарностью не только за себя лично, но и за всѣхъ кто работалъ съ Быховскимъ, я останавливаю свои мысли на памяти этого неутомимаго дѣятеля.

ГЛАВА XVI.

Еврейскія земледѣльческія колоніи Херсонской и Екатеринославской губерніи. — Обслѣдованіе К. К. Случевскаго. — Подворная опись, произведенная Л. Бинштокъ въ Екатеринославскихъ колоніяхъ. — Обработка матеріала, порученная мнѣ. — Э. Б. Левинъ. — Мое сотрудничество съ барономъ Г. О. Гинцбургомъ.

Нежеланіе евреевъ заниматься производительнымъ трудомъ и неспособность ихъ къ земледѣльческому труду, — таково было необоснованное утвержденіе, на которомъ строились антисемитскіе лозунги 80-хъ годовъ и которымъ правительство оправдывало ограничительныя мѣропріятія по отношенію къ евреямъ. Обычнымъ аргументомъ въ доказательство неспособности евреевъ къ занятію земледѣліемъ былъ якобы неудачный опытъ устройства еврейскихъ земледѣльческихъ колоній, въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ въ царствованіе Николая I. Первыя колоніи были основаны въ Херсонской губ., а затѣмъ позднѣе, ближе къ 50-мъ годамъ началось устройство 17 колоній въ Екатеринославской губ. Для образованія ихъ были отведены казенныя земли. Но не успѣли колоніи развиться, какъ со стороны правительства стали раздаваться обвиненія, что евреи оставляютъ свои участки земли, переходятъ на городскіе промыслы, и даже переселяются въ города, а участки, будто бы, сдаютъ въ аренду за плату.

Колонисты не входили въ общій составъ сельскихъ обывателей, они управлялись спеціальными учрежденіями, стоящими внѣ крестьянскихъ организацій; завѣдывало колоніями не министерство внутреннихъ дѣлъ, вѣдающее дѣла крестьянъ, а министерство государственныхъ иму-

ществъ. Земля, отведенная колонистамъ въ количествѣ 30-40 десятинъ на семью въ составѣ 5 человѣкъ продолжала считаться казенною землею, колонисты обязаны были платить ежегодную оброчную (арендную) плату. При поселеніи колонисты снабжались живымъ и мертвымъ инвентаремъ за счетъ суммъ коробочнаго сбора тѣхъ губерній, изъ которой колонисты вербовались. Какъ производилось чиновниками это снабженіе, можно себѣ легко представить; этотъ вопросъ подробно и документально изложенъ въ обширной книгѣ Никитина, появившейся въ 80-хъ годахъ, и посвященной исторіи образованія колоній, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ и документовъ*). Колоніи управлялись чиновниками, назначаемыми министерствомъ государственныхъ имуществъ, онѣ стояли внѣ общей губернской администраціи. Попечители колоній — такъ назывались эти чиновники — какъ бывало всегда въ подобныхъ случаяхъ — не ладили съ губернскими властями, представителями министерства внутреннихъ дѣлъ. Этимъ объясняется то, что съ самаго начала существованія еврейскихъ колоній, къ нимъ всегда проявлялось враждебное отношеніе со стороны мѣстной общей губернской администраціи. Большинство бывшихъ губернаторовъ Херсонской и Екатеринославской губерній въ своихъ отзывахъ и отчетахъ высказывались рѣзко отрицательно о состояніи колоній, заявляли, что опытъ, — привлеченія евреевъ къ земледѣльческому труду, оказался неудачнымъ и лишній разъ доказалъ яко бы совершенную неспособность евреевъ къ занятію земледѣліемъ: Долго министерству государственныхъ имуществъ, въ которомъ еще живы были либеральныя традиціи б. министра графа Киселева и графа Валуева, отстаивало существованіе колоній. При Александрѣ III, съ назначеніемъ на постъ министра государственныхъ имуществъ Островскаго, общее настроеніе, рѣзко антисемитское, проникло и въ это вѣдомство. Мѣстныя губернскія власти добивались передачи такъ называемыхъ запасныхъ земель колоній крестьянамъ сосѣднихъ деревень, а для этого имъ нужно было доказать, что колоніи чуть ли не пустуютъ, что оставшіеся въ колоніяхъ евреи вовсе не обрабатываютъ своихъ участковъ. Особенно усердно настаивалъ на желательности упраздненія ко-

---

*) Е. В. Никитинъ, «Евреи земледѣльцы», СПБ. 1887.

лоній бывшій въ 1889 г. губернаторомъ въ Екатеринославѣ графъ Канкринъ, который, впрочемъ, какъ это обнаружилось впослѣдствіи, никогда самъ еврейскихъ колоній не посѣтилъ. Петербургу нельзя было добиться правды, — существуютъ ли въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ — чуть ли не въ центрѣ Россіи, а не гдѣ-либо въ недоступныхъ мѣстахъ Африки, — еврейскія колоніи, имѣются ли тамъ евреи, занимающіеся земледѣліемъ, или нѣтъ, однимъ словомъ — мифъ или реальность эти колоніи. Островскій рѣшилъ основательно выяснить этотъ спорный вопросъ, т. е. послать ревизора. Выборъ ревизора палъ на человѣка, который ничего общаго съ земледѣліемъ не имѣлъ, — на К. К. Случевскаго, — поэта, писателя и сотрудника «Новаго Времени», газеты тогда уже игравшей первую скрипку въ оркестрѣ антисемитской прессы. Посѣтивъ одну-другую колонію въ Екатеринославской губерніи, снабженный матеріаломъ, сообщеннымъ ему губернаторомъ (отзывы котораго онъ долженъ былъ провѣрить), Случевскій составилъ докладъ министру и даже напечаталъ его въ московскомъ журналѣ «Русскій Вѣстникъ» (1890 годъ, статья: «Еврейскія колоніи»). Авторъ изображаетъ колоніи запущенными, грязными еврейскими поселеніями, безъ всякихъ слѣдовъ земледѣльческаго хозяйства: рабочее населеніе почти все перешло въ города; земли сдаются евреями въ аренду; заботы правительства, въ теченіе многихъ десятилѣтій, о насажденіи среди евреевъ земледѣльческаго труда остались безплодными; евреи обнаружили свою явную неспособность къ земледѣлію.

Еврейскіе общественные дѣятели въ столицѣ, бар. Гинцбургъ, Поляковъ и др., всегда чутко относились къ главному антисемитскому обвиненію евреевъ въ отсутствіи у нихъ склонности и способности къ производительному труду. Въ цѣляхъ итти навстрѣчу этому обвиненію и устранить все то, что фактически могло бы оправдывать таковое, еще въ 1880 г. по поводу 25-лѣтія царствованія Александра II, какъ уже было упомянуто выше, былъ учрежденъ «Временный Комитетъ для образованія фонда распространенія среди евреевъ ремесленнаго и земледѣльческаго труда». Въ дальнѣйшемъ, въ цѣломъ рядѣ записокъ, подававшихся правительству въ теченіе 80-хъ г.г. доказывалась неправильность этого обвиненія. Особенно

близко къ сердцу принималъ вопросъ о земледѣльческомъ трудѣ у евреевъ бар. Гинцбургъ. По его иниціативѣ въ 1890 году послѣ появленія названной статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ», было предпринято подворное обслѣдованіе Херсонскихъ и Екатеринославскихъ колоній. И дѣйствительно, пора было прекратить недоразумѣніе о колоніяхъ и выяснить, существуютъ ли колоніи, работаютъ ли въ нихъ и сколько тамъ работаетъ евреевъ, а если хозяйство колонистское ведется неправильно, то въ чемъ лежатъ причины этой неправильности. По вѣрной мысли бар. Гинцбурга, общія анкетныя данныя съ примѣрными цифрами не могли бы ни доказать того, что евреи занимаются земледѣліемъ и притомъ успѣшно, ни обосновать противоположный выводъ.

Вмѣсто анкеты, необходимо было поэтому предпринять подворную перепись съ точнымъ описаніемъ, по каждому отдѣльному хозяйству, всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыя могли бы характеризовать положеніе даннаго хозяйства и въ отношеніи труда, и въ отношеніи инвентаря, и въ отношеніи результатовъ работы и т. д.

Со времени работъ комиссіи подъ предсѣдательствомъ гр. Палена, статистическія обслѣдованія еврейскаго вопроса вошли въ обычай, но они всегда приправлялись общими соображеніями. Для надобностей комиссіи Палена собирались различныя статистическія свѣдѣнія; особенно тщательно подбирались и обрабатывались эти матеріалы цѣлымъ рядомъ лицъ по иниціативѣ и на средства покойнаго И. С. Бліоха, о которомъ я уже упоминалъ. Такимъ образомъ, мысль о статистическомъ обслѣдованіи колоній была не новая.

Сдѣлать подворную перепись всѣмъ еврейскимъ хозяйствамъ какъ Херсонской, такъ и Екатеринославской губ., поручено было Л. Бинштоку, бывшему Житомірскому раввину, переѣхавшему въ Петербургъ и исполнявшему должность секретаря Петербургскаго Хозяйственнаго Правленія временной синагоги. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Л. Бинштокъ объѣзжалъ колоніи, не пропустивъ ни одной, и составлялъ подробную опись населенія, инвентаря и т. д. Этотъ сырой обширный матеріалъ нужно было обработать, надо было составить статистическія таблицы, дать имъ объясненіе и сдѣлать общіе выводы.

Къ тому времени я имѣлъ уже случай нѣсколько разъ встрѣтиться съ проф. Николаемъ Игнатьевичемъ Бакстомъ въ домѣ Трахтенберга. Бакстъ, живо интересовавшійся результатами произведеннаго Бинштокомъ обслѣдованія, посовѣтовалъ бар. Гинцбургу поручить обработку этого матеріала мнѣ. Это дало мнѣ поводъ познакомиться съ бар. Гинцбургомъ.

Онъ мнѣ объяснилъ свои намѣренія и причины, вызвавшія необходимость обслѣдованія колоній. Мнѣ были переданы всѣ матеріалы, собранные Бинштокомъ въ отношеніи Екатеринославской губ., и поручено было въ возможно краткій срокъ обработать эти матеріалы. Это была моя первая работа въ области еврейскаго вопроса. Изучивъ подробно всю литературу по исторіи устройства колоній, я приступилъ къ работѣ и въ короткое время обработалъ весь матеріалъ, составилъ къ нему соотвѣтственныя таблицы и приступилъ къ печатанію какъ подворныхъ описей, такъ и результатовъ этихъ описей, мною сведенныхъ, снабдивъ ихъ общимъ обзоромъ и краткимъ изложеніемъ исторіи насажденія среди евреевъ земледѣлія мѣрами правительства. Шагъ за шагомъ были опровергнуты всѣ заявленія и выводы, къ которымъ пришелъ Случевскій; неопровержимыми цифрами доказана была неправильность данныхъ, на которыя онъ опирался. Цифры, приведенныя мною, подтверждались матеріалами, въ которыхъ имѣлось прямое указаніе на лицъ и на факты, опровергнуть которые не было никакой возможности. Выяснилось, что, несмотря на тяжелыя условія, среди которыхъ колонисты должны были работать въ безводной, безлѣсной степи, развитіе сельско-хозяйственной жизни въ колоніяхъ не только не отстаетъ отъ развитія русской деревенской хозяйственной жизни, но превосходитъ его; инвентарь—лучше, имѣются сельско-хозяйственныя машины, количество семействъ, занимающихся фактически земледѣліемъ, превосходитъ то число, которое было поселено, вслѣдствіе образовавшихся новыхъ хозяйствъ. Выяснилось, что причины неуспѣха колоній въ первое десятилѣтіе лежатъ въ способѣ казеннаго управленія, которому были подчинены колоніи, наконецъ, въ выборѣ самыхъ мѣстъ. Такъ, напримѣръ, екатеринославскія колоніи въ большинствѣ случаевъ устроены на безводныхъ пространствахъ; для нѣкоторыхъ колоній вода должна доставляться за 7-8 верстъ;

постройки казеннаго образца и типа были неудовлетворительны и т. д. Иначе говоря, собранный матеріалъ явно доказалъ всю неосновательность голословныхъ обвиненій чиновничьихъ докладовъ, составлявшихся не на основаніи фактическихъ данныхъ, а на основаніи отзывовъ мѣстныхъ властей.

Еврейскія земледѣльческія колоніи еще долго занимали вниманіе правительства; недоброжелательное отношеніе къ нимъ продолжалось, но послѣ сдѣланнаго обслѣдованія указанія на неудачу правительственнаго опыта были какъ бы сняты съ очереди. Когда впослѣдствіи для поддержки ходатайства колоній объ увеличеніи земельной площади, въ Петербургъ прибыла депутація, избранная самими колонистами изъ своей среды, то евреи-земледѣльцы вызвали удивленіе со стороны разныхъ сановниковъ, которые не могли себѣ представить еврея иначе, какъ бѣгающимъ по городу за какимъ-нибудь факторскимъ дѣломъ или занимающимся торговлей. Видъ здоровыхъ, плечистыхъ заправскихъ хлѣборобовъ, изобличавшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ отличіе отъ крестьянъ, интеллигентность, приводилъ многихъ въ изумленіе, какъ нѣчто невиданное и совершенно неожиданное. Книга, содержавшая подворную перепись и обработку матеріаловъ, издана была въ 1891 г., подъ названіемъ «Еврейскія земледѣльческія колоніи въ Екатеринославской губ. въ 1890 г.», причемъ авторство скрыто подъ псевдонимомъ Л. Улейникова (Бинштокъ — «улей»).

Моя работа была оцѣнена Бакстомъ и бар. Гинцбургомъ, и послѣдній рѣшилъ привлечь меня къ постояннымъ занятіямъ по еврейскому вопросу. Я былъ приглашенъ бар. Гинцбургомъ въ качествѣ какъ бы юрисконсульта его домовой конторы, и съ этого времени начались мои постоянныя сношенія съ бар. Гинцбургомъ по дѣламъ, касающимся евреевъ.

Къ этому времени С. С. Полякова уже не было, — онъ умеръ въ 1888 г., не было и А. М. Варшавскаго, умершаго почти одновременно съ Поляковымъ. А. М. Закъ лишь иногда по отдѣльнымъ вопросамъ принималъ участіе въ разрѣшеніи тѣхъ или другихъ текущихъ дѣлъ. Единственнымъ человѣкомъ, который какъ бы профессіонально слѣдилъ за правительственными настроеніями и раз-

ными предположеніями, которыя послѣ закрытія бывшей Паленской комиссіи готовились со стороны правительства въ отношеніи евреевъ, былъ Г. О. Гинцбургъ. Постояннымъ его сотрудникомъ и свѣдущимъ лицомъ былъ состоявшій у него на службѣ покойный Эммануилъ Борисовичъ Левинъ, бывшій учитель житомірскаго раввинскаго училища, одинъ изъ піонеровъ еврейскаго просвѣщенія въ Россіи, начавшій свою работу при Пироговѣ. Онъ былъ учителемъ Горація Гинцбурга, а съ переѣздомъ въ Петербургъ семьи Гинцбургъ Левинъ переселился въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ работалъ въ качествѣ секретаря по еврейскимъ дѣламъ у Евзеля, а потомъ у Горація Гинцбургъ. Я засталъ его въ 1890 г. уже глубокимъ старикомъ. Онъ былъ почти единственнымъ знатокомъ законодательства объ евреяхъ; онъ первый собралъ всѣ дѣйствующіе о нихъ законы и издалъ ихъ, на средства бар. Гинцбурга, въ видѣ особаго сборника, въ который включилъ и главнѣйшія, бывшія въ дѣйствіи циркулярныя распоряженія правительства, а также разъясненія Сената, примѣнявшіяся мѣстной властью. До него еще, также по инициативѣ бар. Гинцбурга, присяжный повѣренный и писатель Леванда (я уже не засталъ его въ Петербургѣ; онъ жилъ въ Екатеринославѣ, гдѣ практиковалъ въ качествѣ адвоката въ теченіе многихъ лѣтъ и умеръ въ началѣ этого столѣтія), напечаталъ извлеченныя изъ полнаго собранія законовъ — и расположенныя въ хронологическомъ порядѣ начиная съ Петра I всѣ опубликованныя Высочайшія повелѣнія и распоряженія относившіяся къ евреямъ; обширный томъ Леванды, имѣвшій около 1000 страницъ, былъ отличнымъ подспорьемъ для всякаго изучающаго исторію законодательства о евреяхъ. Сборникъ же Левина давалъ возможность легко оріентироваться въ дѣйствующихъ о евреяхъ постановленіяхъ.

Сотрудничая еще съ покойнымъ отцомъ бар. Горація Гинцбурга, Евзелемъ Гинцбургомъ, Левинъ былъ въ курсѣ всей предпринятой Гинцбургомъ работы, начиная съ 1862 г., когда Гинцбургомъ подана была вышедшая изъ подъ пера Левина записка о пересмотрѣ законовъ о евреяхъ и расширеніи ихъ правъ. Эта записка разослана была генералъ-губернаторамъ; ея аргументы дали нѣкоторое движеніе законодательству о евреяхъ, въ льготномъ смыслѣ, и положили начало благопріятному направленію правительствен-

ной политики шестидесятыхъ годовъ. Изъ подъ пера Левина вышли многочисленныя докладныя записки, которыя представлялись Гинцбургомъ въ разныя учрежденія. Особенно много работалъ онъ въ эпоху Паленской комиссіи, когда въ нее допущены были, такъ называемые, евреи эксперты, въ числѣ коихъ и баронъ Гинцбургъ.

Я засталъ Левина занятымъ усиленной работой по разнымъ обращеніямъ изъ провинціи объ оказаніи содѣйствія по ходатайствамъ отдѣльныхъ лицъ передъ центральными властями. Произволъ мѣстной администраціи распространялся широкою волною. Левинъ былъ въ постоянной перепискѣ съ раввинами и общественными дѣятелями въ провинціи. Въ началѣ 90-хъ годовъ онъ оставилъ службу у барона Гинцбурга, послѣ болѣе чѣмъ сорокалѣтней неустанной работы по борьбѣ за права евреевъ. Послѣднимъ его дѣломъ было приведеніе въ порядокъ богатаго и цѣннаго архива барона Гинцбурга. Глубокимъ старцемъ, но еще съ совершенно яснымъ умомъ, онъ усердно работалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ надъ собираніемъ матеріаловъ для изданія «Регестъ» предпринятаго Обществомъ Распространенія Просвѣщенія.

Въ началѣ этого столѣтія онъ умеръ «сытый годами», оставивъ послѣ себя яркій слѣдъ въ исторіи русскихъ евреевъ.

Я приступилъ къ работѣ съ барономъ Гинцбургомъ во всеоружіи знанія законовъ о евреяхъ и всѣхъ дополняющихъ эти законы циркуляровъ и сенатскихъ разъясненій. Скоро я убѣдился въ томъ, что наступила пора упорной борьбы за тѣ немногія права, которыя были признаны за евреями, что произволъ угрожаетъ уничтожить самую возможность существованія еврейской массы, если шагъ за шагомъ эти права не будутъ отстаиваться тѣми законными способами, которые еще оставались въ нашемъ распоряженіи. Надо было начать примѣненіе чисто юридическихъ методовъ, проявлять нѣкоторую изобрѣтательность въ аргументахъ для надлежащаго истолкованія законовъ, иногда неясныхъ, часто противорѣчивыхъ и всегда оставляющихъ мѣсто для толкованія въ смыслѣ новыхъ ограниченій. Надо было начать творить спеціальную еврейскую юриспруденцію, съ примѣненіемъ методовъ чисто талмудическихъ, въ которыхъ изощрялись впрочемъ

и чиновники, изобрѣтавшіе все новые способы утѣсненія еврейскаго населенія.

Первымъ дѣломъ, которое пришлось вести въ Сенатѣ, было дѣло по жалобѣ портного Кагана, проживавшаго въ Ораніенбаумѣ возлѣ Петербургѣ. Каганъ имѣлъ тамъ мастерскую, въ которой работалъ самъ. Онъ обшивалъ всѣхъ должностныхъ лицъ въ Ораніенбаумѣ, а приставу и исправнику онъ доставлялъ мундиры, изготовленные въ его мастерской, и конечно за слишкомъ сходную для заказчиковъ цѣну. Значитъ, не было никакого сомнѣнія, что Каганъ дѣйствительно портной, что онъ занимается своимъ ремесломъ и что поэтому онъ проживаетъ въ Ораніенбаумѣ на самомъ законномъ основаніи. Тѣмъ не менѣе онъ былъ предназначенъ къ выселенію изъ Ораніенбаума. Кто то нашелъ, что въ его свидѣтельствѣ на званіе ремесла имѣется дефектъ, а именно, въ томъ городѣ, откуда оно было получено и гдѣ до переселенія въ Ораніенбаумъ жилъ Каганъ, была не цеховая управа, а упрощенное ремесленное управленіе; между прочимъ, губернское правленіе нашло, что правомъ жительства внѣ черты осѣдлости можетъ пользоваться лишь тотъ ремесленникъ, который имѣетъ свидѣтельство цеховой управы. На этомъ основаніи оно отвергло право Кагана на проживаніе въ Ораніенбаумѣ, ему данъ былъ мѣсячный срокъ на выѣздъ изъ этого города, гдѣ онъ проживалъ болѣе 15 лѣтъ. Получивъ довѣренность отъ Кагана, который обратился за защитой къ бар. Гинцбургу, я подалъ жалобу въ Сенатъ. Съ большимъ трудомъ и путемъ сложныхъ юридическихъ аргументовъ, мнѣ удалось убѣдить Сенатъ, что правомъ жительства внѣ черты осѣдлости по закону пользуются евреи-ремесленники, если они занимаются ремесломъ, хотя бы у нихъ имѣлись свидѣтельства только упрощеннаго ремесленнаго управленія. Надо замѣтить, что во всей чертѣ осѣдлости имѣлось всего нѣсколько цеховыхъ управъ; во всѣхъ остальныхъ городахъ имѣлись лишь упрощенныя ремесленныя управленія. Такимъ образомъ, если бы Сенатъ не согласился съ моими доводами и призналъ бы, что для права жительства необходимо свидѣтельство цеховой управы, то надъ евреями ремесленниками въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ проживавшихъ въ разныхъ городахъ внутренней Россіи, разразилось бы колоссальное бѣдствіе; они были бы выселены.

Стремленіе выжить евреевъ-ремесленниковъ изъ внутреннихъ губерній много разъ проявлялось со стороны правительства; впослѣдствіи неоднократно дѣлались попытки побудить Сенатъ измѣнить свое рѣшеніе по дѣлу Кагана, и не малыхъ усилій стоило каждый разъ отражать надвигающееся бѣдствіе.

Конецъ перваго тома.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Petropolis Verlag A. G.
Berlin. Meineckestrasse 19

Maison du Livre Etranger
Paris. 9, Rue de l'Eperon